

Е. П. БЛАВАТСКАЯ
«Нет религии выше Истины!»

СЕРИЯ
«Белый Лотос»

СБОРНИК СТАТЕЙ
Эликсир Жизни

Москва
Издательство «Сфера»
1998

Содержание

От редакции

Пролог. Г.Митфорд. Эликсир жизни

Эгоистично ли желание жить?

Астрология

Нирвана

Будущий оккультист

Десять сефирот

**Примечание редактора к статье «Кама-лока и отношение
эзотерической доктрины к спиритуализму»**

Духовный рост

Факты и способность их осознания

Есть ли душа у животных?

«Разоблаченная Изида» и вишишта-адвайта»

Оккультная или точная наука

Древняя магия в современной науке

Египетская магия

Теории духов и перевоплощения

Китайские духи

Ожившие изваяния

Идолы и терафимы

«Теософские Махатмы»

Политеизм

Аватары

Посвящения

О циклах и нынешних заблуждениях

Классификация «принципов»

«Соединенные»

Приложение 1. Б.М.Цырков. Об авторе «Эликсира жизни»

Приложение 2. Т.Субба Роу. Созерцание

Приложение 3. Ф.Гартман. Теософская сказка

Е.П.Блаватская. Комментарий

Словарь иностранных слов и выражений

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий сборник продолжает собрание философской публицистики Е.П.Блаватской. В нем представлены статьи, написанные в 1884-1887 гг. и опубликованные в журналах «Theosophist» (Мадрас), «Lucifer» (Лондон) и «Path» (Нью-Йорк).

Необычной чертой этого сборника является то, что он открывается статьей, не принадлежащей перу самой Блаватской. Ее автором был ныне малоизвестный Годолфин Митфорд, вступивший на довольно короткое время в члены Теософского Общества на заре его существования. Однако его «Эликсир жизни», по словам Г.С.Олькотта, занимает «достойное место как одна из самых ценных статей в теософской литературе». И не случайно именно она открывает знаменитый сборник «Пять лет теософии», составленный Е.П.Блаватской как первый выпуск ученых трудов, представляющий теоретическую работу Теософского Общества за пять лет от его основания. Интересна уже история написания этой работы. Она была, по сути дела, инспирирована Е.П.Блаватской и в ходе ее написания Елена Петровна находилась рядом с автором. После выхода в свет эта весьма неординарная статья «привлекла к себе заслуженное внимание», но, вместе с тем, вызвала ряд недоуменных вопросов, что и побудило саму Блаватскую написать отклик «Эгоистично ли желание “жить”?»

В чем заключается различие между обычным человеком и оккультистом, какими способами можно ускорить процесс эволюции, какие пути и возможности использовались человечеством, как не ошибиться на этом пути, чем именно каждый может помочь себе самому, человечеству и миру, эгоистично ли желание индивидуальной эволюции — вот лишь примерный перечень вопросов, затрагиваемых Е.П.Блаватской в этой и других статьях, образующих этот сборник.

Написание этих статей приходится на период работы Е.П.Блаватской над главным трудом ее жизни — «Тайной Доктриной», что во многом определило широту и характер рассматриваемых вопросов. Кроме того это было время резкого обострения ситуации с внешним и внутренним положением созданного ею Теософского Общества, что также не могло оставить ее равнодушной. И все-же главная, самая важная тема — жизненная эволюция человека, как такового —

звучит, по существу, в каждой статье, каждом высказывании, да и каждом действии этого удивительного человека.

Торопитесь понять уже сейчас, ведь потом нужно будет действовать — убеждает она нас. Раскрывая перед читателем красоту Учения, даваемого ее Учителями, она неустанно обращает наше внимание на прошлый опыт и будущее развитие. Ее занимают не псевдо-ученые умствования и пустые разглагольствования на малоактуальные темы, а действенный, практический опыт развития всего многообразного существа человека, включая его дух, сознание, чувства и тело.

И сегодня ее слова: «Правильная мысль — это хорошо, но одна мысль немногого стоит, если не превращается в действие», звучат столь же насущно, как и сто лет назад. Попробуем же разобраться, как понимал вечные проблемы духовного и физического развития человека самый выдающийся оккультист нового времени.

Е.А.Логаева

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

Из дневника чела Г. Митфорда, члена Теософского Общества

И ходил Енох пред Богом; и не стало его,
потому что Бог взял его.

Быт., V, 24

Эта любопытная информация – ибо что бы о ней ни подумали, она, без сомнения, будет признана таковой – в нижеследующей статье заслуживает несколько слов в качестве вступления. Подробности, сообщаемые в ней относительно предмета, который всегда считался одной из величайших и наиболее строго охраняемых тайн посвящения в оккультизм со времен Риши вплоть до появления Теософского Общества, стали известны автору статьи благодаря обстоятельствам, которые показались бы обычному европейцу странными и

сверхъестественными. Однако мы уверяем читателя, что сам он наиболее законченный скептик по отношению к *сверхъестественному*, хотя узнал слишком много, чтобы ограничивать потенциальные возможности естественного, как это делают некоторые. Более того, он, по собственному убеждению, должен сделать следующее признание. Внимательное изучение фактов с очевидностью покажет, что если дело действительно обстоит так, как излагается в статье, сам автор не может быть Адептом высокой ступени, иначе статья *никогда не была бы написана*. Он и не претендует на это. Он – смиренный чела или, вернее, был им в течение нескольких лет, следовательно, должно также быть справедливым и то, что в отношении более высоких ступеней мистерии он не может обладать личным опытом и говорит об этом только как непосредственный наблюдатель, извлекий свои собственные выводы, и не более того. Поэтому он может смело заявить, что во время пребывания с некоторыми Адептами, несмотря на то, что оно, к сожалению, было довольно кратким, он с помощью опытов и наблюдений установил подлинность некоторых из менее трансцендентальных или начальных частей этого курса. И хотя ему будет невозможно дать положительное свидетельство того, что происходит в дальнейшем, он все же может сказать, что весь его собственный курс обучения, тренировка и опыт – длительные, трудные и опасные, как это было всегда, – ведут его к убеждению, что все в действительности соответствует сказанному, за исключением нескольких намеренно скрытых подробностей. По причинам, которые нельзя объяснить открыто, сам он может не желать или не быть в состоянии воспользоваться тайной, которую ему удалось узнать. Но все же тот, к кому он питает почтительную любовь и благодарность – его последний Гуру, – позволяет ему раскрыть на благо науки и человека (и в особенности на благо тех, кто имеет достаточно смелости, чтобы

самим произвести этот эксперимент) следующие поразительные особенности оккультных методов продления жизни до сроков, далеко превосходящих обычные.

Возможно, одним из первых соображений, которыми ныне руководствуются практичные люди, домогающиеся посвящения в теософию, является убеждение или надежда, что сразу же при вступлении в Теософское Общество кандидату будет предоставлено некое исключительное преимущество над остальными людьми. Некоторые даже думают, что окончательным результатом посвящения, возможно, станет избавление от смерти, которую называют обычным уделом всего человечества. Предание об "Эликсире жизни", которым, как говорят, обладают каббалисты и алхимики, в Европе все еще бережно хранится изучающими средневековый оккультизм. Аллегория *Аб-и-хайат*, или *Воды Бессмертия*, до сих пор считается фактом у вырождающихся остатков азиатских эзотерических сект, не знающих об истинной **Великой Тайне**. "Терпкая пламенная субстанция", с помощью которой Занони продлевал себе жизнь, продолжает зажигать воображение нынешних мечтателей как возможное научное открытие будущего.

С точки зрения теософии, хотя об истинности этого факта было ясно заявлено, вышеназванные концепции способа действий, ведущих к его осуществлению, *известны* как ошибочные. Читатель может этому верить или не верить; но, между прочим, теософы-оккультисты утверждают, что сообщаются с (живыми) сущностями, обладающими бесконечно более широким спектром наблюдения, чем представляется в самых возвышенных устремлениях современной науки и нынешними "адептами" Европы и Америки – дилетантами в "каббале". Но как бы глубоко эти высшие сущности ни исследовали (или, если угодно, якобы

исследовали) и в каких бы далях они ни искали с помощью логических выводов и аналогии, даже *им* не удалось обнаружить в бесконечности что-либо постоянное – кроме **пространства. Все изменяется.** Поэтому размышление легко подскажет читателю следующий логический вывод: во Вселенной, которая, по существу, непостоянна в своих условиях, ничто не может даровать постоянство. Следовательно, никакая субстанция, будь она даже извлечена из глубин бесконечности; никакой мыслимый набор препаратов на этой или любой другой земле, пусть он даже составлен Высочайшим Разумом; ни один образ жизни или дисциплина, пусть направляемая самым серьезным намерением и умением, совершенно неспособны быть непреложными. Ибо во Вселенной солнечных систем, где бы и как бы ее ни исследовали, непреложность вызывает к необходимости "небытие" в физическом смысле, как это понимают теисты, – небытие, которое есть *ничто* в узкой концепции *западного* религиозного фанатика – *reductio ad absurdum*.

Следовательно, станет понятно, что обычная идеалистическая концепция "бессмертия" не только по сути своей ошибочна, но и невозможна с материальной и метафизической позиций. Эта мысль, независимо от того, лелеют ли ее теософы или нетеософы, христиане или спиритуалисты, материалисты или идеалисты, есть сумасбродная иллюзия. Но реальное продление человеческой жизни возможно на период настолько долгий, что он может показаться чудесным или невероятным тем, кто считает срок существования непременно ограниченным максимум двумя сотнями лет. Оказывается, мы можем избежать удара, наносимого смертью, и вместо того чтобы умереть – сменить внезапное падение в темноту на переход к яркому свету. И это возможно сделать настолько постепенно, что переход от одного состояния существования к другому сведет до минимума все

шероховатости, так что будет практически неосязаем. Это совсем иная задача, которая вполне по плечу оккультной науке. Здесь, как и в других случаях, правильным образом направленные средства достигнут результата, а причины произведут следствия. Вопрос конечно же в том, что это за причины и как, в свою очередь, их необходимо произвести. Приподнять – насколько это возможно – завесу, скрывающую этот аспект оккультизма, и является целью настоящей статьи.

Мы должны начать, напомнив читателю о двух теософских доктринах, которые постоянно внушались в "Разоблаченной Изиде" и других работах по мистицизму, а именно: а) что в конечном итоге Космос – это *Единое*, единое целое в бесчисленных разновидностях и проявлениях, и б) что так называемый человек является "сложным существом" – сложным не только в экзотерическом научном смысле как скопление так называемых живых материальных частей, но также и в эзотерическом смысле как последовательность семи форм или частей самого себя, слитых друг с другом. Выражаясь яснее, мы могли бы сказать, что более эфирные формы всего лишь повторяют тот же самый аспект – более тонкая находится в межатомных промежутках предшествующей более плотной формы.

Мы хотели бы, чтобы читатель осознал, что в христианско-спиритуалистическом смысле они вовсе не являются тонкими и бесплотными. В зеркальном отражении физического человека в действительности находятся несколько человек или несколько частей одного сложного человека, где один является точным аналогом другого, но "условия расположения атомов" каждого из них, за неимением лучшего выражения, существуют таким образом, что его атомы пронизывают атомы ближайшей более плотной формы. Для нашей нынешней цели не имеет значения, как теософы, спиритуалисты,

буддисты, каббалисты или ведантисты подсчитывают, разделяют, классифицируют, располагают или называют эти формы, ибо эту войну терминов можно отложить до другого случая. Также неважна и связь между каждой из этих человеческих форм с различными "элементами" Космоса, частью которого она является. Это знание, хотя и чрезвычайно важное в других вопросах, в данный момент не нуждается в объяснении или обсуждении. Не более того нас также волнует и тот факт, что ученые отрицают существование такого устройства человека, поскольку их приборы не настолько совершенны, чтобы помочь их чувствам это увидеть. Мы просто ответим: "Создайте более точные приборы и улучшите чувства, и *в конечном счете* вы увидите".

Это все, что мы можем сказать сейчас. Если вы желаете испытать "эликсир жизни" и прожить тысячу лет или вроде этого, то вы должны поверить нам в этом вопросе и дальше рассуждать на основе этого допущения, ибо эзотерическая наука не дает ни малейшей возможности надеяться, что желанной цели можно достичь каким-либо иным путем; в то время как современная, или так называемая точная, наука это высмеивает.

Итак, мы достигли той точки, где мы решились – буквально, *не* метафорически – разбить внешнюю оболочку, известную как брeнная плоть, или тело, и выскользнуть из нее, облачившись в нашу следующую. Эта "следующая" есть не духовная, но лишь более эфирная форма. Приспособив ее к существованию в этой атмосфере в результате длительной тренировки и подготовки, во время коих мы постепенно умертвляли внешнюю оболочку посредством определенного процесса (намек на который содержатся ниже), мы должны подготовиться к этой физиологической трансформации.

Но как же сделать это? Прежде всего, мы должны заняться настоящим, видимым, материальным телом – человеком, так сказать, хотя фактически лишь его внешней оболочкой. Не будем забывать, чему нас учит наука: что почти каждые семь лет мы *меняем кожу*, и столь же эффективно, как и любая змея. Однако это происходит так постепенно и незаметно, что не убеди нас в этом наука после долгих лет неустанных изысканий и наблюдений, – то никто из нас не питал бы и тени подозрений на сей счет.

Более того, мы понимаем, что с течением времени любые порезы или поражения тканей тела, какими бы глубокими они ни были, зарастают и затягиваются; вместо содранной появляется новая кожа. Следовательно, если человек с частично содранной заживо кожей может подчас выжить и обрести новой кожей, так и наше астральное, витальное тело – четвертое из *семи* (притянув и ассимилировав в себя второе), которое является намного более эфирным, чем физическое, – может адаптировать свои частицы к атмосферным изменениям. Весь секрет кроется в том, чтобы суметь его выделить и отделить от видимого; и пока его обычно незримые атомы продолжают уплотняться, превращаясь в твердую массу, постепенно избавиться от старых частиц нашего видимого каркаса, чтобы они могли исчезнуть прежде, чем новая группа успеет развиться и заменить их...

Мы не можем сказать больше. Мария Магдалина не единственная, кого можно обвинить в видении "*семи духов*" внутри нее, хотя людей, у которых меньше духов (как неверно это слово!) внутри, не так уж мало и они не являются исключениями; они – частые ошибки природы, несовершенные мужчины и женщины¹. Каждая из этих оболочек, в свою

¹ Не следует понимать это так, что такие люди полностью лишены одного или нескольких из семи принципов: у человека, родившегося без руки, все же есть ее

очередь, должна просуществовать дольше предшествующей более плотной и затем умереть. Исключение составляет шестая, когда она поглощается *седьмой*, сливаясь с ней. *Дхату*² древнего индусского физиолога имеет двойное значение, эзотерическая сторона которого соответствует тибетскому зунгу (семи принципам тела).

У нас, азиатов, есть пословица, возможно переданная нам, которую индусы повторяют, не понимая ее эзотерического смысла. Она была известна с тех пор, как Риши свободно общались с простыми людьми и знатью, которых учили и увлекали за собой. Дэвы шепнули каждому на ухо: *ты один*, если пожелаешь, станешь "бессмертным". Соедините с ней высказывание западного писателя, что если бы любой человек хотя бы на мгновение осознал, что однажды умрет, он бы умер в тот же момент.

Просветленные увидят, что между этими двумя поговорками, если их правильно понимать, раскрыт весь секрет долголетия. Мы умираем только тогда, когда наша воля перестает быть достаточно сильной, чтобы заставить нас жить.

В большинстве случаев смерть наступает, когда мучение и истощение жизненных сил, сопровождающие стремительное изменение физического состояния, становятся настолько интенсивными, что ослабляют, всего лишь на одно мгновение, нашу "хватку за жизнь" или цепкость воли к существованию. Но до тех пор, как бы серьезна ни была болезнь, какой бы острой ни была боль, мы всего лишь больны или ранены в зависимости об обстоятельств. Это объясняет случаи внезапной смерти от радости, испуга, боли, горя или других подобных причин.

эфирный аналог; но принципы эти настолько инертны, что их невозможно развить, и, следовательно, они считаются несуществующими. – *Прим. Е.П.Б.*

² Семь основных субстанций человеческого тела: млечный сок, плоть, кровь, жир, кости, костный мозг и семя.

Ощущение завершенности жизненной цели, бесполезности своего существования, *испытываемое в сильной степени*, ведет к смерти так же неминуемо, как яд или пуля. С другой стороны, твердое убеждение продолжать жить, как известно, провело многих через кризис тяжелейших болезней совершенно благополучно.

Следовательно, прежде всего необходимо убеждение, воля, безусловная уверенность, что человек не умрет и будет продолжать жить³. Без этого все остальное бесполезно. И дабы служить действенным средством для избранной цели, она не должна быть только мимолетной, сиюминутной решимостью, единственным огненным, скоротечным желанием, но *неизменным, постоянным напряжением – в той мере, в какой его можно поддерживать и в какой на нем можно сосредоточиться, не ослабевая его ни на миг*. Одним словом,

³ Полковник Олькотт использовал афоризм для объяснения созидательной или, вернее, воссоздающей силы воли, в своем "Буддийском катехизисе". В нем он показывает, разумеется, говоря от лица южных буддистов, что эта воля к жизни, если не угасла в этой жизни, перенесется через бездну физической смерти и соединит *скандхи*, или набор качеств, формирующих индивида для новой личности. Следовательно, человек перевоплощается в результате своей собственной неудовлетворенной жажды объективного существования. Полковник Олькотт выражается следующим образом:

Вопрос 123: *...Что же тогда в человеке создает у него впечатление обладания постоянной индивидуальностью?*

Ответ: *Танха*, или неудовлетворенное желание существовать. Существо, совершившее то, за что оно должно быть награждено или наказано в будущем, и обладающее *танхой*, перевоплотится под влиянием кармы.

В. 124: *Что в человеке перевоплощается?*

О: Новое скопление скандх, или индивидуальность, причиной которой является последнее желание умирающего.

В. 128: *Какой причине нам следует приписывать различия в комбинации пяти скандх, из-за которых ни один человек не похож на другого?*

О: Карме человека в его ближайшей прошлой жизни.

В. 129: *Какова сила или энергия, которая действует, ведомая кармой, в создании нового существа?*

О.: *Танха* – воля к жизни.

стремящийся к бессмертию должен быть начеку день и ночь, охраняя свою сущность от себя самого. Жить, *жить*, жить – должно быть его непоколебимым решением. Он должен как можно меньше позволять себе отвлекаться от него. Можно было бы сказать, что это наиболее закоренелый эгоизм, который полностью противоположен нашему теософскому исповеданию человеколюбия, заботы о благе человечества и отсутствия личных интересов. Ну что же, с недальновидной позиции так оно и есть. Но чтобы творить добро, как и во всем другом, у человека *должны быть* время и средства, которые он мог бы использовать, и это необходимо для овладения силами, с помощью которых можно творить бесконечно больше добра, чем без них. Овладев ими, у него появятся возможности их применения, ибо наступает момент, когда дальнейший контроль и усилия более не требуются: после того как он благополучно минует поворотный пункт. На первых порах, поскольку мы имеем дело с кандидатами, а не продвинутыми *чела*, все, что поначалу абсолютно необходимо – это твердая, упорная решимость и просветленное сосредоточение на своей сущности. Однако не следует считать, что от кандидата требуется быть бесчеловечным или жестоким, забывая о других. Подобный безрассудный и эгоистичный путь принесет ему такой же ущерб, как и противоположный, где он бы тратил свою жизненную энергию на удовлетворение своих физических желаний. Все, что он него требуют – это чисто отрицательное отношение. Пока не достигнут поворотный пункт, он не должен "выкладывать" свою энергию со щедрой или горячей приверженностью к какой-либо цели, какой бы благородной, "благой" или возвышенной она ни была⁴.

⁴ На стр. 115 "Оккультного мира" м-ра Синнетта его корреспондент (Махатма Кут Хуми. - *Прим. ред.*), которого так оскорбляли, но еще больше сомневались в его существовании, уверяет его, что ни один из стоящих на его "ступени не стал еще подобен суровому герою "Занони" Бульвера... бессердечные, морально высохшие мумии, какими мы являемся в представлении некоторых людей..." и добавляет, что

Таковая, как мы можем со всей серьезностью уверить читателя, принесет ему воздаяние многими путями, может быть, в другой жизни, может, в этом мире, но то, что она будет вести к укорачиванию существования, которое, по желанию, должна продлевать, так же верно, как потакание своим желаниям и распутство. Вот почему очень немногие из истинно великих людей Земли (разумеется, о беспринципных авантюристах, применивших могучие силы во зло, не может быть и речи) – мученики, герои, основатели религий, освободители наций, лидеры-реформаторы – когда-либо становились членами долговечного "Братства Адептов", которых некоторые обвиняли в эгоизме в течение долгих лет. (И это также объясняет, почему от йогингов и факиров современной Индии, большинство из которых сейчас следуют по пути, но с традициями *мертвой буквы*, требуется, если они хотят, чтобы их считали соответствующими требованиям их профессии, выглядеть *совершенно умершими* для всех внутренних чувств или эмоций). Несмотря на чистоту их сердец, величие их устремлений, бескорыстное личное самопожертвование, они *не смогли бы жить, потому что пропустили тот час*. Возможно, временами они пользовались силами, которые мир называл чудесными; они могли придавать силу человеку и смирять природу горячей и верной волей; они могли обладать так называемым сверхчеловеческим разумом; они даже могли знать и общаться с членами нашего собственного оккультного Братства; но, нарочно приняв решение отдать свою жизненную энергию на благо других, а не тратить ее на

немногие из них "захотели бы играть в жизни роль засушенной фиалки, заложенной между страницами тома торжественной поэзии". Но наш Адепт сделал пропуск, не сказав, что одной или двумя ступенями выше ему придется подвергнуться на период в несколько лет такому процессу мумифицирования, разве что он добровольно откажется от работы, которую выполнял в течение всей жизни, и умрет. – Прим. Е.П.Б.

себя, они отказались от жизни; и умирая на кресте или на плахе, или падая на поле битвы с мечом в руке, или опускаясь в изнеможении после успешного завершения цели всей жизни на смертные одра в своих кельях, все они одинаково должны возопить: "Или, Или! лама савахфани?"⁵

Пока все хорошо. Но при наличии воли к жизни, какой бы сильной она ни была, мы видим, что при обычном течении земной жизни агонию смерти нельзя остановить. Отчаянная, вновь и вновь возобновляемая борьба космических элементов – стремление к изменению, – несмотря на волю, которая останавливает их, подобна паре неуправляемых коней, сопротивляющихся решительному вознице, что сдерживает их, в своей совокупности настолько могуча, что даже самые отчаянные усилия *нетренированной* человеческой воли, действующей *внутри неподготовленного* тела, становятся в конечном счете бесполезны. Бесподобное бесстрашие самого храброго солдата; проникновеннейшее желание страстного влюбленного; ненасытная жажда алчного скряги; не вызывающая ни малейшего сомнения вера самого рьяного фанатика; достигнутая с помощью тренировок нечувствительность к боли самого сурового краснокожего храбреца индейца или наполовину обученного йогина-индуса; наиболее взвешенная философия самого спокойного мыслителя – все равным образом в конце терпят поражение.

Действительно, скептики будут утверждать в противоположность истинам, высказанным в данной статье, что в жизни часто видят, как самые мягкие и нерешительные умы и физически слабые тела сопротивляются смерти дольше, чем могучая воля высокодуховного или упрямого в своем эгоизме человека и железный организм труженика,

⁵ "Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" (Мат., XXVII, 46). – *Прим. ред.*

воина и спортсмена. Но на самом деле ключ к секрету этих с виду противоречивых феноменов лежит в истинной концепции той самой вещи, о которой мы уже говорили. Если физическое развитие плотной внешней оболочки происходит параллельно и с одинаковым темпом по отношению к развитию воли, то само собой разумеется, что последняя не может приобрести *никакого преимущества*, чтобы одолеть ее. Получение улучшенных затворных механизмов одной из современных армий не дает ей полного превосходства, если они появятся также и у противника. Следовательно, те, кто задумывается над этим, сразу поймут, что большая часть тренировки, с помощью которой то, что называют "могучей и решительной натурой", совершенствуется ради своей собственной цели на сцене видимого мира, вызывая необходимость и являясь *бесполезной* без параллельного развития плотной и так называемой животной оболочки, короче говоря, нейтрализуется по отношению к обсуждаемой цели, потому что ее собственные действия вооружили противника точно таким же оружием. *Сила* импульса, ведущего к смерти, уравнивается противостоящей ей волей; накапливаясь, она преодолевает волю и в итоге торжествует. С другой стороны, возможно и такое, что явно нетвердая и нерешительная воля, живущая в слабом и неразвитом физическом теле, может настолько *усилиться* каким-либо нереализованным желанием – *иччха*, как его называют индусские оккультисты (например, мать, которая всем сердцем стремится жить ради детей, растущих без отца), что подавит и на короткое время одолеет физическую агонию тела, ненадолго взяв над ней верх.

Отсюда *логическим* обоснованием непрерывного существования в этом мире будет: а) развитие воли – настолько могучей, что она способна преодолеть наследственную (в дарвиновском смысле) склонность атомов, составляющих плотное материальное тело,

устремляться в определенный период к определенному руслу космических перемен и б) ослабить конкретные действия этой животной оболочки настолько, чтобы сделать ее более податливой для силы воли. Чтобы разбить армию, *вы должны ее деморализовать и расстроить ее ряды.*

Значит, это и есть подлинная цель всех обрядов, церемоний, постов, молитв, медитаций, посвящений и методов самодисциплины, предписываемых различными эзотерическими сектами, от того пути чистого и возвышенного устремления, что ведет к высшим ступеням Истинного Знания, до страшных и омерзительных испытаний, которым должен подвергнуться приверженец "темного пути", не теряя своей уравновешенности. У этих методов есть как преимущества, так и недостатки, ими пользуются как во благо, так и во зло, в них имеются неотъемлемые и второстепенные элементы, каждое по-своему скрывается, обладает своими ритуалами и лабиринтами. Но во всех них достигают намеченной цели, хотя и разными процессами. Волю укрепляют, подкрепляют, направляют, а элементы, мешающие ее действию, *деморализуют.* Для любого, кто продумал и связал между собой различные теории эволюции, взятые не из оккультных источников, а из обычных научных учебников доступных всем: от гипотезы последнего изменения в повадках видов, к примеру, развитие плотоядности у новозеландских попугаев, до глубочайших взглядов, устремленных назад в Пространство и Вечность, предлагаемых доктриной "Огненного Тумана", совершенно очевидно, что у них одна основа. Основой является то, что импульс, однажды приданный гипотетическому элементу, стремится к продолжению; и, следовательно, все "произведенное" чем-то в определенный период и в определенном месте влечет к повторению в ином времени и в иных местах.

Такова *признанная* подоплека наследственности и атавизма. Что к нашему обычному поведению применимо то же самое, явствует из пресловутого примера приобретения хороших или дурных привычек, который несомненно относится насколько к моральному и интеллектуальному, настолько и к физическому миру.

Далее, история и наука прямо заявляют нам, что некоторые физические привычки приводят к определенным нравственным и интеллектуальным результатам. Мир еще не видывал нации завоевателей-вегетарианцев. Даже во времена древних арийцев мы не находим, что те самые Риши, чьи традиции и практики служат нам для познания оккультизма, когда-либо удерживали касту кшатриев (воинов) от охоты или мясоедения. Заполняя определенное место в государстве в существующих земных условиях, Риши так же мало помышляли вмешиваться в их дела, как удерживать тигров в джунглях от следования своим инстинктам. Это не влияло на то, чем занимались сами Риши.

Поэтому стремящийся к долголетию должен остерегаться *двух опасностей*. Ему необходимо беречь себя в особенности от нечистых или животных⁶ мыслей. Ибо наука доказывает, что мысль динамична, и сила мысли, развитая нервной деятельностью, распространяясь наружу, должна влиять на молекулярную взаимосвязь в физическом человеке. *Внутренние люди*⁷, каким бы сублимированным ни был их организм, все еще состоят из реальных, а не *гипотетических* частиц и так же подвержены закону, по которому действие имеет тенденцию к повторению, тенденцию возобновлять аналогичное действие в более плотной оболочке, с коей они связаны и в коей сокрыты. А, с другой

⁶ Ведь, мысль имеет склонность вести к совершению поступка.

⁷ Мы используем множественное число, напоминая читателю о том, что в соответствии с нашей доктриной человек состоит из семи тел.

стороны, некоторые действия могут создавать неблагоприятные физические условия для чистых мыслей, то есть для состояния, необходимого для развития власти внутреннего человека.

Вернемся к практическому процессу. Нормальный здоровый ум в нормальном здоровом теле может послужить хорошим отправным пунктом. Хотя чрезвычайно сильные и самоотверженные натуры могут иногда отвоевать почву, утерянную в результате умственной деградации или физических злоупотреблений, используя правильные средства под руководством непоколебимой решимости, все же часто дело может пойти так далеко, что не хватит выносливости для поддержания противоречий настолько долго, чтобы увековечить эту жизнь; хотя то, что на Востоке называют "заслугой" усилия, поможет смягчить условия и улучшить дела в другой жизни.

Как бы это ни происходило, предписанный курс самодисциплины начинается здесь. Вкратце можно сказать, что по сути своей это курс морального, умственного и физического развития, следующих одновременно – одно бесполезно без другого. Физический человек должен стать более эфирным и чувствительным; умственный – более проницательным и мудрым; нравственный – более самоотверженным и философски мыслящим. Можно заметить, что любое чувство сдержанности, даже самопривнесенное, бесполезно. Не только вся "добродетель" – результат давления физической силы, угроз или взяток (материального или так называемого "духовного" порядка) – совершенно бесполезна человеку, проявляющему ее, с ее лицемерием способным отравлять моральную атмосферу мира, но и желание быть "добродетельным" или "чистым", быть действенным должно быть произвольным. Оно должно быть личным импульсом исходящим изнутри, подлинным предпочтением более возвышенного, а не

воздержанием от порока из-за боязни закона: не целомудрием, навязанным страхом общественного мнения; не благотворительностью, практикуемой из-за любви к похвале или страха последствий в гипотетической будущей жизни⁸.

В связи с доктриной тенденции повторения действий, которая была обсуждена выше, теперь станет понятно, что рекомендованный оккультизмом курс самодисциплины как единственный путь к долголетию *является не "фантастической"* теорией, имеющей дело с туманными "идеями", а настоящей научно разработанной системой тренировки. Это система, благодаря которой каждая частица нескольких человек, составляющих семиричного индивидуума, получает импульс и привычку делать то, что необходимо для определенных целей своей собственной свободной воли, и делать "с удовольствием".

Каждый должен быть научен и совершенен в том, что выполняется с удовольствием. Это правило в особенности касается примера развития человека. "Добродетель" может быть большим благом сама по себе — она может вести к самым грандиозным свершениям. Но для того чтобы стать деятельным, ее необходимо практиковать в бодром настроении, без неохоты или боли. Как следствие вышеуказанного соображения кандидат на долголетие, начиная свою карьеру, должен приступить к воздержанию от физических желаний, руководствуясь не сентиментальной теорией "правильно-неправильно", а следующей весомой причиной. Поскольку в соответствии с хорошо известной и в данное время утвердившейся научной теорией его видимая материальная оболочка постоянно обновляет свои частицы, то он, воздерживаясь от удовлетворения желаний, достигнет окончания

⁸ Полковник Олькотт ясно и кратко объясняет буддийскую доктрину заслуги, или кармы, в своем "Буддийском катехизисе" (Вопрос 83).

определенного периода, в течение которого частицы, которые составляли порочного человека, и которым была придана дурная склонность, покинут его. В то же время неиспользование таких функций будет способствовать блокированию входа новых частиц, имеющих тенденцию повторять указанные действия, на место старых. И в то время как это является *особым* следствием по отношению к определенным "порокам", общим результатом воздержания от "уплотненных" поступков будет (видоизменяя хорошо известный дарвиновский закон атрофии в результате неиспользования) постепенное уменьшение того, что мы можем назвать "относительной" плотностью и сцеплением внешней скорлупы (из-за меньшего использования молекул); в то время как убавление ее фактических составляющих компенсируется (как если бы она лежала на весах) увеличением пропуска более эфирных частиц.

Какие физические желания необходимо отставить и в каком порядке?

Прежде всего, кандидату необходимо прекратить употребление алкоголя в любой форме; ибо алкоголь, кроме того, что он не несет ни питательных веществ, ни непосредственного удовольствия (кроме сладости и аромата, который можно испытать пробуя вино, и т. д., где сам по себе алкоголь не является главным) даже самым плотным элементам физической оболочки, вызывает неистовство в действиях, стремительный бег жизни, напряжение которого могут вынести только самые инертные, простые и плотные элементы и который под управлением хорошо известного закона повторного действия (используя коммерческие термины закона "спроса и предложения") будет стремиться притягивать их из окружающей Вселенной, а следовательно, прямо препятствовать задуманной нами цели.

Далее следует мясоедение, и опять по той же самой причине, но в меньшей степени. Оно увеличивает скорость жизни, энергию действий, неистовство страстей. Это может быть полезным герою, которому предстоит сражаться и умереть, но не стремящемуся стать мудрецом, кто должен существовать и ...

Далее по порядку следуют сексуальные желания, так как они, кроме того, что отводят большое количество энергии (жизненной силы) в другие каналы многими различными способами, кроме основного (как, например, растрата энергии при ожидании, ревности, и т. д.), непосредственно притягивают определенное плотное качество первоначальной материи Вселенной просто потому, что наибольшее физическое удовольствие возможно лишь на этой ступени плотности.

Наряду с отказом от этих и других чувственных удовольствий (включающих не только желания, называемые обычно "порочными", но и все те, которые хотя обычно и считаются "невинными", все же имеют свойства потакать плотским удовольствиям, – наиболее безвредные для других и наименее "уплотненные" являются критерием для тех, от которых следует избавиться последними в каждом отдельном случае) необходимо совершать нравственное очищение.

Также не следует воображать, что "аскетизм", как его повсеместно понимают, может в большинстве случаев очень помочь ускорить процесс "эфмеризации". Этот фундамент обрушился под многими восточными эзотерическими сектами, а также является причиной их вырождения в дегенерирующие предрассудки. Западные монахи и восточные йогины, думающие, что достигнут апогея сил путем концентрации мысли на области пупка или стоя на одной ноге, практикуют упражнения, служащие ничему иному, кроме как укреплению силы воли, которая иногда применяется для самых подлых

целей. Это примеры однобокого и карликового развития. *Бесполезно поститься, пока есть потребность в пище.* Исчезновение желания употреблять пищу без ущерба здоровью – вот признак, указывающий, что пищу следует принимать в меньшем и постоянно уменьшающемся количестве до достижения крайнего предела, способного поддерживать жизнь. В конечном итоге будет достигнута ступень, где единственной необходимостью станет вода.

Кроме того, в стремлении к долголетию бесполезно удерживаться от распущенности, пока она владеет сердцем; то же и со всеми прочими неудовлетворенными заветными томлениями. Самое главное – избавиться от внутреннего желания; а подражать реальному поступку, не сделав этого по существу – это лишь неприкрытое лицемерие и лишние путы.

Точно так же следует действовать с нравственным очищением сердца. Самые "низменные" наклонности должны исчезнуть первыми, затем все остальные. Сперва алчность, затем страх, зависть, мирская гордость, несострадание, ненависть; последней одна за другой уходят амбиция и любопытство. Укрепление более эфирных и так называемых "духовных" частей человека должно осуществляться одновременно. Размышляя от известного к неизвестному, необходимо практиковать и поощрять медитацию. Медитация есть неизреченное страстное желание внутреннего человека "устремитесь в Беспредельность", что в стародавние времена являло собой истинный смысл преклонения, но у которой сейчас нет синонима в европейских языках, ибо медитации на Западе больше не существует, а слово, обозначавшее ее, было искажено до выдуманного притворства, известного как молитва, восславление и покаяние. Через все ступени тренировки необходимо сохранять уравновешенность сознания – убежденность того, что все в Космосе

должно быть в порядке, как и с *вами*, его частью. Процесс жизни по возможности не следует ни торопить, ни замедлять; поступив иначе, вы можете принести благо другим, возможно, даже себе в иных сферах, но это ускорит ваш конец в этой.

Также не стоит пренебрегать внешними элементами на первой ступени. Помните, что Адепт, хотя его "существование" и внушает обычным умам идею того, что он бессмертен, все же уязвим для сил, приходящих извне. Тренировка для продления жизни сама по себе не страхует от несчастных случаев. При физической подготовке все еще можно пострадать от удара меча, болезни или яда. Этот случай очень четко и красиво описан в "Занони", и представлен он правильно и должен быть именно таким, иначе все "адептство" есть беспочвенная ложь. Адепт может быть более защищен от обычных опасностей, чем обычный смертный, но он находится в таком положении благодаря своему превосходящему знанию, спокойствию, хладнокровию и проницательности, которые помогли ему приобрести его продленное существование и необходимые сопутствующие обстоятельства, а вовсе не какой-то запас силы в самом процессе. Он в безопасности, насколько человек с ружьем находится в большей безопасности, чем голый павиан; но не в безопасности в том смысле, когда думают, что Дэва (Бог) более защищен, чем человек.

Если это так по отношению к Адепту высокой ступени, насколько же неопиту более необходимо быть не только защищенным, но и самому использовать все возможные средства, чтобы обеспечить себе необходимую продолжительность жизни для завершения процесса овладения феноменом, который мы называем смертью! Можно спросить: почему его не защищают более продвинутые Адепты? Возможно, они это и *делают* до некоторой степени, но ребенок должен

научиться ходить без посторонней помощи; лишить его зависимости от своих собственных усилий в отношении безопасности – значит разрушить элемент, необходимый для его развития, – чувство ответственности. Какая отвага или мужество потребуется от человека, посланного сражаться, если он вооружен неотразимым оружием и облачен в непробиваемую броню? Поэтому неопит должен попытаться, насколько это возможно, исполнить каждый истинный канон гигиены, прописанный современными учеными. Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, легкие упражнения, упорядоченное время, приятные занятия и окружение – все они, даже если и не обязательны, все же служат его развитию.

Именно чтобы создать себе такие условия, какие могут дать безмолвие и уединение, боги, мудрецы, оккультисты всех веков уединялись, насколько это было возможно, в тихие уголки своей страны, прохладную пещеру, лесную глушь, простор пустыни, горные высоты. Разве это не наводит на мысль о том, что Боги все время любили "возвышенные места" и что сегодня верховная часть оккультного Братства на Земле живет на самом высокогорном плато планеты?⁹

Также новичок не должен пренебрегать помощью медицины и правильной диеты. Он все еще обычный смертный и нуждается в помощи такого же обычного смертного. "Однако предположим, что все требуемые условия или те, которые будут пониматься как требуемые

⁹ Строгий запрет евреям совершать обряды для "своих богов на высоких горах и холмах" прослеживается до нежелания их древних старейшин позволять людям, в большинстве случаев не готовых к ступени Адепта, выбрать жизнь безбрачия и аскетизма или, иными словами, стремиться ее достичь. В этом запрете лежал эзотерический смысл до тех пор, пока он не стал запретом, невразумительным в буквальном смысле: ибо Индия не единственная страна, чьи сыны оказывали божественные почести Мудрым, а все нации считали своих Адептов и Посвященных божественными.

(поскольку особенности и разнообразия необходимого режима слишком многочисленны, чтобы их здесь перечислять), исполнены – каким будет следующий шаг?" – спросит читатель. Что же, если не происходило никаких рецидивов или небрежности в указанных действиях, то последуют физические результаты.

Во-первых, неопит получит больше удовольствия от чистого и духовного. Постепенно грубая и материальная деятельность станет не только нежеланной и запретной, но просто и в буквальном смысле отталкивающей для него. Он станет испытывать больше удовольствия в простых ощущениях, получаемых от природы, – то чувство, которое человек помнит из детства. Ему станет легче на сердце, появится ощущение уверенности и счастья. Пусть он остерегается, чтобы чувство заново начавшейся молодости не сбило его с пути, иначе он рискует пасть в свою прежнюю более низменную жизнь и даже в еще большую бездну. "Действие равно повторному действию".

Далее у него начнет пропадать желание употребления пищи. Пусть его отпускают постепенно – голодания не требуется. Употребляйте то, что вы считаете необходимым. Желанная пища будет самой чистой и простой. Обычно наилучшими станут фрукты и молоко. Затем, поскольку до сих пор вы упрощали качество вашей пищи, постепенно, очень постепенно, насколько вы можете это делать, уменьшите ее количество. Вы спросите: "Может ли человек существовать без пищи?" Нет, но прежде чем вы посмеетесь над этим, задумайтесь о природе процесса, на который указывалось. Общеизвестно, что у многих самых низших и простейших организмов отсутствует функция испражнения. Ришта¹⁰ хороший тому пример. У нее довольно сложный организм, но отсутствует выводящий тракт. Все, чем она питается – наиболее бедные

¹⁰ Паразитический червь класса нематод. – *Прим. ред.*

субстанции человеческого тела, – используется для ее роста и размножения. Живя в человеческой ткани, она не вводит в нее переваренную пищу. Человек-неофит на определенной стадии развития отчасти находится в аналогичных условиях, лишь с той разницей или разнициами, что его функция испражнения действует, но через поры кожи, через которые также проходят эфемеризованные частицы материи, чтобы способствовать его поддержке¹¹. Иными словами, всей пищи и воды хватает лишь, чтобы поддерживать в равновесии те плотные части его физического тела, которые все еще остаются для восстановления выделения эпидермиса посредством крови. Позже процесс развития клеток в его оболочке претерпит изменение; изменение к лучшему, обратное этому изменение к худшему происходит при болезни – он *весь* станет живым и чувствительным и будет извлекать питание из эфира (акаши). Но этот период у нашего неофита еще далеко впереди.

Возможно, задолго до того, как наступит этот период, появятся другие результаты, которые покажутся непосвященному не менее удивительными, чем невероятными, и дадут нашему неофиту мужество и утешение в его трудной задаче. Было бы трюизмом повторять то, о чем говорили снова и снова (не зная *реальной* подоплеки) сотни и сотни писателей относительно счастья и удовлетворения, даруемых чистой и непорочной жизнью. Но часто в самом начале процесса происходит какой-нибудь реальный физический результат, который неофит не ожидал и о котором не задумывался. Затяжная болезнь, до сих пор считавшаяся неизлечимой, может отступить; или он сам может развить в себе целительные гипнотические силы; или же его может привести в восхищение неведомое прежде обострение чувств. *Причина* этих

¹¹ Он находится в стадии, схожей со стадией эмбриона перед рождением.

явлений, как мы уже сказали, не трудна для понимания и не является чудом. Во-первых, внезапное изменение в направлении жизненной энергии (которую, как бы мы ни рассматривали эту энергию и ее происхождение, признают все школы философии как редчайшую и движущую силу) должно произвести некоторые результаты. Во-вторых, теософия показывает, как мы прежде заметили, что человек состоит из нескольких тел, проникающих друг в друга, и в соответствии с этим взглядом (хотя и очень трудно выразить эту идею словами) будет только естественно, что поступательная эфемеризация наиболее плотного и грубого должна сделать более свободными остальные. Эскадрон может быть остановлен толпой и с большим трудом пробиваться через нее; но если каждый из толпы мог бы внезапно стать призраком, то мало что могло бы его сдерживать. И поскольку каждая внутренняя сущность более разреженная, активная и летучая, чем предыдущая, и каждая связана с различными элементами, пространствами и свойствами космоса, о которых трактуют в других статьях по оккультизму, разум читателя может представить – хотя перо автора не могло бы выразить это и в десяти томах – великолепные возможности, постепенно раскрывающиеся перед неофитом.

Неофит может воспользоваться многими из указанных возможностей для собственной безопасности, забавы или блага окружающих; но то, как он это делает, приспособлено к его подготовке – *часть испытания, которое он должен пройти*, и злоупотребление этими силами, разумеется, приведут к их потере как естественному результату. *Иччха* (или желание), заново вызванное открывающимися перспективами, замедлит или отбросит назад его продвижение.

Но есть другая часть Великой Тайны, на которую мы должны указать и которую *сейчас*, в первый раз в долгой цепи веков, позволяют

раскрыть миру, поскольку час для этого настал. Образованному читателю не стоит напоминать, что одно из великих открытий, сделавших имя Дарвина бессмертным, – это закон, что у организма всегда присутствует склонность повторять в аналогичный период своей жизни действия родителей, все более точно и полно по отношению к их близости на шкале жизни. Одно из следствий отсюда – то, что, в общем, живые существа обычно умирают в том возрасте (в среднем), в котором умирают их родители. Верно то, что существует огромная разница между *фактическим* возрастом, когда умирают представители любого вида. Болезнь, несчастные случаи и голод – основные причины, приводящие к смерти. Но в каждом виде существует хорошо известный предел, внутри которого лежит жизнь расы, и неизвестно, чтобы один из представителей прожил дольше него. Это применимо к человеку в такой же степени, как и к другим видам. Предположим, что человек с обычным телом следовал всем возможным гигиеническим нормам и избежал всех несчастных случаев и болезней, но в каком-нибудь особом случае все же настанет время, как это известно врачам, когда частицы тела почувствуют наследственную склонность сделать то, что неизбежно ведет к смерти, *и подчинятся ей*. Любому мыслящему человеку будет очевидно, что если однажды *полностью миновать* каким-нибудь образом этот климактерический период, последующая опасность "смерти" будет в равной пропорции уменьшаться по прошествии времени. Это, то, чего обычные, нетренированные ум и тело не могут сделать, иногда возможно для разума и оболочки того, кто был специально подготовлен. У него присутствует меньшее количество более плотных частиц, чувствующих наследственную предрасположенность, что является помощью усилившегося "внутреннего" человека (чье обычное существование всегда намного дольше даже в случае естественной смерти) видимой внешней оболочке

и есть также натренированная и непреодолимая воля, чтобы направлять и владеть и тем и другим¹².

Начиная с того времени направление, в котором продвигается кандидат, проясняется. Он покорил "Стража Порога" – наследственного врага своей расы, и хотя все еще не защищен от все новых опасностей на пути своего продвижения к нирване, победа окрашивает его щеки румянцем, и с новой уверенностью и новыми силами, чтобы вновь добиться ее, он может упорно двигаться вперед, к совершенству.

Следует помнить, что природа везде действует в соответствии с законом и что процесс очищения, который мы описываем в видимом материальном теле, также происходит во внутренних телах, невидимых ученому, в своих видоизмененных формах. Все изменяется, и метаморфозы более эфирных тел копируют, хотя и в геометрически возрастающей длительности, развитие более плотного тела, приобретая все более широкий спектр связей с окружающим космосом, пока в нирване наиболее разреженная индивидуальность не сливается в конечном итоге с **беспределельным целым**.

Из вышеуказанного описания процесса следует вывод, почему Адептов так редко видят в обычной жизни; ибо наряду с эфемеризацией

¹² В этой связи мы можем показать, что говорит современная наука, и в особенности физиология, о силе человеческой воли. "Сила воли – это мощный элемент, обуславливающий долголетие. Единственное положение, которое должно быть допущено без каких-либо споров, – что из двух человек во всех остальных отношениях похожих и находящихся в одинаковых обстоятельствах, проживет дольше тот, у которого больше мужества и твердости. Нет нужды долго работать врачом, чтобы понять: умирают люди, которые могли бы жить, если бы решились на это, и мириады инвалидов могли бы окрепнуть, если бы у них имелась своя или приобретенная воля пообещать себе, что они таковыми станут. Те, кто лишены остальных качеств, способствующих жизни, чьи органы почти все поражены болезнью, для кого каждый день мучение, кто окружен обстоятельствами, сокращающими жизнь, – всё же живут одной только силой воли". – Прим. д-ра Дж. М. Бирда.

своих тел и развитием сил возрастает во все большей степени неприязнь и, так сказать, "презрение" к обычным мирским делам. Подобно беглецу, благополучно избавившемуся от мешающих ему предметов, начиная с самых тяжелых, кандидат, избегающий смерти, оставляет все, за что последняя может ухватиться. В поступательном отрицании помогает все, от чего избавляются. Как мы сказали прежде, Адепт не становится "бессмертным", как обычно понимают это слово. К тому времени когда граница смерти его расы пройдена, он *действительно мертв* в обычном смысле – он освободился от всех или почти всех материальных частиц, которые при распаде непременно повлекли бы агонию умирания. Он умирал постепенно, в течение всего периода своего посвящения. Развязка не может происходить дважды. Он просто растянул на ряд лет постепенный процесс умирания, который у других длится от краткого мгновения до нескольких часов. Высочайший Адепт фактически мертв для мира и не замечает наш мир: он не обращает внимания на свои удовольствия, его не волнуют свои невзгоды в духе сентиментальности, ибо неумолимое чувство **долга** никогда не позволяет ему забыть о самом его существовании. Новые эфирные чувства, открывающие более широкие сферы, относятся к нашим во многом так же, как последние к бесконечно малому. Возникают новые желания и удовольствия, новые опасности и препятствия с новыми ощущениями и восприятиями; и далеко внизу в тумане, буквально и образно, лежит наша маленькая грязная Земля, оставленная позади теми, кто на деле "покинул ее, чтобы присоединиться к богам".

И из этого также станет понятно, насколько глупо ведут себя люди, которые просят теософов "поспособствовать их сообщению с высочайшими Адептами". Только с величайшим трудом можно сподвигнуть кого-либо из них нарушить собственное продвижение

вмешательством в мирские дела. Рядовой читатель скажет: "Это не *богоподобно*. Это верх эгоизма..." Но пусть он поймет, что Адепт, стоящий на очень высокой ступени, беря на себя труд изменения мира, непременно должен будет подвергнуться воплощению. Но является ли результат всего того, что уже делалось, достаточно обнадеживающим, чтобы побудить к повторной попытке?

Глубокое обдумывание всего написанного нами даст теософам представление, что они требуют, прося предоставить возможность *практического* овладения "высшими силами". Ну что же, здесь – выражаясь настолько ясно, насколько это способны передать слова – **путь...** Способны ли они ступить на него?

Не следует скрывать, что неожиданные для простого смертного опасности, соблазны и враги также преграждают путь неопита. И не ради прихоти, а по той простой причине, что он, на деле приобретающий новые чувства, еще не имеет опыта их использования и никогда прежде не видел того, что видит теперь. Человек, рожденный слепым и внезапно наделенный зрением, не сразу поймет относительность расстояния и, подобно ребенку, в одном случае может вообразить, что достанет луну, а в другом схватит тлеющий кусок угля с самой безрассудной уверенностью. А что, позвольте спросить, может компенсировать это отрицание всех удовольствий жизни, хладнокровный отказ от всех земных интересов, это преследование неизвестной цели, кажущейся все более и более недостижимой? Ибо, в отличие от некоторых антропоморфных учений, оккультизм не предлагает своим приверженцам вечно незыблемый рай материальных удовольствий, в котором человек сразу же очутится, стремительно перескочив через могилу. Как часто оказывалось на практике, многие были бы готовы умереть прямо *сейчас* ради рая в загробной жизни. Но

окультизм не предлагает такой перспективы дешевого и сразу же обретаемого безмерного удовольствия, мудрости и существования. Он только обещает их продление, простирающееся через последовательные арки, последовательно скрытые завесами, в беспрерывно восходящем ряду вдоль длинной аллеи, ведущей к **нирване**. Это продвижение также обусловлено необходимостью того, что новые силы подразумевают новую ответственность и что способность получать большее удовольствие подразумевает возрастающую чувствительность к боли.

Единственный ответ, который можно дать на это, имеет две стороны: 1) осознание силы само по себе есть наиболее утонченное удовольствие и беспрестанно удовлетворяется в продвижении вперед новыми средствами ее применения и 2) как уже было сказано – **это** единственный путь, где существует малейшая научная вероятность, что можно избежать смерти, обрести вечную память, приобрести абсолютное знание и возможность огромной помощи человечеству, как только Адепт благополучно пройдет поворотный пункт.

Физическая и метафизическая логика требует и утверждает тот факт, что часть может познать целое только через постепенное проникновение в Бесконечность; и если *сейчас что-то* может лишь чувствовать, знать и наслаждаться Всем, то для затерявшегося в Абсолютном Целом, в вихре этого *Неизменного Круга*, где наше Знание становится Невежеством, само это Всё отождествляется с **Ничем**.

Статья была опубликована в сборнике "Five Years of Theosophy", London, 1885; на русском языке – Блаватская Е. П. Эликсир жизни. – М., Сфера, 1998. С. 7-32. Пер. В. И. Мызникова.

ЭГОИСТИЧНО ЛИ ЖЕЛАНИЕ «ЖИТЬ»?

Фраза «Жить, *жить*, **жить** — должно быть его непоколебимым решением» — из статьи «Эликсир жизни»¹³, опубликованной в мартовском и апрельском номерах III-го тома (1882) «Theosophist», часто цитируется поверхностными читателями, не симпатизирующими Теософскому Обществу, в качестве аргумента в пользу того, что вышеупомянутое учение является самой концентрированной формой эгоизма. Чтобы установить, правы или неправы критики, сперва необходимо уточнить значение слова «эгоизм».

Согласно утвердившемуся мнению, эгоизм — это исключительная забота о собственных интересах и счастье, величайшая любовь к себе и предпочтение самого себя, которая побуждает человека направлять всю свою волю на достижение собственного интереса, власти или счастья, без учета таковых других людей.

Короче говоря, абсолютно эгоистичный индивидуум — это тот, кто заботится только о себе или, иными словами, тот, кто настолько преисполнен сознанием важности собственной персоны, что оно является для него верхом всех его мыслей, желаний и устремлений, а все остальное не имеет совершенно никакого смысла. Так можно ли назвать «эгоистичным» оккультиста, если он хочет *жить* в том смысле, в котором это слово использовано автором статьи «Эликсир жизни»? Уже неоднократно говорилось, что конечною целью каждого стремящегося к оккультным знаниям является *нирвана* или *мукти*, когда индивидуум, освобожденный от всех *майявических упадхи*, становится единым с *Параматмой*, или, в христианской терминологии, Сын отождествляется с Отцом. Для этого любой покров иллюзии, создающий чувство личной

¹³ «Эликсир жизни» — см. Блаватская Е.П. Напутствие бессмертным. — М., Сфера, 2004. С. 407—432.

изолированности и ощущение отделенности от **всего**, должен быть разорван — иначе говоря, претендент должен постепенно избавиться от всякого эгоизма, под влиянием которого находимся мы все, в большей или меньшей степени.

Закон Космической Жизни учит, что чем выше эволюция, тем более стремится она к Единству. Действительно, Единство — это наивысшая возможность природы, и те, кто из тщеславия или эгоизма идут наперекор ее целям, не могут не навлечь на себя наказание в виде полного уничтожения. Таким образом, оккультист сознаёт, что бескорыстие и чувство всеобщей филантропии являются неотъемлемым законом нашего существования, и все, что он делает, направлено к тому, чтобы разорвать цепи эгоизма, созданные вокруг всех нас *майей*. Поэтому борьба между Добром и Злом, Богом и Сатаной, *Сурами* и *Асурами*, *Дэвами* и *Дайтьями*, которая упоминается в священных книгах всех народов и рас, символизирует битву бескорыстных и эгоистических импульсов, происходящую в человеке, старающемся следовать высшим целям природы до тех пор, пока низшие животные стремления эгоизма не будут полностью побеждены и враг не будет полностью изгнан и уничтожен. В различных теософских и других оккультных трудах часто подчеркивается, что единственное различие между обычным человеком, работающим в ходе космической эволюции заодно с природой, и оккультистом состоит в том, что последний, благодаря своему высшему знанию, использует такие методы обучения и дисциплины, которые ускоряют эволюцию, и поэтому он за сравнительно короткое время достигает той вершины, восхождение к которой у обычного индивидуума может занять миллиарды лет. Короче говоря, за несколько тысяч лет он приблизится к той форме эволюции,

которой большинство человечества достигнет, вероятно, в шестом или седьмом круге в процессе *Манвантары*, то есть циклического развития.

Совершенно очевидно, что средний человек не может стать Махатмой за одну жизнь, или, точнее, за одно воплощение. Изучавшие оккультные учения относительно *дэвакхана* и наших посмертных состояний вспомнят, что между двумя воплощениями бывает значительный период субъективного существования. Чем больше число таких *дэвакханических* периодов, тем на большее число лет растягивается эволюция. Поэтому главной целью оккультиста является такое управление самим собою, когда достигается способность контролировать свои будущие состояния и тем самым постепенно укорачивать продолжительность своих *дэвакханических* состояний между воплощениями. По мере развития приходит время, когда между физической смертью и следующим рождением нет *дэвакхана*, а лишь разновидность духовного сна, шок смерти, как бы оглушающий человека до состояния бессознательности, от которого он постепенно приходит в себя, чтобы обнаружить, что родился вновь, продолжая движение к цели. Продолжительность этого сна может варьироваться от 25 до 200 лет в зависимости от степени его продвижения. Но даже и этот период — можно сказать, потеря времени, и потому все усилия направляются на сокращение его продолжительности и постепенное приближение к той точке, когда переход из одного состояния существования в другое почти незаметен. Это его последнее воплощение как таковое, ибо шок смерти больше не оглушает его. Именно эту идею и стремится передать автор статьи «Эликсир жизни», когда говорит:

К тому времени, когда граница смерти его расы пройдена, он *действительно мертв* в обычном смысле — он освободился от всех или почти всех материальных частиц, которые при распаде непременно повлекли бы агонию умирания. Он умирал постепенно, в течение всего

периода своего посвящения. Развязка не может происходить дважды. Он просто растянул на ряд лет постепенный процесс умирания, который у других длится от краткого мгновения до нескольких часов. Высочайший Адепт фактически мертв для мира и не замечает наш мир: он не обращает внимания на свои удовольствия, его не волнуют свои невзгоды в духе сентиментальности, ибо неумолимое чувство **долга** никогда не позволяет ему забыть о самом его существовании.

Процесс испускания и притяжения атомов, контролируемый оккультистами, подробно рассматривается и в этой статье, и в других работах. Именно этим способом Адепт постепенно освобождается от старых грубых частиц своего тела, заменяя их на более тонкие и эфирные, пока, наконец, прежняя *стхулашарира* окончательно не умрет и не разрушится и он не станет жить в теле, полностью созданном им самим, подходящим для его работы. Это тело существенно важно для его целей, ибо, как говорится в «Эликсире жизни»:

Но чтобы творить добро, как и во всем другом, у человека *должны быть* время и средства которые он мог бы использовать, и это необходимо для овладения силами, с помощью которых можно творить бесконечно больше добра, чем без них. Овладев ими, у него появятся возможности их применения...

В другом месте, давая практические рекомендации того же назначения, в той же статье говорится:

Физический человек должен стать более эфирным и чувствительным; умственный — более проникательными мудрым; нравственный — более самоотверженным и философски мыслящим.

Приведенные выше важные соображения упускаются из виду теми, кто вырывает из контекста следующий фрагмент той же самой статьи:

И из этого также станет понятно, насколько глупо ведут себя люди просящие теософов «поспособствовать их сообщению с высочайшими

Адептами». Только с величайшим трудом можно сподвигнуть кого-либо из них нарушить собственное продвижение вмешательством в мирские дела. Рядовой читатель скажет: «Это не *богоподобно*. Это верх эгоизма...» Но пусть он поймет, что Адепт стоящий на очень высокой ступени, беря на себя труд изменения мира, непременно должен будет подвергнуться воплощению. Но является ли результат всего того, что уже делалось достаточно обнадеживающим, чтобы побудить к повторной попытке?

Итак, в осуждении данного абзаца, как насаждающего эгоизм, поверхностные читатели и мыслители упускают из виду некоторые существенные соображения. В первую очередь, они забывают другие, уже процитированные отрывки, где *самоотречение* выдвигается как необходимое условие успеха и говорится, что с развитием обретаются новые чувства и новые силы, посредством которых может быть сделано бесконечно больше добра, нежели без оных. Чем более духовным становится Адепт, тем менее он может вмешиваться в *мирские, обыденные* дела и тем в большей степени он должен ограничиваться работой духовной.

Нужно повторять бесчисленное количество раз, что работа на духовном плане настолько выше работы на интеллектуальном плане, насколько работа на интеллектуальном плане выше таковой на физическом. Поэтому *очень Высокие* Адепты действительно помогают человечеству, но *только духовно*. Они не имеют права вмешиваться в *мирские* дела. Но это относится только к Высочайшим Адептам. Существуют различные уровни адептства, и на каждой ступени Адепты трудятся во имя человечества на тех планах, до которых они поднялись. Только *чела* могут жить в мире, пока не достигнут определенной ступени. И именно потому, что *Адепты действительно* заботятся о мире, они поручают *своим чела* жить в мире и работать для него, что сознают многие из тех, кто изучает предмет.

Каждый цикл порождает своих оккультистов, которые смогут работать для человечества на разных планах. Когда же Адепты предвидят, что в какой-то определенный период человечество будет неспособно произвести оккультистов для работы на определенных планах, то в таких случаях они либо добровольно отказываются от своего дальнейшего развития, ожидая на определенной ступени, когда человечество достигнет этого момента, либо отказываются вступить в *нирвану* и воплощаются в такое время, чтобы достичь соответствующих ступеней тогда, когда человечеству понадобится их содействие на этой стадии. И хотя мир может ничего не знать об этом, все же даже и теперь есть несколько Адептов, которые предпочли сохранить *status quo* и отказаться взойти на более высокие ступени ради будущих поколений человечества.

Короче говоря, поскольку Адепты трудятся гармонично, ибо единство является фундаментальным законом их бытия, они создали, так сказать, разделение труда, согласно которому каждый работает на плане, назначенном ему на данное время, ради духовного роста всех нас — и процесс долголетия, упомянутый в «Эликсире жизни», является только средством для достижения цели, которая, будучи далекой от эгоистичности, является самой бескорыстной из всех целей, во имя которых может трудиться человеческое существо.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 10 (58), July, 1884, p. 242—243; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 33—39. Пер. В.С.Зуевой.

АСТРОЛОГИЯ

В последнем номере появился обзор труда по основам астрологии. В связи с этим может быть бесполезно сказать несколько слов о предмете как таковом. Распространено представление, что планеты и звезды оказывают на судьбу человека определенное влияние, которое может определить наука астрология, в распоряжении которой есть средства, чтобы умиротворить «зловещие звезды». Это незрелое, нефилософское понимание ведет к ненаучным заблуждениям. С одной стороны, оно порождает веру в учение о фатальности, утверждающее, что человек не имеет свободы воли, поскольку все предопределено, с другой стороны, оно приводит к предположению, что законы природы не являются непреложными, раз определенные искупительные ритуалы могут изменить обычный ход событий. Эти два крайних мнения побуждают «рационалиста» отвергать «астрологию» как пережиток нецивилизованного состояния наших предков, поскольку лишенный воображения ученый отказывается признать важность поговорки: «Истинная философия более стремится объяснять, нежели отрицать». Для изучающего философию является аксиомой, что истина обычно находится между двумя крайностями.

Поэтому, если продолжить в этом духе, то обнаружится, что все же существует обоснованная и научная гипотеза, которая может согласовать эти различные взгляды и которая, вероятно, была тем, что древние подразумевали под астрологией. Несмотря на то, что изучение этой науки способно дать возможность определения будущего хода событий, из этого нельзя делать вывод, будто планеты оказывают на него какое-либо воздействие. Часы показывают время, а не влияют на него. А путешествующий на отдаленные расстояния должен часто подводить часы, дабы они показывали правильное время того места,

куда он прибыл. Таким образом, хотя планеты не вмешиваются в изменения судьбы человека, все же их положение может указать, какой эта судьба может быть. Эта гипотеза приводит нас к вопросу: «Что есть судьба?» Окультист понимает ее всего лишь как цепь причин, производящих соответствующий ряд следствий.

Внимательно следившие за недавно публиковавшимся учением оккультизма относительно *дэвакхана* и будущих новых рождений знает, что каждый человек является собственным создателем, или собственным отцом, то есть наша будущая личность будет результатом нашего теперешнего образа жизни. Подобным же образом и наше теперешнее рождение, со всеми его обстоятельствами, является деревом, выросшим из семени, посаженного в наших прошлых воплощениях. Наши физические и духовные условия — результат наших действий, совершённых на этих планах в прошлых существованиях. Ныне хорошо известен принцип оккультизма, что **единая жизнь**, наполняющая **всё**, связывает все тела в Космосе. Таким образом, все небесные тела находятся во взаимосвязи, которая переходит и на человеческое существование, ибо человек — лишь микрокосм в макрокосме. Каждая мысль, точно так же, как и действие, динамична и отпечатывается в нетленной книге природы — *акаше*, объективном аспекте **непроявленной жизни**. Все наши мысли и поступки, таким образом, производят в пространстве вибрации, которые создают наше будущее продвижение. И астрология — наука, определившая природу законов, управляющих этими вибрациями — способна точно установить отдельное следствие либо ряд следствий, причины которых уже произведены индивидуумом в его прошлой жизни. Поскольку настоящее воплощение является детищем предыдущего и поскольку существует лишь **единая жизнь**, связывающая все планеты Солнечной

системы, то положение этих планет в момент рождения индивидуума — событие, являющееся совокупным результатом причин, уже произведенных — дает истинному астрологу данные, на которых базируются его предсказания. В то же время следует помнить, что как «астроном, вносящий в каталог звезды, не может ко Вселенной добавить ни одного атома», точно так же ни астролог, ни тем более планета не может *влиять* на судьбу человека. Возможно, следующий прекрасный отрывок из утонченного труда Бульвера Литтона «Занони» поможет прояснить смысл этого:

Для совершения чего бы то ни было великого и возвышенного ясное восприятие истин является первым необходимым условием — истин, приспособленных к желаемому. Так воин сводит шансы баталии до почти математических комбинаций. Он способен предсказать результат, если только может положиться на данные, на которые он вынужден опираться.

Поэтому необходимо учитывать элемент ясновидения, обязательный для истинного астролога.

Древние *Риши*, книги которых порицать, не зная их, еще недавно было общей практикой, благодаря наблюдениям, эксперименту, глубокому оккультному знанию принимали в расчет все мыслимые сочетания различных причин и с математической точностью, почти до мельчайших деталей определяли их последствия. Однако, поскольку Космос бесконечен, то ни одно конечное существо никогда не сможет учесть *всех* возможностей природы; в любом случае, их невозможно передать в письменном виде, ибо, как говорит «Разоблаченная Изида», «для того, чтобы выражать божественные идеи, необходим божественный язык». Признавая истинность этой важнейшей, но, к несчастью, часто забываемой аксиомы, они провозгласили как первое условие успеха в астрологии чистую жизнь — физически, морально и

духовно. Это было необходимо для развития психических способностей астролога, дабы он мог видеть в *акаше* комбинации, не упомянутые в писаниях, и предсказывать их следствия способом, прекрасно показанным в вышеприведенном отрывке из «Занони».

Короче говоря, подлинная астрология — это математическая наука, которая учит нас тому, как определенные причины производят определенные комбинации, и будучи понята в истинном свете, помогает нам получить знание того, как направлять свои будущие рождения. Действительно, таких астрологов немного, но оправдано ли осуждение науки об электричестве из-за того, что настоящих электротехников может быть очень мало? В то же время мы не должны упускать из виду тот факт, что существует бесчисленное множество комбинаций, которые должно определять духовным зрением астролога, хотя огромное их число уже установлено и записано древними мудрецами. И мы заходим в тупик, обнаруживая, что некоторые астрологические вычисления оказываются верными, тогда как другие далеки от попадания.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 9 (57), June, 1884, pp. 213-214.

Авторство этой статьи точно не установлено. Но особенности стиля и манера подачи материала убедительно говорят в пользу авторства Е.П.Блаватской, которая, будучи главным редактором «Theosophist», довольно часто не подписывала собственные редакционные статьи.

НИРВАНА

Мы слышали и довольно много читали о числе «семь». Нам говорили, что цепь миров, к которой принадлежит Земля, состоит из семи планет, короче говоря, число «семь» имеет очень важный смысл; но я не понимаю, почему мы должны считать себя связанными только с нашей цепочкой миров, которая является лишь одной из цепочек, принадлежащих нашему Солнцу, и почему мы должны считать нирвану конечною целью.

Итак, если принять во внимание, что число «семь» объединяет не только цепочку планет, объясненную нам, но существует семь таких цепочек, связанных с нашим Солнцем, то разве они не являются также нашим домом? Мы обнаруживаем, что одна планета больше другой, что они находятся на большем или меньшем расстоянии от Солнца, чем наша Земля. Мы признаём, что Меркурий и Венера к Солнцу ближе Земли, а Марс, Юпитер, Сатурн и Уран — дальше. Тогда должны ли мы полагать, что обретем нирвану после седьмого круга на нашей Земле и ее цепи миров и останемся после этого до конца времен, сохраняя свою индивидуальность? Допустим, что с течением времени мы продолжим развитие во всех планетных системах нашего Солнца, остановимся ли мы на этом и останемся ли довольны своим развитием?

Х.К.Ниблетт, член Т.О.

Аллахабад,

17 мая 1884 года.

Комментарий редактора

Обычно говорят, что человек достиг нирваны, когда он эволюционирует до Дхиан Когана. Состояние Дхиан Когана достигается в естественном порядке вещей после завершения седьмого круга настоящей планетарной цепи. Став Дхиан Коганом, человек, согласно Закону Природы, не воплощается в других планетарных цепочках этой Солнечной системы. Вся Солнечная система является его домом. Он

продолжает выполнять свои обязанности в управлении этой Солнечной системой до тех пор, пока не придет время Солнечной Пралайи. Тогда, после периода покоя, его монада *осенит собою* в другой Солнечной системе отдельное человеческое существо в ходе его последовательных воплощений и присоединится к его высшим принципам, когда оно, в свою очередь, станет Дхиан Коганом.

В бесчисленных солнечных системах бесконечного Космоса существует прогрессирующее духовное развитие. До космической Пралайи Монада будет продолжать действовать вышеозначенным образом, и только в течение непостижимого периода космического сна, который последует за теперешним периодом активности, наступит высшее состояние нирваны. Далее мы хотим известить нашего корреспондента, что наши Махатмы еще не подтвердили, что в этой Солнечной системе существует именно семь планетарных цепочек.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 10 (58), July, 1884, p. 246.

БУДУЩИЙ ОККУЛЬТИСТ

Один из корреспондентов «Indian Mirror», влиятельной ежедневной газеты в Калькутте, в статье под заголовком «Надлежащее образование для наших дам» пишет:

Ваша редакционная статья по названной проблеме в выпуске от 22-го числа поднимает один из важнейших вопросов: «В чем состоит истинное образование?» Истинной целью образования, с философской точки зрения, должно быть просвещение умов. Оно должно развивать разум, широту видения и восприятия, а не ограничивать их узким кругом.

На обычном физическом плане чтение и письмо, без сомнения, являются великой помощью для образования, ибо они несут человеку идеи, на которые следует обратить внимание. В то же самое время не следует забывать, что они являются лишь средствами достижения цели. Кроме того, следует помнить, что существуют другие необходимые средства достижения той же самой цели. Одним из них, и наиболее важным, является непрестанное внимание к феноменальной стороне природы, которое, посредством рассмотрения всех ее аспектов, позволит человеку прийти к ее ноуменальной стороне. Наши древние *Риши* сделали доступными для нас (если мы только захотим обладать ими) средства, благодаря которым мы можем изучать связь проявленного с непроявленным и проследивать следствие до его главной причины. Мы хотели именно широкого и всестороннего образования, а не теперешней пародии на оное.

Если в древности арии учились у ног своих матерей, а их характер и судьба «формировались даже во чреве и с молоком матери», то это, должно быть, благодаря тому, что образование в те времена было космополитическим по своему характеру. Мы, конечно, должны возвысить женщину, но мы должны также и сами стать возвышеннее. Мы должны стараться ускорить приближение того дня, когда осуществится научный аспект «непорочного зачатия». Было бы небесполезно процитировать здесь мнение одного видного оккультиста, опубликованное в «Парадоксах высшей науки»¹⁴:

«...Женщина не должна рассматриваться только как принадлежность мужчины, ибо она была создана для его блага и удовольствия не более,

¹⁴ «Парадоксы высшей науки» («Paradoxes of the Highest Science»). — Под этим заголовком в 1883 г. Алан О.Хьюм опубликовал дотоле неизданные рукописи поздних сочинений Элифаса Леви (псевдоним аббата Альфонса Луи Константа), которые были посланы ему Учителем Кут Хуми. По утверждению самого Учителя, Он добавил собственные комментарии к отдельным частям рукописи. Несмотря на то, что рукопись предполагалось послать А.П.Синнетту, в действительности она была отправлена Хьюму. Хьюм перевел рукопись, изначально написанную по-французски, на английский язык, написал к ней предисловие и добавил несколько собственных замечаний, подписанных: «Переводчик». Согласно утверждению Хьюма в предисловии, комментарии Учителя подписаны «В. О.», что означает «Видный Оккультист».

чем он для ее; но оба должны реализоваться как равные силы через непохожие индивидуальности.

Миссия женщины заключается в том, чтобы стать матерью будущих оккультистов — тех, кто будет рожден без греха. От развития женщины зависит освобождение и спасение мира. И до тех пор, пока женщина не разорвет оковы полового рабства, которыми она всегда была связана, мир будет получать слабое представление о том, кем она является на самом деле, и на подобающее ей место в системе природы»¹⁵.

«...Тогда у мира будет раса Будд и Христов, ибо человечество откроет для себя, что людям по силам породить как детей, подобных Будде, так и демонов. Когда придет это знание, вымрут все догматические религии и вместе с ними — демоны».

Короче говоря, можно сказать, что первое, от чего должно освободиться человечество, — это низменные страсти и желания, апеллирующие к их плотским потребностям. И женщина должна перестать быть рабыней, и мужчина должен стать свободным — оба должны вырваться из оков животных стремлений. Тогда их природа возвысится, и женщина будет способна войти *en rapport* с *Пракрити*, а мужчина — с *Пурушей*. Их союз произведет расу Будд, детей «непорочной» Девы. Таковы идеальные мужчина и женщина, но философия признаёт, что «воображение претворяет в жизнь то, что выдумывает», — парадоксальная истина, пущенная в обращение Элифасом Леви. И если индусы, слепо поклоняющиеся своим священным книгам, а также те, кто глумится над ними, не понимая содержащегося в них смысла, посмотрят на них просветленным взором и постигнут их учения, читая между строк, они совершат верный шаг в сторону прогресса, который должен быть истинною целью образования.

Индус

26 марта 1884 г.

¹⁵ Здесь автор «Indian Mirror» опустил из замечаний «Видного оккультиста» самый важный отрывок: «Древняя Индия — Индия Риши — первой провела исследование в этом океане Истины. Но после “Махабхараты” Индия, при всей своей учености, пренебрегла и забыла это». Это замечание говорит о том, что данная статья имеет дело с фактической реальностью, а не с фантастической теорией.

Комментарий редактора

Письмо, приведенное выше, поднимает несколько важных вопросов. Некоторые спрашивают, как будет продолжать существовать мир, если все станут оккультистами, для которых одним из важнейших условий является безбрачие. Другие говорят, что древние риши вступали в брак, и приводят несколько имен, упомянутых в индийских религиозных книгах, и в силу этого утверждают, что безбрачие не является необходимым условием для прогресса в *практическом* оккультизме. В большинстве случаев люди буквально истолковывают красивую аллегорию и настаивают на следовании мертвой букве всякий раз, когда такое направление выгодно для их ограниченных интересов. Им трудно контролировать низшие животные желания, а чтобы оправдать свое упорство в стремлении к чувственным удовольствиям, они прибегают к этим книгам как к авторитетам, интерпретируя их наиболее удобным для себя способом. Разумеется, когда отдельные положения, даже в своем экзотерическом смысле, противоречат их низшему «я», тогда цитируются другие — *эзотерически* выражающие то же самое, но *эзотерически* поддерживающие их взгляды. Вопрос о супружестве *Риши* является одним из таких моментов. Читатели «Theosophist» в этой связи могут припомнить статью под названием «Magicon», где рассказывается об одном оккультисте, который отверг руку прекрасной молодой леди на том основании, что дал обет безбрачия, хотя позднее признался в том, что добивался девы по имени «София». Далее поясняется, что «София» есть Мудрость, *Буддхи* — духовная душа (наш шестой принцип). Этот принцип везде представлен как «женский», ибо пассивен в силу того, что является проводником седьмого принципа. Последний же — называемый *Атмой*, когда о нем говорят в связи с индивидуумом, либо *Пурушей*, применительно ко Вселенной — активный мужской принцип,

ибо это **центр энергии**, действующей через и на женский проводник — шестой принцип.

Оккультист, полностью отождествившийся с *Атмой*, воздействует на *Буддхи*, ибо, согласно законам космической эволюции, *Пуруша* — вселенский седьмой принцип — постоянно воздействует на *Пракрити* — вселенский шестой принцип — и проявляет себя через него. Поэтому **Махатма**, ставший единым со своим седьмым принципом — идентичным *Пуруше*, поскольку в духовной монаде нет разделения, — практически является творцом, ибо он отождествил себя с развивающейся и проявляющейся энергией природы. Именно в этом смысле и было сказано, что Риши вступают в брак. И союз *Шивы* и *Шакти* представляет ту же самую аллегорию. *Шива* является *Логосом*, *Вак*, проявленным через *Шакти*, и их союз производит феноменальное сотворение, ибо пока Сын не родится, Отец и Мать не существуют. Итак, *Шакти*, будучи женским принципом, *полностью* проявляется через женщину, хотя, строго говоря, *внутренний* человек не является ни мужчиной, ни женщиной. Пол определяет перевес одного из двух принципов — позитивного или негативного. А это преобладание определяется законом влечения; и поэтому в женщине оккультная сила, олицетворенная *Шакти*, проявлена аномально. Более того, женщина одарена чудесно живым воображением — более сильным, чем мужское. А поскольку феноменальное есть претворение или, точнее, проявление **идеала**, который может быть понят достаточно точно и ярко только благодаря *могущественному воображению*, то **женщина-Адепт** может производить высоких оккультистов — расу «Будд и Христов», рожденных «непорочно».

Чем более и скорее будут отброшены животные сексуальные влечения, тем сильнее и скорее проявятся высшие оккультные силы,

единственно способные осуществить «непорочное зачатие». И это искусство практически преподается оккультистам на очень высокой ступени посвящения. Такой Адепт, будь его *стхулашарира* мужской или женской, способен дать жизнь новому существу посредством управления космическими силами.

Утверждается, что *Анашуйя* — женщина-Адепт древних времен — таким образом непорочно зачала *Дурваса*, *Даттатрейю* и *Чандру* — три разных типа Адептства. Отсюда вытекает, что супружество оккультиста (который, как уже объяснялось, не является ни мужчиной, ни женщиной) есть «священный союз», безгрешный, как союз Кришны с тысячами *гопи*. Чувственные люди восприняли это слишком буквально, и из неверного истолкования текста возникла секта, потакающая самым разлагающим практикам. В действительности же *Кришна* олицетворяет седьмой принцип, а *гопи* — бесчисленные возможности этого принципа, проявляющиеся через его «проводник». И «безгрешный» союз или, точнее, действие или проявление каждой из этих сил через «женский принцип», дает начало феноменальным явлениям. В таком союзе оккультист счастлив и непорочен, ибо «зачатие» его второй половины — женского принципа — является «непорочным». Тот факт, что эта стадия принадлежит к одному из самых высоких посвящений, указывает, что время, когда среднее человечество в ходе космической эволюции будет способно создать расу Будд и ему подобных, рожденных «без греха», еще очень-очень далеко — возможно, в шестом или седьмом круге. Но если признать возможность и реальность этого факта, то, преобразуя порядок жизни и образования, можно подготовить приближение того славного дня, когда на нашу Землю снизойдет Царство Небесное.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. V, № 11 (59), August, 1884, pp. 263-264; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 129—176. Пер. В.С.Зуевой.

Стр. 47. «Парадоксы высшей науки» («Paradoxes of the Highest Science»). — Под этим заголовком в 1883 г. Алан О.Хьюм опубликовал дотоле неизданные рукописи поздних сочинений Элифаса Леви (псевдоним аббата Альфонса Луи Константа), которые были посланы ему Учителем Кут Хуми. По утверждению самого Учителя, Он добавил собственные комментарии к отдельным частям рукописи. Несмотря на то, что рукопись предполагалось послать А.П. Синнетту, в действительности она была отправлена Хьюму. Хьюм перевел рукопись, изначально написанную по-французски, на английский язык, написал к ней предисловие и добавил несколько собственных замечаний, подписанных: «Переводчик». Согласно утверждению Хьюма в предисловии, комментарии Учителя подписаны «В.О.», что означает «Видный Оккультист».

ДЕСЯТЬ СЕФИРОТ

Существование — в Существовании как Бытии, отличном от *Эйн Соф*, — не может быть описано словами, ибо нет ничего, что может постичь и описать его нам, и как *Эйн Соф*, оно для нас в *определенном* смысле не существует, поскольку для наших умов то, что совершенно непостижимо, — не существует. Чтобы сделать свое Существование осязаемым, а самого себя постижимым, Оно — *Эйн Соф*, Беспредельное — должно стать активным или созидательным; ибо поскольку нет ничего, кроме него самого, Беспредельного, то и не было ничего, чтобы понять его. Но *Эйн Соф* не может быть непосредственно Создателем, так как он не имеет ни воли, ни намерений, ни желания, ни языка, ни действия, поскольку эти свойства подразумевают предел и принадлежат конечным существам, тогда как *Эйн Соф* беспределен. Кроме того, ограниченный характер Сотворения исключает, что мир был создан или

хотя бы задуман им, который не может ни иметь желания, ни создавать что-либо не подобное ему — безграничное и совершенное.

С другой стороны, замысел, проявляющийся в устройстве, порядок, обнаруживающийся в сохранении-разрушении и обновлении вещей, — не позволяют нам рассматривать мир как следствие случая и заставляют признать разумный замысел. Поэтому мы вынуждены рассматривать *Эйн Соф* как Творца Мира, но не непосредственным образом. Итак, посредниками, через которых *Эйн Соф* проявил свою Сущность в Сотворении Мира, являются десять *сефирот*, или *Разумов*, эманировавших из Беспредельного Единого следующим образом.

Сначала *Эйн Соф*, или *Старейший из Старейших*, или *Священный Старец*, испустил из своего Бесконечного Света *Духовную Субстанцию*, или Разум. Эта первая *сефира*, существовавшая в *Эйн Соф* извечно и ставшая *реальностью* в результате этого действия, имеет семь имен.

1. *Венец*, ибо занимает наивысшее положение.

2. *Старец*, ибо является древнейшей или первой Эманацией (это имя нельзя смешивать со *Старейшим из Старейших*, являющимся одним из наименований *Эйн Соф*).

3. *Изначальная Точка* или *Однородная Точка*, ибо «*Зогар*» говорит: «Когда Сокровеннейший из Сокровенных пожелал обнаружить себя, сначала он создал одну точку и не распространял света до тех пор, пока эта светящаяся точка не стала хорошо видимой».

4. Белая Голова.

5. Долгий лик, или *Макропросопус*, потому что все десять сефирот представляют Изначального или Небесного Человека, головою которого является первая сефира.

6. Непостижимая Высота, ибо это высшая из сефирот, исходящая непосредственно из *Эйн Соф*.

7. *Эхейе*, или *Я Есмь*, ибо является абсолютным бытием, представляющим Беспредельное в противоположность конечному, в небесных тварях зовущееся *Chayoth*.

Первая сефира содержала в себе девять других сефирот и эманировала их в следующем порядке. Сначала из нее произошла мужская или активная потенция, названная *Мудростью*. Эта сефира имеет божественное имя *Ях*, а в Ангельских мирах является *Офаним* и изображается *колесами*; она испустила или из нее эманировала противоположная — женская, пассивная потенция, названная *Разум* в противоположность *Мудрости*, и среди Божественных имен представленная именем *Иегова* — ангельское имя *Арелим*; эти две сефироты называются также Отец и Мать — от них произошли остальные семь сефирот. «Зогар» гласит: *«Когда Священный Старец, Сокровенный Сокровенного, принял форму, он создал каждую вещь в форме мужской и женской, ибо форма не могла бы сохраниться иначе, как будучи мужскою и женскою. Отсюда Мудрость, являющаяся началом развития, когда она произошла из Священного Старца, эманировала в мужское и женское, ибо Мудрость развилась, а Разум произошел из нее, и так были получены мужское и женское, то есть Мудрость и Разум. Мудрость является Отцом, а Разум Матерью, из союза которых последовательно эманировали другие пары сефирот»*.

Эти две противоположные (но не враждебные друг другу) потенции — *Мудрость* и *Разум* — объединены вместе первою силой «*Венец*», образуя тем самым первую триаду Δ сефирот :.

Из этих двух противоположностей снова эманировала мужская потенция, или активная сила, названная *Милосердие, Любовь* — *Величие*, четвертая сефира, среди божественных имен представленная как *Эль*, а среди ангельских воинств как *Хашмалим*; из нее снова

эманировала женская, или пассивная, Сила Справедливости, также названная Силою Правосудия, пятая сефира, представленная Божественным именем *Элоха*, а среди ангелов — Серафим; из нее — снова объединяющая Сила — *Красота* или *Кротость*, шестая сефира, представленная Божественным именем *Элохим*.

Для всех, кто желает узнать о Гармонии, существующей между внутренними и внешними отношениями вещей, среди тех, кто почитает за правду «Чудесную историю», я упомяну Раймунда Луллия — знаменитого философа, теолога и химика, умершего в 1315 году, Иоганна Рейхлина — прославленного ученого и популяризатора восточной литературы в Европе, родившегося в 1455 и умершего в 1522, Джованни Пико де Мирандола — ученого-философа (1463-1494), Корнелиуса Генри Агриппу — выдающегося философа-богослова и врача-целителя (1486-1535), Яна Баптиста ван Гельмонта — прославленного врача-химика (1577-1644), Роберта Флудда — врача и философа (1574-1637), Генри Мора (1614-1687) и то, что эти люди, после неустанного поиска системы, которая открыла бы им «глубочайшие глубины» Божественной Природы и показала им истинную *связь, соединяющую все воедино*, удовлетворили страстное стремление своего ума данной теософией или религией, является еще одной причиной, почему тем, кто жаждет истины, следует изучать истинные требования *каббалы* ко всем выходящим на поиски *оккультной науки*. Эта теософия, порожденная Богом в раю, была возвращена и взлелеена наилучшими из Небесных Ангельских воинств и осеняет лишь самых святых людей на Земле — ее получают Жрецы и Цари... Ангелы, создавшие теософскую школу в раю, получили от Бога и передали людям знание, которое запечатлелось на клеточном уровне <...>; от человека к человеку, в Египет, на Восток, в Иудею переходила эта доктрина.

Моисей, постигший всю мудрость египтян, был посвященным и в первых четырех книгах «Пятикнижия» символически изложил приципы *Тайной Доктрины*, но утаил их во «Второзаконии»... это устанавливает *мужчину* первым... а *женщину* — второй. Моисей посвятил 70 старейшин, и они, в свою очередь, из уст в уста передавали *Чудесную Мысль*. Из всей цепи, составлявшей линию преемственности, Давид и Соломон были наиболее посвященными в тайны *каббалы*. Однако никто не решался записать их до Симона бен Йохан, жившего во времена разрушения Второго Храма. После его смерти его сын Равви Елеазар и его секретарь Равви Аббах взяли его трактаты и составили из них знаменитый труд, известный под названием «*Зогар*» (то есть Сияние) — самый известный и авторитетный в мире источник и сокровищницу *каббалы*, которая передавалась по линии преемственности, пока ее не приняли Патриархи, пророки и так далее. Именно поэтому она и называется *каббалой* — от двух древнееврейских слов — что означает «получать», то есть учение, полученное через устную традицию, а также потому, что оно передавалось *через* посвященных и, как указано в иудейских священных писаниях, *сокровенными* знаками, непонятными для тех, кто не был обучен в мистериях; она названа также по определенным начальным буквам *благодать*. Различие между словами *каббала* и *массора* состоит в том, что первое обозначает *акт получения*, который мог осуществить *только* тот, кто достиг *определенного* возраста жизни, *определенного* состояния святости и *определенной* сакральности. *Массора* же означает передачу без учета особого возраста святости и степени сакральности. Замысел *каббалы* состоит в разрешении следующих великих проблем.

1. Природа Высшего Бытия.
2. Источник, Сотворение или зарождение мира, или Вселенной.

3. Сотворение, зарождение или *исток* ангелов и человека.
4. Конечная участь ангелов, человека и Вселенной — *втягивание*.
5. Уяснение истинного смысла иудейских священных писаний.

В этом заключается переход от беспредельного к конечному (таков наш способ распознавания различий), происхождение разнородного из однородного или разнообразия из Единства — материи и формы из чистого разума или бесформенного принципа — действие чистого разума на материю; и это несмотря на бесконечную *пропасть* между ними — отношение Творца к сотворению и творениям, чтобы научиться наблюдать то, что мы называем Провидением, Законом или Порядком.

Постижение этих величественных проблем требует самого невозмутимого состояния ума — совершенного абстрагирования от жизненных забот и тревог и, насколько это возможно, горячего желания и решимости знать или получить (или вступить в *rapport* с истиной).

«Царство Небесное силою берется, и бесстрашные покоряют его», — говорит Святой Иоанн. С этим я и представляю *Небесную Доктрину* Высшего Бытия и Учение сефирот, или Эманаций.

Будучи беспредельным по своей природе, которая неизбежно предполагает, что он является абсолютным *Единством* и непостижим и что нет ничего без него и что все пребывает в нем, — он называется *Эйн Соф*, то есть *Бесконечное, Безграничное*.

В этом состоянии — как *Эйн Соф* — он непостижим интеллектом, ибо интеллект в этой точке не пребывает.

(На этом рукопись прерывается).

Этот материал является черновиком недописанной статьи без названия. Впервые опубликован в журнале «Theosophist» в декабре 1925 года; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 52—57. Пер. В.С.Зуевой.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА К СТАТЬЕ "КАМАЛОКА И ОТНОШЕНИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ К СПИРИТУАЛИЗМУ"

[В этой статье А. П. Синнетта есть следующая сентенция: "Борьба... происходит в сфере (или состоянии) существования, непосредственно примыкающей к нашему физическому состоянию, – в камалоке... заканчиваясь отрывом пятого принципа – человеческого Эго".

К ней Е. П. Блаватская и сделала свое замечание].

Слово "отрыв" кажется неудачным выражением, поскольку предполагает мысль об отдельной сущности, в то время как обсуждается только принцип. "Возвышенные качества" пятого принципа в течение периода жизни личности эволюционируют в силу его более или менее близкого уподобления *шестому*, благодаря развитию или, точнее, одухотворению интеллектуальных возможностей, сосредоточенных в *Манасе* (пятом), со стороны *Буддхи*. В ходе борьбы, о которой идет речь, когда духовная монада, стремящаяся войти в состояние дэвакхана, подвергается процессу очищения, происходит следующее: личное сознание, которое и составляет персональное Эго, должно освободиться от каждой земной крупинцы грубого материального налета, прежде чем станет способным жить "в духе" и как дух.

Поэтому, в то время как высшее сознание со всеми его благородными высшими чувствами – такими, как бессмертная любовь, доброта и все качества божественности в человеке, даже в их латентном состоянии – притягивается, следует за монадой и поглощается ею, тем самым наделяя ее – являющуюся неотъемлемой частью мирового сознания, не имеющую вследствие этого собственного сознания – личным самосознанием, остатками наших земных мыслей и забот, "материальные вкусы, чувства и склонности" скрываются в оболочке.

Это, так сказать, чистый фимиам, дух пламени, освобождающийся от золы и пепла зажженного огня. Поэтому слово "отрыв" вводит в заблуждение.

"Душа, нагруженная неудовлетворенными желаниями", останется "связанной с Землею" и будет страдать. Если желания пребывают на чисто земном плане, отделение все-таки может произойти, и блуждать будет одна оболочка; и если это какой-то акт справедливости и благодеяния – такой, как исправление ошибки, то он может совершиться через видения и сны: дух внушаемой личности увлекается в дух дэвакхана и через его ассимиляцию наставляется и направляется кармой на исправление ошибки. Но *ни в коем* случае для "живущих друзей" нехорошо и непохвально вызывать к общению призраков – будь то оболочки или сущности. Ибо вместо того, чтобы "сгладить путь их духовного развития", они затрудняют его. В давние времена медиумы *adyta*, сивиллы, оракулы и ясновидящие действовали под руководством *посвященного* иерофанта. В наши дни посвященные жрецы или Адепты недоступны, и некому руководить слепыми инстинктами медиумов, выступающих рабами еще более слепых сил. Древние знали об этом гораздо больше нас. Должна же существовать веская причина, из-за которой все древние религии запрещают сообщение с мертвыми как преступление. Пусть индусы всегда помнят, что говорит об этом "Атхарваведа", а христиане – запрет Моисея. Субъективный, чисто духовный "медиумизм" – единственно безвредный и часто облагораживающий дар, который мог бы развивать каждый.

Статья впервые опубликована в журнале "Theosophist", Vol. VI, № 5 (65), February, 1885, p. 106-110; на русском языке – Блаватская Е. П. Эликсир жизни. – М., Сфера, 1998. С. 58-60. Пер. В. С. Зуевой.

ДУХОВНЫЙ РОСТ

Известные строки Кристины Розетти:

Неужто каждый виток пути всегда тяжёл?

Да, весь путь до конца.

Продлится ль поход мой весь долгий день?

С утра до самой ночи, мой друг.

(«В гору», строки 1-4)

— похожи на краткое изложение жизни тех, кто действительно вступил на путь, ведущий к высшему. Какие бы расхождения ни обнаруживались в различных изложениях эзотерического учения, поскольку в каждую эпоху оно приобретало новое одеяние, отличное от предыдущего и по цвету, и по фактуре, все же в каждом из них мы находим полнейшее согласие по одному вопросу — о дороге к духовному развитию. Единственное незыблемое правило было обязательно для неофита всегда, как и сейчас, — *полное* подчинение низшей природы высшей. От Вед и Упанишад до недавно опубликованного «Света на Пути», просмотрев священные книги всех рас и культов, мы находим лишь один-единственный путь — трудный, болезненный, мучительный, благодаря которому человек может обрести истинно духовное понимание. И как же может быть иначе, если все религии и все философии являются лишь вариантами первого учения Единой Мудрости, сообщенного людям Планетарным Духом в начале цикла?

Мы всегда говорили, что истинным Адептом, развитым человеком нужно *стать* — его нельзя сделать. Поэтому этот процесс связан с ростом через эволюцию, а это неизбежно включает определенные страдания.

Основная причина страданий состоит в нашем вечном поиске постоянного в непостоянном, и не только в поиске, но и в таком образе действий, как будто мы уже нашли неизменное в мире, единственным определенным качеством которого, каковое мы можем с уверенностью назвать, является постоянное изменение, и всегда, стоит только подумать, что мы крепко ухватились за нечто неизменное, оно тут же изменяется прямо у нас в руках, и это приводит к страданиям.

Далее, идея роста включает также идею распада, внутренний человек должен постоянно прорываться через заключающую его оболочку, или оправу, и это разрывание также неизбежно сопровождается страданием, не физическим, но умственным, интеллектуальным.

Вот так это происходит в течение нашей жизни; постигающее нас несчастье мы всегда считаем самым тяжким из тех, какие вообще могут случиться, — оно всегда таково, что мы чувствуем, что вряд ли выдержим его. Если же посмотреть на него с более отстраненной точки зрения, то мы увидим, что пытаемся прорваться через свою оболочку в самой уязвимой ее точке и что наше развитие, чтобы стать подлинным развитием, а не суммой ряда ненормально развивающихся частей, должно происходить целиком равномерно, подобно тому, как растет тело ребенка, — не сначала голова, затем руки, а потом, возможно, нос, а во всех направлениях одновременно, постоянно и неуловимо. Человеческая тенденция — развивать каждую часть отдельно, забывая в это время о других, и каждое сокрушающее страдание вызвано расширением какой-то пренебрегаемой части, а это расширение становится более трудным в результате взращивания чего-то другого.

Зло часто является результатом чрезмерного рвения, и люди всегда пытаются делать слишком много, им недостаточно просто жить, всегда

делая только то, что требует ситуация и не более того, они всегда преувеличивают каждое действие и тем самым создают карму, которую нужно будет отрабатывать в будущем рождении.

Одной из самых утонченных форм этого порока является жажда и упование на вознаграждение. Многие из тех, кто зачастую и неосознанно, но все же подчеркивают свои усилия, лелея надежду на вознаграждение и позволяя ей стать активным фактором своей жизни, тем самым открывая дверь для тревоги, сомнения, страха, уныния, — неудачливы.

Целью искателя духовной мудрости является восхождение на более высокий план бытия; он должен стать новым человеком, во всех отношениях более совершенным, нежели в настоящий момент, и если ему это удастся, соответственно увеличится сила и диапазон его способностей и возможностей, точно так же, как в видимом мире мы находим, что каждая стадия на лестнице эволюции отмечена возрастанием способностей. Именно так Адепт наделяется чудесными способностями, которые столь часто описывались, однако необходимо помнить главное — то, что эти силы являются естественными спутниками существования на более высоких планах эволюции, точно так же, как обычные человеческие способности являются естественными спутниками существования на обычном человеческом плане.

Многие, кажется, думают, что адепство — результат не столько полного развития, сколько дополнительного строительства; похоже, они полагают, будто Адепт является человеком, который, пройдя определенный курс обучения, предусматривающий четкое соблюдение системы жестких правил, приобретает последовательно одну способность за другою; а когда он обретет определенное количество

этих способностей, то немедленно получит звание Адепта. Действуя согласно этому ошибочному представлению, они полагают, что первое, что необходимо сделать для достижения адептства, — это приобретение «сил»: большинство пленяют ясновидение и способность выйдя из физического тела путешествовать на расстоянии.

Тем, кто желает обрести такие способности для собственной выгоды, нам сказать нечего — их ждет приговор такой же, как и всех, кто действует ради чисто эгоистических целей. Но есть и такие, кто ошибочно принимает следствие за причину, искренне полагая, будто сверхнормальные способности являются единственным способом духовного продвижения. Такие смотрят на наше Общество всего лишь как на доступное средство, способное дать им возможность получить знания в этом направлении и рассматривая его как род оккультной академии, институт, образованный для обучения мечтающих стать чудотворцами. Несмотря на повторявшиеся протесты и предостережения, во многих умах это мнение, кажется, утвердилось неискоренимо, и они громко выражают свое разочарование, обнаружив, что то, о чем их заранее предупреждали, является истинной правдой и что Общество создано совсем не для того, чтобы проповедовать новые легкие пути овладения «силами», а его единственная миссия — вновь зажечь факел истины, столь надолго погасший для всех, кроме очень немногих, и сохранять сию истину живую посредством создания братского союза человечества — единственной почвы, на которой может вырасти доброе семя. Теософское Общество действительно стремится ускорить духовный рост каждого человека, находящегося под его влиянием, но методы его такие же, как и у древних Риши, а принципы те же, что и у древнейшего эзотеризма; это не раздаточное устройство патентованных средств, составленных из

сильнодействующих лекарств, которые ни один честный целитель не решится использовать.

В этой связи мы хотели бы предостеречь всех наших членов и других искателей духовного знания: остерегайтесь людей, предлагающих научить легким методам получения психических даров; таковые дары (*laukika*) действительно сравнительно легко достигаются искусственными способами, но угасают, как только истощается их стимулятор. Истинная способность быть пророком и Адептом, сопровождающаяся подлинно психическим развитием (*lokothra*), будучи достигнутой однажды, не утрачивается никогда.

Похоже, что со времени основания Теософского Общества, пользуясь тем интересом, которое оно вызвало к вопросам психических исследований, возникло множество обществ, стремящихся привлечь в свои ряды через обещания легкого достижения психических сил. В Индии мы долго наблюдали за лжеаскетами разного толка и опасаемся, что в этом направлении содержится новая опасность как здесь, так и в Европе и Америке. Остается надеяться, что никто из наших членов не будет ослеплен блестящими обещаниями и не позволит заблуждающимся мечтателям, а может быть, и преднамеренным обманщикам обмануть себя.

Дабы продемонстрировать реальную необходимость наших протестов и предостережений, можем упомянуть виденные нами недавно копии объявления, данного так называемым «махатмой», вложенные в письмо из Бенареса. Он приглашает «восемь мужчин и женщин, знающих английский язык и какой-либо из индийских диалектов», а в заключение говорит, что «желающим узнать подробности занятий и сумму их оплаты» следует обратиться по его адресу, вложив в конверт почтовые марки!

Перед нами на столе лежит издание «Божественного Поймандра», вышедшее в свет в прошлом году в Англии и содержащее обращение к *«теософам, которые, возможно, разочаровались в своих ожиданиях, что Высшая Мудрость свободно раздается **индийскими Махатмами**»*, с сердечным приглашением присылать свои имена издателю, который «после краткого испытания» будет рад видеть их принятыми в оккультное Братство, где «учат *свободно* и ничего **не скрывая** всему, что они сочтут достойным изучения». Достаточно странно, что в упомянутом томе мы находим слова Гермеса Трисмегиста:

§ 8. Ибо лишь это, о сын, является единственным путем к *Истине*, которым шли наши предшественники и на котором они в конце концов достигли блага. Это путь славный и прямой, но тяжелый и трудный для души, пребывающей в теле».

§ 88. *Потому мы должны осторожно смотреть на людей, которые, пребывая в невежестве, могут быть менее дурны из страха перед тем, что сокрыто и тайно.*

Совершенно верно, что некоторые теософы были весьма разочарованы (не по чьей-то вине, а по своей собственной), ибо мы не предложили им кратчайшего пути к *йога-видье*, а многие желают практической деятельности. И довольно знаменательно, что сделавшие для Общества меньше всех, громче всех указывают на его ошибки. Итак, почему же эти люди и все наши члены, способные к этому, не принимаются за серьезное изучение месмеризма? Месмеризм был назван ключом к оккультным наукам и обладает тем преимуществом, что предоставляет исключительные возможности, чтобы творить добро для человечества. Если бы мы были в состоянии организовать гомеопатическую аптеку с дополнением в виде месмерического лечения, как это уже было с огромным успехом сделано в Бомбее, мы могли бы внести вклад в становление медицинской науки в этой стране

на более прочной основе и принесли бы неоценимую пользу широким слоям населения.

Помимо Бомбея есть и другие наши отделения, проделавшие большую работу в этом направлении, но предстоит неизмеримо больше, чем сделано. Это относится и к другим направлениям работы Общества. Было бы хорошо, если бы члены всех отделений смогли собраться и серьезно посоветоваться о том, какие реальные шаги можно сделать для осуществления целей, провозглашенных Обществом. Слишком часто члены Теософского Общества занимаются лишь поверхностным изучением книг, не делая никакого заметного вклада в его активную работу. Если Общество призвано стать силой, творящей добро и в этой, и в других странах, оно может достичь этого лишь активным сотрудничеством всех его членов, и мы убедительно призываем каждого тщательно продумать, какие направления работы им по силам, а затем *серьезно приступить к ее исполнению*. Правильная мысль — это хорошо, но одна мысль немногого стоит, если не превращается в действие. В Обществе нет ни одного члена, который не мог бы сделать хоть *что-то* для дела истины и всеобщего братства; и только от его воли зависит сделать это *что-то* свершившимся фактом.

Прежде всего мы хотим повторить, что Общество — не ясли для начинающих Адептов; Учителя не могут обходить и инструктировать разные отделения по разнообразным вопросам, возникающим в ходе исследовательской работы Общества; отделения должны учиться сами; нужно иметь книги, а знания, заложенные в них, должны применяться на практике — так разовьется уверенность и способность мыслить. Мы настоятельно советуем это, ибо до нас дошли просьбы о том, чтобы каждый лектор, присылающийся в отделения, был практически осведомлен в экспериментальной психологии и ясновидении (то есть

смотрении в магические зеркала и чтении будущего и т.д., и т.п.). Итак, мы считаем, что подобные эксперименты должны проводиться среди самих членов, чтобы представлять какую-то ценность для личного развития или способствовать успехам на их пути «в гору», и потому искренне советуем нашим членам *пытаться* самим.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. VI, № 8 (68), May, 1885, p. 187—188; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 61—68. Пер. В.С.Зуевой.

ФАКТЫ И СПОСОБНОСТЬ ИХ ОСОЗНАНИЯ

Поток внимания публики, направленный на психические феномены, усиливается в Европе с каждым годом. Даже немецкая наука и философия начинают проявлять интерес: профессор Вирхов из Берлина, некогда самый неумолимый оппонент утверждения медиумизма и личный враг д-ра Слейда, говорят, пал жертвою очевидности и готовится изучать психические явления с помощью весов и тигля. С другой стороны, широкоизвестный философ Е. фон Гартманн только что опубликовал новый труд под названием "Спиритизм".

Пишущая эти строки пока незнакома со взглядами сего выдающегося ученика Шопенгауэра на спиритизм *в собственном смысле слова*, но вероятность того, что он приписывает большинство его феноменов "иллюзии", весьма велика. Вечер, как правило, зависит от предшествовавшего ему дня, и потому "философия

бессознательного" должна отразиться в "Спиритизме". Феномены отрицаться не будут, но их объективные и субъективные, их физические и ментальные проявления будут сгруппированы и втиснуты в узкие рамки той философии отрицания, которая во всех наших представлениях о материи видит всегда "всего лишь обман чувств".

Однако, как бы то ни было, мы хотели бы обратить внимание наших читателей, интересующихся этим вопросом, на некоторые новые случаи, упомянутые в европейских газетах, которые, будучи подробно исследованы и признаны столь же подлинными, сколь и неопровержимыми, весьма озадачили некоторых ученых материалистов, бессильных объяснить их.

Трудно найти мужчину или женщину, которые бы жили и умерли, ни разу не пережив некое ощущения предчувствия, возникшего без видимой причины и все же подтвердившегося по истечении нескольких дней, недель, а возможно, и многих лет. Книга Будущего, о которой говорят, что она мудро сокрыта от всех смертных глаз, все же раскрывает свои страницы многим детям Земли – действительно, столь многим, что непредвзятый наблюдатель может счесть затруднительным рассматривать такие случаи как простое исключение из правил. Как верно заметил Уилки Коллинз, "среди работников скрытой жизни внутри нас, которую мы можем испытывать, но не можем объяснить, есть ли какие-то более удивительные, нежели те таинственные внутренние воздействия, постоянно используемые для привлечения или отталкивания двух человеческих существ? Как поразительна, как непреодолима их сила и в самых простых, и в самых сложных вопросах жизни!" И если ни один биолог или физиолог до сих пор не может объяснить нам по канонам

своей науки, почему столь часто и столь точно мы предсказываем для себя "приближение друга или врага еще до того, как они действительно появятся"; или другое повседневное и довольно распространенное явление даже среди самых больших скептиков: почему у нас вдруг возникает уверенность "так странно и внезапно, с первого взгляда, прежде чем опыт столкнет нас хотя бы с одним фактом, имеющим отношение к чертам его характера, что этого человека мы будем втайне любить или ненавидеть". Если причины таких частых ментальных феноменов остаются необъясненными нашими новейшими философами, то как они будут истолковывать следующие факты, которые теперь обсуждаются во всех Санкт-петербургских и варшавских газетах?

Бедная швея, живущая в Санкт-Петербурге, благодаря упорству и тяжелому труду стала искусной портнихой. Сочтя своего единственного ребенка слишком беспокойным и мешающим ее работе и не имея возможности нанять няню для маленькой девочки, она за небольшую плату поручила ее подруге, жившей за городом. В течение восемнадцати месяцев пребывания ребенка в семье подруги бедная мать время от времени навещала его и каждый раз оставалась весьма довольной уходом за ним. Между тем она работала больше, чем обычно, и за это время так преуспела в своем деле, что уже начала обдумывать возможность однажды забрать дочку домой.

Примерно в конце апреля, спустя несколько дней после поездки за город, которая, как она решила, должна стать последней, ибо теперь у нее были средства нанять няню, ее посетили две знакомые. Счастливая тем, что нашла свою девочку такою румяной и здоровой, она сидела с двумя своими подругами за чаем, весело рассуждая с ними о своем намерении привезти ребенка домой. Вошла дама,

богатая и хорошо известная "патронесса", с заказом на костюм, который нужно было сшить безотлагательно. Эти три свидетеля – богатая аристократка и две бедные швеи – позднее поручатся за достоверность того странного происшествия, которое имело место в их присутствии.

Мать стояла у окна с принесенною дамой дорогой материей в руках, измеряя ее, обсуждая со своей посетительницей таинство ее превращения в наряд весны, когда внезапно зазвонил дверной колокольчик. Госпожа Л. (так звали портниху) открыла дверь и впустила маленькую старушку весьма утонченной внешности, скромно одетую в глубокий траур. Все присутствовавшие были потрясены сильною бледностью ее лица и приятностью тона и манер. Вновь пришедшая явно была дамой.

– Вы госпожа Л.? – спросила она, обращаясь к портнихе, и, получив утвердительный ответ, добавила: – Я принесла вам небольшую работу. Вот кусок тонкого белого муслина. Будьте добры, сшейте из него маленький чепчик и длинное платье для умершего ребенка двух лет, одного из моих внуков.

– Ваш заказ, конечно, должен быть выполнен немедленно, но у меня сейчас работа, которую нельзя отложить, – ответила швея с сочувствием.

– Вовсе нет, – последовал быстрый ответ. – Это понадобится мне лишь через две недели и ни часом раньше. Моя малютка заболела корью только сегодня *и до того времени не умрет.*

Г-жа Л. не могла не улыбнуться в ответ на весьма удивленные взгляды своей богатой посетительницы и подруг по поводу таких заботливых приготовлений в ожидании возможного будущего

события. Но она ничего не сказала и обещала подготовить заказ к означенному дню.

Через два дня она получила письмо, сообщающее, что ее единственный ребенок заболел корью, в то самое утро визита таинственной дамы в черном. Болезнь приняла серьезный оборот, и мать была вызвана со всею поспешностью. Через тринадцать дней – *ровно через две недели после того, как был получен заказ на погребальную одежду*, ребенок умер. Но маленькая старушка так и не пришла забрать его для *своей* внучки. Прошел месяц, а "маленький чепчик и длинное платье" и доныне там как яркое напоминание осиротевшей матери об ее утрате и горе.

Это роковое событие напоминает историю появления "Реквиема" Моцарта, замечает корреспондент русской газеты "Свет".

Другой загадочный факт, привлечший внимание из-за того, что его главный герой принадлежал к высшему дворянству, был напечатан во всех главных газетах Германии и России.

Хорошо известный житель Варшавы, богатый граф О. из Б., узнав, что он болен чахоткой первой стадии, когда еще не было непосредственной опасности для его жизни, созвал друзей и родственников в дом своих родителей и сообщил им, что, несмотря на протесты всех присутствующих, собирается умереть на следующий день, ровно в полдень. Он спокойно распорядился, чтобы гроб изготовили и принесли в комнату в тот же самый вечер. После этого он послал за священником и заплатил ему вперед за определенное количество молебнов и *панихид*, составил завещание и завершил тем, что отослал ряду своих друзей и знакомых письма с приглашением на собственные похороны. Приглашения в траурной рамке были написаны им самим, его рукою и указывали точную дату и час

торжественной церемонии переноса тела из дома в собор, так же как и день погребения. На другой день, согласно своему предсказанию, он надел черный вечерний костюм, белый галстук и перчатки, после чего, разместившись в гробу за несколько минут до того, как часы пробили двенадцать, он *сам улегся* предписанным образом и в назначенный час испустил дух. Этот случай показался властям таким странным, что была назначена аутопсия, но никаких следов яда или насильственной смерти обнаружено не было.

Было ли это *предвидением* или следствием навязчивой идеи либо воображения, столь сильно перевозбужденного, что смерть должна была подчиниться мысли? Кто может сказать?

Первым признаком приближающейся смерти, говорит Уэйкли, "у некоторых является сильное предчувствие близкой кончины".

Затем автор упоминает Озанама – математика, который, будучи явно в добром здравии, отвергал учеников "из-за чувства, что он пребывает накануне отдыха от своих трудов". Он умер очень скоро после этого от апоплексического удара.

Моцарт писал свой "Реквием", упоминавшийся выше, в твердой уверенности, что этот шедевр его гения сочинялся для него самого и что в первый раз он будет исполнен только после его смерти. Когда его смерть приблизилась, он попросил *партитуру* и, обращаясь к находившимся рядом, спросил: "Разве я не истинно вам говорил, что для себя самого сочинял я эту песнь смерти!" Последняя была заказана ему, как хорошо известно, в странном видении или сне, и Уикли считает, что Джон Хантер разрешил тайну подобных предчувствий одним предложением, "если это можно назвать тайной", добавляет он скептически. "Иногда мы, – говорит великий физиолог, – чувствуем внутри себя, что не будем жить долее, ибо

жизненные силы ослабевают и нервы доносят эту информацию до мозга".

К этому Уикли добавляет также, что некоторые обстоятельства, когда здоровье ослабевает, часто воспринимаются как *предзнаменования*. Он говорит: "Заказ на "Реквием" в случае Моцарта, сны в случае Флетчера повернули течение их мыслей ко гробу". Но далее ученый скептик противоречит собственной теории, сообщая случай с Уолси, чем-то напоминающий нам тот, что произошел в Варшаве. Возможность близкого конца, разумеется, может повернуть поток мыслей к внутренней уверенности в смерти; когда, однако, эта уверенность позволяет нам предвидеть и указать точный до минуты час нашей смерти, *то* должно быть нечто помимо "естественного течения мыслей", помогающее так безошибочно направить нашу интуицию. По словам самого Уикли, "случай с Уолси был единичным". Утром накануне своей смерти он спросил у Кавендиша, который час, и получил ответ: "Девятый". – "Восемь! – сказал Уолси. – Этого не может быть, восемь часов, нет, нет, не может быть восемь часов, потому что около восьми часов вы потеряете своего учителя". День он вычислил неверно, но час – правильно. На следующее утро, когда часы били восемь, его беспокойный дух ушел из жизни.

Отрицая теорию Кавендиша, будто Уолси получил *откровение*, Уикли подозревает "по тому, как факт завладел его умом, что он (Уолси) полагался на астрологическое предсказание, которое для него было равносильно откровению".

Астрология, несмотря на презрение XIX столетия, не всегда бывает пустым обманом. Астрономия и астрология – сестры-близнецы, в древности одинаково почитавшиеся и изучавшиеся. И только совсем недавно догматическое высокомерие западных

астрономов низвело старшую сестру до положения Золушки в хозяйстве Науки: современная астрономия пользуется плодами древней астрологии, сбрасывая ее со счетов. "Созерцание небесного заставляет человека и говорить, и мыслить более утонченно и возвышенно", – говорил Цицерон. Запад еще вернется к астрологии и тем самым докажет интуицию Востока, где она культивировалась.

"Тело – лишь покров души, при его распаде мы раскроем все тайны природы, и темнота рассеется". Таков "способ восприятия идеи" мудреца Сенеки.

Человек состоит из двух тел – *внутреннего* и *внешнего*, причем внутреннее является двойным, то есть имеет, в свою очередь, полуфизическую внешнюю оболочку, которая служит в качестве *астрального существа* только в течение жизни человека; разложение этой внешней оболочки может начаться, когда человек еще пребывает в кажущемся здравии. Ибо в период своего заключения в живом теле "двойник", или та оболочка астральной формы, которая единственно продолжает существовать, слишком тесно связан со своим тюремщиком (человеком) и слишком обременен физическими частицами, связанными с заточением во плоти, чтобы настоятельно требовать, пока собственно астральная форма совершенно не освободится, выброса из последней.

Поэтому этот предварительный процесс очищения можно справедливо назвать "разложением *внутреннего* человека", и оно начинается намного раньше агонии и даже последнего заболевания физического человека. Давайте допустим столь многое и затем спросим: почему в таком случае, чтобы объяснить предвидение некоторыми людьми часа своей смерти, мы должны использовать для объяснения феномена "откровение" *извне*, сверхъестественность или

еще более неудовлетворительные гипотезы чисто физиологического характера, подобные тем, которые приводят Хантер и Уикли и которые, более того, вообще ничего не объясняют? В процессе и после разрушения "двойника"¹⁶, когда темнота нашего человеческого неведения начинает рассеиваться, мы можем увидеть многие вещи. Среди них то, что сокрыто в будущем, ближайшие события которого, омрачающие очищенную душу, стали для нее как бы настоящим. "Прежнее Я" уступает место *"подлинному Я"*, которое после окончательного разрушения и "двойника", и физического тела, в свою очередь, должно трансформироваться в "Вечное Эго".

Таким образом *"истинное Я"* может передавать свое знание в физический мозг человека, и мы можем услышать и увидеть, как точный час нашей смерти бьет на часах Вечности. Они становятся видимыми для нас через угасающую природу нашего умирающего "двойника", который переживает нас на очень короткий период, если переживает вообще¹⁷, а также благодаря вновь обретенным силам очищенной души (высшего *Тетрактиса*, или Четверицы), все еще являющейся интегральным целым, но уже обладающей теми

¹⁶ То, что такое *разрушение* должно предшествовать разрушению физического тела, доказывают нам некоторые явления. Одним из них является тот достоверно установленный *факт* (разумеется, для тех, кто верит в подобные факты), что астральные двойники живых людей, например *колдунов* – бояться стали и могут быть повреждены мечом или огнем; более того, ранение их воздействует на физическую оболочку и оставляет на них отпечатки и шрамы, тогда как астральные тела даже "призраков элементариев" *не могут быть повреждены*.

¹⁷ Когда "двойник" живого человека разрушается до его физической смерти, он исчезает навсегда. Но если смерть приходит внезапно, он может пережить заключавшее его тело, но тогда, поскольку процесс разрушения происходит вне мертвого тела, душа страдает и в *нетерпении часто старается сбросить частицы, ограничивающие ее свободу и привязывающие ее к Земле, к жизни*, говорится в рукописи Теренция. Случаи *внезапных смертей и самоубийств* подробно описаны чела Лей во "Фрагментах оккультной истины" м-ра А. П. Синнетта. Самоубийство – это самое худшее.

способностями, которые ожидают ее на более высоком плане. Значит, именно благодаря нашей душе по мере приближения к концу мы видим все яснее и яснее, и именно благодаря пульсациям нашего распада приближаются горизонты более обширного, глубокого сознания, прорываясь в наше ментальное зрение и становясь с каждым часом все отчетливее для нашего внутреннего взора. В противном случае как можно объяснить яркие вспышки памяти, пророческую способность предвидения, которые столь же часто приходят к ослабленному старцу, как и к уходящему юноше? Чем ближе человек к смерти, тем ярче становятся давно забытые воспоминания и более точными – предвидения. Раскрытие внутренних способностей происходит по мере того, как замирает источник жизненной силы.

На самом деле жизнь на Земле подобна дню, прошедшему в глубокой долине, со всех сторон окруженной высокими горами, с грозовым, затянутым тучами небом над головами. Высокие холмы закрывают от нас весь горизонт, а темные облака заслоняют солнце. И только к вечеру ненастного дня солнечный луч, пробиваясь сквозь расщелины скал, приносит нам свой чудесный свет, давая возможность мельком увидеть то, что вокруг нас, впереди и позади.

* * *

Еще один предмет заинтересовал мистиков столицы русской империи. Это лекция, прочитанная 27 марта в Педагогическом музее профессором Н.Вагнером – выдающимся зоологом и не менее выдающимся спиритуалистом. Какими бы ни были взгляды этого великого человека науки относительно сил, которые могут стоять за

так называемыми медиумическими манифестациями, профессор явно воспринял теории веданты и даже адвайты, что касается вопроса "жизни и смерти" – предмета его лекции.

Спорный вопрос о жизни и смерти, сказал лектор, помимо принца Гамлета занимал многих философов. Выдающиеся естествоиспытатели, целители и мыслители тщетно пытались разгадать сию великую тайну. Различные ученые мужи давали нам разные определения жизни. Например, Биша определяет жизнь как способность противостоять естественным законам, тогда как другой ученый говорит, что жизнь представляет собою ряд изменений и является способностью живых существ противостоять и противодействовать разрушительным силам природы.

Известный физиолог Кювье находит, что жизнь – это способность живых существ постоянно изменяться, сохраняя при этом определенные частицы, но в то же время освобождаясь от тех элементов, которые для них бесполезны и могли бы, будучи сохраненными, стать вредными. Кемпер говорит, что жизнь – это всего лишь постоянное изменение вещества.

Согласно Герберту Спенсеру, "жизнь есть координация действий" и "приспособление внутренних процессов к внешним условиям".

Все приведенные выше определения, как бы хороши они ни были, профессор Вагнер находит неверными. Они отражают только внешнюю сторону жизни, не затрагивая ее сущность. Универсальное проявление жизни, сказал лектор, восходит поступательно во всех своих феноменах, от простейших форм к самым сложным. "Каковы же тогда могут быть причины, каковы же силы, – спрашивает он, – которые управляют жизнью и изменяют ее? Именно с этой точки зрения мы должны изучать феномен жизни. Жизнь – это химическое

проявление, говорит большинство физиологов. *Химизм* – самая заметная особенность растительных и животных организмов".

Кант определял жизнь как движение образования и разрушения, в котором химическая деятельность играет самую значительную роль.

Шеллинг утверждал, что "жизнь есть стремление к индивидуализации; это синтез, гармонизация процессов, совершающихся в организме". Как же тогда мы можем поверить, спрашивает лектор, "что эта *индивидуальность* исчезает с нашей смертью? Почва провинции Шампань состоит из микроскопических раковин, весь город Париж построен на земле, являющейся сохранившимся реликтом органической жизни. В природе то, что было, всегда готовит то, что будет. Жизнь есть **энергия**¹⁸. Все индивидуальные энергии рано или поздно должны погрузиться во вселенскую энергию и стать едиными с ней".

Так говорит лектор. Это как у Лонгфелло:

*О, души тех, кто умирает,
Лишь восходящие солнечные лучи.*

Духовное **солнце**, с которым они в конце концов соединятся не для того, чтобы исчезнуть, а для того, чтобы вернуться на Землю, подобно другим лучам, – это не "страна", откуда гости могут явиться к нам в своей *индивидуальности*. Немного оставшегося тепла – это не солнечный луч, но след его химического действия так же, как *фотография* не есть человек, а лишь передача его отражения. Но:

*Те духи, что, невидимые,
Порхают вокруг,
Как пылинки в потоке лучей,*

¹⁸ В эзотерической философии единая жизнь?

*Коль их некроманта заклинанья заставят,
То могут они надоумить людей...*

Если вместо слова "некромант" мы напишем "медиум", процитированные строки обретут скрытый смысл и объект внимания ученого лектора, заканчивающего свою лекцию выводом, который не стал бы отрицать ни один ведантист. Профессор Вагнер является широко известным *ортодоксальным* спиритуалистом. Как же тогда, показывая на неопровержимых научных доказательствах, что все "индивидуальные энергии", то есть души, поглотятся и в конце концов станут едиными со "вселенской энергией" (Парабрахмом веданты), или мировой душой, он может сочетать эту веру с верою в "духов" спиритуализма? Это странное противоречие. Ибо наш дух – это либо *сам* "луч" поэтической метафоры Генри Лонгфелло, либо только "пляшущий в солнечном луче", согласно метафоре Джеймса Даффа. Он не может быть и тем и другим одновременно.

Жизнь и смерть – такая же загадка для человека науки, как и для спиритуалиста или неверующего богохульника. Чем меньше они говорят об этом при теперешнем хаотическом состоянии знания касательно сей загадки, тем лучше для истины. Современная наука и спиритуализм являют собой два противоположных полюса. Один из них категорически отрицает все, кроме химического действия и материи, другой, следуя своим фантастическим построениям, их ни во что не ставит; и тем самым оба отказываются от разумной почвы глубокой философии и логики. Наука не желает знать метафизики спиритуалистов, а последние не допустят теории даже того трансцендентного химического действия, которое, как показывают теософы, играет более важную роль, нежели *духовная* "энергия" развоплощенных друзей, в сходстве их умерших, столь смущающем людей.

Однако оставим этот спорный вопрос воюющим сторонам, которые прямо заинтересованы в том, чтобы уладить его между собою. Обе стороны утверждают, что руководствуются *логикой* и *фактами*, и обе претендуют на то, чтобы их мнение называлось "философией", а пока... обе правы и обе неправы. Метод материалистической точной науки – такая философия, которая

*...обрежет ангельские крылья
Все тайны к уравнениям приведет,
Опустошит бурлящий жизнью воздух
И населенный гномами рудник,
Развеет радугу...*

"Философия" спиритуалистов состоит в отрицании любой иной философии во спасение собственной. Однако они достойные противники ученых. Люди науки называют спиритуализм "вредным предрассудком", подобно тому, как Плиний и его современники называли раннее христианство "самой пагубной сектой". И ученые, и лидеры спиритуализма имеют взаимное право жаловаться друг на друга; ибо, как сказано у Филдинга, "если предрассудок делает из человека глупца, то скептицизм делает из него **безумца**". Однако ни один из двух врагов ничего не знает о тайнах жизни и смерти, хотя оба ведут себя так, словно они – единственные наперсники природы, в чье ухо таинственный Сфинкс прошептал разгадку великой загадки.

Материалист *презирает* смерть, говоря, что не боится, поскольку в его поле зрения нет никакого "потустороннего мира". Спиритуалист приветствует "Ангела с неувядающим венком", распевая: "Смерть, где твое жало?" и т. д. И все же – один к десяти – большинство из обеих сторон предпочитает жизнь той перемене, которая, согласно их собственным взглядам, разрушит одного до химических молекул, а другого превратит в дематериализованного Ангела!

Кто из них прав, а кто нет, решит лишь время – великий разоблачитель сокрытых истин. Для автора же сих строк, отвергающего спекуляции обеих сторон и придерживающегося безопасной позиции срединного пути, смерть, перед чьим таинственным безмолвием и спокойствием столь многие содрогаются в страхе, не является чем-то внушающим ужас, возможно, потому, что он не облакает ее большей таинственностью, нежели следует. Смерть – это "старый, старый образ", подкрадывавшийся к спасению маленького Пола Домби, а жизнь – лишь быстрая река, несущая нас к этому океану отдохновения. "Тихо положите меня в землю, поместите на мою могилу солнечные часы и позвольте мне стать забытым", – молит Джон Говард, который, как и мы, наверное, считает, что люди поднимают слишком много шума вокруг смерти и слишком мало – вокруг рождения каждого нового кандидата на нее.

Жизнь – это в лучшем случае спектакль, нередко драма, но гораздо чаще – участие в небольшом фрагменте низкопробной комедии. Это "явление", после которого занавес опускается, свет гаснет, а измученный герой падает в кровать с чувством приятного облегчения.

Как говорит об этом Шекспир:

*Жизнь – только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак;
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.*

(«Макбет», V д.)

Статья впервые опубликована в журнале "Theosophist", Vol. VI, № 11 (71), August, 1885, p. 253-255; № 1 (72), September, 1885, p. 289-290; на русском языке – Блаватская Е. П. Эликсир жизни. – М., Сфера, 1998. С. 69-83. Пер. В. С. Зуевой.

ЕСТЬ ЛИ ДУША У ЖИВОТНЫХ?

I

Вечно обгаренная кровью, Земля есть не что иное, как огромный алтарь, на котором все живое приносится в жертву — неизменно, непрестанно...

*Comte Joseph De Maistre
«Soirees de Saint-Petersbourg»*

Западные народы любят подвергать осмеянию (даже не разобравшись в них как следует) всевозможные «застарелые религиозные предрассудки» Востока; но, пожалуй, ничто не вызывает у них такого презрения и ехидства, как огромное уважение, испытываемое обитателями Востока к животной жизни. Разумеется, пожиратели *плоти* не могут симпатизировать тем, кто исповедует полный отказ от мясной пищи. Мы — европейцы — остаемся, по сути дела, цивилизованными варварами, коих отделяют от их пещерных предков, высасывавших кровь и мозг из сырых костей, всего лишь несколько тысячелетий. И не приходится удивляться тому, что тех, кто столь дешево ценит даже человеческую жизнь, устраивая частые и почти всегда чудовищно несправедливые войны, оставляют совершенно равнодушными смертные муки бессловесных тварей, равно как и каждодневное жертвоприношение миллионов безвинных и абсолютно безвредных жизней (ибо мы слишком большие эпикурейцы, чтобы вкушать тигриные бифштексы или котлеты из крокодила; нет, нам подавай нежную плоть ягненка и золотоперого фазана). Иного и нельзя было ожидать в нашу эпоху пушек Круппа и ученых вивисекторов. Неудивительно и то, что «мужественный» европеец смеется над мягкосердечным индусом, содрогающимся при одной только мысли об убийстве коровы, и демонстрирует полное непонимание философии

буддистов и джайнов с их трепетным отношением к любой форме чувственной жизни — от слона до комара.

Но если мясоедение действительно могло стать жизненной необходимостью — «аргумент тирана»! — для западных народов и бесчисленные жертвы по необходимости должны каждодневно возноситься по всем городам и весям цивилизованного мира на алтарь божества, осужденного Святым Павлом, но по-прежнему почитаемого теми, «чей Бог — их собственный желудок»; если все это (и не только это) — неизбежные реалии нашего «железного века», то какие оправдания может иметь убийство ради развлечения? Рыбная ловля, охота и прочий жестокий спорт, составляющий одно из самых популярных «развлечений» цивилизованной жизни, безусловно, является наиболее предосудительным занятием с точки зрения оккультной философии и великим грехом в глазах последователей религиозных систем, непосредственно исходящих из эзотерической доктрины — индуизма и буддизма. И почему последователи этих двух, в настоящее время древнейших в мире, религий именуют всех животных — от млекопитающих до наимельчайших насекомых — своими «меньшими братьями», чем неизменно вызывают насмешки европейцев? Этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже.

Какими бы преувеличенными ни казались мои опасения, все-таки мало кто из нас действительно представляет себе, какие душераздирающие сцены происходят каждое утро на бесчисленных скотобойнях так называемого цивилизованного мира, а также каждодневно разворачиваются в сезон охоты. Первый солнечный луч еще не успел пробудить дремлющую природу, а во всех уголках земли

мириады гекатомб¹⁹ уже готовы возгореться, салютуя восходящему светилу. Никогда еще языческий Молох²⁰ не услаждал свой слух столь многоголосым воплем своих агонизирующих жертв, как сейчас, слушая горестные крики, доносящиеся из всех христианских стран, подобно нескончаемому гимну страданиям природы, — каждый день и целый день с утра и до вечера. В древней Спарте — чьи суровые граждане не иронизировали тем не менее по поводу благородных побуждений человеческого сердца — мальчика, уличенного в истязании животных ради собственного удовольствия, приговаривали к смерти, полагая, что его природа слишком испорчена, чтобы позволить ему жить дальше. Но в цивилизованной Европе, стремительно прогрессирующей во всех отношениях, кроме христианских добродетелей, *сила* по-прежнему остается синонимом *правды*.

Абсолютно бессмысленное и безжалостное истребление огромного множества животных и птиц исключительно ради забавы, пожалуй, нигде не практикуется с таким рвением, как в протестантской Англии, где милосердное учение Христа, похоже, не сделало сердец ее обитателей ни на йоту мягче, чем во времена Нимрода — «могучего охотника перед лицом Господа». Христианская этика с такой же легкостью поддается парадоксальным силлогизмам, как и языческая. Один «спортсмен» как-то сказал автору этих строк, что, коль скоро «даже воробей не упадет на землю, если не будет на то воли Отца

¹⁹ * *Гекатомба* (греч.) — в Древней Греции жертвоприношение на костре, состоящее из 100 быков; впоследствии — любое значительное общественное жертвоприношение. В переносном значении — огромные жертвы войны, террора, эпидемии и пр.

²⁰ * *Молох* — в библейской мифологии божество, для умиловливания которого сжигали малолетних детей. В переносном значении — страшная, ненасытная сила, требующая человеческих жертв.

Нашего», то каждый, кто ради спортивного интереса подстрелил сотню воробьев, сто раз исполнил таким образом волю своего Отца!

Так и без того унылый жребий бессловесных тварей стократ усугубляется руками человека, превращаясь в неумолимый рок. Похоже, что *разумная* душа человека специально создана для того, чтобы стать убийцей *неразумной* души животного — в самом прямом смысле, ибо христианская доктрина учит нас, что *душа животного умирает вместе с его телом*. Или, может, легенда о Каине и Авеле²¹ имеет двоякое значение? А вот и еще один позор нашего просвещенного века — научные живодерни, именуемые «вивисекционными лабораториями». Зайдите в одно из таких заведений в Париже и посмотрите, как делает свое страшное дело Поль Берт или кто-нибудь еще из этой братии, справедливо прозванной «учеными мясниками из института». Мне же достаточно будет всего лишь перевести весьма убедительное описание, оставленное очевидцем этого процесса — известным французским сочинителем, доподлинно изучившим *modus operandi* этих «заплечных дел мастеров»:

Вивисекция — это то, чем промышляют научные живодерни, где применяются *пытки*, с профессиональной аккуратностью организованные мясниками-академиками. Ткани и мышцы одной и той же жертвы могут подвергаться жесточайшим пыткам днями, неделями и даже месяцами. При этом применяются самые разнообразные орудия и присутствует бесстрастная аудитория, задача которой — наблюдать и анализировать происходящее; каждое утро назначаются до десятка помощников, между которыми распределяются «обязанности»: один *работает* с глазом, другой — с лапами, третий — с мозгом, четвертый — с

²¹ * Речь идет о библейском предании о сыновьях Адама и Евы. Авель был пастухом, Каин — земледельцем. Из зависти, что жертва Авеля была принята Богом более благосклонно, чем жертва Каина, Каин убил своего брата. В христианской литературе Авель является олицетворением добра в противоположность Каину, представителю зла.

костной тканью и т.д. Только к вечеру, после целого дня напряженных трудов, их пока еще неопытные руки расправляются наконец с живою плотью, доверенной их попечению. Результаты их трудов аккуратно складывают в подвале, чтобы на следующее утро снова заняться ими, если только дыхание жизни и чувствительность еще не покинули несчастную жертву! Мы знаем, что стронники закона Граммонта пытались восстать против этой мерзости; но Париж оказался в этом отношении несговорчивее Лондона и Глазго. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 160-161).

А ведь эти джентльмены очень горды собой и похваляются *великой* целью, которую они преследуют, и *великими* тайнами, которые они раскрывают. «Нелепость и ложь!» — восклицает тот же самый автор.

Что касается раскрытых ими секретов, то, за исключением локализации нескольких церебральных функций и некоторых способностей, им по праву принадлежит только один секрет — секрет *бесконечной пытки*, пред которым жуткий естественный закон *автофагии* (взаимного пожирания), ужасы войны, кровавое увеселение охоты и страдания животных под ножом мясника — ничто! Слава нашим ученым мужам! Они превзошли все прежние достижения в пыточном ремесле, навеки утвердив за собою неоспоримое звание магистров боли и отчаяния! (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 161).

Оправданием для мясоедения, убийства и даже узаконенных пыток животных (например, все той же вивисекции) обычно служит стих или два из Библии, превратно истолкованные и искаженные так называемой схоластикой, представленной Фомой Аквинским²². Даже де Мирвиль, всегда защищающий права церкви, называет эти тексты —

...библейскими поблажками, *вырванными у Бога* после потопа наряду со многими другими, человеческой слабостью. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 161).

²² *Фома Аквинский* (1225/6-74) — философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианского аристотелизма.

Как бы то ни было, эти тексты полностью опровергаются другими фрагментами из той же самой Библии. Мясоеды, охотники-спортсмены и даже вивисекторы (конечно, если в числе последних есть такие, кто верит в акт творения и Библию) обычно цитируют, оправдывая свои действия, тот стих из книги «Бытие», где Бог дарует *дуальному* Адаму власть «над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (I, 28); христиане понимают это так, что им дана власть над жизнью и смертью каждого животного на планете. На это гораздо более философичные брахманы или буддисты могут возразить: «Вовсе нет. Эволюция начинает формировать будущее человечество на гораздо более ранних, нижестоящих уровнях бытия. Поэтому убивая животное или даже насекомое, мы тем самым задерживаем прогресс существа, направляющегося к своей конечной естественной цели — **человеку**»; а тот, кто изучает оккультную философию, добавит от себя: «Аминь» — и уточнит, что при этом замедляется не только эволюция убиенного существа, но и процесс формирования следующей, более совершенной человеческой расы.

Какая же из спорящих сторон права, чьи аргументы более логичны? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от собственных убеждений того, кто намерен стать посредником в этом споре. Если он верит в так называемый акт творения, то на прямой и конкретный вопрос: «Почему убийство человека рассматривается как наитягчайший грех против Бога и природы, и в то же время убийство миллионов живых существ — это просто спорт?» — он наверняка ответит: «Потому что Бог создал человека по собственному образу и подобию, вследствие чего взор человеческий *обращен ввысь*, к своему Отцу и к своей колыбели —

небесам (*os homini sublime dedit*)²³, в то время как животное смотрит *вниз*, на свою земную колыбель; ибо Бог сказал: “...да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их” (Быт., I, 24)». И опять же «потому, что человеку дарована бессмертная душа, а бессловесная тварь лишена бессмертия — даже краткого посмертного существования».

На это любой чистосердечный наблюдатель мог бы возразить, что, если авторитетом в этом деликатном споре признается Библия, то в ней нет ни малейшего намека на то, что человек имеет больше оснований претендовать на небесное происхождение, нежели любое пресмыкающееся животное — как раз напротив; ибо в той же книге «Бытие» мы читаем, что Бог, сотворив «человека» и благословив «их» (I, 27-28), точно так же сотворил «рыб больших» и «благословил их» (I, 21-22). Более того, «создал Господь Бог человека из праха земного» (II, 7); а что есть «прах», как не измельченная земля? Соломон — царь и проповедник — безусловно признается авторитетным и самым мудрым из всех библейских пророков; и тех истин, которые он излагает в своем «Екклесиасте» (гл. III), уже достаточно для того, чтобы окончательно и бесповоротно закрыть эту спорную тему. «Сказал я в сердце своем о сынах человеческих... чтобы они видели, что они сами по себе — животные» (III, 18); «...что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна... и нет у человека преимущества пред скотом...» (III, 19); «Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах» (III, 20); «*Кто* знает: дух сынов человеческих восходит ли *вверх*, и дух животных сходит ли *вниз*, в землю?» (III, 21).

²³ * «*Os homini sublime dedit*» (лат.) — «Он придал человеку возвышенный облик и повелел ему глядеть в небеса и обращать свой взор к звездам». (Овидий, «Метаморфозы», кн. I).

И в самом деле — «кто знает»! Во всяком случае, не наука и не «школа богословия».

Если бы целью этой статьи была проповедь вегетарианства, то подтвердить его необходимость на основании Библии или Вед не составило бы труда. Ибо если не подлежит сомнению то, что Бог даровал *дуальному* Адаму — «мужчине и женщине» из главы I книги «Бытие», мало чем напоминающему нашего предка-подкаблучника из главы II, — власть «над всяким животным»; то равным образом очевидно, что «Господь Бог» нигде и никогда не приказывал Адаму или кому-то еще из людей пожирать живых тварей или уничтожать их из спортивного интереса. Как раз наоборот. Ведь, говоря о растительном царстве и о «плоде древесном, сеющем семя», Бог абсолютно ясно указывает: «Вам [людям] сие будет в пищу» (I, 29).

Эту истину настолько живо восприняли ранние христиане, что на протяжении первых столетий они даже не притрагивались к мясу. Вот, что Тертуллиан²⁴ пишет Минуцию Феликсу в «Octavius»²⁵:

...Нам не дозволено смотреть и даже слушать рассказы (*novere*) о смертоубийстве человеческом — нам, христианам, *отказывающимся вкушать блюда, к коим может быть примешана кровь животных.*

²⁴ Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок.160 - после 220) — христианский теолог и писатель. Развивал своеобразный мистический материализм: души и даже Бог — тела особого рода.

²⁵ ...Тертуллиан пишет Минуцию Феликсу в «Octavius»... — Похоже, что с Тертуллианом здесь произошла некоторая путаница: «Octavius» — это сочинение Минуция Феликса, жившего между серединой II и серединой III столетий н.э. Однако специалисты говорят об известном сходстве, существующем между «Octavius» и «Apologeticus», написанным Тертуллианом примерно на ту же тему. Цитируемый Е.П.Блаватской фрагмент составляет последнее предложение главы XXX «Octavius». Эта глава посвящена в основном защите христианства от обвинений в ритуальных убийствах младенцев в ходе христианских посвящений. Похожий фрагмент имеется в главе IX «Apologeticus».

Однако автор вовсе не ставит себе целью пропаганду вегетарианства, но лишь защищает «права животных» и пытается показать ошибочность грубого попрания этих прав на основании авторитета Библии, хотя и понимает, что спорить с теми, кто строит свои доводы на неправильных интерпретациях библейского текста, — дело заведомо безнадежное. Тому, кто отвергает учение об эволюции, никогда не удастся избавиться от затруднений; но он все равно ни за что не признает, что гораздо более логичным и правдоподобным было бы признать физического человека всего лишь признанной вершиной животного мира, а *очеловечивающее* его духовное Эго — промежуточным принципом между душой животного и божеством. Бесполезно убеждать его в том, что он ни за что не отыщет ключ к истине, пока не примет и не признает помимо тех библейских стихов, которые оправдывают его действия, всю массу противоречащих им высказываний и *кажущихся* несоответствий; ибо он все равно не поверит. И все-таки Библия наполнена состраданием к человеку и милосердием и любовью к животным.

Примером тому может служить оригинальный еврейский текст из главы XXIV книги «Левит». Хотя перевод 18-го стиха этой главы звучит так: «Кто убьет скотину, должен заплатить за нее, скотину за скотину», в оригинале написано не «скотину за скотину», но «жизнь за жизнь» или, точнее, — «душу за душу», *нефеш тахат нефеш*²⁶. И если суровость закона в данном случае не доходит, как в Спарте, до убийства «души» человека за «душу» животного, все-таки, даже возместив убитую душу

²⁶ Сравните, насколько отличаются друг от друга переводы этого стиха в «Вульгате»* и в текстах Лютера и де Ветте.

* «Вульгата» (лат.) — перевод Библии на латинский язык, выполненный Иеронимом в 384—405 гг.

живой душой, преступник должен был понести дополнительное наказание, достаточно строгое.

Но и это еще не все. В книге «Исход» (XX, 10 и XXIII, 11-12) говорится о том, что отдыхать в день шаббата должны не только люди, но и животные. «А день седьмой — суббота... не делай в оный никакого дела ни ты... ни скот твой»; также и в саббатический *год*: «...в седьмой [год] оставляй ее (землю) в покое...», «...чтобы отдохнул вол твой и осел твой...». Эти заповеди, если они хоть что-то значат, доказывают, что даже бессловесным тварям древние евреи не возбраняли поклоняться их божеству и что во многих случаях животные ставились наравне с самим человеком. Вся проблема заключается в том, что «душа», *нефеш*, ошибочно воспринимается как нечто отдельное от «духа» — *руах*, хотя в Библии ясно сказано, что «Бог... вдунул в лице (через ноздри) его дыхание жизни, и стал человек душею живою», *нефеш* — не больше и не меньше, чем то же животное, душа которого называется так же — *нефеш*. Лишь благодаря дальнейшему развитию *душа* превращается в *дух*, являющий собою следующую (в сравнении с душой) ступень той же самой лестницы, в основании которой лежит **вселенская душа** или дух.

Это заявление наверняка озадачит многих благонамеренных мужчин и женщин, которые — как бы ни любили они своих кошек и собачек — слишком привязаны к учениям своих церквей, чтобы позволить себе признать подобную ересь. Уверена, что они в один голос воскликнут: «Как?! *Неразумная* душа собаки или лягушки имеет ту же божественную и бессмертную природу, что и наша собственная?»; и все-таки это — факт. И утверждает оный не только автор данной статьи, но и такой авторитетный для каждого христианина персонаж, как король проповедников — Святой Павел. Наши оппоненты, столь презрительно относящиеся ко всем заявлениям современной и эзотерической науки,

возможно, с большим уважением воспримут слова своего собственного святого апостола на сей счет. Тем более что самую верную интерпретацию им дал не теософ и не оппонент одного, но опять-таки добрый и набожный христианин — еще один святой, одинаково почитаемый служителями как римско-католической, так и протестантской церкви — Иоанн Златоуст²⁷. Это он объяснил и прокомментировал Послания Павла.

Христиане уже поняли, что экспериментальная наука не на их стороне; но, пожалуй, их еще больше разочарует то, что даже индусы не могут похвастать таким же трепетным отношением к животным, какое демонстрирует Святой Павел в своем «Послании к Римлянам». Индусы требуют гуманного отношения к бессловесным тварям на основании учения о переселении душ и проистекающего из него вывода об идентичности принципа, или элемента, оживляющего как человека, так и животное. Но Святой Павел идет еще дальше: он утверждает (Рим., VIII, 21), что животные *живут с надеждой на освобождение «от рабства тлению»* так же, как и любой добрый христианин. Точная цитата этого стиха из Послания великого апостола и философа будет приведена в настоящем очерке ниже, когда придет время раскрыть его истинное значение.

Тот факт, что многие интерпретаторы — отцы церкви и схоласты — старались уклониться от выявления истинного значения текстов Святого Павла, еще не доказывает, что этот потаённый, внутренний смысл отсутствует вовсе, но скорее является свидетельством неискренности теологов, на чьей непоследовательности следует остановиться особо. Некоторые готовы до конца отстаивать свои

²⁷ * *Иоанн Златоуст* (ок. 350-407) — византийский церковный деятель, епископ Константинополя, представитель греческого церковного красноречия. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя.

теории, невзирая на их очевидную несостоятельность. А те, кто смог признать свои прежние заблуждения подобно Корнелию Лапиду²⁸, приносят бедным животным свои *amendes honorables*. Рассуждая о роли в великой драме жизни, предопределенной природой для животных, Корнелий заявляет:

Назначением всех тварей является служение человеку. Поэтому они ожидают своего обновления вместе с ним [своим хозяином] (*cum homine renovationem suam expectant*). (Comment. Apocal., ch. V, p. 137).

Разумеется, «служение» человеку вовсе не означает, что животных можно пытаться, убивать без всякой необходимости и подвергать разного рода мучениям; а смысл слова «обновление» практически не нуждается в пояснениях. Христиане понимают под обновлением восстановление тела после второго пришествия Христа и ограничивают его человеком, исключая из претендентов на обновление животных. Те же, кто изучает Тайную Доктрину, видят в нем последовательную серию возвращений, направленных на совершенствование формы как на объективном, так и на субъективном уровне существования, длинную цепь эволюционных трансформаций — от животного к человеку и далее.

Разумеется, последнее утверждение также с негодованием будет отвергнуто христианами. И нам скажут, что смысл Писания всегда истолковывался иначе; что ничего подобного в Библии нет да и быть не может. Бессмысленно спорить на эту тему. То, что люди благоговейно называют «Словом Божиим», уже не раз подвергалось ошибочным интерпретациям, и печальные последствия этих недоразумений хорошо известны. Одна лишь фраза: «проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт., IX, 25) — послужила причиной многолетних бедствий и незаслуженных страданий несчастных негров-рабов.

²⁸ * Корнелий Липид (1568-1637) — выдающийся католический экзегет, иезуит.

Главным же противником аболиционизма²⁹ долгое время оставалось американское духовенство, отстаивавшее свою правоту с *Библией* в руках. А ведь уже давно доказано, что рабство — причина постепенного упадка любой страны. Даже гордый Рим пал из-за того, что «большинство в древнем мире составляли рабы», как справедливо отмечает Гейер³⁰.

И все же ошибочные интерпретации Библии во все времена настолько глубоко въедались в мозг даже самых лучших, самых интеллигентных представителей христианства, что даже один из величайших поэтов христианского мира — Мильтон³¹, отстаивая право человека быть свободным, как видно, напрочь отказывает в этом праве бедным животным:

Бог лишь над птицей, рыбой, зверем бессловесным
Власть дал нам полную; и это право мы
Вершим Его веленьем. Но не сделал
Он человека человеку господином;
Лишь для Себя оставив это право.
Все люди пред лицом Его — равны³².

²⁹ * *Аболиционизм* — общественное движение за ликвидацию какого-либо закона. В конце XVIII — XIX вв. в США движение за отмену рабства негров; в Великобритании, Франции и ряде других стран — движение за отмену рабства в колониях.

³⁰ * *Гейер Эрик Густав* (1783-1847) — шведский историк и поэт, композитор. Основал в Стокгольме Готическое Общество, чей печатный орган публиковал его статьи и тексты песен, для которых он сам писал музыку. С 1824 г. — член шведской Академии наук. В 1825 г. издал первый том запланированного большого сочинения «*Svea Rikes Hafder*» — талантливо осуществленного критического анализа легендарной шведской истории. Его обостренное критическое чутье и незаурядные исторические познания снискали ему большой авторитет среди историков.

³¹ * *Мильтон Джон* (1608-74) — английский поэт, политический деятель и социальный мыслитель эпохи Английской революции. В своем творчестве постоянно обращался к религиозной тематике.

³² *Paradise Lost*, Book XII, lines 67-71.

Но убийства и прочие «злоупотребления» не могут не создавать ощущения неправоты — неизбежной в тех случаях, когда неверные умозаключения привлекаются в качестве аргумента в заранее предрешенном деле. И это несоответствие между посылками и заключениями, наличными фактами и извлекаемыми из них выводами вкладывает в руки сторонников восточного *филозоизма*³³ мощное оружие, с помощью которого они могут разбить даже самые хитроумные аргументы своих критиков.

Автор настоящего очерка также хотела бы пролить некоторый свет на эту в высшей степени серьезную и интересную проблему. Римско-католические писатели, желая доказать подлинность множества историй о чудесных воскрешениях животных, произведенных их святыми, тем самым превратили эту тему в предмет нескончаемых дебатов. «Душа, заключенная в животном, — по мнению Боссюэ³⁴, — есть самая важная и самая сложная из всех философских проблем».

В связи с явным несоответствием этих историй церковному учению о том, что животные, хотя и не совсем бездушны, не имеют *вечной* или бессмертной души и оживляющий их принцип умирает вместе с телом, небезынтересно будет узнать, как же ученые-схоласты и священнослужители примиряют сие утверждение с другим — доказывающим, что чудесное воскрешение животных все же возможно.

Несмотря на ограниченность объема и, следовательно, возможностей очерка (подробный обзор занял бы целые тома), автору хотелось бы, наглядно продемонстрировав несостоятельность схоластических и теологических интерпретаций Библии, убедить читателя в том, что убийство животного — особенно ради развлечения

³³ * *Филозоизм* (греч.) — по всей видимости, новообразование от греч. *фило* — любить и *зои* — жизнь. Любовь к жизненным формам.

³⁴ * *Боссюэ Жак Бенинь* (1627-1704) — епископ, оратор и писатель, один из главных идеологов католицизма во Франции.

или вивисекции — есть тяжкое преступление. И прежде всего следует остановиться на том, что, несмотря на всю невообразимость технологии воскрешения людей или животных после того, как жизненный принцип навсегда отлетает от их физических оболочек, если такое воскрешение все же возможно, то оно должно быть равно возможным как для человека, так и для животного. Иными словами: либо то, что мы столь вольно именуем «душой», даровано природой как людям, так и животным; либо и те, и другие вовсе ее лишены.

II

Что за химера этот человек! Какой невероятный сумбур, какое нагромождение противоречий! Называет себя мерилom всех вещей, хотя сам — всего лишь жалкий земляной червь! Огромноеместилище истин и в то же время вечный пленник неопределенности! Слава и позор вселенной!

Паскаль

Перейдем теперь к представлениям христианской церкви о природе души животного. Попробуем понять, как она примиряет свои сообщения о воскрешении мертвых животных с собственным утверждением, что душа животного умирает вместе с его телом; поговорим также о некоторых чудесах, связанных с животными. Но, прежде чем нанести эгоистичным представлениям христианства, приведшим ко многим несправедливостям и жестокостям по отношению к животному миру, решительный и окончательный удар, необходимо, чтобы читатель ознакомился с теми сомнениями, которые одолевали еще отцов церкви, когда они пытались дать правильную интерпретацию словам Святого Павла на эту тему.

Забавно, как карма заставила двух самых неугомонных защитников католической церкви — месье де Мюссо и маркиза де Мирвиля, из сочинений которых заимствовано несколько приводимых в данной статье описаний вышеупомянутых чудес — невольно создать оружие, ныне направленное против их искренних, но все же не совсем верных убеждений³⁵.

День неизбежного великого сражения между креационистами³⁶, или христианами и всеми, кто верит в так называемый акт творения и персонифицированного бога, и эволюционистами³⁷, то есть индусами, буддистами, разного рода вольнодумцами и, наконец, но не в последнюю очередь, большинством ученых, уже недалек; и потому нелишним будет еще раз вспомнить и коротко изложить позицию как тех, так и других.

1. Христианский мир настаивает на своем праве распоряжаться жизнью животного, основывая свои претензии на: а) упомянутых выше библейских текстах и их последующих схоластических интерпретациях; б) предполагаемом отсутствии у животных души, аналогичной божественной или человеческой: человек продолжает жить после смерти, животное — *нет*.

2. Восточные эволюционисты, основывая свои выводы на авторитете великих философских систем, утверждают, что убийство всякого живого существа (по причинам, изложенным на предыдущих

³⁵ Справедливости ради следует признать, что де Мирвиль первым признал заблуждение церкви в данном вопросе и попытался — насколько ему хватило сил и смелости — встать на защиту животных.

³⁶ * *Креационизм* (лат.) — теистическое направление в биологии, считающее, что возникновение мира, Земли, жизни, человека есть результат божественного творения, отрицающее изменение видов в их историческом развитии.

³⁷ * *Эволюционизм* — учение о естественных законах исторического развития органического мира и путях управления развитием организмов; согласно материалистическому учению Ч.Дарвина основными факторами эволюции являются изменчивость, наследственность и естественный отбор.

страницах) есть грех против эволюционного продвижения и трудов природы.

3. Западным эволюционистам, вооруженным новейшими достижениями науки, нет никакого дела ни до христиан, ни до язычников. Некоторые ученые верят в эволюцию, а некоторые — нет. Но в одном, по крайней мере, они вполне солидарны, а именно в том, что физическое, точное исследование не дает никаких оснований полагать, что человек имеет больше шансов оказаться обладателем бессмертной, божественной души, нежели, скажем, его собака.

Таким образом, если азиатские эволюционисты обращаются с животными так, как им предписывают их научные и религиозные убеждения, ни христианская церковь, ни материалистические школы так и не выработали традицию конкретного практического применения для своих теорий. Первые, утверждая, что каждое живое существо было расчетливо и намеренно создано Богом (так же, как, возможно, и каждый человеческий младенец) и потому с момента своего рождения и до самой смерти находится под неусыпной опекой мудрого и доброго Провидения, в то же время наделяют низшие создания одной лишь временной, смертной душой. Последние, называя и человека, и животное одинаково бездушными порождениями некоей до сих пор не открытой природной силы, на практике почему-то возводят между ними непреодолимую стену.

Человек науки — наиболее убежденный материалист — приходит в ужас от одной только мысли о нанесении какого-либо увечья своему собрату-человеку (не говоря уже о том, чтобы замучить его до смерти), но при этом без всяких содроганий учиняет вивисекцию над живым животным. Среди этих великих материалистов (несмотря на то, что многие из них все-таки склонны считать себя людьми религиозными) вряд ли можно найти таких, кто мог бы последовательно и логично

определить истинный моральный статус животного на этой планете и диапазон человеческих прав над ним.

Теперь необходимо привести несколько примеров, подтверждающих истинность вышеприведенных заключений. Рассчитывая на достаточно высокий уровень культуры своего читателя, я могу заранее утверждать, что многие авторитеты, здесь цитируемые, хорошо ему знакомы, вследствие чего достаточным будет ограничиться кратким изложением сделанных ими выводов (начав со священнослужителей).

Как уже было сказано, церковь настаивает на *подлинности* чудес, производимых ее святыми. Среди множества подобных сверхъестественных проявлений мы изберем только те, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме, а именно — чудесные воскрешения мертвых животных. Как мы видим, те, кто наделяет человека бессмертной душой, независимой от тела, которое она оживляет, готовы с легкостью уверовать в возможность возвращения души — вследствие какого-то божественного чуда — в оболочку, которую она покинула, казалось бы, навсегда. Но как можно распространять аналогичную возможность на животных, если та же самая вера учит, что животное не имеет независимой души и его душа умирает вместе с телом?

Более двух столетий начиная со времени Фомы Аквинского церковь убежденно проповедовала, что душа животного умирает вместе с его физическим организмом. Что же в таком случае возвращается, заново оживляя прах? За разрешение этого вопроса взялась схоластика; и вот — невзирая на очевидную сложность задачи — ее стараниями неразрешимые противоречия наконец удалось примирить.

Церковники, как правило, начинают с того, что называют чудесные воскрешения животных явлением частым и столь же несомненным, как

и «воскресение Господа нашего Иисуса Христа». (De Beatificatione, etc., by Pope Benedict XIV). Болландисты³⁸ приводят соответствующие примеры в огромном количестве. Как остроумно отмечает агиограф³⁹ XVII столетия отец Бюрины⁴⁰ — в связи с чудесным *воскрешением* дрофы святым Реми:

Мне скажут, без сомнения, что я сам — гусак, если верю во все эти «сказки синей птицы»... Такому шутнику я отвечу, что если он намерен оспорить это утверждение, то ему придется также вычеркнуть из жизни Святого Исидора Испанского⁴¹ тот эпизод, когда он оживил мертвую лошадь своего учителя; из биографии Святого Николая из Толентино⁴² — случай, когда он вернул к жизни куропатку вместо того, чтобы съесть ее; а говоря о Святом Франциске, позабыть, что он когда-то вытащил тушу ягненка из горячей печи, где он жарился, и оживил его, а также то, что ему удалось однажды воскресить *вареных* рыб, после чего они начали *плавать в соусе*... Кроме того, ему [скептику] придется иметь дело с более чем сотней свидетелей (из числа которых хотя бы некоторых можно с уверенностью признать людьми вполне здравомыслящими), доказывая, что все они — либо лжецы, либо глупцы.

³⁸ * *Болландисты* — историки и филологи XVII в., большей частью иезуиты, предпринявшие сбор документов и издание самой представительной коллекции житий святых.

³⁹ * *Агиография* — церковно-житийная литература.

⁴⁰ * *Бюрины Жан Левек де* (1692-1785) — французский историк. В 1713 г. вместе со своим братом начал составлять словарь всемирного знания, заключавший в себе самый разнообразный материал. Его сочинения свидетельствуют об обширных познаниях; в составленных им жизнеописаниях Гроция и Эразма встречаются такие даты, которые не содержатся более ни в одном другом источнике.

⁴¹ * *Святой Исидор Испанский* — (по всей вероятности речь идет об Исидоре Севильском) (ок. 570-636) — выдающийся испанский энциклопедист и историк, архиепископ Севильский. Предание прославило его как чудотворца и святого.

⁴² * *Николас из Толентино* (1246-1306) — итальянский священнослужитель и аскет. Ощувив призвание к религиозной жизни, посетил несколько монастырей, дабы познать пути к совершенству. После посвящения в сан около 30 лет проповедовал в Толентино. Говорят, что он отличался ангельской кротостью и бесхитростной простотой. Его гробница в Толентино по сей день остается объектом почитания.

Вышеприведенный пример подтверждается и другим, гораздо более авторитетным, нежели отец Бюрины, служителем церкви, а именно — папой Бенедиктом (Бенуа) XIV⁴³. (В числе множества свидетелей этих воскрешений болландисты называют такие имена, как Святой Сильвестр, Франсуа де Поль, Северин Краковский и др.) «Только он добавляет, — говорит цитирующий его кардинал де Вентура⁴⁴:

...что подлинное воскрешение подразумевает *точное и идентичное* воспроизведение формы⁴⁵, так же как и субстанции, присущих умершему при жизни; и коль скоро эта форма (или душа) животного всегда умирает вместе с его телом согласно учению Святого Фомы, то Богу в каждом таком случае чудесного воскрешения приходится создавать для воскрешаемого животного новую форму; из чего следует, что воскрешенное животное *не* полностью *тождественно* тому, которое было до смерти (*non idem omnino esse*). (Pope Benedict XIV, De Beatificatione, etc., lib. IV, chap. XXI, art. 6).

Все это сильно напоминает магическую майю. И хотя данное объяснение вряд ли можно назвать исчерпывающим, из него со всей очевидностью проистекает следующий вывод: поскольку принцип, одушевлявший тело животного при жизни — его временная душа, умирает или дезинтегрируется после смерти тела, Бог ради сотворения чуда воскрешения *создает* «нечто вроде *оживляющей души*» — как сообщают нам папа и кардинал, — души, опять-таки отличной от человеческой и потому не являющейся «самостоятельной, эфирной и вечной сущностью».

⁴³ * Бенедикт XIV (1675-1758) — папа с 1740 г. Является автором трудов по каноническому праву. Известен определенной терпимостью к процессам, происходившим в общественной жизни в эпоху Просвещения.

⁴⁴ * Вентура Джоаккино (1792-1861) — итальянский проповедник, писатель и философ. В 1808 г. вступил в Орден иезуитов. Прославился как католический журналист и проповедник. Настаивал на разделении церковной и светской власти.

⁴⁵ В схоластической философии словом «форма» обозначается

нематериальный принцип, *оживляющий или одушевляющий тело*.

Помимо вполне естественного протеста против классифицирования подобного явления как «чуда», производимого святым, — ибо за спиной у него в данном случае стоит Бог, «создающий» ради вящей славы одного святого совершенно новую душу, равно как и новое тело, — уже само учение Фомы вызывает возражения. Ибо, как вполне резонно замечает Декарт⁴⁶:

Если душа животного все же отлична от его тела (и, следовательно, нематериальна), то можем ли мы при этом не считать ее *духовной* и, следовательно, *разумной*?

Вряд ли необходимо напоминать читателю, что Декарт представлял себе животное как обычный автомат, «хорошо заведенный часовой механизм», как сообщает Мальбранш⁴⁷. Таким образом, принять картезианскую⁴⁸ теорию о животных — значит разделять взгляды современных материалистов. А если автомат способен ощущать любовь, благодарность и т.п., и, без сомнения, наделен памятью, то все эти качества должны быть «свойствами материи», ибо так нас учит материализм. Но если животное — «автомат», то почему нельзя сказать то же самое о человеке? Точная наука — анатомия, физиология и пр. — не находит ни малейшей качественной разницы между телами людей и животных; и, как справедливо замечает Соломон, кто знает: «восходит ли вверх» дух человека, и если — да, то почему этот путь должен быть закрыт для животных? Таким образом, в своей метафизике Декарт так же непоследователен, как и прочие.

⁴⁶ * *Декарт Рене* (1596-1650) — французский философ, математик, физик и физиолог. В основе философии Декарта — дуализм души и тела.

⁴⁷ * *Мальбранш Никола* (1638-1715) — французский священник и философ. Объявив себя последователем Декарта, создал идеалистическую систему окказионализма. Но если Декарт отделял научный метод от истин веры, то Мальбранш стремился научно обосновать превосходство веры над разумом.

⁴⁸ * *Картезианство* — направление в философии и естествознании XVII—XVIII вв., теоретическим источником которого были идеи Р.Декарта. Основа

картезианства — последовательный дуализм.

Что же говорит по этому поводу сам Святой Фома? Наделяя животных душою (*анима*) и называя ее *нематериальной*, он в то же время отказывается признать ее *духовной*. Как он сам это объясняет:

Ведь в этом случае подразумевалось бы наличие *разума*, добродетели и других особых свойств, присущих только человеческой душе. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 153).

Однако на Четвертом Латеранском Соборе было решено, что

...Бог создал две отличные друг от друга субстанции — плотскую (*mundanam*) и духовную (*spiritualem*); и все, что не плотское, по необходимости является духовным...⁴⁹

Святому Фоме приходится идти на своего рода компромисс, который не называют отговоркой лишь благодаря тому, что это — слова святого. Вот что он говорит:

Душа животного не является ни духом, ни телом, но имеет промежуточную природу⁵⁰.

Не очень удачное заявление. Ибо сам же Святой Фома далее говорит:

...Все души — даже у растений — имеют форму своих тел...

и если это справедливо для растений, то разве не справедливо также и для животных? Разумеется, это не «дух» и не материальная субстанция, но нечто, имеющее, по определению Святого Фомы, «промежуточную природу». Однако если душа есть даже у растений, для

⁴⁹ * Фрагмент заимствован из первой kapituly Четвертого Латеранского Собора (Двенадцатого Вселенского Собора, созванного в 1215 г. н.э.), в которой имеется следующий пассаж: «...Четвертый Латеранский Собор... провозгласил Бога “единым принципом всех вещей, Творцом всех вещей — видимых и невидимых, духовных и телесных, с самого начала времен, своей всемогущей силой сотворившим все духовное и телесное — то есть мир ангельских и земных существ, и, наконец, человека, причастного к обоим мирам, так как он состоит из тела и духа”».

⁵⁰ Цитируется кардиналом де Вентурой в его «Philosophie Chretienne», Vol. II, c. 386; см. также: de Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 153.

чего отрицать возможность ее выживания после смерти тела и даже бессмертного существования? Противоречие настолько очевидно, что сам де Мирвиль в отчаянии восклицает:

Значит, теперь перед нами уже три субстанции, а не две, как было установлено Латеранским Собором!⁵¹

и далее начинает противоречить, насколько ему хватает смелости, «ангельскому доктору».

Великий Боссюэ (см.: «Traite de la connaissance de Dieu et de soi-meme») анализирует и сравнивает системы Декарта и Святого Фомы. Никто не может упрекнуть его в том, что в плане логики он отдает предпочтение Декарту; но он полагает, что картезианское «открытие», согласно которому животное есть «автомат», «обеспечивает лучший выход из затруднения», нежели учение Святого Фомы, полностью разделяемое католической церковью. По этой причине отец Вентура сердится на Боссюэ, сетуя на совершение им «столь прискорбной и опасной ошибки». Хотя кардинал и признает наличие у животных души со всеми присущими ей атрибутами, такими как ощущения, привязанности и антипатии, он все же отказывает им в разуме и способности мыслить, следуя учению своего патрона — Святого Фомы.

Позиция Боссюэ, — заявляет отец, — тем более ущербна, что он сам же добавляет: «Я предвижу великую войну против учения церкви, которая развернется под знаменем картезианской философии»⁵².

И тут он прав, потому что из «чувствующей материи» мозга животного естественным образом проистекает локовская *мыслящая материя*, а из последней — все материалистические школы нашего столетия. Но слабым местом в его воззрениях остается все та же доктрина Святого Фомы, полная изъянов и противоречий. Ибо если

⁵¹ * См.: *De Mirville. Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 153.*

⁵² * См.: *Ventura. Philosophie Chretienne, Vol. II, p. 406.*

душа животного, как учит римская церковь, является оживляющим нематериальным принципом, то очевидно, что, будучи независимой от физического организма, она не может «умереть вместе с животным», так же как и душа человека. А если мы признаем, что она тоже продолжает жить после смерти тела, то чем она отличается от человеческой души? Но душа человека бессмертна, о чем говорит и сам Святой Фома, хотя из-за этого вновь попадает в лабиринт противоречий.

Душа человека бессмертна, а душа животного обречена на гибель, — говорит он (Summa..., Vol. V, p. 164), ранее вопросив в этом же грандиозном сочинении (Vol. II, p. 256), —

...бывают ли такие существа, которые вновь возвращаются в ничто?

На этот вопрос он сам же и отвечает:

Нет, ибо в «Екклесиасте» (III, 14) сказано: «...что делает Бог, пребывает вовек...» У Бога «нет изменения и ни тени перемены». (Иак., I, 17).

Следовательно, — продолжает Святой Фома, — ни естественный порядок вещей, ни какое-либо чудо не в состоянии заставить божью тварь вернуться в ничто (исчезнуть); *и ничто в создании божьем не исчезает*, ибо то, что заключает в себе великий свет божественной благодати, служит залогом неистребимости всякого существа. (Фома Аквинский, «Сумма теологии»).

Эту фразу прокомментировал и подтвердил ее точность в специальном примечании аббат Дриу — переводчик.

Именно так, — отмечает он, — ...ничто не исчезает; этот принцип уже стал для современной науки чем-то вроде аксиомы...

А коль скоро это так, то почему из этого универсального закона природы, признанного как наукой, так и теологией, для души животного, и только для нее, должно делаться исключение? Даже если животное *лишено разума* (в чем, впрочем, сильно усомнился бы любой непредвзято мыслящий человек).

Переходя от схоластической философии к естественным наукам, формулируем теперь возражения натуралистов, также не признающих, что животное обладает интеллектом, а следовательно, — бессмертной душой.

Чем бы ни было то, что думает, воспринимает и действует, оно должно иметь божественную, небесную природу и на этом основании оставаться вечным и нетленным⁵³, —

писал Цицерон почти две тысячи лет тому назад. Несложно понять, почему м-р Гексли не соглашался с распространенным мнением, будто Святой Фома Аквинский — «король метафизиков» — безоговорочно верил во все чудеса воскрешения, произведенные Святым Патриком⁵⁴.

В самом деле, когда речь идет о таких невероятных вещах, как вышеописанные чудеса, преподносимые церковью своим последователям как бесспорная истина, церковным теологам следует проявлять бдительность, чтобы, по крайней мере, высшие авторитеты церкви не противоречили друг другу, демонстрируя тем самым полное невежество в вопросах, возводимых, несмотря ни на что, в ранг учения.

Животным, таким образом, было отказано в прогрессе и бессмертии, поскольку животное — «автомат». Согласно Декарту, у

⁵³ * *Cicero. Tusculan Disputations*, I, XXVII (66).

⁵⁴ Святой Патрик, как говорят, христианизировал «самую сатанинскую страну на планете — Ирландию, не знавшую *ничего, кроме магии*», и превратил ее в «остров святых», благодаря воскрешению «шестидесяти человек, ранее умерших». «*Suscitavit sexaginta mortuos*» («*Roman Breviary*», 1520. *Lectio I, II*). В рукописи, считающейся знаменитой исповедью этого святого и сохранившейся в соборе Солсбери («*De Script. Hibern.*», lib. II, cap. I), собственной рукою Святого Патрика написано: «Мне — низжайшему из людей и величайшему грешнику — Бог даровал тем не менее ради противопоставления магическим действиям этого варварского народа чудотворную способность, какой не было даже у величайших из наших апостолов, ибо Он позволил мне, кроме прочих чудес (таких, как воскрешение животных и пресмыкающихся тварей), оживлять мертвые тела, уже много лет как обратившиеся во прах». Безусловно, перед таким чудом воскрешение Лазаря выглядит малозначительным инцидентом.

животных нет разума, и в этом с ним солидарна средневековая схоластика; у животных могут быть только инстинкты, которые представляют собой произвольные импульсы (таково утверждение материалистов, не признаваемое тем не менее церковью).

Об интеллекте и инстинкте у животных уже достаточно написали Фредерик и Жорж Кювье⁵⁵. Их идеи на этот счет были собраны и опубликованы Флурансом⁵⁶ — ученым секретарем Академии наук. Вот, что пишет Фредерик Кювье, тридцать лет руководивший зоологическим отделом Музея естественной истории в парижском Ботаническом саду:

Заблуждение Декарта или, вернее, общее заблуждение вызвано отсутствием четкого разграничения между *интеллектом* и *инстинктом*.

Сам Бюффон⁵⁷ тоже попал в эту же западню, из-за чего вся его

⁵⁵ Позже немалый свет на эту проблему пролили доктор Романес** и доктор Батлер***.

* *Кювье Жорж* (1769-1832) — французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных.

** *Романес Джордж Джон* (1848-94) — британский биолог. Еще в юности познакомился и подружился с Чарльзом Дарвином, чьи теории затем пропагандировал всю свою жизнь. В 1881 г. вышла в свет его книга «Животный разум» и в 1883 — книга «Ментальная эволюция животных», в которых он указывает на параллельность развития интеллекта у животных и у человека. За ними последовала (в 1888 г.) книга «Ментальная эволюция человека», в которой утверждается сущностное сходство мыслительных процессов у высших животных и человека. В своем «Критическом исследовании вейсманизма» (1892) поддерживает теорию наследственности приобретенных характеристик.

*** *Батлер Сэмюэл* (1612-1680) — английский поэт-сатирик. Написал много сатирических поэм, но, несмотря на свою славу, жил в бедности и был похоронен на средства своего друга.

⁵⁶ * *Флуранс Пьер Жан Мари* (1794-1867) — французский физиолог. Получив степень доктора медицины, занялся физиологическими исследованиями. В 1833 г. по просьбе Кювье был назначен постоянным секретарем Академии наук. В 1846 г. стал пэром Франции. Привлек внимание Академии наук к анестезирующему воздействию хлороформа.

⁵⁷ * *Бюффон Жорж Луи Леклерк* (1707-88) — французский естествоиспытатель. В своем основном труде «Естественная история» высказал представление о развитии земного шара и его поверхности, о единстве плана строения органического мира.

зоологическая теория оказалась крайне противоречивой. Признавая наличие у животных чувств, зачастую более острых, чем человеческие, равно как и осознание ими факта собственного существования, он в то же время отрицает наличие у них *мысли, рефлексов, памяти* и так далее — шаг за шагом — всякую возможность мышления. (Buffon, Discours sur la nature des animaux, Vol. VII, p. 57).

Разумеется, ограничиться только этим он не мог, и потому признал далее, что животные обладают *своего рода* памятью — *активной, обширной* и гораздо более цепкой, нежели наша (человеческая) память (Buffon, Discours sur la nature des animaux, Vol. VII, p. 77). Отвергнув возможность существования у животного *интеллекта*, он в то же время признает за ним способность

...советоваться со своим хозяином, *спрашивать* его и правильно *истолковывать* каждое проявление его воли. (Buffon, Discours sur la nature des animaux, Vol. X, p. 2).

Согласитесь, вряд ли можно было ожидать от великого ученого такого странного нагромождения противоречивых заявлений.

Поэтому прославленный Ф.Кювье был абсолютно прав, когда позволил себе следующее замечание:

...С этим новым механизмом Бюффона еще труднее разобраться, чем с «автоматом» Декарта. (Biographie Universelle, etc., 1847, p. 119. Статья Ф.Кювье о жизни Бюффона).

Как уже было отмечено, необходимо провести разграничительную линию между инстинктом и интеллектом. Сооружение пчелами ульев, возведение плотин бобрами (на реке или даже на сухой поверхности, по воле натуралиста) суть деяния и следствия инстинкта — навеки неизменного и непреложного; в то время как действие интеллекта явно прослеживается в осмысленных действиях животного, когда активизируется уже не инстинкт, но разум, благодаря которому животное можно обучать и тренировать. Уже одна эта возможность

обучения животного указывает на его способность к совершенствованию и развитию. Человек наделен разумом, но у ребенка пока есть только инстинкты; а молодое животное демонстрирует и то, и другое в гораздо большем объеме, нежели человеческий младенец.

Уверена, что все участники дискуссии о душах животных знают обо всем этом не хуже, чем мы с вами. И если материалисты не признаются в этом, то лишь потому, что им мешает гордость. Не признавая наличия души ни у человека, ни у животного, они упрямо не желают соглашаться с тем, что последние наделены интеллектом — так же, как и они сами, пусть даже в несравнимо меньшей степени. В свою очередь церковники, натуралисты религиозного склада и современные метафизики тоже не отваживаются признать, что человек и животное одинаково наделены душой и одними и теми же способностями — хотя и различающимися по степени своего развития и совершенства, но, по крайней мере, тождественными по своей сути и происхождению. Каждый из них знает (во всяком случае, должен знать), что инстинкт и интеллект — две обособленные противоположности в природе, два соперника, находящиеся друг с другом в постоянном конфликте; и если они не готовы принять версию существования двух душ, или принципов, им придется признать, по крайней мере, наличие у души двух потенциальных возможностей, каждая из которых имеет свою определенную локализацию в клетках мозга, что хорошо известно нашим физиологам, вследствие чего они вполне могут отделять или даже временно уничтожать какую-либо из этих двух способностей, воздействуя на тот или иной орган или часть органа во время своих ужасных вивисекционных пыток. И что же, как не обычная человеческая гордость, побудило самого папу сказать следующее:

Спросишь: для кого все звезды? твердь дана кому?

И услышишь — скажет гордость: «Мне лишь одному.

Для меня природа будит жизнь и красоту.
Для меня была и будет вся земля в цвету.
Для меня лоза и роза расцветают в срок,
Чтоб дарить хмельные росы и медвяный сок.
Мне богатства открывают сотни рудников,
Мне здоровье обещают сотни родников.
Дарит солнце светлый день мне; море даст улов.
Вся земля — мои владенья; небо — мой покров».⁵⁸

Та же самая неосознанная гордость подтолкнула Бюффона к тем парадоксальным высказываниям об отличии животного от человека, которые мы находим в его сочинении. Это отличие состоит в «отсутствии у животного мышления, ибо оно, — по словам Бюффона, — не чувствует того, что чувствует». Любопытно, откуда Бюффон это знает? «Оно не думает о том, что думает», — добавляет он, предварительно сообщив читателю о том, что животное способно запоминать (зачастую намеренно), сравнивать и выбирать!⁵⁹

Кто станет утверждать, что корова или собака могут быть идеологами? Но все же животное может думать и знать, что оно думает; причем его чувства должны быть тем более обостренными, что животное не может говорить и, следовательно, не может выразить свои мысли вслух. Откуда такая уверенность у Бюффона и у всех остальных? Все-таки благодаря точным исследованиям натуралистов удалось кое-что установить, а именно — то, что животные действительно обладают интеллектом; и коль скоро этот вопрос уже не оставляет сомнений, то, повторив данное Фомой Аквинским определение интеллекта как свойства исключительно бессмертной человеческой души, мы можем заключить, что такая же душа должна быть и у животного.

⁵⁸ * «An Essay on Man», Epistle I, lines 131—140.

⁵⁹ *Discours sur la nature des animaux.*

Воздавая должное *истинной* христианской философии, мы можем лишь добавить, что раннее христианство никогда не придерживалось столь жестоких доктрин, ставших впоследствии подлинной причиной отхода многих достойных людей и блестящих умов от учения Христа и его учеников.

III

О Философия, ты — светоч жизни, искатель добродетели!

Цицерон

Философия — скромная профессия, которая имеет дело лишь с реальными и понятными вещами; мне претят напыщенность и претенциозность, за которыми нет ничего, кроме гордыни.

Плиний

Судьба человека — от самого примитивного и скотоподобного до самого святого — бессмертие — так учит нас теология; но какова же будущая судьба бесчисленных представителей животного царства? Разные римско-католические авторы — кардинал де Вентура, граф де Местр⁶⁰ и многие другие — говорят нам, что «животная душа есть *сила*».

Общеизвестно, что душа животного, эхом вторит им де Мирвиль, —

...создана *из земли*, ибо так говорит Библия. Всякая живая и активная душа (*нефеш*, или жизненный принцип) исходит из земли; но, как бы это точнее сказать, не из того праха, из которого состоят тела животных, равно как и наши тела, а из *силы* земли — из нематериальной ее *силы* (ибо все силы нематериальны)... соединенной с силами *моря, воздуха* и т.д., то есть с силами тех *царств элементариев* (*principautes elementaires*), о которых уже говорилось выше (а именно — в «Des Esprits», etc., 2nd Memoire, chap. XII, Cosmolatrie).

⁶⁰ * Местр Жозеф Мари де (1753-1821) — французский писатель, политический деятель и религиозный философ.

Под этим термином маркиз Эд де Мирвиль понимает то, что каждый «элемент» (или стихия) в природе является самостоятельным царством, населенным и управляемым присущими ему невидимыми духами. Западные каббалисты и розенкрейцеры называют их сильфами, ундинами, саламандрами и гномами; христианские мистики, такие как де Мирвиль, дают им еврейские имена и классифицируют как различные категории демонов, находящихся под началом у Сатаны (с Божьего позволения, разумеется).

Де Мирвиль тоже восстает против Святого Фомы, который учит, что душа животного умирает вместе с его телом. «Та сила, которую нам предлагают уничтожить, — рассуждает он, — есть самая *существенная* сила на Земле, именуемая *животной душой*»; она же является согласно преподобному отцу Вентуре «самой *значительной* душой после человеческой». Только что он называл ее нематериальной силой, а теперь, как видите, говорит о ней как о «самой *существенной* силе на Земле». (Vol. VI, p. 158).

Но что это за сила? Жорж Кювье и академик Флуранс раскрывают нам ее секрет.

Форма, или сила, тела [не следует забывать, что под формой в данном случае подразумевается душа], — пишет первый, — гораздо более важна для них, нежели материя, поскольку последняя (даже не будучи разрушаемой) постоянно меняется, тогда как форма **остается**». На это Флуранс, которого мы цитировали выше, замечает: «Во всем, что живет, форма проявляет большую *устойчивость*, нежели материя... так как то, что составляет **существо** живого тела, его индивидуальность и «самость», есть его форма. (De la Longevite humaine et de la Quantite de Vie sur le Globe, pp. 50, 49, 53).

«Учитывая, — отмечает в свою очередь де Мирвиль, — что это — доминирующий принцип и философский залог нашего бессмертия»⁶¹, мы можем предположить, что под этим обманчивым термином на самом деле подразумевается душа — и человеческая, и животная. По моему мнению, это скорее то, что мы называем **единой жизнью**.

Как бы то ни было, но философия — и мирская, и религиозная — подтверждает вывод, что обе «души» идентичны в человеке и в животном. Похоже, что Лейбниц — философ, которого обожают Боссюэ, — тоже верил в какой-то мере в «животное воскресение». Смерть была для него «всего лишь *временным затемнением личности*»; он уподобляет ее сохранению мыслей во сне или же бабочке, пребывающей в состоянии гусеницы. Для него, сообщает де Мирвиль, —

...воскресение⁶² является всеобщим законом в природе; и в чудо оно превращается лишь тогда, когда производится кудесником, в силу своей преждевременности, нетипичности обстоятельств и способа своего осуществления⁶³.

В данном случае Лейбниц, сам того не подозревая, рассуждает как настоящий оккультист. Рост и цветение растений в пятиминутный срок вместо положенных дней и недель, ускоренный рост и развитие растений, животных и людей суть факты, письменно зафиксированные оккультистами. Они только кажутся чудесными; на самом же деле производительные силы природы могут ускоряться и тысячекратно интенсифицироваться посвященными благодаря знанию ими оккультных законов. Аномально быстрый рост вызывается силами природы — либо слепыми, либо частично разумными, подвластными

⁶¹ De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 158.

⁶² Оккультисты называют его «трансформацией» в последовательной череде жизней, по истечению которой как раз и наступает окончательное, *нирваническое* воскресение.

⁶³ * De Mirville. Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 163.

окультному воздействию человека, — когда они собраны вместе и направлены на создание какой-либо вещи из ее пока еще хаотически разбросанных элементов. Но для чего же называть этот феномен божественным чудом, как это делают одни, или сатанинскими происками и богохульным мошенничеством, как это делают другие?

Будучи настоящим философом, Лейбниц никак не мог пренебречь даже таким опасным вопросом, как воскресение из мертвых, и в результате включил в него огромное животное царство во всей его совокупности.

Я считаю, — пишет он, — что души животных тоже вечны... и невозможно найти лучшего свидетельства в пользу нашего собственного бессмертия. (Leibnitz, «Opera philos»).

В 1748 г. миддлтонский приходской священник Дин опубликовал в поддержку Лейбница две небольшие книги. О высказываемых им идеях лучше всего судить по следующему фрагменту:

...В святом Писании неоднократно встречаются указания на то, что для животных тоже существует будущая жизнь. Это учение разделяли некоторые отцы церкви. Здравый смысл, подсказывающий нам, что у животных тоже есть душа, убеждает нас в том, что и будущая жизнь для них также возможна. Тогда как позиция тех, кто верит, будто Бог уничтожает душу животного, ничем не подкреплена и не имеет под собою достаточных оснований» и т.д., и т.п. (Bibliothèque des sciences, Vol. XXIX, 1768).

Многие ученые прошлого столетия встали на защиту гипотезы Дина, объявив ее в высшей степени правдоподобной. Особенно преуспел в этом один протестантский теолог — Шарль Бонне⁶⁴ из Женевы. Этот

⁶⁴ * Бонне Шарль (1720-93) — швейцарский натуралист и философ. Получил юридическое образование и стал законоведом, но главным его увлечением всегда были естественные науки. С 1740 г. — член Академии Наук, и с 1743 г. — Королевского Общества.

теолог написал весьма курьезную книгу, названную им «Палингенез»⁶⁵ или «Новое рождение» (которое, как он пытался доказать, имеет место благодаря некоему невидимому зародышу, заключенному в каждом человеке, и не только человеке, поскольку он, так же как и Лейбниц, никак не мог взять в толк, почему из этой системы надо было исключить животных, ибо в этом случае она теряла свою целостность, ведь сам термин «система» обозначает «собрание законов»⁶⁶).

Животные [пишет он] — все равно что увлекательные книги, в которых творец описал наиболее любопытные грани своего безграничного разума. Анатом должен изучать их с должным *уважением*; и если у него есть хотя бы крупца той интуитивной деликатности, которая отличает человека морального, он не станет воображать, листая эти страницы, будто перебирает в руках бесчувственные камни. Он никогда не забудет о том, что всё, что живет и чувствует, имеет право на его сострадание и милосердие. Человек рискует поставить под сомнение свою этическую состоятельность, если его имя будет слишком часто связываться со страданиями и кровью животных. Эта истина настолько очевидна, что власть предержащим никогда не следует упускать ее из своего поля зрения... Что же касается гипотезы *автоматизма*, то я склонен считать ее философской ересью, очень опасной для общества, так как она слишком сильно извращает здравый смысл и естественные чувства человека, чтобы ее можно было считать безвредной. Но как раз поэтому она никогда не получит всеобщего признания.

Что же до дальнейшей судьбы животных, то, если моя гипотеза верна, провидение должно даровать им огромное воздаяние в будущих состояниях⁶⁷... Я считаю, что их воскресение возможно благодаря душе

⁶⁵ Из двух греческих слов: γενεομαι — «рождаться», и παλι — «снова».

⁶⁶ См.: La Palingenesie philosophique, Vol. II. Также: De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. VI, p. 164.

⁶⁷ Мы тоже верим в «будущие состояния» для животных — всех, начиная с высших и заканчивая *простейшими инфузориями*; но мы рассматриваем их как цепь перерождений, в каждом из которых животное приобретает более высокую форму

или форме, наличие которой мы необходимо должны у них признать, ибо душа, будучи простой субстанцией, не может быть *ни разделена, ни растворена, ни тем более уничтожена*. Не признать это заключение — значит неизбежно скатиться к Декартову автоматизму; а затем от автоматизма животного очень скоро и неизбежно приходишь к такому же автоматизму человека...

Современные биологические школы признали теорию «человека-автомата», но это не значит, что их ученики не могут выработать собственных взглядов на сей счет. Я же в данный момент намерена привести окончательное и неоспоримое доказательство того, что ни Библия, ни даже самые философичные ее толкователи — как бы, возможно, ни подводила их интуиция в иных вопросах — *никогда не отрицали бессмертную природу души животного*; более того, *основываясь на тексте Ветхого Завета*, они именно в ней видели самое надежное свидетельство наличия аналогичной души у человека. Достаточно только прочесть некоторые стихи из «Книги Иова» и «Екклесиаста» (III, 17-22), чтобы прийти к вышеуказанному заключению. Правда состоит в том, что там не сказано ни единого слова о будущих состояниях ни того, ни другого. Но если в Ветхом Завете нет никаких определенных указаний на бессмертие души животного, то, напротив, в Новом Завете об этом сказано так же ясно, как и о самом человеке; и теперь я намерена окончательно и бесповоротно доказать это во имя блага всех тех, кто высмеивает индусский *филозоизм* и кто настаивает на своем праве убивать животных по своему желанию и ради собственного удовольствия.

В конце 1-ой части Святой Павел был упомянут как поборник бессмертия для всех животных. По счастью, это не то заявление, от

вплоть до человека и далее. Словом, мы верим в эволюцию в самом полном смысле этого понятия.

которого христиане могут с легкостью отмахнуться как от «богохульной и еретической трактовки святого Писания группой атеистов и вольнодумцев». Если бы все исполненные высшей мудрости слова апостола Павла (который был прежде всего Посвященным, а уж потом — «всем остальным») были столь же очевидны и понятны, как те его строки, которые посвящены животным! Ибо, как будет показано ниже, и закон сохранения материи, провозглашаемый материалистической наукой; и закон вечной эволюции, столь решительно отвергаемый церковью; и вездесущность **единой жизни** или объединяющее присутствие во всей природе **единого элемента**, постулируемое эзотерической философией; и тайный смысл «Послания к Римлянам» Святого Павла (VIII, 18-23) суть одно и то же, чему мы намерены привести несомненные и безупречные доказательства. В самом деле, что еще мог иметь в виду этот великий исторический деятель, бесспорно знакомый с философией александрийских неоплатоников⁶⁸, говоря то, что я цитирую ниже, комментируя его слова в свете оккультизма, дабы сделать более понятной свою мысль?

Апостол начинает со слов о том (Рим., VIII, 16-17), что «*сей самый Дух*» (*Параматман*) «свидетельствует духу нашему» (*Атман*) «что мы — дети Божии», и «*если дети, то и наследники*», — то есть наследники вечности и неразрушимости заключенной в нас бессмертной или божественной сущности. Далее он говорит нам, что: «...нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас». (VIII, 18).

⁶⁸ * *Неоплатонизм* — эклектическая, пантеистическая школа философии, основанная в Александрии Аммонием Саккасом, во главе которой стоял его ученик Плотин. Она стремилась примирить учение Платона и систему Аристотеля с восточной теософией. Ее главными занятиями были чисто духовная философия, метафизика и мистицизм. В последствии была введена и теургия.

Думается, что «слава», о которой идет речь, не «Новый Иерусалим» — символическое изображение будущего в каббалистических «Откровениях Иоанна Богослова», — но периоды пребывания в *дэва-кхане*, а также цепь рождений в последовательно сменяющих друг друга Расах, когда с каждым воплощением мы становимся все выше и совершеннее как физически, так и духовно, чтобы в конечном счете стать настоящими «сыновьями» и «детьми Божьими» в час «последнего Воскресения», как бы ни называли его люди — христианским, нирваническим или парабрахмическим, поскольку все это на самом деле — одно и то же. Воистину, «...тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих...» (VIII, 19).

Под словом «тварь» здесь подразумеваются животные, что будет убедительно продемонстрировано ниже со ссылками на авторитет Иоанна Златоуста. Но кто такие эти «сыны Божии», откровения которых с нетерпением ожидают все твари? Может, это те «сыны Божии», с которыми «пришел и сатана» (Иов., I, 6; II, 1); или же «семь ангелов» из «Откровения...»? Присущи ли они только христианству, или же это — «сыны Бога», сущие во всем мире? (См.: Разоблаченная Изида, Т. I).

Упомянутое «откровение» обещают в конце каждой *манвантары*⁶⁹ или мирового периода святые Писания всех великих религий; причем с наибольшей ясностью (если не считать эзотерических комментариев) это обещание изложено в Ведах, где говорится, что в конце каждой *манвантары* наступает *пралайя* или разрушение мира (только одно из них известно и ожидается христианами), после чего остаются только Шишты, или остатки — семь Риши и один воин, а также все «семена», из

⁶⁹ О том, кого называли «сынами Божьими» в древности, подробно говорится в «Тайной Доктрине», в первой ее части (посвященной архаическому периоду), сейчас уже почти готовой*. [*По всей вероятности, речь идет о первом черновике части I].

которых должна развиваться новая человеческая «волна следующего Круга»⁷⁰.

Однако главное для нас не выяснить, кто же из них более прав — христиане или индусы, — но показать, что брамины, свидетельствуя о том, что «семена» всех творений не исчезают в процессе периодических временных разрушений всего видимого мира, так же как не исчезают «сыны Божьи», или Риши, коим предстоит передать откровение будущему человечеству, — говорят не больше и не меньше, чем тот же Святой Павел; так как последний недвусмысленно заявляет:

И сама (ipsa) тварь освобождена будет от рабства тлению,

что может означать только одно: «семя», или неразрушимая душа, хотя и не может достичь дэвакхана будучи в элементарном или животном состоянии, все-таки может усовершенствовать свою форму, прогрессируя в одном направлении с человеком к общей для них обоих цели — «в свободу славы детей Божиих» (VIII, 21).

⁷⁰ Это ортодоксальная индусская, равно как и эзотерическая версия. В своем бангалорском типичном образце «Что есть индусская религия?» Деван Бахадур Рагхунатх Роу из Мадраса говорит следующее: «В конце каждой манвантары наступает разрушение мира; но одному воину, семерым Риши и всем “семенам” удастся спастись от разрушения. Им Бог (или Брахма) передает Главный закон, или Веды... и как только начинается новая манвантара, эти законы снова распространяются... и становятся обязательными... до конца этой манвантары. Эти восемь существ называются *Шиштами* или остатками, потому что только они остаются после того, как все остальное будет разрушено. Их деяния и заповеди называются, соответственно, *Шиштачара*. Они также зовутся “*Садачара*”, так как эти деяния и заповеди — единственное, что существует всегда».

Такова ортодоксальная версия. А ее эзотерический вариант говорит о семи Посвященных, достигших состояния Дхиан Коганов к концу седьмой Расы на этой планете и потому остающихся на ней на всем протяжении ее обскурации вместе с «семенами» всех минералов, растений и животных, коим не хватило времени эволюционировать до состояния человека в предыдущем Круге, или мировом периоде. См.: А.П.Синнетт. Эзотерический буддизм.

Но этой «свободы славы» можно достичь только в процессе эволюции или кармического прогресса всех творений. Бессловесная тварь, эволюционировав из полочувствительного растения, должна постепенно превратиться в человека, духа, Бога *и так далее до бесконечности!* Как говорит сам Св. Павел:

Мы знаем («мы» значит *посвященные*), что вся тварь (в «Вульгате» так и сказано — *omnis creatura*, или *тварь*) совокупно стенает и мучится доныне (в муках рождения). (VIII, 22)⁷¹.

Как видите, перед нами самое очевидное указание на то, что человек и животное пребывают на земле в равных условиях в том, что касается страданий, вызванных нелегким эволюционным продвижением к цели и неотвратимым кармическим законом. А слово «доныне» следует понимать так: до пятой Расы. Чтобы сделать свою мысль еще более понятной, этот великий христианский посвященный дополняет ее следующим высказыванием:

И не только они (животные), но и мы сами, имея начаток духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего. (VIII, 23).

Да, это мы, люди, имеем в себе «начаток духа» или непосредственный парабрахмический свет — нашу атму, или седьмой принцип, благодаря достаточно высокому уровню развития нашего пятого принципа (манаса), гораздо менее развитого у животных. Правда, в порядке компенсации за это их карма не так тяжела, как человеческая. Но это отнюдь не значит, что в один прекрасный день они не достигнут той степени совершенства, которая позволяет полностью развившемуся человеку обрести форму Дхиан Когана.

⁷¹ В оригинальном латинском переводе — «*omnis creatura ingemiscit, et parturit usque adhuc*».

Что может быть понятнее (даже непосвященному и неподготовленному критику), чем эти слова великого апостола, все равно — трактовать ли их в свете эзотерической философии или с позиций средневековой схоластики! Надежду на спасение или вечную жизнь духовной сущности, освобожденной «от рабства тлению» (периодических возвращений в различные материальные формы), разделяют *все живые* твари, а не только человек.

Однако «образец» для животного, печально известный до крайности несправедливым отношением даже к своим собственным собратьям, вряд ли с легкостью согласится признать, что самые высокие его устремления разделяет вместе с ним его домашний скот и даже куры. Известный комментатор библейских текстов Корнелий Лапид был первым, кто прямо обвинил своих предшественников в сознательном и преднамеренном стремлении всеми правдами и неправдами избежать применения слова *тварь* к низестоящим созданиям мира сего. От него мы узнаем, что Святой Григорий Назианзин⁷², Ориген⁷³ и Святой Кирилл⁷⁴ (возможно, тот самый, который отказался признать за человеческое существо Гипатию⁷⁵ и обошелся с нею как с диким зверем) настаивали на том, что под словом

⁷² * Григорий Богослов или Назианзин (329-389) — один из отцов церкви, известный теолог.

⁷³ * Ориген (ок. 185-253/4) — христианский теолог, философ и филолог. Оказал большое влияние на формирование христианской догматики и мистики. Соединяя платонизм с христианским учением, отклонялся от ортодоксального церковного предания, что впоследствии привело к осуждению некоторых из его взглядов.

⁷⁴ Кирилл Александрийский (ум. 444) — отец церкви. Свою епископскую деятельность начал с гонения на еретиков-новациан и иудеев. До позднейшего времени над ним тяготело обвинение в подстрекательстве к убийству знаменитой Гипатии; оно опровергнуто лишь в 1881 г. исследованием католического ученого Коппалика.

⁷⁵ Гипатия из Александрии (370-415) — женщина-ученый, математик, астроном и философ-неоплатоник. Стала жертвой фанатиков-христиан.

тварь в процитированном выше стихе апостол подразумевает ангелов! Но, как отмечает Корнелий, призывая на помощь все того же Святого Фому:

...Это мнение слишком искажено и несправедливо (*distorta et violenta*) и, кроме того, сводится на нет тем фактом, что ангелы уже давно свободны от рабства тлению.

Столь же неубедительным выглядит и предположение Святого Августина⁷⁶, выдвигающего странную гипотезу, согласно которой «твари», упомянутые Святым Павлом, суть «безбожники и еретики» всех времен! Корнелий возражает преподобному отцу так же хладнокровно, как и его предшественникам — святым братьям.

Поскольку, — говорит он, — ...*твари*, которых апостол упоминает в цитируемом тексте, явно отличны от людей — «не только они, но и мы сами»; к тому же речь идет об освобождении не от греха, но от *предстоящей смерти*. (Cornelius, edit. Pelagaud, Vol. IX, p. 114).

Но даже храбрый Корнелий в конечном счете не решился один идти против всех и потому согласился с тем, что под словом *твари* (как это утверждали Святой Амвросий⁷⁷, и другие, Святой Павел имел в виду *стихии* (!!!) — *то есть* солнце, луну, землю и т.д., и т.п.

К несчастью для святых мыслителей и схоластов и к счастью для животных (если им, конечно, есть какая-то польза от нашей полемики), последние находятся под опекой куда более авторитетной, нежели та, которую готовы предоставить им первые. Я имею в виду уже упоминавшегося ранее Святого Иоанна Златоуста, к которому римско-католическая церковь — полагаясь на свидетельство епископа Прокла,

⁷⁶ * *Августин Аврелий* (354-430) — христианский теолог и философ, признанный в католицизме святым. Автор многочисленных богословских сочинений, сыграл огромную роль в разработке католической догматики.

⁷⁷ * *Амвросий Медиоланский* (ок. 340-397) — один из учителей церкви. Святой.

бывшего одно время его секретарем, относится с величайшим почтением. Этот Иоанн Златоуст служил апостолу язычников⁷⁸, по сути дела, медиумом (да будет мне позволено использовать этот богохульный — в наше время — термин). Касаемо его комментариев к посланиям Святого Павла принято считать, что Святого Иоанна вдохновлял во время их написания сам апостол; иными словами, эти комментарии были написаны под диктовку Святого Павла. В комментариях к VIII главе «Послания к Римлянам» читаем:

Мы можем стенать только по поводу нашего нескорого переселения (смерти); ибо если, по словам апостола, даже тварь, лишенная разума (*mente*, но не *anima*, душа) и речи (*nam si hoc creatura mente et verbo carens*) стонет, но надеется, то тем более стыдно нам терять надежду. (Homelie, XIV, 6).

Но, к сожалению, мы это делаем самым бесславленным образом, отказываясь желать себе скорейшего «переселения» в неведомые нам страны. Если бы люди должным образом изучили святыя Писания всех народов и истолковали для себя их значение в свете эзотерической философии, то каждый из них если и не возжелал бы смерти, то, по крайней мере, стал бы к ней равнодушен и предпочел бы использовать отпущенное ему на земле время для спокойной подготовки к следующему рождению, накапливая положительную карму. Но человек по природе софист. И потому мы боимся, что даже этот комментарий Святого Иоанна Златоуста и сделанный им вывод, который решает (или, по крайней мере, должен решить) вопрос о бессмертии души животного для каждого христианина раз и навсегда, вряд ли смогут принести

⁷⁸ * *Апостол язычников* — так называли апостола Павла. Был злейшим гонителем христиан, но после видения ему Иисуса, который через своего ученика призвал его быть своим избранным сосудом, примкнул к ученикам и начал проповедовать в синагогах Евангелие о Христе. Церковь приписывает ему 14 посланий, включенных в Новый Завет.

несчастливым бессловесным тварям какую-то реальную пользу. В самом деле, хитрый казуист, коего обвиняют его собственные уста, может сказать нам, что, невзирая на природу души животного и даже вследствие ее бессмертия, он все равно делает благое и достохвальное дело, убивая несчастную тварь, ибо тем самым он превращает ее «стенания по поводу нескорого переселения» в вечную славу.

Автор этих строк не настолько наивен, чтобы вообразить, будто, заполнив весь Британский Музей сочинениями о вреде мясоедения, можно побудить цивилизованные народы закрыть все свои скотобойни или же отказаться от своего привычного бифштекса и рождественского гуся. Но если эта скромная статья поможет хотя бы нескольким читателям понять подлинную ценность возвышенных речений Святого Павла и тем самым заставит их задуматься об ужасах вивисекции, для автора этого будет вполне достаточно. В самом деле, когда мир убедится — а это обязательно случится рано или поздно — в том, что животные — такие же вечные создания, как и мы сами, вивисекция и другие бесконечные пытки, коим ежедневно подвергаются несчастные твари, непременно вызовет всеобщий взрыв возмущения и проклятий, после чего сама общественность заставит власть предержащих положить конец этой варварской и позорной практике.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. VII, № 76, January, 1886, pp. 243-249; Vol. VII, № 77, February, 1886, pp. 295-302; Vol. VII, № 78, March, 1886, pp. 348-354.

«РАЗОБЛАЧЕННАЯ ИЗИДА» И ВИШИШТА-АДВАЙТА

[Редактору «The Theosophist»]

Сэр,

«Р.Р.» пытается доказать в октябрьском номере нашего журнала, что в своей «Разоблаченной Изиде» я, по сути дела, излагаю учение вишишта-адвайты⁷⁹; однако я категорически возражаю против подобного утверждения. Я вполне согласна с тем, что «Разоблаченная Изиде» далека от совершенства и что более ученый автор мог бы составить на основании того же самого материала гораздо более целостное изложение; я знаю, что моей книге недостает соразмерности, а кое-где, возможно, и точности формулировок. Но тому есть свои оправдания. Ведь это была моя первая книга; и написана она была на иностранном для меня языке, литературную форму которого я тогда еще должным образом не освоила; к тому же те азиатские философы, которые помогали мне в работе, владеют этим языком еще хуже меня. И, наконец, полковник Г.Олькотт, работавший вместе со мной и редактировавший мои рукописи, почти ничего не знал в то время (а было это в 1875-1876 гг.) об арийской философии и потому не мог ни заметить, ни исправить тех ошибок, которые я часто допускала по причине неумения как следует излагать свои мысли на английском языке.

И все-таки, несмотря на это, я не могу признать критику «Р.Р.» справедливой. Если даже я и не провела четкой грани между безличным Богом (или Парабрахмом) и Богом персонифицированным, то уж, по крайней мере, ни разу не позволила себе их отождествить. А на тех страницах, которые он приводит в качестве примера (V. II, p. 116-117 и

⁷⁹ * *Вишишта-адвайта* — ограниченный недуализм (Бога и индивидуального духа) — философско-теологическое учение Рамануджи, крупнейшего теистического мыслителя веданты.

153; Preface, p. 2), изложено не мое собственное учение, но точка зрения других лиц. Две первые заключают в себе цитаты из Ману⁸⁰ и демонстрируют то, что сказал бы ученый брахман или буддист в ответ на утверждение Макса Мюллера⁸¹, будто мокша и нирвана подразумевают самоуничтожение. Тогда как следующий пример (V. II, p. 153) являет собою утверждение скрытого, внутреннего значения Библии, как его себе представляет христианский мистик. Разумеется, здесь есть определенное сходство с вишишта-адвайтой, которая, подобно христианству, приписывает Универсальному Принципу персональные качества.

Что же касается введения, то даже из самой его буквы (не говоря уже о духе) следует, что указанный абзац отражает только мою собственную точку зрения, но никак не эзотерическую доктрину. Будучи в молодости непримиримым скептиком, я пыталась до всего докопаться сама и при помощи Учителей приобрела для себя неопровержимые доказательства существования принципа (но не персонифицированного Бога) — «бездонного и безбрежного океана», в котором моя собственная «душа» подобна капле. Как и адвайтисты, я не делала различий между моим седьмым принципом и Универсальным Духом, или Парабрахмом, и никогда не верила (как не верю и сейчас) в якобы живущий во мне индивидуальный, самостоятельный дух, отдельный от целого. В качестве подтверждения своих слов могу привести собственное же заявление о «всемогуществе бессмертного человеческого духа», что звучало бы совершенным абсурдом на фоне теории эгоистической разделенности, если бы я придерживалась последней. Моя ошибка

⁸⁰ * *Ману* — легендарный индийский законодатель. Имя происходит от корня «ман» (санскр.) — «мыслить». Ману является первым законодателем, почти божественным существом.

⁸¹ * *Мюллер Макс* (1823-1900) — выдающийся английский филолог-востоковед, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

состояла в том, что на протяжении всей книги я обозначала терминами «Бог» и «Парабрахм» одну и ту же идею: вполне простительная оплошность, если учесть, насколько беден в этом плане английский язык; ведь даже сейчас я вынуждена использовать санскритское слово для выражения одной идеи и английское — для другой!

Не знаю, насколько это совпадает с ортодоксальным адвайтистским учением, но как оккультист я утверждаю, опираясь на авторитет Тайной Доктрины, что, хотя человеческий дух и растворен в Парабрахме и потому не является индивидуальным *per se*, он все-таки сохраняет свою несомненную индивидуальность даже в Паранирване, благодаря образуемым в нем скоплениям высших свойств *манаса* — *скандхам*, продолжающим жить после каждой смерти. Самые духовные — то есть наиболее возвышенные, божественные — устремления каждого человека переходят вместе с *Буддхи* и седьмым принципом в дэвакхан (*Сваргу*) после каждой смерти, превращаясь в неотъемлемую часть *монады*, и продолжая вместе с нею цепь перерождений. Прежняя личность растворяется, полностью исчезая еще до того, как начнется эволюция новой личности (перерождение), ее выход из дэвакхана; но индивидуальность духовной души (Боже, Боже, на какие чудеса приходится пускаться при переводе терминов!) сохраняется до конца великого цикла (*Махаманвантары*), когда Эго входит наконец в Паранирвану или сливается с Парабрахмом. Нашему подслеповатому восприятию кажется при этом, что человеческий дух теряется в Едином Духе, как капля воды, которая упала в море и уже не может быть заново отслежена и восстановлена.

Но в мире нематериальной мысли *de facto* все происходит не так; поскольку эта нематериальная мысль соотносится с активным мышлением человека примерно так же, как оптическая сила самого

мощного из существующих ныне микроскопов соотносится со зрением человека, страдающего крайней степенью близорукости. Но даже это сравнение, пожалуй, «хромает»; так как рассматриваемое различие «невозможно описать через нашу систему мер». То, что эти парабрахманические и паранирванические «духи» или элементы необходимо должны сохранять свои божественные (не человеческие) индивидуальности, подтверждается уже хотя бы тем фактом, что по окончании «ночи Брахмы» или даже вселенской пралайи (но не локальной пралайи, охватывающей лишь ограниченную группу миров), какими бы долгими они ни были, все та же самая божественная монада продолжает свой величественный путь эволюции; и хотя это великое путешествие продолжается уже в более высокой и в тысячу раз более совершенной и чистой, нежели раньше, цепи планет, монада в полной мере сохраняет в себе квинтэссенцию всех сложных духовных образований, накопленных за время бесчисленных предыдущих перерождений. Не следует забывать, что спиральное эволюционное движение напоминает по форме штопор и потому носит двойственный характер и что путь духовности в силу этого сменяется со временем физической, полуфизической и сверхфизической эволюцией. Однако я, кажется, чересчур увлеклась деталями, которые было бы целесообразнее рассмотреть, учитывая их важность, в моей следующей книге, которая будет называться «Тайная Доктрина».

Статья впервые опубликована в журнале «The Theosophist», Vol. VII, № 76, January, 1886, pp. 279-280.

В письме, датированном 3 июня 1886 г. (первоначально опубликованном в «Theosophist», Vol. LII, № 11, August, 1931, pp. 673-675), Е.П.Блаватская сообщает полковнику Г.С.Олькотту из Эльберфельда (Германия) о перемене настроения Боваджи (известного также как Дарбхаджири Натх, М.Кришнамачари и С.Кришнасвами Айенгар). Она пишет: «Как только он здесь появился,

сразу же бросил мне прямо в лицо в присутствии всей семьи Гебхардов, что я *ничего не смыслю* в эзотерическом учении; что моя "Разоблаченная Изида" полна нелепейших ошибок; и мой "Theosophist" в этом отношении ничуть не лучше». К этому замечанию Е.П.Блаватская прилагает следующую сноску: «То письмо в январском "Theosophist", которое вы подписали моим именем, действительно содержит в себе несколько нелепостей, что дало ему прекрасный повод для нападок».

Из этого можно заключить, что данная статья на самом деле не принадлежит перу самой Е.П.Блаватской. Но стилистические особенности и характер изложения все же убедительно указывают на ее авторство.

ОККУЛЬТНАЯ ИЛИ ТОЧНАЯ НАУКА?

I

Ecce signum! Узрите признак прекрасного будущего: тот вопрос, который каждый вдумчивый и ответственный отец будет задавать себе в грядущем XX столетии, – вопрос, связанный с воспитанием детей. Но для начала хотелось бы напомнить, что "оккультную науку" не следует отождествлять ни с *жизнью чела*, ни с аскетизмом отшельника, ибо это действительно не что иное, как самая настоящая наука, содержащая в себе ключ к тайнам природы и раскрывающая строение вселенной и психофизического человека, и потому для ее изучения не обязательно вносить какие-либо радикальные изменения в свой привычный образ жизни.

Каждое новое открытие современной науки подтверждает истины, провозглашаемые древней философией. Истинному оккультисту неведомы такие научные проблемы, которые не могла бы разрешить эзотерическая наука при условии правильного подхода к ней; тогда как

западные ученые до сих пор не могут похвастаться тем, что изучили хотя бы один естественнонаучный феномен до самых глубинных его основ либо объяснили его во всех без исключения аспектах. Науке это пока что не удалось, и в *нынешнем* цикле, увы, не удастся; чуть позже я объясню, почему. И все же чванство и спесь нашего столетия, столь рьяно восстающего против любого вмешательства в его жизнь науки древних (и в особенности трансцендентальных) истин, становятся с каждым годом все невыносимее. Скоро весь мир будет витать в облаках собственного самодовольства подобно Вавилонской башне и, возможно, в конце концов разделит судьбу этого библейского монумента.

В недавно изданном сочинении по антропологии⁸² читаем следующее:

Мы получили наконец возможность *познавать* (?), направлять, использовать и измерять те силы, которыми, как говорят, оперирует сам Бог... Мы сделали электричество своим почтальоном, свет – своим чертежником, магнетизм – своим разнорабочим,

и т. д. и т. п. Эта работа была издана во Франции. Тому, кто знает кое-что о нынешних затруднениях точной науки, об ошибках, в коих ежедневно признаются ее представители, наверняка захочется, прочитав эту чушь, воскликнуть вслед за недовольным словами из Библии: "Tradidit mundum ut non sciant". Поистине "дан был им мир, который *они никогда не смогут познать*".

О том, насколько далеко продвинулись ученые в этом познании, можно судить хотя бы по тому, что сам великий Гумбольдт⁸³ временами позволяет себе такие непродуманные высказывания, как например, это:

⁸² Bulletin de la Societe d'Anthropologie, 3e fascic, p. 384 //De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. II, p. 22.

⁸³ * Гумбольдт Александр (1769-1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. Один из основателей географии растений и учения о

Наука начинается для человека только тогда, *когда его разум начинает постигать сущность материи!*⁸⁴

Пожалуй, данное утверждение было бы гораздо ближе к истине, если бы слово "материя" в нем было заменено на слово "дух". Но в этом случае почтенный автор "Космоса" вряд ли удостоился бы тех комплиментов, которые расточает в его адрес Э.Ренан.

Позволю себе привести несколько иллюстраций к тому, что изучения одной лишь материи в совокупности с "неощущаемой" силой (какой бы смысл ни вкладывали в это определение члены Королевского общества и Французской академии в момент его изобретения) явно недостаточно для успешного выполнения наукой стоящих перед нею задач. Более того, такая наука не в состоянии должным образом объяснить даже простейшие феномены объективной физической природы, не говоря уже об аномальных проявлениях, привлекающих к себе все более пристальное внимание биологов и физиологов. Как пишет в своей книге ("L'unita delle Forze Fisiche") известный римский астроном отец Зекки: "...если будет установлена подлинность хотя бы *некоторых* из выявленных в последнее время сил, то нам поневоле придется признать факт существования в космосе факторов *качественно иного рода*, нежели гравитация".

"Я прочел огромное множество сочинений по оккультизму и каббале, но не понял в них ни единого слова!" – признался недавно один ученый экспериментатор в области передачи мыслей, цветомузыки и т. п.

Охотно верю. Ведь прежде чем что-либо читать, не говоря уже о том, чтобы понимать прочитанное, необходимо сперва выучить буквы.

жизненных формах. Произведения Гумбольдта оказали большое влияние на развитие эволюционных идей и сравнительного метода в естествознании.

⁸⁴ Kosmos, Vol. I, pp. 3, 76 (там изложены те же идеи).

Лет сорок тому назад я знала одну девочку; ей тогда было лет семь-восемь. Так вот, эта девочка серьезно напугала своих родителей, когда сказала:

– Я так тебя люблю, мамочка. Ты сегодня такая добрая, такая хорошая. И слова у тебя *выходят такие голубенькие...*

– О чем это ты? – спросила мать.

– Я о том, что слова у тебя все получаются голубые, потому что ты сегодня ласковая; а когда ты меня ругаешь, у тебя слова *красные...* такие красные! Но еще хуже, когда ты ссоришься с папой, тогда слова у тебя *оранжевые...* такие страшные... вот как это... – и она указала рукою на камин, где в то время ярко пылал огонь, выбрасывая огромные языки пламени. Мама побледнела.

И после этого маленькая ясновидящая довольно часто связывала между собой звуки и цвета. Когда ее мать играла на фортепьяно, девочка приходила в настоящий восторг, потому что видела при этом "красивые-красивые радуги" (как она сама говорила); но, когда на фортепьяно играла ее тетя, "радуги" сменялись "фейерверками и яркими звездочками, которые *выстреливали, как из пистолета, а потом... взрывались...*"

Родители не на шутку испугались, поскольку подумали, что у ребенка не все в порядке с головой. Послали за семейным врачом.

"Избыток детской фантазии, – заключил тот, – вполне безобидные галлюцинации. Не позволяйте ей пить чай, и пусть она побольше играет со своими младшими братьями, пусть даже дерется с ними; ей полезны физические упражнения..."

С тем доктор и откланялся.

В России на берегах Волги есть один город; а в этом городе – больница, к которой пристроено отделение для душевнобольных. В этом отделении была заперта более двадцати лет (фактически до дня своей смерти) одна бедная женщина, которую считали *тихо помешанной*. А все доказательство ее помешательства заключалось согласно регистрационной книге в том, что плеск и шорох речных волн отражались в ее восприятии восхитительным "сиянием Славы Божьей"; в то время как голос начальника больницы казался ей черным и темно-красным, то есть *окрашенным в сатанинские цвета*.

Примерно в то же время (а именно в 1840 г.) о похожем феномене возвестили французские газеты. Подобное аномальное чувственное восприятие, по мнению докторов того времени, могло быть вызвано только одним обстоятельством: в тех случаях, когда указанная аномалия не имеет под собою *видимых* причин, ее считали следствием расстройства ума и слабости мозга, чреватого умопомешательством. Таков был *вердикт* науки. Люди более религиозные давали сему феномену иное объяснение, подкрепленное авторитетом сельских *кюре*. По их мнению, об одержимости в данном случае нет и речи, поскольку все это – не что иное, как результаты проделок проклятого "старого джентльмена" с сияющими рогами и на раздвоенных копытах. Но и у людей науки, и у суеверных "добрых женщин" в 1840 г. появилась реальная возможность слегка скорректировать свои взгляды.

Даже в этот сравнительно ранний период, еще до того как рочестерская волна спиритуализма захлестнула значительную часть цивилизованного европейского общества, стало очевидным, что тот же самый феномен можно производить и с помощью различных медикаментов и наркотических веществ. Группа отчаянных людей, коих не пугало то, что их могут объявить либо сумасшедшими, либо

сотрудниками "Вельзевуловой канцелярии", провела ряд экспериментов и публично огласила их результаты. Одним из участников этих экспериментов был Теофиль Готье, знаменитый французский писатель.

Практически все, кто знаком с французской литературой тех лет, читали его великолепный рассказ, в котором он описывает видения "опиумоеда". Чтобы получить необходимую информацию, что называется, из первоисточника, он сам принял изрядную дозу гашиша.

Мой слух, – писал впоследствии Готье, – обрел изумительную чуткость: *я слушал музыку цветов*; звуки – зеленые, красные и синие – вливались в мое существо *явственно различимыми* волнами *цветов и ароматов*. Опрокинулся бокал, скрипнуло кресло, кто-то едва слышно шепчет неразличимые слова – все эти звуки отдавались в моем мозгу подобно ударам грома. Даже при самом легком прикосновении к окружающим меня вещам или людям я начинал слышать звуки – долгие, протяжные вздохи, похожие на мелодичное пение золотой арфы... (La Presse, July 10, 1840).

Без сомнения, возможности человеческой фантазии велики; и вряд ли кто-то усомнится в том, что даже самый здоровый человеческий мозг не застрахован от иллюзий и галлюцинаций, кратковременных или долговременных, возникающих в силу естественных причин или вызываемых искусственно. Но, помимо этих "анормальных" явлений, все-таки существуют еще и естественные феномены; и этот факт постепенно начинает проникать даже в академические ученые мозги. Феномены гипнотизма, передачи мыслей и провоцирования ощущений, часто пересекающиеся друг с другом в процессе своего оккультного проявления в нашем феноменальном мире, наконец-то смогли привлечь к себе внимание некоторых крупных ученых. Под руководством знаменитого доктора Шарко из Парижской клиники "Сальпетриер" несколько известных ученых Франции, России, Англии, Германии и

Италии взялись за изучение этих феноменов. Свыше пятнадцати лет они экспериментировали, исследовали, теоретизировали. И каков же результат? Все, что они смогли предложить широкой публике, жаждущей познать истинную, внутреннюю природу этих феноменов, порождающую их причину и их подлинный генезис, это то, что сверхчувствительные люди, производящие указанные феномены, все поголовно страдают **истерией**! Что все они – *психопаты*⁸⁵ и *невротики*⁸⁶; и это – единственная, чисто физиологическая причина, вызывающая все бесконечное многообразие отмеченных феноменальных проявлений.

Ничего не скажешь, данное объяснение выглядит вполне удовлетворительным на сегодняшний день и весьма многообещающим на будущее.

Таким образом, "истерическая галлюцинация" превращается в *альфу* и *омегу* любого феномена. Но ведь сама наука определяет понятие "галлюцинация" как "ошибку наших чувств, разделяемую (что вполне естественно) нашим *разумом*, коему ее навязывают всё те же чувства"⁸⁷.

И если *галлюцинация*, вызванная сверхчувствительным человеком, становится объективной (как например, появление астрального тела) и начинает восприниматься не только "*разумом*" самого сверхчувствительного человека (или медиума), но и всеми остальными присутствующими, то вывод из этого в соответствии с заключением ученых может быть сделан только один: все прочие очевидцы феномена тоже необходимо должны быть *психопатами*.

⁸⁵ Составной греческий термин, воспринятый русскими медиками.

⁸⁶ От слова *невроз*.

⁸⁷ Dictionnaire des sciences medicales, 60 vols., 1812–1822.

Если так, то, похоже, всему миру грозит опасность превратиться к концу нынешнего столетия в одну большую психушку, в которой дипломированные врачи останутся единственной *здравомыслящей* частью человечества.

В этом плане галлюцинации являются наиболее трудноразрешимой и, пожалуй, наиболее досадной из всех ныне существующих проблем медицинской философии. И это вполне естественно, если учесть, что галлюцинации представляют собой одно из мистических следствий нашей двойственной природы, своего рода мост, переброшенный через пропасть, отделяющую мир материи от мира духа.

Пожалуй, оценить в полной мере это наблюдение смогут только те, кто сам предпринимает попытки перебраться через эту пропасть, и только им под силу осознать подлинный *ноумен* этих феноменов. У тех же, кто сталкивается с данными феноменами впервые, они способны вызвать только удивление и замешательство.

Но даже продемонстрировав материалисту творческие способности и *потенциальное* могущество человеческого духа и показав церковнику *естественную* сторону "чудес" и, так сказать, *сверхъестественную* сторону простейших следствий из естественных причин, вряд ли удастся заставить их понять и признать истинную природу *галлюцинации*; и материалист, и верующий христианин все равно останутся при своих прежних мнениях, ибо первый настолько же тверд в своем отрицании, насколько второй непоколебим в своем утверждении. "Галлюцинация, – утверждает цитируемый Бриером де Буамоном (Des Hallucinations, p. 3) авторитет, – есть репродукция материального аспекта идеи". Сказано также, что галлюцинация не зависит от возраста или личностных качеств; и, если сей фатальный опыт хоть чего-нибудь да стоит, "врач, уделяющий слишком много внимания данной проблеме

или слишком долго и *слишком серьезно* изучающий ее, наверняка закончит свою карьеру среди собственных пациентов".

Это еще одно, дополнительное доказательство того, что к изучению "галлюцинаций" мало кто относится или когда-либо относился "*слишком серьезно*", ибо жертвенность не является отличительной чертой нашего века. Но *если* проблема изучена столь поверхностно, то почему бы нам не выдвинуть, в свою очередь, смелое и непочтительное предположение, что биологи и физиологи школы доктора Шарко сами стали жертвами *галлюцинации*, вызванной однобоким научным подходом к проблеме, стремлением приписать все феноменальные проявления одной лишь *истерии*?

Трудно сказать, повинна ли в этом *коллективная галлюцинация* наших медицинских светил или же общее бессилие материалистической мысли, но только простейший феномен, относящийся к категории, *признанной* и документально зафиксированной учеными в 1885 г., до сих пор остается для них таким же непонятным, каким был в 1840-м.

Если мы даже предположим в порядке рассуждения, что кое-кто из простых смертных из большого почтения (зачастую доходящего до идолопоклонства) к науке и авторитетам все-таки согласится с вердиктом ученых, согласно которому каждый феномен и каждое "анормальное" проявление следует рассматривать как результат проделок эпилептической истерии, то что же тогда делать всем остальным? Следует ли им уверовать в то, что самодвижущийся грифельный карандаш м-ра Эглинтон тоже заразился эпилептической истерией от своего хозяина-медиума, хотя последний даже не прикасается к нему! Или же признать все известные речения пророков и боговдохновенных апостолов всех эпох и религий обычным бредом невротиков и психопатов? А как же быть с "чудесами", которые

производили Пифагор, Аполлоний, библейские и другие персонажи? Ведь они принадлежат к той же самой семье аномальных проявлений, что и галлюцинации мадмуазель Альфонсины (или как бишь ее там зовут на самом деле); а доктор Шарко утверждает, что все ее стихи и эротические описания являются "следствием вздутия ее толстой кишки из-за скопившихся в ней газов" (sic)! Боюсь, что подобные заявления обречены на провал.

Если уж изучать природу "галлюцинаций", то начинать следовало бы с тех из них, которые действительно вызываются физиологическими причинами, однако и это не было сделано надлежащим образом. Из сотен определений, данных известными французскими медиками (к сожалению, у меня нет сейчас под рукой информации о деятельности английских исследователей), приведем наугад несколько примеров; и что же мы узнаем из них об истинной природе "галлюцинаций"? Мы уже цитировали "определение" (если это можно назвать определением) доктора Бриера де Буамона; посмотрим теперь, что говорят его коллеги.

Доктор Л. Ф. Лелю называет их "безумием чувств и ощущений"; доктор Шомель – "простой иллюзией чувственного аппарата" (Dictionary of Medical Terms); доктор Лере – "иллюзией, возникающей в промежутке между ощущениями и их восприятием" (Fragments Psychologiques sur la Folie); доктор Мишеа – "бредом восприятия" (Du Delire des Sensations); доктор Кальмей – "иллюзией, возникающей вследствие злокачественных изменений в нервных тканях" и т. д. и т. п. (De la Folie, Vol. I)

Боюсь, что мир, прочитав это, не стал ни на йоту мудрее. Я же со своей стороны полагаю, что теософы поступят мудро, если предпочтут придерживаться старого определения галлюцинации (*теофании*)⁸⁸ и

⁸⁸ Общение с богами.

безумия, данного около двух тысяч лет назад Платоном, Виргилием, Гиппократом, Галеном, а также многими древними школами медицины и теологии. "Существуют два вида безумия: в первом случае оно производится телом; во втором – насыляется *богами*".

Лет десять тому назад, когда велась работа над "Разоблаченной Изидой", были определены основные задачи будущей книги; и заключались они в демонстрации и подтверждении следующих постулатов: а) в природе действительно существуют *оккультные силы*; б) существует "определенная группа людей", хорошо знакомых со всеми оккультными силами, знающих их и умеющих управлять ими; в) среди существующих ныне наук и искусств вряд ли найдутся такие, которые не упоминались бы в Ведах; г) арьям, жившим еще *до создания Махабхараты*, были известны *in abscondito* (как говаривали алхимики) сотни самых разных вещей, касающихся тайн природы, в том числе немало таких, которые до сих пор неведомы нынешним мудрецам XIX столетия.

И тому было представлено недавно еще одно доказательство, коим мы обязаны исследованиям, проведенным во Франции учеными "*специалистами*" (?), которые решили изучить феномен отождествления *невротиками* и *психоманьяками* цвета и звука – "*музыкального*" и *цветовосприятия*.

Впервые изучением этого явления занялся в 1873 году в Австрии доктор Нюссбаумер. После него к этой проблеме возвращались Блойлер и Леманн в Германии; в Италии – Веларди, Баредджи и др.; и наконец, совсем недавно во Франции – доктор Педрено. Однако наиболее интересные сообщения о *цветомузыкальных* феноменах опубликованы в журнале "La Nature" (№ 620, April 18, 1885, pp. 306-307 and № 626, May

30, 1885, pp. 406–408), в статье, автор которой, А. де Роша, проводил эксперименты с неким джентльменом, которого он называет "М.Г.П."

Ниже следует краткое *резюме* его экспериментов.

М.Г.П. было тогда около 57 лет; по профессии он *адвокат*; жил в одном из *предместий* Парижа; страстно увлекался естественными науками, которые со всей серьезностью изучал; любил музыку, хотя сам и не был музыкантом; много путешествовал и прославился как талантливый лингвист. М.Г.П. никогда ничего не читал о том феноменальном явлении, что заставляет людей ассоциировать цвета со звуками, но сам обладал такой способностью с детства. Любой звук неизменно вызывал у него ощущение какого-нибудь цвета. Так, например, артикуляция гласных "выглядела" для него следующим образом: звук *а* представлялся ему темно-красным; *э* – белым; *и* – черным; *о* – желтым; *у* – синим. Дифтонговые сочетания гласных давали следующие результаты: *ай* – каштанового цвета; *эй* – серовато-белый; *эу* – светло-голубой; *ой* – грязно-желтый; *оу* – желтоватый. Практически все согласные были окрашены в темно-серые оттенки; и, если какая-либо из них составляла слог вместе с гласной или дифтонгом, последние прибавляли к ее цвету свой собственный. Так, слоги *ба, ка, да* все были красновато-серыми; *би, си, ди* – пепельного цвета; *бо, ко, до* – желто-серые и т. д. Если слово оканчивалось звуком *с*, произносившимся с легким шипением, как например, в испанском *los campos*, он придавал предшествующему слогу металлический блеск. Таким образом, цвет слова зависел от окраски составлявших его звуков, из-за чего человеческая речь казалась М.Г.П. пестрой, многоцветной лентой, изливающейся из уст говорящего. Цвета этой ленты определялись главным образом гласными, из которых состояла речь; а согласные

были похожи на серые поперечные черточки, отделяющие друг от друга ее яркие "гласные" отрезки.

Отдельные языки тоже имеют свою особую, характерную окраску, зависящую от доминирующих в них звуков. Так например, немецкий, отличающийся обилием согласных, производит впечатление зарослей темно-серого мха; французский – тоже серый, но с сильной примесью белого цвета; испанский – весьма "цветистый" язык, где доминируют желтый и карминово-красный оттенки; а итальянский – тоже желтый с примесью карминового и черного, но его краски более нежны, а их сочетания более гармоничны, нежели у испанского.

Низкий, грудной голос казался М.Г.П. темно-красным, плавно переходящим в шоколадный; тогда как звонкий и пронзительный окрашивался в светло-синий цвет; но стоило голосу оказаться где-нибудь между этими двумя крайностями, как он тут же превращался в слегка желтоватый.

Голоса музыкальных инструментов тоже отличаются друг от друга, каждый из них имеет свою характерную окраску: пианино и флейта производят синие и голубые звуки; скрипка – черные; гитара – серебристо-серые и т. д.

Если в присутствии М.Г.П. кто-нибудь громко произносил названия музыкальных нот, это действовало на него так же, как и слова. А окраска пения и музыки зависела от диапазона и высоты звучания, ну и, конечно же, от выбора музыкальных инструментов.

Вот то, что касается *речевых фигур*; однако, когда он не произносил, но читал те же самые слова в книге, они окрашивались только в цвет чернил, которыми были написаны или напечатаны. Таким образом, для цветового феномена важно не столько содержание слов, сколько форма. Можно также сделать вывод, что цветовые эффекты во всех описанных

случаях возникали внутри самого М.Г.П., рождаясь в глубинах его мозга; но некоторые другие ясновидящие производят феномены еще более удивительного свойства, нежели он.

Помимо интереснейшей главы на эту тему в книге Гальтона "Исследование человеческих способностей и их развитие", в "Лондонских медицинских отчетах" читаем любопытный рассказ ясновидящего о собственных впечатлениях: "Как только я *услышу* звуки гитары, я *вижу* вибрирующие струны, от которых исходит цветное марево". Тот же самый эффект производит фортепьяно: "...над клавишами начинают виться цветные образы". Один из парижских пациентов доктора Педрона тоже видел цветные образы *отдельно* от себя. "Всякий раз, когда поет хор из нескольких голосов, – говорит он, – я *чувствую*, как над головами поющих летает множество цветных точек. Я именно *чувствую* их, потому что взгляд мой не улавливает ничего необычного. Когда же я пытаюсь их *разглядеть*, я сразу *перестаю* их замечать и уже не *вижу* никаких точек там, где только что *ощущал* их присутствие". (Annates d'Oculistique, Nov. & Dec, 1882. // Journal de Medecine de l'Ouest", 4me Trimestre, 1882).

И напротив, есть ясновидящие, которые, глядя на цвета, начинают слышать звуки; и даже такие, кто в состоянии производить тройной феномен, когда какое-либо одно ощущение автоматически влечет за собою сразу два других. Например, один ясновидящий говорил, что всякий раз, когда он слышит игру духового оркестра, ощущает "привкус меди во рту" и видит темно-золотые облака.

Наука исследует подобные феномены, признает их реальность, но никак не может объяснить их. "*Невроз и истерия*" – вот единственный ответ ученых; и потому "*собачьи галлюцинации*" французских академиков, упоминаемые в 1-м томе "Разоблаченной Изиды", до сих

пор сохраняют статус официального истолкования, *универсального растворителя* для всех феноменов подобного рода. Но то, что наука не может найти объяснения для феноменов *света* и *звука*, вполне естественно, поскольку признанные ныне учеными представления о свете как таковом до сих пор не проверены и весьма несовершенны.

Пусть же наши оппоненты от науки поиграют еще немного в "жмурки" с феноменами, не имея под ногами никакой иной почвы, кроме своих физиологических гипотез. Быть может, уже недалеко то время, когда им придется сменить тактику либо признать свое поражение в борьбе даже с самыми *элементарными* феноменами, вроде тех, что были описаны выше. Но что бы там ни говорили и ни делали физиологи, какие бы научные истолкования, гипотезы и предположения они ни выдвигали в настоящем и в будущем, нынешние феномены неумолимо возвращаются, подчиняясь закону *цикличности*, к своему первоисходному, истинному объяснению, изложенному в древних Ведах и других священных книгах Востока. Ибо несложно убедиться в том, что ведические арии были хорошо знакомы со всеми свойствами света и звука. В те дни *ментальные* корреляции между зрительным и слуховым восприятием были самым обыкновенным – привычным и рядовым – явлением.

Каждый, кто изучает оккультизм, даже если это самый молодой чела, только что начавший постигать *эзотерический* смысл своих Вед, может догадаться, откуда на самом деле берутся вышеназванные феномены: просто начинается *циклический процесс* возвращения человеческого организма к своей первоначальной структуре, присущей третьей и даже четвертой коренным Расам, жившим в так называемые *допотопные времена*. На это указывает буквально все, даже такие точные науки, как филология и сравнительная мифология. Начиная с

самых древних эпох, с самых первых дней существования великих цивилизаций, созданных предшественниками нашей, *пятой*, Расы, а ныне покоящихся на дне мирового океана, рассматриваемая способность была хорошо известна. И то, что сейчас считается аномальным исключением из правил, по всей вероятности, рассматривалось допотопным человеком как самое обычное состояние. А чтобы доказать, что это не пустые слова, постараюсь подтвердить их двумя примерами, избранными мною из множества других в силу того, что первый из них предоставляет нам филология, а второй – сравнительная мифология.

Опираясь на обширнейшую информацию, собранную в ходе лингвистических исследований, филологи начинают все чаще обращать внимание на некоторые весьма любопытные, но пока что необъяснимые факты. 1) Все слова, обозначающие эпитеты и характеристики *света* и *звука*, оказываются *производными от одних и тех же общих корней*. (Л. Ф. Воеводский⁸⁹. Введение в мифологию "Одиссеи", Одесса, 1881). 2) *Мифология*, в свою очередь, демонстрирует еще одну очевидную закономерность, исключаящую в силу ее частой повторяемости всякую возможность случайного совпадения: говоря о своих богах *солнца* и *лучезарных* божествах, таких, как Заря, Солнце, Аврора, Феб, Аполлон и др., древние символисты всякий раз связывали их так или иначе с музыкой и пением (то есть *со звуком*), которые, со своей стороны, тоже

⁸⁹ * Воеводский Леопольд Францевич (1846-?) — русский историк. Ценность сочинений Воеводского состоит прежде всего в его методике анализа мифов, в соответствии с которой очень многие мифы могут и должны рассматриваться как источник информации о реалиях древней и доисторической жизни того или иного народа; однако в его докторской диссертации предпринята попытка представить эпические поэмы Гомера как солнечно-лунно-звездные мифы, что не могло не вызвать возражений со стороны многих ученых.

ассоциировались с цветом и свечением. (Д. Н. Овсянико-Куликовский⁹⁰. Очерк вакхических культов индоевропейской древности.).

Но если все это пока только гипотезы, то Веды предоставляют нам более конкретные доказательства, ибо в них неизменно отождествляются друг с другом такие понятия, как "свет" и "звук", "слышать" и "видеть". В Гимне X, 71, стих 4 читаем: "Один, хотя и *смотрит, не видит речи*; а другой, хотя и *видит, не слышит* ее". И опять же в 7-м стихе, где говорится о компании друзей, соревнующихся в певческом искусстве, употреблены в непосредственном соседстве друг с другом два характеризующих их эпитета: *акшаванта* и *карнаванта*, что значит "наделенные зрением" и "наделенные слухом". Употребление последнего в данном случае вполне понятно – певец должен обладать *хорошим слухом*, коль скоро он надеется победить в певческом состязании. Но почему *акшаванта* непременно должен иметь еще и хорошее зрение? Удовлетворительный ответ на этот вопрос может быть дан только в том случае, если мы позволим себе предположить, что рассматриваемый гимн создавался в те времена, когда *зрение* и *слух* были синонимичными понятиями.

Более того, приобретающий все большую известность в научных кругах филолог и востоковед (проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, автор "Очерка вакхических культов...") сообщает нам, что "санскритский

⁹⁰ * Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853-1920) — русский филолог и весьма авторитетный историк. Изучал санскрит, сравнительную филологию, так как его готовили на должность заведующего кафедрой. Для соискания степени магистра написал диссертационную работу под названием «Очерк вакхических культов индо-европейской древности» (Одесса, 1884). Помимо множества научных очерков, напечатанных в различных русских журналах, написал замечательную работу о творческом гении Тургенева; также был в числе редакторов иллюстрированной «Истории русской литературы». Он был убежден в том, что в основе науки лежит метафизика и что всякое явление следует рассматривать в аспекте вечности и бесконечности, на фоне непрерывной эволюции.

глагольный корень *арч* имеет два значения: а) *петь* и б) *сиять*, испускать лучи. Существительные *рич* и *арчис*, образованные от корня *арч*, означают соответственно 1) *песня, гимн* и 2) *сияние, луч, солнце...* По представлениям древних, *речь можно было увидеть...*" – поясняет он далее.

А что же говорит об этом "Тайная Доктрина", этот поистине универсальный растворитель для всех научных загадок и затруднений? Здесь мы должны обратиться к главе об эволюции рас, описывающей процесс эволюционного развития первоначального человека, который осваивает физический уровень, добавляя к своим прежним чувствам еще одно с каждой новой подрасой (а всего их семь) первой коренной расы четвертого Круга этой планеты⁹¹. Человеческая речь в известной нам форме появилась во времена предшествовавшей нам коренной Расы – *четвертой*, или "атлантической", в самом ее начале, то есть в первой подрасе. Одновременно с нею развилось *зрение* как физическое ощущение; но другие четыре чувства (два из которых – шестое и седьмое – до сих пор неизвестны науке) остались на физическом уровне в латентном, неразвитом состоянии, хотя как духовные способности они уже вполне сформировались. *Слух* же у человека развился только в третьей подрасе. Поэтому изначальная человеческая "речь" звучала (из-за отсутствия у людей чувства слуха) тише самого неслышного шепота и представляла собой скорее ментальную артикуляцию, нежели речь *per se* – нечто вроде существующих ныне систем общения для глухих и немых.

В свете вышесказанного нетрудно догадаться, почему уже в те первые дни "речь" ассоциировалась со "зрением" или, иными словами,

⁹¹ См. "Эзотерический буддизм" А. П. Синнетта – объяснение Кругов, мировых периодов и подрас. Упомянутая глава включена в текст "Тайной Доктрины", которая будет в скором времени опубликована.

как люди, могли *общаться* и понимать друг друга с помощью одного лишь *зрения* и *осязания*. "Звук должен быть *увиден* до того, как он будет услышан", – сказано в книге "Киу-те". Вспышка молнии всегда предшествует раскату грома. С течением столетий человечество, поколение за поколением, все глубже погружалось в *материю*; духовное начало все сильнее подавлялось физическим, пока совокупность человеческих чувств, составлявшая на протяжении трех первых коренных рас единое и нераздельное чувство (*духовное восприятие*), не разделилась в конце концов на обособленные ощущения, которых нам теперь известно пять.

Но мы принадлежим к пятой расе и уже миновали *осевую точку* цикла нашей подрасы. И как свидетельствуют участвовавшие в наше время феномены и рост числа сверхчувствительных организмов, уже начинается процесс быстрого продвижения человечества по пути чистой духовности. Этот процесс достигнет своего апогея (для нашей расы) в конце седьмой подрасы. Выражаясь более простым и *конкретным* языком (боюсь, однако, что он *прост* и конкретен только для некоторых теософов), в этот период мы окажемся на том же уровне духовности, что и первая подраса третьей коренной расы четвертого Круга; и вторая половина этого цикла (то есть та, в которой мы сейчас находимся) согласно закону соответствия будет аналогична первой половине третьего Круга. Следуя объяснениям того, в ком живут Истина и Мудрость (как бы ни искажались и ни критиковались его слова несведущими критиками и даже некоторыми теософами), "в первой половине третьего Круга изначальная духовность человека оказалась подавленной нарождающейся ментальностью"; человечество двигалось по нисходящей дуге в первой половине этого круга, а во второй его половине – по восходящей, то есть "его [человека] гигантский рост заметно уменьшился, а тело приобрело структурную завершенность, в

результате чего он стал разумным существом, хотя и по-прежнему более похожим на обезьяну, нежели на Богочеловека"⁹². И коль скоро это так, то на основании все того же закона соответствий (непреложного для всей системы циклов) мы можем сделать следующий вывод: вторая половина нашего Круга, соответствующая, как было сказано, первой половине третьего, уже началась и теперь неуклонно ведет человечество к возрождению своей изначальной духовности, которая в конце четвертого Круга почти полностью затмит наш нынешний разум (под которым в данном случае понимается холодный человеческий интеллект).

Как будет показано и детально объяснено в будущей "Тайной Доктрине", цивилизованное человечество в результате действия все того же закона соответствий в скором времени должно стать если и не столь же "рационально мыслящим" на физическом уровне, то, во всяком случае, в гораздо большей мере богоподобным, нежели обезьяноподобным (коим оно, как ни плачевно это осознавать, является сейчас).

Подводя итог сказанному, хотелось бы отметить еще одно немаловажное обстоятельство: коль скоро наша естественная, все еще

⁹² * Цитируется письмо Учителя Кут Хуми, полученного А.О.Хьюмом 9 июля 1882 г. Письмо содержит в себе ответы на вопросы о планетах, Кругах и т.п. Полностью опубликовано в «Письмах Махатм А.П.Синнетту», с пометкой: «Печатается с написанной почерком м-ра Синнетта копии». Текст цитируемого фрагмента выглядит следующим образом (с. 87-88):

«Третий Круг. — Теперь у него есть вполне сформированное, компактное тело; сперва в форме гигантской обезьяны — более разумной (или, скорее, хитрой), нежели духовной. Ибо, двигаясь по нисходящей дуге, он уже достиг той точки, где его изначальная духовность оказывается вытесненной или подавленной нарождающейся ментальностью. Во второй половине этого, третьего, Круга его гигантский рост уменьшается, а тело совершенствует свою структуру (вероятно, в этом будет легко убедиться с помощью микроскопа), в результате чего он становится разумным существом, хотя и по-прежнему более похожим на обезьяну, нежели на Богочеловека».

"обезьянья" предрасположенность заставляет нас со страхом относиться к перспективе быть индивидуально или коллективно выброшенными за пределы системы, в которой все более мелкие тела находятся в сфере притяжения центрального светила нашей Солнечной системы – науки и ее авторитетов, необходимо сделать что-то для исправления столь ужасного положения вещей. Поэтому во второй части данной статьи мне хотелось бы подробно остановиться на следующей проблеме: раз уж нам выпало жить в пятой подрасе большой расы, и ни одному из нас не приходится надеяться дожить до рождения седьмой подрасы, которая сама расставит все на свои места, то вряд ли разумно возлагать сейчас большие надежды на науку, как ортодоксальную, так и полуеретическую. Ученые не смогли помочь миру понять *истинную природу* феноменов, которые еще некоторое время останутся загадкой как для них самих, так и для большинства людей вообще, поскольку того требует закон циклов. Наука не может пока ни понять, ни объяснить их; и потому ученый является в данном вопросе не более авторитетным лицом, чем любой другой человек, никогда не изучавший оккультизм и те скрытые законы, которые управляют природой и человечеством.

Наука здесь *бессильна*; но не следует обвинять ее представителей в злом умысле или равнодушии, как это часто делается. Их *склад ума* (здесь имеется в виду скорее привычный *образ мышления*, нежели *умственные способности*) просто не позволяет им всерьез заняться оккультными исследованиями. Следовательно, бессмысленно требовать или ожидать от людей науки того, чего они не в состоянии дать в нынешнем столетии и что станет доступным для них лишь после того, как следующий цикл изменит и трансформирует их внутреннюю природу, усовершенствовав структуру их духовного разума.

II

Как уже отмечалось ранее, ни медицина, ни физическая наука не в состоянии объяснить *primum mobile*, или *истинную природу*, даже самого простого феномена, стараясь свести все исключительно к физиологическим причинам; и, если они не обратятся за помощью к оккультизму, им предстоит быть поверженными в прах еще до конца XX столетия.

Это утверждение может показаться чересчур смелым. Однако оно в полной мере подтверждается заявлениями самих же медицинских светил, согласно которым *в основе каждого феномена непременно должны лежать физиологические и чисто физические причины*. Но данное заявление можно перефразировать следующим образом: *никакой феномен не может быть исследован исчерпывающим образом, если рассматривать его исключительно в свете физиологических и физических причин*. Так будет точнее. К сказанному можно добавить, что представители точных наук и не могут позволить себе никаких *других* методов исследования. Но это означает, что, достигнув в своих экспериментах определенного предела, они необходимо должны остановиться и объявить свою задачу полностью выполненной, передавая тем самым дальнейшее изучение феноменов в руки трансценденталистов и философов.

Если бы они всегда были столь откровенны, их никто не смог бы упрекнуть в неудовлетворительном исполнении своих обязанностей; ибо никто не усомнился бы в том, что они делают все возможное при данных обстоятельствах, и, как будет показано ниже, требовать от них чего-то большего просто бессмысленно. Но пока что врачи-невропатологи только препятствуют прогрессу подлинного психологического знания. И до тех пор, пока не удастся приоткрыть хотя

бы маленькое отверстие для доступа света высшего "Я", способного потеснить доселе господствующую в недрах их разума непроглядную темень чисто материалистических концепций и заменить ее светом, источник которого находится на уровне существования, недоступном для обычных физических чувств, цель их исследования так никогда и не будет полностью достигнута. И если верно то, что причины всех аномальных феноменов, воздействующих не только на духовные, но и на физические наши чувства (то есть объективно проявляющихся), необходимо должны иметь место в обеих сферах или на обоих уровнях существования – физическом и духовном, то столь же верно и естественно то, что материалист способен распознавать только те причины, которые он в состоянии воспринять, оставляя без внимания и даже отрицая все остальные.

Нижеследующий пример призван продемонстрировать истинность этого утверждения каждому просвещенному читателю.

Когда мы говорим о свете, тепле, звуке и т. д., что мы имеем в виду? Наверняка то, что каждый из этих природных феноменов существует *per se*. Но для нас они существуют лишь постольку, поскольку мы их ощущаем, и лишь в той мере, в какой это позволяют наши органы чувств. Ни для кого не секрет, что некоторые люди видят и слышат гораздо хуже остальных своих собратьев, хотя и не являются полностью глухими и слепыми; и что, зная необходимые упражнения и методику, мы можем развивать и тренировать свои чувства примерно так же, как и мускулатуру. Как гласит старинный афоризм: для того чтобы явить свой свет, солнцу нужны глаза. И хотя солнечная энергия существует с самого первого проблеска манвантары и до первого смертоносного дыхания пралайи, мы ничего не знали бы о ней, не будь у нас соответствующего органа для ее восприятия; весь Космос, с нашей точки зрения, был бы

погружен в крошечную тьму, и мы дружно отрицали бы сам факт существования Солнца. Наука проводит разграничение между двумя видами энергии – теплом и светом. Но та же самая наука учит нас, что те создания, или существа, на которые оба этих вида энергии оказывают одинаковое воздействие, не ощущают разницы между теплом и светом. И напротив, те создания (существа), на ощущения которых невидимое человеческому глазу излучение солнечного спектра производит такое же заметное воздействие, как на нас его видимые лучи, способны разглядеть свет даже там, где мы вообще ничего не увидим.

Г-н А. Бутлеров – профессор химии и ученый с мировым именем – приводит множество примеров сформулированной выше закономерности. Он ссылается, в частности, на наблюдения сэра Джона Лаббока, изучавшего восприятие цвета муравьями. Этот выдающийся ученый заметил, что муравьи оберегают отложенные ими яйца от воздействия прямых солнечных лучей; и, как только яйца оказываются на свету, муравьи тут же переносят их в какое-нибудь темное место. Но когда на муравьиные яйца (личинки) направлен поток *красного* излучения, муравьев это нимало не беспокоит, как будто личинки по-прежнему остаются в темноте. Опыты показали, что муравьям абсолютно все равно, где складировать свои яйца – в полной темноте или же под красными лучами. Даже самые яркие лучи производят на них лишь очень небольшое впечатление, особенно если цвет этих лучей близок красному, например оранжевый или желтый. И напротив, направленные на них лучи синего или фиолетового цвета муравьи замечают сразу. Когда одна половина их норки освещена фиолетовым, а другая – красным светом, муравьи немедленно перетаскивают яйца с фиолетового поля на красное. Следовательно, фиолетовые лучи кажутся муравьям наиболее яркими из всех лучей спектра, что позволяет нам

говорить о восприятии цвета муравьями как о диаметрально противоположном человеческому.

Этот контраст еще более усиливается другим обстоятельством: помимо световых лучей солнечный спектр содержит так называемые тепловые лучи (красные) и химические (фиолетовые)⁹³ – это общеизвестный факт. Однако мы не видим ни тех ни других и потому называем их *темными лучами*. Зато муравьи их прекрасно видят, что подтверждается вышеописанными экспериментами, в ходе которых эти насекомые спешно эвакуировали свои личинки из освещенного одними лишь темными, фиолетовыми лучами и потому достаточно затемненного, на наш взгляд, пространства, явно предпочитая фиолетовому *красный* цвет. Следовательно, для них *химические лучи хорошо видимы*. Как объясняет сам профессор:

Благодаря этой особенности, муравьи видят окружающие их объекты в совершенно ином свете, нежели мы; эти насекомые наблюдают в природе такие цвета и оттенки, о которых мы не имеем, да и не можем иметь ни малейшего представления. Представьте себе на мгновение, что в природе существуют такие объекты, которые полностью поглощают все лучи солнечного спектра, отражая только химические лучи: эти объекты останутся *абсолютно невидимыми для нас*; для нас, но не для муравьев.

А теперь пусть читатель представит себе на мгновение, что какой-то человек смог с помощью тайных наук изготовить некий объект (назовите его *талисманом*, если хотите), способный задерживать на более или менее продолжительный срок направленные в его сторону лучи солнечного спектра. В этом случае обладатель данного объекта сможет сделать себя невидимым для окружающих, поскольку он окажется освещаемым исключительно "темными" химическими лучами. И *наоборот*, с помощью того же "талисмана", делающего видимыми

⁹³ * Речь идет об инфракрасных и ультрафиолетовых лучах.

темные лучи, он сможет разглядеть в природе те объекты, которые недоступны невооруженному человеческому глазу!

Возможно, это всего лишь беспочвенное предположение, а возможно, и нет – ученым виднее, ибо они возражают только против того, что считается сверхъестественным, выходящим за рамки *их* Природы, но не могут отрицать факт существования сверхчувственных объектов, если их воздействие каким-то образом отражается на нашем, чувственном мире.

То же самое наблюдается и в области акустики. Многочисленные эксперименты показали, что муравьи абсолютно глухи к тем звукам, которые слышим мы; однако это ни в коей мере не означает, что муравьи – глухие. Как раз наоборот: основываясь на данных все тех же экспериментов, все тот же ученый признаёт, что муравьи все-таки слышат звуки, "только не те, которые слышим мы".

Каждый орган слуха приспособлен для восприятия вибраций определенной частоты, но у разных существ диапазон этих вибраций может не совпадать. К тому же некоторое несовпадение диапазона может наблюдаться и у существ одного и того же вида; например у людей, обладающих *анормальной* (как это принято говорить) организацией – либо врожденной, либо благоприобретенной⁹⁴.

Наш *обычный* слух не воспринимает вибрации, частота которых превышает 38000 в секунду; но слуховые органы не только муравьев, но и некоторых людей, *умеющих предохранять от перегрузок барабанные перепонки и создавать в эфире определенные корреляции*, способны ощущать вибрации, намного превышающие по частоте колебаний 38000

⁹⁴ Феномен кашмирских туземцев (особенно девушек, занимающихся изготовлением шалей) описан в 1-м томе "Разоблаченной Изида". Они различают на 300 оттенков цвета больше, чем европейцы.

в секунду; и, следовательно, они позволяют своим владельцам, будь то муравьи или люди (*анормальные* с точки зрения точной науки), слушать звуки и симфонии природы, недоступные "нормальному" человеку.

Там, где, по нашему мнению, господствует мертвая тишина, слуху муравья открываются тысячи самых разных и самых странных звуков, – говорит, цитируя Лаббока, проф. Бутлеров (Scientific Letters, Letter X), – следовательно, эти маленькие умные насекомые настолько же вправе считать нас глухими за нашу неспособность слышать музыку природы, насколько уверены в своей правоте мы, когда объявляем их глухими за то, что они не слышат звук выстрела, человеческий крик, свист...

Приведенные выше примеры достаточно ясно показывают, что научные знания о природе не охватывают всего, что в ней существует и прямо или косвенно проявляется на нашем уровне. Даже не обращаясь к другим планетам и сферам и оставаясь в рамках нашей Земли, можно убедиться в том, что нас окружают тысячи вещей, невидимых, неслышимых и неосязаемых обычными человеческими чувствами. Но предположим чисто теоретически, что существует некая наука, которая, не заключая в себе ничего сверхъестественного, просто исследует и описывает то, что могло бы быть названо сверхчувственной физикой и химией, то есть *алхимия* и *метафизика конкретной* (а не абстрактной) природы. В этом случае все затруднения снимаются. Ибо все тот же профессор утверждает:

Если мы видим свет там, где другое существо ощущает себя в полной темноте, но *ничего* не видим там, где это же существо без труда улавливает световые волны; и если мы слышим одни звуки, но остаемся абсолютно глухи к другим, которые тем не менее отчетливо воспринимаются крохотными насекомыми, то разве не следует из этого ясный как день вывод, что предметом изучения и анализа нашей современной науки является не сама природа в своей, так сказать, первозданной наготе, но только те изменения, ощущения и восприятия,

которые она в нас пробуждает? Лишь на основании этих ощущений мы можем делать какие-либо заключения о внешних объектах и о действии законов природы, создавая для себя образ окружающего мира. То же самое можно сказать и о любом другом "ограниченном" существе: каждое из них судит о внешнем мире исключительно по тем ощутимым изменениям, которые последний в нем производит.

Этим, в частности, объясняется позиция материалиста: он судит о психических феноменах только по их внешнему аспекту, поскольку не имеет возможности проникнуть в их духовную сущность по причине неразвитости интуитивного восприятия и внутреннего зрения. Несмотря на несомненную аргументированность выбора, который сделали некоторые известные ученые, подтвердившие для себя реальность так называемых спиритических феноменов и ставшие в силу этого убежденными спиритуалистами; и на то, что многие из них, как и профессора Уоллес, Гиер, Цёльнер, Вагнер и Бутлеров, использовали все свое огромное знание для того, чтобы подкрепить свою позицию как можно большим числом доказательств, самые крупные козыри все равно остаются на руках у их оппонентов. Причем последним даже необязательно категорически отрицать саму возможность каких-либо феноменальных проявлений. Они просто заявляют, что основной предмет развернувшейся ныне грандиозной дискуссии между трансценденталистами от спиритуализма и материалистами сводится всего лишь к природе *действующих сил* – *primum mobile*, стоящих за всеми известными феноменами. И вот, на чем они особо настаивают: спиритуалисты не в состоянии доказать, что этой действующей силой являются *именно разумные духи умерших людей*; по крайней мере их доводов явно недостаточно для того, "чтобы *удовлетворить требования точной науки* или скептически настроенной на сей счет

публики". И с этой точки зрения позиция скептиков действительно неприступна.

Читатель-теософ без труда догадается, что материалисту в общем-то все равно, что отрицать в данном случае – присутствие духа в традиционном понимании этого термина (будь то человеческий, недочеловеческий или сверхчеловеческий дух) или же какой-то иной силы, пока неизвестной науке и потому отвергаемой ею *a priori*. Ибо наука стремится свести все феноменальные проявления исключительно к тем силам, которые ей уже известны и признаны ею. Одним словом, наука категорически отвергает возможность математически обосновать реальность тех сил, которые признаются пока только в силу очевидности их действия, да и то далеко не всеми.

Совершенно очевидно, что позиция теософа (или, вернее, оккультиста) в дискуссиях с современной наукой еще более уязвима, нежели позиция спиритуалиста, поскольку большинство ученых оспаривают не подлинность *феноменов per se*, но характер и природу стоящих за ними сил. Если против "спиритических" феноменов выступают только материалисты, то в нашем случае все обстоит намного хуже. Теория "духов" вызывает возражения только у тех, кто не верит в жизнь человеческой души после смерти тела. Но оккультизм восстанавливает против себя целый легион академиков, поскольку отодвигает всех духов, добрых, злых и равнодушных, на второе (если не на последнее) место и в то же время отвергает сразу несколько жизненно важных научных догм. В данном случае абсолютно все ученые, как идеалисты, так и материалисты, будут одинаково возмущены, ибо все они, несмотря на расхождения во мнениях, выступают под одним и тем же знаменем. Есть только одна наука, хотя и разделенная на две различные школы – *идеалистическую* и

материалистическую; и обе эти школы признаются одинаково авторитетными и ортодоксальными в вопросах науки. Лишь немногие из нас видят в оккультизме самую настоящую науку или отстаивают его научную ценность. И пока современная наука не будет полностью перестроена, она не сможет извлечь для себя пользу из оккультных учений, поскольку истолковать оккультные феномены, используя исключительно традиционные научные методы, раз в десять сложнее, чем найти разумное объяснение феноменальным проявлениям чисто спиритуалистического характера.

И сейчас, спустя почти десять лет напряженных споров с нашими учеными оппонентами, среди которых были как сторонники, так и противники феноменов, я хочу задать теософам прямой и недвусмысленный вопрос. Пусть они, дочитав до конца эти строки и как следует взвесив свой собственный опыт, сами решат: есть ли у нас хотя бы малейшая надежда добиться со стороны официальной европейской науки если не эффективной поддержки, то по крайней мере справедливого и непредвзятого рассмотрения проповедуемых нами оккультных наук? Я же говорю: нас не поддержит никто, даже те, кого внутреннее зрение уже побудило признать реальность медиумических феноменов.

И это вполне естественно. Какими бы они ни были, они все равно остаются прежде всего людьми современной науки, а уж потом – спиритуалистами; и если не все они, то по крайней мере большинство готовы скорее порвать все связи с медиумами и духами и отказаться от своей веры в них, чем расстаться с некоторыми великими и незыблемыми, на их взгляд, догмами точной науки. А признание оккультизма потребовало бы от них отказа от несравнимо большего

числа ортодоксальных догм. Но иначе им никогда не приблизиться к порогу тайны и не увидеть ее в подлинно научном аспекте.

Именно это противоречие послужило причиной недавних злоключений теософии; поэтому уместным будет сказать еще несколько слов на эту тему, тем более что ларчик открывается просто. Теософы-неоокультисты не в состоянии провести достаточно серьезное и вдумчивое исследование феноменов (что же говорить в таком случае о представителях академической науки?); в то время как теософы-окультисты необходимо должны придерживаться определенных принципов, от которых они *не в состоянии отступить*: их уста скованы, а возможные объяснения и демонстрации строго ограничены, и с этим ничего нельзя поделать. Но ученых не удовлетворяют половинчатые объяснения.

Знать, дерзать, стремиться и хранить молчание – этот девиз каббалистов настолько хорошо известен широкой публике, что объяснять его суть еще раз, пожалуй, нет никакой необходимости. Однако в данном случае он может быть полезен как пища для размышлений. Мы и так уже сказали *слишком много*, хотя, по сути дела, сказали *слишком мало*. Но то, что может показаться читателю явно недостаточным, мне самой представляется *очевидным перебором*; и это меня пугает. А успокаивает лишь то, что за свою излишнюю болтливость расплачиваемся прежде всего мы сами, а не кто-то другой. Напечатай я даже эту малость каких-нибудь четверть века назад, и последствия для нас наверняка оказались бы еще более ужасными.

Наука (я имею в виду западную науку) тоже обязана придерживаться определенных принципов. Она гордится своей способностью производить наблюдения и анализ и делать на их основе выводы и заключения. Поэтому, когда в ее поле зрения попадает какой-

нибудь феномен аномального характера, она обязана разложить его весь по полочкам или же вовсе отступить от него. Причем проводить свои исследования ученые могут только в соответствии с обязательными для них индуктивными методами, основанными прежде всего на показаниях наших физических чувств. Но как мы уже говорили, подобная методика заведомо несовершенна.

А если физических чувств и научной *проницательности* в самом деле оказывается недостаточно для исчерпывающего заключения, ученые, нимало не смущаясь, прибегают в своих исследованиях к помощи местной полиции. Так уже не раз случалось в истории; примерами тому могут служить Лоудун, Морцин, салемские ведьмы и т. д. Британское Королевское общество вызывает Скотланд-Ярд, Французская академия призывает на помощь своих *mouchards*, и они на свой собственный лад помогают ученым выйти из затруднительного положения. Для этого избираются два-три прецедента "крайне подозрительного свойства" и "разоблачаются", а все прочие феномены объявляются на основании этого не заслуживающими доверия. Отвергаются свидетельства очевидцев, достоверными признаются только доводы злопыхателей, а "безупречным" источником информации становятся самые нелепые слухи. Если читатель желает лучше узнать, какими средствами в подобных случаях пользуются люди науки (порою самые авторитетные), пусть проштудирует двадцать с лишним томов сочинений де Мирвиля и де Мюссо, охватывающих более столетия напряженных исследований самых разных феноменов.

И чего же нам в таком случае ожидать от ученых, пусть даже и *от* тех, кто принадлежит к *идеалистической* школе, приверженцы которой неизменно составляют самое незначительное меньшинство? Ведь какими бы искренними и прилежными исследователями, открытыми

для восприятия истины, ни были эти последние, они все равно еще *не готовы отказаться* от некоторых догм ортодоксальной науки даже в случае аргументированного доказательства их ошибочности. Такими аксиомами являются, например, ныне существующие представления о материи, силе, свете, законе гравитации и т. д. и т. п. Их не в состоянии преступить ни один ученый, даже если он не имеет никакой личной *заинтересованности* в их сохранении.

Равным образом не следует сбрасывать со счетов ныне существующие воззрения большинства цивилизованного человечества, в особенности отношение его просвещенных классов ко всякого рода идеалистическим школам мышления (не говоря уже об оккультизме). Даже поверхностного взгляда будет достаточно для того, чтобы понять, что две трети из них заражены тем, что мы могли бы назвать грубым и утилитарным материализмом.

"Теоретическая материалистическая наука не признаёт ничего, кроме **материи**. Материя – ее святыня, ее единственный Бог". С другой стороны, нам говорят, что практический материализм не интересуется ничем иным, кроме того, что прямо или косвенно направлено на достижение личного блага. "Золото – его идол", – справедливо отмечает в "Scientific Letters" (Let. X) профессор Бутлеров (спиритуалист, который, впрочем, никогда не признавал даже самые элементарные оккультные истины, потому что "не мог их понять"). "Сгусток материи, – добавляет он далее, –

излюбленная субстанция теоретических материалистов – превратился в нечистых руках этического материализма в сгусток грязи. И если первые придают лишь очень небольшое значение тем внутренним (психическим) состояниям человека, которые недостаточно определенно проявляют себя во внешнем мире, то последний вообще игнорирует любые внутренние состояния жизни... Духовный аспект жизни не имеет

никакого значения для практического материализма, поскольку мир ограничивается для него исключительно внешней своей стороной. Преклонение перед внешними явлениями получило наиболее исчерпывающее обоснование именно в догмах узаконившего его материализма".

Вот вам и объяснение сложившейся ситуации. Теософу (во всяком случае, оккультисту) нечего ждать от материалистической науки и такого же общества.

И если подобное положение вещей становится *нормой* повседневной жизни (хотя мы и убеждены в том, что любой обычай, идущий вразрез с наивысшими моральными устремлениями человечества, обречен на скорое забвение), то нам остается только одно – с надеждой глядеть вперед, в более светлое будущее. Нам не следует терять мужество, несмотря ни на что; и, если материализм, опустошивший небеса и стихии и превративший безграничный Космос из вечного обиталища жизни в темную и унылую гробницу, отказывается иметь с нами дело, значит, нам остается только одно – оставить его в покое.

Но сам материализм, к сожалению, оставлять нас в покое не желает. Никто не разглагольствует столько о точности научных наблюдений, о правильном отношении к человеческим чувствам и о полном освобождении разума от всяких предрассудков, сколько материалисты. Но как только речь заходит о феноменальных проявлениях и об ученых, исследующих эти проявления все в том же подлинно научном духе непредвзятости и объективности, материалисты, похоже, напрочь забывают провозглашаемые ими самими принципы и объявляют недействительными сформулированные этими учеными выводы, если последние не согласуются с их собственными концепциями. "Но если многие научные умы, – пишет профессор Бутлеров, – приученные

годами обучения и практических исследований к детальнейшему изучению проблемы и многочисленным проверкам результата, высказываются в пользу определенных фактов, то приходится признать, что все они вместе *prima facie* не могут заблуждаться". "Однако они уже высказались, причем самым смехотворным образом", – возражают профессору его оппоненты; и в этом мы с ними, увы, полностью согласны.

Тут нам необходимо вспомнить одну древнюю аксиому эзотерической философии: *"Ничто из того, что уже не существовало бы в видимом или невидимом Космосе, не может быть воспроизведено человеком искусственно или даже мысленно"*.

"Какая чушь! – воскликнет, прочитав это изречение, какой-нибудь воинствующий теософ. – А если я представлю себе живую, ходячую башню, внутри которой полно комнат, а наверху – человеческая голова, которая беседует со мною, значит, такое чудо-юдо действительно "существует во вселенной?"

"А разве могут попугаи вылупляться из миндальных орехов?" – спросит нас другой скептик. "А почему бы и нет? – ответим мы вопросом на вопрос. – Но, разумеется, не на этой планете". Откуда нам знать, что ни на одной из планет не существовали в действительности те диковины, которые вы описывали: например башнеобразные создания с человеческими головами? Воображение есть не что иное, как память прошлых рождений, учит нас Пифагор. Кто знает, возможно, вы сами были некогда таким "человеком-башней" и ваши внутренние комнаты служили убежищем, в котором прятались ваши домочадцы, подобно детенышам кенгуру. Что же до попугаев, вылупляющихся из миндальных орехов, то кто может поклясться, что ничего подобного никогда не существовало в природе в прошлые эпохи, когда эволюция

создавала порою еще более причудливых монстров? Возможно, птицы, которые вылупляются из древесных плодов, тоже были одним из многих слов, изреченных в свое время эволюцией, – древним словом, последние отзвуки которого, подобные едва слышному шепоту, окончательно заглушил рев всемирного потопа. "Минерал становится растением, растение животным, животное человеком" и т. д. – так говорят каббалисты.

Говоря о возможности превращения фруктов в птиц, можно упомянуть тот факт, что даже самые крупные ученые некогда попадали впросак, не только уверовав в ее реальность, но и преподнося оную *как бесспорный научный факт* (вот вам и непогрешимость чувств как источника информации об окружающем мире).

"Когда же такое было возможно?" – спросит недоверчивый читатель. Сравнительно недавно, примерно 280 лет тому назад, в Англии. Причудливая вера в существование некой морской птицы, которая вылуплялась из плода, отнюдь не ограничивается концом XVI века и в пространственном отношении населением английских портовых городов. Было время, когда большинство ученых искренне верили в это; и не только верили, но и пропагандировали как научное знание. Плоды определенного вида деревьев, растущих на морском берегу (что-то вроде магнолии), из-за чего их ветви часто оказываются погруженными в воду, имеют свойство, как тогда считали, постепенно трансформироваться под действием соленой воды в некое подобие ракообразного, из которого вылупляется впоследствии живая морская птица, называемая в старинных естественных историях морской уткой. Некоторые натуралисты признавали эту традицию неоспоримым фактом. Они исследовали и проверяли ее на протяжении нескольких лет, после чего она была признана и одобрена крупнейшими

авторитетами того времени, а собранные на сей счет сведения опубликованы под эгидой различных научных обществ. Один из таких сторонников существования морской утки, ботаник Джон Герард, поведал миру об этом поразительном феномене в своей весьма содержательной книге, опубликованной в 1596 г. В ней он подробно описывает весь процесс, утверждая, что строит свое изложение "на основании собственных ощущений". Он говорит, что видел все собственными глазами, каждый день прикасался к "фруктовому яйцу", наблюдал за его ростом и развитием, пока наконец ему не посчастливилось лично присутствовать при "родах" удивительной птички. Он видел, как сначала из-под лопнувшей скорлупы показались ножки цыпленка, а затем и все тело маленькой морской утки, "которая тут же начала плавать". (Scientific Letters, Let. XXIV). Этот ботаник был настолько убежден в истинности своего рассказа, что счел возможным завершить его предложением каждому скептику приехать, чтобы лично повидаться с ним, Джоном Герардом, обещая продемонстрировать весь процесс.

Роберт Мюррей, другой английский *savant*, весьма авторитетный в свое время, тоже подтверждает реальность подобного превращения и тоже заявляет, что лично видел, как оно происходит⁹⁵.

Можно также добавить, что эту убежденность разделяли с Герардом и Мюрреем многие их ученые современники: Функ, Альдрованди и др.⁹⁶ И что вы теперь скажете о морской уточке?

⁹⁵ Вот что он говорит об этом превращении в переводе с латыни: "В каждой раковине (скорлупе), которую я открывал после превращения плодов, висящих на ветвях дерева, в некое подобие яиц, я находил миниатюрное, но точное изображение морской птицы: маленький клюв, похожий на гусиный, отчетливо обозначенные глаза; голова, шея, грудка, крылья, уже сформировавшиеся ноги и лапки, хорошо различимые перья на хвосте, темного цвета..."

Конечно, я бы предпочла назвать ее "уткой Герарда – Мюррея" и воспринимать ее соответственно этому названию. Но это отнюдь не дает нам права смеяться над заблуждением ученых тех времен. Пройдет еще лет двести или даже менее того, и у наших потомков, возможно, будет еще больше оснований потешаться над идеями наших нынешних членов Королевского общества и их последователей.

Нельзя не признать, что противники феноменов имеют все основания ссылаться на эту басню о морских уточках как на наглядное подтверждение собственной правоты; но несложно заметить и то, что данный пример явно обоюдоострое оружие; и если кто-то пользуется им для того, чтобы доказать, что даже авторитетные ученые, верящие в спиритуализм и феномены, могут серьезно заблуждаться в своих наблюдениях и научных выводах, то мы можем направить это обвинение против самих обвинителей, превратив его в не менее убедительное доказательство противоположного: никакая научная "проницательность" не может служить достаточно веским подтверждением того, что какой-либо феномен однозначно характеризуется как "мошенничество в сочетании с доверчивостью", если наблюдавшие этот феномен свидетели признают в нем реальный факт. Ведь упомянутый пример научного заблуждения одновременно подтверждает и то, что даже опытного ученого могут подвести его чувства и восприятие и что в этом отношении его впечатления имеют ценность ничуть не большую, чем свидетельства любого другого смертного, особенно если наблюдатель заранее настроен во что бы то ни стало доказать несостоятельность феноменальных проявлений.

⁹⁶ Очевидно, что подобные представления были широко распространены во второй половине XVII в., коль скоро они нашли отражение даже в "Hudibras", очень точно отражающем воззрения своего времени:

Из раковины птица вылетает – Так на Оркнейских островах бывает.
(S. Butler, Pt. III, C. II, line 9).

Даже коллективные наблюдения никоим образом не меняют суть проблемы, поскольку феномены производятся большей частью на том уровне, который некоторые ученые окрестили четвертым измерением пространства (что, впрочем, не совсем справедливо); и что же делать, если у всех ученых наблюдателей пока еще не развито соответствующее этому уровню *шестое чувство*?

В ходе литературной перестрелки, имевшей место несколько лет назад между двумя именитыми профессорами, вокруг этого, теперь уже навсегда прославленного, четвертого измерения было сломано немало копий. Один из участников этой дискуссии, уверяя читателя в том, что он признаёт исключительно "земные, естественные науки [читай – точную, или индуктивную, науку] и детальное изучение только тех феноменов, которые происходят в *земных условиях пространства и времени*", говорит тем не менее, что не может себе позволить не принимать в расчет те перспективы, которые открывает перед нами будущее. "Хочу напомнить своим коллегам, – продолжает далее этот профессор-спиритуалист, –

что те выводы, которые мы делаем на основе информации, получаемой в результате исследований, должны идти намного дальше наших чувственных восприятий. Границы чувственного знания должны непрестанно расширяться, а вместе с ними и масштабы наших умозаключений. Ведь никто не может с точностью определить, насколько эти границы будут раздвинуты будущими открытиями... Существовая в трехмерном пространстве, мы можем наблюдать и исследовать только то, что имеет место в этих трех измерениях. Но что мешает нам уже сейчас размышлять о пространстве с большим числом измерений и воссоздавать соответствующую ему геометрию?.. Оставив на время вопрос о реальности четвертого измерения, мы тем не менее можем... продолжать наблюдения с целью выявления в нашем трехмерном мире феноменов, объяснить которые можно лишь наличием четвертого измерения, и никак иначе".

Иными словами:

...нам надлежит выяснить, может ли что-либо относящееся к четвертому измерению появляться в нашем трехмерном мире... находить в нем свое отражение?..

Оккультист сразу же скажет на это, что на наши чувства могут воздействовать явления не только четырехмерного, но и пяти- и шестимерного миров. Однако для этого наши ощущения должны быть надлежащим образом *одухотворены*, поскольку посредником при передаче восприятий является в данном случае наше внутреннее чувство. Подобно тому, как "изображения объектов, существующих в трехмерном пространстве, проецируются на плоскую поверхность двухмерного экрана", четырехмерные существа и предметы тоже могут *создавать свои проекции* в нашем трехмерном мире грубой материи. Но если популярно и доходчиво объяснить широкой публике механизм изображения на плоском экране "реально существующих" объектов (а не каких-то химер или призраков) может только квалифицированный физик, то, соответственно, надо быть поистине великим мудрецом, чтобы суметь объяснить людям науки (не говоря уже о легионе просто "ученых людей"), что те "картины", которые они видят отраженными на нашем трехмерном "экране", могут в ряде случаев и при определенных обстоятельствах представлять собою проекцию реальных феноменов, создаваемых "четырёхмерными силами" специально для их удовольствия и убеждения. "Ничто так не напоминает ложь, как голая правда", – гласит каббалистический афоризм; и еще одна общеизвестная аксиома: "Действительность зачастую превосходит любую фантазию".

Для того чтобы осознать возможность обмена феноменами между двумя мирами – видимым и невидимым, современного ученого с его складом ума явно недостаточно. Интуитивно отличить реальное от

нереального, естественное от искусственно созданного "экрана" способен только высокодуховный, очень чуткий и восприимчивый интеллект. Но наш век противодействует духовности, ибо таким веком должен завершаться очередной виток цикла. Отсюда и изобилие феноменов, равно как и упрямая слепота некоторых людей.

Что же может сказать об идеалистической теории четырехмерного пространства материалистическая наука? "Как! – воскликнет она. – Вы хотите, чтобы мы, оставаясь в непреодолимом кругу трехмерного пространства, думали о каких-то дополнительных измерениях? Но как можно размышлять о том, что человек не в силах даже вообразить или описать хотя бы в самых общих чертах? Для этого необходимо какое-то иное существо, качественно отличающееся от человеческого, наделенное иной психической организацией. Словом, для того чтобы представить себе четырехмерное пространство, в котором присутствуют длина, ширина, высота и... нечто еще (?), необходимо быть неким "нечеловеком"".

Чем же, в самом деле, может быть это четвертое "нечто"? Похоже, что никто из ученых, настаивающих на его существовании (как можно предположить, исключительно вследствие своей приверженности спиритуализму и стремления объяснить наличием одного "нечто" известные спиритические феномены), сам толком не знает, что это такое. Может быть, здесь имеется в виду "прохождение материи сквозь материю"? Но для чего тогда называть это четвертое измерение "пространственным" – ведь в данном случае речь идет всего лишь об *ином уровне существования* (во всяком случае, такой вывод следует из самой формулировки)? Мы, оккультисты, говорили и повторяем, что самым точным определением, соответствующим материальным концепциям людей нашего нижнего уровня, в данном случае служит

индусский термин *махар* (махарлока), обозначающий четвертый мир высшей семерки (в числе четырнадцати миров, "порожденных пятью элементами"), антиподом которого является *расатала* (четвертый в семеричной цепочке нижнего мира). Эти два мира окружают, так сказать, наш нынешний мир четвертого Круга. Любой индус без труда поймет, о чем идет речь. *Махар* – это верхний мир (или, вернее, уровень существования); в то время как уровень, к которому принадлежат упомянутые выше муравьи, скорее всего следует отнести к нижней семеричной цепи миров. И если мы назовем его нижестоящим миром, то будем абсолютно правы.

В самом деле, люди часто говорят об этом четырехмерном пространстве как о некоей обособленной местности или сфере, тогда как на самом деле это иное состояние бытия. С тех пор как этот термин был воскрешен профессором Цёльнером, он внес немало сумятицы в головы людей. Почему? Да потому, что проспиритуалистически настроенные ученые на основании заумного математического анализа сделали наконец важный вывод, что наши представления о Космосе могут оказаться весьма поверхностными и что наряду с нашим трехмерным пространством в нашей огромной Вселенной вполне могут существовать пространства с иным – большим или меньшим – числом измерений (во всяком случае, с математической точки зрения эта гипотеза не содержит в себе ничего невозможного). Но, как справедливо заметил один скептик:

...признание самой возможности существования пространств с иным, нежели у нас, числом измерений ни в коей мере не способствует нашему (то есть высших математиков) пониманию того, что представляют собою эти измерения. Признать некое вышестоящее "четырёхмерное" пространство – все равно что признать бесконечность; мы можем признавать и то и другое, но сам этот факт вряд ли способен растолковать

нам, чем они на самом деле являются... все, что мы знаем об этих вышестоящих мирах, это то, что они не имеют ничего общего с нашими представлениями о пространстве". ("Scientific Letters".)

"*Наши представления*" в данном случае означает концепции материалистической науки, из чего следует, что тут есть над чем поразмыслить менее ученым, но более одухотворенным умам.

Для того чтобы показать всю безнадежность попыток довести до материалистического сознания (пусть даже в самых общих чертах) идею присутствия среди нас, в нашем трехмерном мире, иных, более высоких уровней бытия, процитирую замечательные в своем роде возражения, приведенные одним из двух вышеупомянутых ученых противников гипотезы многомерного пространства. (См. газ. "Новое время", 1883 г. – рубрика "Научные письма").

Он спрашивает: "Можно ли предлагать в качестве объяснения разного рода феноменов действие такого фактора, о котором мы не можем сказать ничего определенного и не имеем представления даже о самой его природе и возможностях?"

Возможно, есть и такие, кто кое-что "знает", кто не так безнадежно безграмотен. Но если вы спросите оккультиста, он ответит – нет; *точная* физическая наука должна отрицать само существование вышеназванного фактора, ибо в противном случае она станет *метафизической* наукой. Данный фактор невозможно исследовать ни с биологической, ни с физиологической точки зрения, а следовательно, его невозможно объяснить. Но все же его можно понять и принять чисто индуктивно, как например, гравитацию, о которой мы знаем только то, что ее действие проявляется на нашей трехмерной Земле.

Опять же: 1) говорят (сторонники рассматриваемой теории), "что мы живем в своем трехмерном пространстве, так сказать, *безусловно*, не

ощущая никакой ограниченности!" Вероятно (и даже *безусловно*), "это происходит как раз потому, что мы способны воспринимать только такое пространство и абсолютно неспособны в силу своей собственной организации воспринимать его иначе как в трех известных нам измерениях!" 2) Иными словами, "даже наше трехмерное пространство не *существует само по себе*, но является всего лишь продуктом нашего собственного понимания и восприятия".

По поводу первого заявления оккультист мог бы сказать, что те, кто неспособен воспринимать никакое иное пространство, кроме трехмерного, правильно делают, что не позволяют себе даже мысленно выходить за его пределы. Но происходит это отнюдь не "в силу нашей собственной [человеческой] организации", а лишь вследствие интеллектуальной организации тех, кто не в состоянии воспринимать ничего другого. Так бывает с теми организмами, которые еще не развились ни духовно, ни даже умственно в верном направлении.

А по поводу второго заявления он сказал бы, что оппонент абсолютно прав в заключительной части своей фразы, так же как абсолютно неправ в ее начале. Ибо даже если "четвертое измерение" (если мы вправе его так называть) так же *зависит* от наших собственных чувств и восприятий, как и трехмерный, воображаемый нами мир, и не является каким-то *особым* географическим пространством, оно все равно существует как сфера, предназначенная для тех существ, которые эволюционировали до него как до продукта "*своего собственного* понимания и восприятия". Природа никогда не проводит слишком резких разграничительных линий, никогда не возводит непреодолимых стен, и все ее "бездонные пропасти" существуют лишь в убогом воображении некоторых натуралистов.

Оба рассматриваемых нами "пространства", или уровня бытия (равно как и все прочие существующие уровни), достаточно тесно связаны между собой, чтобы сохранить возможность общения между теми их обитателями, которые способны воспринимать как вышестоящий, так и нижестоящий уровень. Как существуют амфибии⁹⁷ земные, физические, так могут быть и амфибии интеллектуальные.

Противник четырехмерного пространства жалуется на группу высших математиков, называемых "метаматематиками" или, по – другому, "метагеометрами", поскольку их идеями злоупотребляют нынешние спиритуалисты. Эти последние буквально "ухватились за них и держатся как за якорь спасения". Но все аргументы этого скептика по меньшей мере нелепы. "Вместо того чтобы доказывать истинность своих медиумических феноменов, – говорит он, –

спиритуалисты начинают объяснять их с помощью гипотезы четвертого измерения. Видим ли мы руку Кэти Кинг, исчезающую затем в "неведомом пространстве", – тут же на авансцену выступает четвертое измерение; появляются ли узлы на веревке, концы которой связаны и опечатаны, – снова четвертое измерение. С этой точки зрения пространство рассматривается как нечто объективное. Они верят в то, что в природе на самом деле существуют трех-, четырех- и пятимерные пространства. Но простейший математический анализ приводит нас в данном случае к мысли о существовании бесконечного множества пространств. Только представьте себе, что станет с точными науками, если, объясняя феномены, мы будем прибегать к помощи этих гипотетических пространств. Если не поможет одно, мы придумаем другое, еще более многомерное...

О бедный Кант! А ведь нам всегда говорили, что один из его основополагающих принципов заключается как раз в том, что наше трехмерное пространство вовсе не является абсолютным и что "даже в

⁹⁷ * Амфибия — от греч. *amphibios* — живущий двойкой жизнью.

случае с такими аксиомами, как Евклидова геометрия, наше знание и наши науки остаются лишь относительно точными и истинными".

Но почему следует объявлять точную науку в опасности из-за того лишь, что спиритуалисты пытаются истолковать свои феномены иначе, чем она? Да и как же еще можно объяснить необъяснимые никакими трехмерными концепциями традиционной науки явления, если не реалиями четырехмерного пространства? Ни один здравомыслящий человек не станет связывать демона Сократа с формой носа этого великого мудреца или искать источник вдохновения, подсказавшего м-ру Эдвину Арнольду идею "Света Азии"⁹⁸, в его собственной шляпе. И в конце концов, какой ущерб науке может быть от того, что феномены будут объясняться на основании вышеназванной гипотезы? Полагаю, вреда от этого будет не больше, чем от признания Королевским обществом современной теории *света* на основе гипотезы универсального *эфира*. Ведь эфир – это такой же "продукт нашего понимания", как и пространство. И если мы признаем одно, то почему же тогда отвергаем другое? Видимо потому, что первый может быть материализован в нашем представлении (или, вернее, его можно заставить материализоваться за неимением более приемлемого варианта), а второй выходит пока что за рамки воображения точной науки.

Что же касается оккультистов, то они полностью солидарны с представителями ортодоксальной точной науки, когда в ответ на предложение "экспериментировать и наблюдать с целью выявления в нашем трехмерном мире таких феноменов, которые объяснимы лишь на основании гипотезы о существовании пространства с четырьмя

⁹⁸ * Эдвин Арнольд, «Свет Азии». — Arnold sir Edwin «The Light of Asia, or the Great Renunciation (Mahabhinishkramana). London, 1879. Знаменитое в Европе поэтическое жизнеописание Гаутамы Будды. Книга выдержала множество изданий.

измерениями", они говорят следующее: "Пусть так, но смогут ли наблюдения и эксперименты дать нам исчерпывающий ответ на вопрос о реальности существования более высокого, четырехмерного пространства? Или разрешить для нас дилемму, доселе неразрешимую, с какой стороны мы бы к ней ни подходили? Как могут наши человеческие исследования и человеческие же эксперименты, проводимые *безусловно* в границах трехмерного пространства, служить нам отправной точкой для изучения феноменов, которые объяснимы *"лишь в случае признания нами четырехмерного пространства"?*"

Вышеприведенные возражения, на наш взгляд, абсолютно справедливы; и если все-таки когда-нибудь удастся доказать, что четырехмерное пространство действительно существует и что именно оно причастно к известным ныне спиритическим феноменам, то единственной стороной, которая пострадает от этого, будут сами спиритуалисты, поскольку произойдет следующее. Как только будет доказано, что кольцо действительно проходит через живую плоть и из руки медиума переходит в руку наблюдателя, в то время как последний сжимает ладони первого в своих ладонях; или опять-таки, что цветок или какой-то иной материальный объект на самом деле может перемещаться сквозь закрытые двери и стены; как только ученые *en masse* признают реальность и возможность подобных явлений, вся теория вмешательства духов и действия некоего бесплотного разума рассыплется в прах. А о многомерности пространства не будет даже речи, поскольку прохождение плотных тел сквозь другие плотные тела внешне никоим образом не связано ни с какими метагеометрическими измерениями; ученые сообщества просто присвоят материи еще одно, новое свойство, вследствие чего позиции материалистов еще более укрепятся. Но приблизит ли это род человеческий к разрешению психологической загадки? Приблизимся ли мы хоть сколько-нибудь к

реализации возвышенных стремлений человечества, если убедимся в реальности духовного существования на тех уровнях бытия, которые теперь по ошибке называют "четырёхмерным пространством", а точная наука представит его нам как новый физический закон, позволяющий определенным людям осознанно проходить сквозь физические тела других людей или же сквозь каменную стену?

Согласно оккультным наукам, в конце четвертой Расы⁹⁹ материя, которая непрерывно эволюционирует, прогрессирует и видоизменяется (что справедливо для всех природных царств, включая наше, человеческое), должна приобрести четвертое чувство, ибо новое, дополнительное чувство добавляется в конце каждой последовательной Расы. Следовательно, для оккультиста нет ничего удивительного в том, что физический мир по мере своего развития приобретает новые способности, которые суть не более чем новые модификации материи, непривычные для современной науки и непостижимые, как были некогда свойства звука, пара и электричества... Но гораздо более непостижим и удивителен духовный застой, царящий в настоящее время в мире интеллекта и в высших сферах экзотерического знания.

Никто не может ни задержать, ни ускорить ход даже самого маленького цикла. И возможно, прав был старина Тацит, когда говорил: "Истина устанавливается изучением и промедлением; поспешность благоприятствует заблуждению". Мы живем в век пара и сумасшедшей деятельности, поэтому вероятность признания истины уже в этом

⁹⁹ * Здесь допущена ошибка, которую, очевидно, проглядели при подготовке первого издания статьи. Вместо слова «Раса» следовало написать «Круг». После слова «материя» указать: «притхивитаттва — четвертый космический элементарный принцип». А после слова «чувство» — «четвертая эволюционная фаза притхиви». На месте последнего слова в предложении («Раса») опять-таки — «Круг».

столетии ничтожно мала. И оккультисту остается только ждать, когда наступит его время.

Статья впервые опубликована в журнале "Theosophist", Vol. VII, № 79, April, 1886, p. 422–431; Vol. VII, № 80, May, 1886, p. 481–494; на русском языке – Блаватская Е. П. Эликсир жизни. – М., Сфера, 1998. С. 129 – 176. Пер. Ю. А. Хатунцева.

ДРЕВНЯЯ МАГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Французского индолога Потье¹⁰⁰ кое-кто может упрекнуть в чрезмерном энтузиазме за его утверждение, что Индия представляется ему великим первозданным центром человеческой мысли, яркое пламя которого в конечном счете распространилось на весь мир, произведя в нем настоящий пожар (H.T.Colebrooke, Essai sur la philosophie des Hindous, 1883); но ведь он абсолютно прав. Именно арийская метафизика¹⁰¹ подвела человеческий разум к оккультному знанию — древнейшая наука, мать всех наук, содержащая в себе основы всякой ныне существующей науки. Именно оккультизм — синтез всех известных научных открытий, самым важным из которых является наличие потенциальной психической энергии у каждого физического атома материи, — служит тем первоисходным цементирующим раствором, что

¹⁰⁰ * Потье Жан Пьер Гийом (1801—1873) — французский поэт и востоковед. Был человеком широких взглядов и острого ума. Опубликовал множество переводов восточных писаний и статей.

¹⁰¹ Лишь благодаря м-ру Бартелеми Сент-Илеру мир узнал, что «в сфере метафизики индусский гений всегда пребывал в состоянии *младенческой недоразвитости*»!!!

удерживает краеугольный камень, лежащий в основании всех религий древности.

Воистину, изначальная искра воспламенила все народы; и теперь магия лежит в основе всех национальных религий — как древних, так и относительно молодых. Египет и Халдея возглавляют список стран, оставивших нам наибольшее количество свидетельств на этот счет; но в отличие от Индии они не смогли защитить свои палеографические святыни от осквернения. Мутные воды Суэцкого канала несут с собою к берегам Европы магию древних эпох фараоновского Египта, где пыль ее руин оседает в музеях Англии, Франции, Германии и России. Древняя *историческая* магия вливается таким образом в научные сочинения нашего — все подвергающего сомнению — века. Она напрягает руку и истощает мозг ученого, насмехаясь над всеми его попытками истолковать ее суть привычными материалистическими способами; но в то же время она помогает оккультисту лучше понять современную магию — рахитичную и слабую внучку своей могучей древней бабушки. Практически каждый иератический папирус, извлеченный из гробницы вместе с забинтованной мумией древнего фараона или жреца-иерофанта, и каждая истертая временем непереводаемая надпись на глиняной табличке, найденной в истерзанной раскопками земле Вавилонии или Ниневии, предлагают нам новую пищу для размышлений либо некую дополнительную информацию для изучения оккультизма. И все-таки магии отказывают в признании, называя ее «предрассудком» невежественного древнего философа.

Следовательно, магия — в каждом папирусе, в каждой религиозной доктрине; магия разлита в герметически закупоренные чаши, где она хранится уже много тысячелетий; магия элегантно вплетена в современные сочинения; магия — в самых популярных романах, в ныне существующих общественных объединениях; магия (вернее, наихудшая

ее форма — **КОЛДОВСТВО**) — в самом воздухе, коим дышит сейчас население Европы, Америки и Австралии; и чем выше уровень культуры и цивилизованности народа, тем большего объема и силы магию он бессознательно излучает, наполняя ею окружающую атмосферу...

Разумеется, запрещенную и осмеянную магию сейчас мало кто захочет принять под ее настоящим именем; но тот факт, что наука всерьез взялась за ее изучение, маскируя эту отверженную отрасль человеческого знания различными современными названиями, уже не вызывает сомнений. Но что значит имя? Ведь если современная наука определяет волка как животное *genus canis*, он не стал от этого собакой! Человек науки может называть магию, которую в свое время исследовал Порфирий¹⁰² и истолковывал Ямвлих¹⁰³, скажем, *истерическим гипнозом*, но от этого она ни в коей мере не перестанет быть магией. Результатом и следствием первоначального *Откровения*, переданного предыдущим расам их божественными династиями *царей-учителей*, стало внутреннее знание, присущее четвертой расе — атлантам, именуемое ныне в редких случаях своего «анормального», но подлинного проявления *медиумизмом*. Только тайная история мира, в настоящее время надежно сокрытая в недоступных хранилищах, может поведать (если излагать ее без каких-либо иносказаний и недомолвок) нынешним поколениям о скрытых силах и способностях человека и природы (о существовании которых большинству людей вовсе ничего не известно). Но именно страшные злоупотребления силою магии привели расу атлантов к полному исчезновению и забвению. Воспоминания об их

¹⁰² * *Порфирий* (ок. 233 - ок. 304) — греческий философ-идеалист, неоплатоник, ученик Плотина. Будучи выдающимся писателем, он был особенно известен своей полемикой с Ямвлихом относительно опасностей, сопряженных с практикой теургии. Был прирожденным мистиком.

¹⁰³ * *Ямвлих* (ок. 280 - ок. 330) — выдающийся античный теург, мистик и писатель, неоплатоник и философ, ученик Порфирия, основатель сирийской школы неоплатоников, в учение которого внес элементы восточного магизма.

колдовстве и черной магии дошли до нас благодаря классическим авторам в виде отдельных фрагментов, рассматриваемых исключительно как легенды, изобретенные малыми народами, и детские сказки. Отсюда и то насмешливое презрение, с которым воспринимаются в наше время некромантия, черная магия и колдовство. Над медиумами и легковерными теософами сейчас потешаются так же, как и над древними фессалийскими «ведьмами». И все это опять же благодаря *колдовству* (мы должны быть достаточно морально сильны для того, чтобы называть вещи своими именами); ведь именно фатальные злоупотребления магией заставили Адептов — «Сынов Света» — надолго «похоронить» ее после того, как ее падшие приверженцы оказались похороненными под толщею океанских вод; таким образом магию удалось утаить от непосвященных пришедшей на смену атлантам новой расы. Так что своим нынешним невежеством мир обязан прежде всего колдовству. Судите сами: кто, какое сословие Европы или Америки поверит всему вышесказанному? Пожалуй, никто, за одним лишь исключением, — и это исключение составляют священники и приверженцы римско-католической церкви. Им предписывают верить в существование магии их собственные религиозные догмы; но, к сожалению, католики приписывают ей сатанинское происхождение, что как раз и является одной из самых важных причин, почему наука до сих пор обходит магию своим вниманием.

Но все же *nolens volens* науке придется иметь дело с магией. Самые увлекательные области археологии — египтология и ассириология — настолько тесно сопряжены с нею, что разъединить их, как бы ни хотелось этого многим, просто невозможно. Ибо магия неразрывно переплетена с человеческой историей; и если последняя будет когда-либо изложена исчерпывающим образом, допускающим только правду и

ничего, кроме правды, то магию неизбежно придется признать и включить в это изложение. Но если археология и далее будет рассчитывать исключительно на вещественные находки и иератические тексты, не связанные с этой ненавистой для ученых темой, то подлинная человеческая **история**, боюсь, не будет написана никогда.

Позицию многих крупных ученых — членов Королевского общества, академиков, востоковедов — вполне можно понять и даже посочувствовать тому нелегкому положению, в котором они оказались. Вынужденные расшифровывать, переводить и интерпретировать старые заплесневелые папирусы, надписи на стелах и вавилонские *ромбы*, они столкнулись лицом к лицу со все той же **магией**! Сообщения о приносимых по обету жертвах, резные изображения, иероглифы, заклинания и прочая атрибутика ненавистных «предрассудков» глядят им прямо в глаза и настоятельно требуют к себе внимания, чем повергают ученых в досаднейшую для них растерянность.

Только представьте себе, какие чувства у них должна была вызвать следующая находка. Был обнаружен очень ценный по виду папирус. Выяснилось, что это — *посмертная* сопроводительная грамота, необходимая «озирисоподобной» душе¹⁰⁴ новопреставленного принца или даже фараона в ее загробных странствиях. Эту грамоту составил, рисуя на папирусе красные и черные иероглифы, один ученый и знаменитый писец, скажем, IV династии, под руководством египетского иерофанта, сословие которых признавалось во все века, а у последующих поколений считалось сообществом учнейших из ученых из числа древних философов и мудрецов. Такая грамота могла быть написана только в торжественный час смерти и погребения иерофанта, фараона-

¹⁰⁴ Вряд ли стоит напоминать читателю о том, что каждая душа, родившаяся для своего 3000-летнего цикла после смерти тела, которое она оживляла, становилась согласно воззрениям египтян «Озирисом» или *озирисоподобной*; то есть ее индивидуальность ограничивалась одними лишь высшими принципами — *духом*.

правителя. Она должна была служить «душе» пропуском в страшное царство Аменти, где, как говорили, ложь была способна перевесить все прочие преступления; она представляла душу усопшего грозным судьям этого царства.

Обнаружив такой папирус, востоковед, разумеется, сразу же берется за его расшифровку и трудится над его переводом много дней или даже недель только лишь затем, чтобы получить в конце концов следующий текст: «На XIII году, во втором месяце шому, в 28-й его день мы — первый великий жрец Амона, царя богов, Пенотман, сын представителя (или заместителя)¹⁰⁵ для великого жреца Пион-кимоана, и писец храма Соссер-су-хонса и некрополя Бутегамонму — приступили к облачению усопшего царевича Узирмари Пионокха и т.д., и т.п., дабы приготовить его к путешествию в загробный мир. Когда приготовления были закончены, мумия соблаговолила подняться, чтобы поблагодарить своих слуг, а также принять покрывало, изготовленное для нее руками “певицы” Нефрелит Нимутха, ушедшей в вечность в таком-то году» — за несколько сот лет до этого! Весь текст, напомним, записан иероглифами.

Конечно, перевод может оказаться неправильным. Но ведь известны уже десятки папирусов — бесспорно подлинных и зафиксированных Санхуниафоном¹⁰⁶ и Манефоном¹⁰⁷, Геродотом и

¹⁰⁵ Заместителем называли настоящего отца усыновленного великим жрецом-иерофантом «сына», поскольку жрецы эти жили в безбрачии и усыновляли тех, кому хотели передать свою силу и звание.

¹⁰⁶ * Санхуниафон — дохристианский писатель по финикийской космогонии, труды которого ныне недоступны. Филон Библейский приводит только так называемые «Фрагменты» Санхуниафона.

¹⁰⁷ * Манефон (IV—III вв. до н.э.) — египетский историк, верховный жрец в Гелиополе. Автор истории Египта на греческом языке. Ему принадлежит принятое в основном в науке разделение истории Египта на 30 династий фараонов и на периоды Древнего, Среднего и Нового царств.

Платоном, Синцеллом¹⁰⁸ и многими другими писателями и философами, — в которых освещается примерно та же тема, но в еще более странных выражениях. В этих папирусах часто перечисляются как исторический факт, не требующий никакого специального подтверждения в силу своей очевидности, целые династии царских *ман* — то есть *призраков* или *духов*. То же самое встречается и в истории других народов.

Во всех этих случаях первые, древнейшие династии¹⁰⁹ правителей и царей представляют собою то, что греки называли словом *маны*¹¹⁰, а египтяне — *урваган* — боги и т.п. Росселлини¹¹¹ пытался объяснить сущность этого понятия, но без особого успеха. «Слово *маны* означает *урваган*, — говорит он, — что дословно переводится как *внешний образ*; и если бы у нас была возможность привязать эту династию к какому-либо конкретному историческому периоду, мы могли бы предположить,

¹⁰⁸ * *Синцелл Георгий* (Георгиос Синкеллос, VIII-IX вв.) — византийский летописец и священнослужитель, иногда называемый аббатом или монахом. Человек в высшей степени образованный и талантливый (особенно хорошо Синцелл разбирался в истории и хронографии), он умер, так и не закончив главный труд всей своей жизни, завещав продолжить его своему другу Феофану. В переводе с греческого эта работа называется «Избранная хронология, составленная Георгием-монахом, Синкеллом Тарасия, патриарха Константинопольского, от Адама до Диоклетиана». Он намеревался довести эту работу до 800 г., но не успел продвинуться дальше 284 г. н.э. В его летопись включены фрагменты сочинений древних авторов и апокрифических книг, в том числе — дословно — значительные по своему объему фрагменты «Хроникона» Евсевия. После смерти Синцелла его работу дополнила «Хронография» Феофана.

¹⁰⁹ Согласно Тайной Доктрине эти династии состояли из божественных существ — «эфирных образов человеческих созданий»; а по сути дела — из богов в их светящихся астральных телах. То были *Шишта* предыдущих манвантар.

¹¹⁰ * Вероятно, это описка, поскольку этот термин использовали в различных близкородственных значениях не греки, а римляне.

¹¹¹ * *Росселлини Инполито* (1800—1843) — итальянский египтолог. Изучал теологию и иврит; преподавал иврит и арабский язык в Пизанском университете. Страстно увлекся египтологией, и в 1828—1829 гг. присоединился к Ж.Ф.Шампольону в его египетских исследованиях. После смерти Шампольона опубликовал результаты этих исследований.

что данный термин имеет отношение к *некой форме теократического правления, представляемой через образы богов и жрецов*»!!!¹¹²

Итак, династия с виду *живых* (во всяком случае, активно действующих) правителей оказывается всего-навсего галереей манекенов и образов — признание сего факта, несомненно, требует от современного исследователя даже большей доверчивости, нежели просто признание реальности «царственных призраков».

Но неужели все эти иерофанты и писцы, фараоны и посвященные поголовно были либо дураками, либо мошенниками — лжецами-сообщниками, искренне верившими или желавшими, чтобы все прочие уверовали в эти басни, не имеющие под собой, как нам кажется, никаких реальных оснований? Тем более что этот обман (или самообман) продолжался тысячелетиями — от первой династии до последней!

Вопрос о *божественной династии ман* будет более детально рассмотрен в «Тайной Доктрине»; но и из подлинных древних папирусов, равно как и из некоторых других археологических источников, можно извлечь кое-какую информацию на этот счет. Востоковеды, похоже, смогли отыскать для себя спасительную соломинку: хотя им и пришлось опубликовать содержание некоторых наиболее известных папирусов, они при этом объявили эти тексты *героическими романами*, посвященными правлению того или иного фараона. Данное объяснение нельзя не признать гениальным (хотя и

¹¹² Ippolito Rosellini «I Monumenti dell' Egitto e della Nubia», Vol. I, p. 8, и сноска внизу страницы. Он добавляет также, что Манефон и древние хроники одинаково переводят слово *маны* как νῆκυα. В «Chronicle» Евсевия Памфила*, найденной в Милане и снабженной примечаниями кардинала Маи, слово νῆκυα переводится, в свою очередь, как *урваган* — «внешняя тень» или «эфирный образ человека», то есть — *астральное тело*.

* *Евсевий Кесарийский* (Памфил, ок. 263—339) — римский церковный писатель, епископ Кесарии (Палестина).

вряд ли можно назвать до конца честным); так что теперь литературные саддукеи имеют все основания для радости.

Одним из примеров таких литературных произведений является «Папирус Лепсиуса» из Берлинского музея, выкупившего у наследников Ричарда Лепсиуса этот исторический памятник. Он написан иератическим письмом на архаическом египетском (древнекоптском) языке и считается одной из самых значительных археологических находок нашего столетия, поскольку содержит в себе сравнительные датировки и исправляет некоторые ошибки, касающиеся династической последовательности. К несчастью, *самые важные фрагменты текста так и не были обнаружены*. Ученые-египтологи, потратив на его дешифровку немало времени и сил, пришли наконец к выводу, что это — «исторический роман XVI столетия до Р.Х.¹¹³, описывающий события времени правления фараона Хеопса — предполагаемого строителя пирамиды, до сих пор носящей его имя, который жил и правил в XXVI (?) в. до н.э.». В нем представлены картины жизни египетского общества и нравов, господствовавших при дворе великого фараона примерно за 900 лет до того, как между Иосифом и миссис Потифар возникло маленькое, но досадное недопонимание, описанное в Библии¹¹⁴.

Сюжет открывается тем, что фараон Хеопс сидит на троне в окружении своих сыновей и приказывает им развлекать его рассказами о былых временах и о чудесных способностях, которыми обладали прославленные мудрецы и волшебники, жившие при дворе его

¹¹³ То есть написанный, *предположительно*, во время правления фараонов XVIII династии (согласно синхронистическим таблицам Манефона, до неузнаваемости изуродованным умелыми руками Евсевия, чересчур изобретательного епископа Кесарии).

¹¹⁴ * Потифар — начальник телохранителей фараона, которому продали Иосифа. Этот царедворец с симпатией отнесся к молодому еврейскому невольнику и доверил ему управление своим домом. Но позже поверив наговорам своей жены, домогательства которой Иосиф отверг, заключил его в темницу.

предшественников. Принц Хефрен рассказывает присутствующим о *маге*, жившем в эпоху фараона Небкха. Этот маг сделал из воска крокодила и вдохнул в него жизнь и *послушание*. Некий муж подложил его затем в спальню своей неверной супруги, и крокодил, ухватив разом и жену, и ее любовника, утащил обоих в море. Другой принц рассказал историю про своего деда — отца Хеопса, фараона **Сенефру**. Почувствовав недомогание, тот распорядился, чтобы к нему привели кудесника; и тот порекомендовал ему в качестве лекарства полюбоваться двадцатью прекрасными придворными девушками, плавающими на лодке по близлежащему озеру. Девушки исполнили высочайшее повеление, и сердце деспота «возрадовалось». Вдруг одна из девушек вскрикнула и принялась горько плакать. Она уронила в воду драгоценное ожерелье, и достать его было невозможно, так как озеро в этом месте было 120 футов глубиной. Тогда волшебник произнес заклинание, призвал на помощь духов воды и воздуха и, погрузив свою руку в волны, вытащил ожерелье. Фараон был настолько потрясен этим чудом, что сразу же позабыл о двадцати красавицах, «лишенных одежд и облаченных лишь в сети, с двадцатью веслами из черного дерева и золота в руках»; а по смерти обоих упомянутых волшебников приказал принести жертвы их *манам*. На это принц *Гардадатху* возразил, что величайшие из волшебников *никогда не умирают* и что один из тех двоих жив до сих пор — ему уже более ста лет, зовут его Джеди, он живет в городе Дейд-Сенефру и обладает удивительной способностью воссоединять отрубленную голову с телом, возвращая весь организм к жизни, а также имеет власть над всеми львами пустыни. К тому же он, Джеди, знает, где и как можно достать дорогостоящие материалы, необходимые для строительства храма бога Тота (божество *мудрости*), который фараон Хеопс намеревался возвести рядом со своей великой пирамидой. Услышав это, могущественный фараон Хеопс изъясил

желание лицезреть старого мудреца при своем дворе! Принц Гардадатху не мешкая пустился в путь и вскоре вернулся вместе с волшебником.

После долгих приветствий и взаимных комплиментов между фараоном и мудрецом, согласно тексту папируса, состоялась продолжительная беседа, суть которой можно свести к следующему:

— Наслышен я, о мудрец, что ты способен воссоединять отрубленную голову с телом.

— Могу, великий фараон, — ответил Джеди.

— Пусть сюда доставят осужденного преступника, немедленно, — потребовал фараон.

— Великий фараон, мои способности не распространяются на людей. Я могу воскрешать только животных, — возразил мудрец.

Тогда принесли гуся, отрубили ему голову и положили ее у восточной стены комнаты, а тушку — у западной стены. Джеди протянул в обе стороны руки и пробормотал заклинание. В ту же секунду тело птицы поднялось на лапы и заковыляло на середину комнаты, а голова покатилась ему навстречу, запрыгнула на кровоточащую шею и снова срослась с ней. Воскресший гусь принялся ходить по комнате, как будто с ним ровным счетом ничего не произошло.

Тот же самый феномен Джеди повторил с быком и канарейками, после чего фараон решил побеседовать с ним о строительстве храма Тота.

Мудрый волшебник знал, что в одном из домов Гелиополя скрыты остатки древнего храма, но был не вправе говорить об этом фараону. Откровение должно было прийти от старшего из трех братьев-близнецов, сыновей Раджедет — «супруги жреца Солнца в городе

Сахебу. Ей суждено зачать трех близнецов от бога Солнца¹¹⁵, так как этим близнецам предстоит сыграть важную роль в истории страны Хеми (Египта). Придет время, когда они станут править этой страной: старший из братьев станет сначала верховным жрецом Солнца в городе Гелиополе, а затем — фараоном.

Услышав это, фараон Хеопс изорвал от горя одежды свои, ибо династии его суждено быть низвергнутой сыном божества, которому он собрался воздвигнуть храм!»

На этом месте папирус прерывается, и значительная часть его отсутствует, лишая нынешние поколения возможности узнать, что же предпринял фараон Хеопс, когда услышал это тревожное пророчество.

Следующий фрагмент подводит нас к кульминационной точке всего древнего повествования — описанию рождения трех сыновей солнечного бога. Как только у Раджедет начались родовые схватки, великий солнечный бог призвал к себе богинь Изиду, Нефтиду, Месхенет и Хекет и повелел им помочь жрице, говоря: «Она трудится сейчас над рождением трех моих детей, которые в назначенный срок станут правителями этой страны. Помогите ей, и мои дети, когда вырастут, воздвигнут вам за это храмы и принесут вам обильные жертвы и возлияния вина». Богини исполнили просьбу, и на свет появились трое мальчиков — каждый ростом в целый ярд и с *очень длинными руками*¹¹⁶. Изида дала им имена, Нефтида благословила их, а две другие богини предрекли им великое будущее. Все три брата стали впоследствии фараонами V династии; их звали Усеркаф, Сахура и Какэй. А после того как богини удалились в свою небесную обитель, произошли великие чудеса. Зерно, принесенное богиням-матерям, само вернулось

¹¹⁵ Речь идет о Ра, египетском боге Солнца. Центр его культа — город Гелиополь.

¹¹⁶ Длинные руки являлись в Египте (как и поныне в Индии) признаком Махатмы или Адепта.

назад в свое хранилище на внешнем дворе верховного жреца; а слуги утверждали, что слышали голоса, поющие гимны, которые обычно исполняют по случаю рождения наследных принцев, и звуки музыки ритуальных танцев, посвящаемых тому же событию. Впоследствии этот феномен чуть было не погубил всех трех будущих фараонов.

Однажды верховная жрица наказала провинившуюся женщину-рабыню; и та, выбежав из дома, начала кричать перед толпой: «Как смеет она наказывать меня — женщина, родившая трех фараонов? Пойду и расскажу обо всем нашему повелителю фараону Хеопсу».

На этом интересном месте папирус обрывается снова, повторно лишая читателя возможности узнать, чем обернулось для близнецов это разоблачение и как им удалось спастись от преследования всемогущего владыки¹¹⁷.

¹¹⁷ Это тем более досадно, сообщает переводчик папируса, что «мифические подробности, упоминаемые в папирусе Лепсиуса, явно основываются на очень древней традиции; причем не исключено, что последняя восходит, в свою очередь, к свидетельствам очевидцев и другим не менее надежным источникам». Содержащаяся в папирусе информация полностью совпадает с открытиями египтологов и достоверно известными ныне событиями древнейшей истории этой «страны тайн и загадок», как назвал ее Гегель. В силу этого у нас нет причин сомневаться в исторической обоснованности записанного на папирусе рассказа. Данная оговорка тем более важна, что помимо уже известных папирус сообщает нам также и новые исторические факты. Так, мы узнаем из повествования, что (Кефрен или) Хефрен был сыном Хеопса; что V династия ведет свое начало из города Сахебу; что первые трое фараонов из этой династии были братьями, и старший из них — близнецов-тройняшек — был верховным жрецом Солнца в Гелиополе до того как взойшел на трон. Какими бы мимолетными ни казались все эти упоминания в тексте папируса, они имеют огромное значение при восстановлении хода исторических событий, отдаленных от нас более чем на сорок веков. И наконец, папирус Лепсиуса — очень древний документ, написанный на древнеегипетском языке; а его содержание благодаря своей *оригинальности* (магической?) ставит этот папирус в один ряд с ценнейшими памятниками древнеегипетской письменности, переведенными и опубликованными знаменитым египтологом и археологом м-ром Масперо**. (См.: «Les contes populaires de l’Égypte ancienne»).

Еще одно магическое проявление описывает Мариет-Бей¹¹⁸ («Monuments divers», etc., pl. 9, Персидская эпоха), изучивший текст таблички, хранящейся в Булакском музее. Этот документ связан с историей Эфиопского царства, основанного потомками великих жрецов Амона, — государства, где господствовала абсолютная теократия. Похоже, что сам бог избирал там царей по своему усмотрению; а «стела 114, на которой записан официальный отчет об избрании Аспалута, дает представление о том, как именно происходил этот ритуал» (Джебель-Баркаль). Армия собиралась у подножия Священной горы в Напате, чтобы избрать шестерых служителей, которым предстояло присоединиться к государственным мужам, претендующим на царскую корону. «Придите» — так начинается текст этой древней легенды:

«Придите, чтоб избрать повелителя, который будет подобен неудержимому молодому быку». И тут вся армия принималась причитать и жаловаться: «Наш повелитель — среди нас, но мы до сих пор не знаем его! Как же нам его узнать?» И каждый говорил другому: «Никто не знает его, кроме самого Ра; так пусть же бог защитит его от всех несчастий, где бы он ни находился!..» И вся армия Его Величества восклицала в один голос: «Он там — Амон-Ра, на Священной горе; он — бог Эфиопии! Пойдем же к нему; но не будем говорить о нем всуе, ибо говорить о нем всуе есть нечестие! Пусть он сам решит, кто есть бог царства Эфиопского со времен Ра. Он будет править нами, потому что все эфиопские цари — его порождения; и он дает царство возлюбленному сыну своему...» И вся армия согласно говорила: «Воистину и во веки веков, прекрасна эта речь».

^{**} *Масперо Гастон Камиль Шарль* (1846—1916) — французский египтолог. Руководил археологическими раскопками в Египте, исследовал тексты на внутренних стенах пирамид.

¹¹⁸ * *Мариет-Бей Огюст Фердинан* (1821—1881) — французский египтолог, археолог. Вел раскопки в Фивах, Абидосе, Мемфисе и других городах. Основатель Египетского музея в Каире. Речь идет о его сочинении под названием «Monuments divers recueilli en Egypte et en Nubie par A. Mariette-pasha». Paris, 1872—1889.

Далее в тексте повествуется о том, как претенденты на престол, пройдя положенное очищение, входят в храм и, распростершись перед огромной статуей Амона-Ра, молят бога даровать им свою милость.

Эфиопские жрецы умели создавать загадочные образы, способные говорить и двигаться [то есть служившие вместилищами для богов], — это искусство они унаследовали от своих египетских предков (G.Maspero, Notes sur differents points de Grammaire et d'Histoire, dans le Recueil, t. I, p. 152-160). Все члены царской семьи один за другим проходили мимо статуи, но она оставалась неподвижной. Но как только к ней приблизился Аспалут, статуя схватила его и воскликнула: «Вот ваш царь! Ваш повелитель, который не даст вам погибнуть!» И командующие армией приветствовали своего фараона. Он вступил в святилище, и сам бог возложил на его голову корону; после чего он вернулся к солдатам. Праздник закончился так, как и положено заканчиваться всем подобным празднествам, — раздачей хлеба и пива.

Полный перевод текста *стелы* выполнен Г.Масперо: «Sur la stèle de l'Intronisation, trouvée au Djebel-Barkal», в журнале «Revue Archeologique», 1873, Vol. XXV, p. 300 и далее.

Известно немало папирусов и прочих древних надписей, со всей очевидностью подтверждающих тот факт, что великие жрецы, маги и фараоны (не говоря уже о массах простонародья) на протяжении тысячелетий *верили* в магию, и не просто верили, но и практиковали ее сами (хотя в этих случаях магия довольно часто подменялась эффектными фокусами). Изваяния богов конечно же являли собой *творения человеческих рук*, но создавались они в обязательном порядке из конкретного вида камня и других материалов и к тому же под определенными созвездиями, предписанными все тем же магическим искусством, ибо в противном случае *божественные* (или *дьявольские* — кому как больше нравится) **силы**, призванные оживлять статуи и прочие магические образы, не смогли бы вступить в действие. Гальваническая батарея, к примеру, тоже создается из определенных

материалов и по конкретной схеме, а не наобум, поскольку в последнем случае шансы заставить ее производить энергию сводятся практически к нулю. И для проявления фотоснимка обязательно нужны темнота и химические реактивы, иначе изображение на нем вряд ли появится.

Лет двадцать тому назад в руки археологов попал один любопытный египетский документ, проливающий свет на отношение древней религии к призракам (*манам*) и к магии вообще. Он был назван «Магическим папирусом Гарриса» («*Papyrus magique*»). То, что в нем говорится об эзотерических учениях оккультной теософии, весьма любопытно и поучительно. Но о нем речь пойдет в следующей нашей статье, также посвященной **магии**.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. VIII, № 85, October, 1886, p. 1—8; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 177—192. Пер. Ю.А.Хатунцева.

ЕГИПЕТСКАЯ МАГИЯ

Лишь очень немногие из наших исследователей оккультизма имели возможность изучать египетские папирусы — эти живые (или, вернее, воскрешенные) свидетельства доброй и злой магии, практиковавшейся много тысяч лет назад, начиная с незапамятных времен. Папирусы составлялись вплоть до VIII в. н.э., после чего вышли из употребления и техника их изготовления была забыта. Наиболее любопытные из раскопанных документов тут же были раскуплены и вывезены из страны. И все-таки в Булаке (в Каире) хранится немало прекрасно

сохранившихся папирусов; хотя большая их часть пока еще не прочитана надлежащим образом¹¹⁹.

Прочие папирусы, вывезенные из Египта и покоящиеся ныне в музеях и публичных библиотеках Европы, ждала едва ли лучшая участь. В дни виконта де Руже — лет двадцать пять тому назад — лишь немногие из них «были расшифрованы на две трети»; и в их числе — некоторые интереснейшие легенды, включенные в текст повествования ради оправдания царственных затрат и входящие в Список священных историй.

¹¹⁹ «Знаки, коими записаны эти документы, — пишет де Мирвиль, — иногда представляют собою перпендикулярно расположенные иероглифы — разновидность линейной тахиграфии (сокращенные знаки вроде нашей стенографии), где рисованный символ сокращается порою до одной-единственной черточки; иногда это — горизонтальные строки; в иератических или священных текстах запись ведется справа налево, как и во всех семитских языках; и наконец, это может быть демотическое письмо — ὤεϋχῆωρια γρηῆαμματα, использовавшееся при заключении контрактов, ведении писцовых книг и т.д., а со времен Птолемеев — также и при оформлении монументальных сооружений» (Des Esprits, etc., Vol. V, pp. 81-82). Копия «Папируса Гарриса», переведенная Шабасом*, — «Papyrus magique»** — хранится в Британском Музее).

* *Шабас Франсуа-Жозе* (1817—1882) — французский египтолог. Совмещал научные изыскания с коммерческой деятельностью будучи виноторговцем в Шалон-сюр-Соне. Начиная с 1855 г. опубликовал множество очерков на египтологические темы. Был первым, кто попытался переводить иератические тексты слово в слово; прекрасным примером тому может служить его «Voyage d'un egyptien en Syrie, en Phénicie et en Palestine au XIV siècle avant notre ère», написанное на основе Папируса Анастази I (1866). Его труды внесли неоценимый вклад в развитие египтологии.

** «*Papyrus magique*» — Будучи в Фивах в феврале 1855г., А.К.Гаррис купил несколько замечательных папирусов у арабов, которые уверяли его, что нашли их все вместе в одном древнем тайнике. Один из папирусов представляет собой великолепную рукопись, ныне известную как «Записки Рамзеса III»; другой — собрание различных исторических сообщений времени царствования Рамзеса Неферка-Ра из XX династии; а третий — тот самый магический папирус, о котором повествует Е.П.Блаватская. Он состоит всего лишь из девяти страниц, насчитывающих в общей сложности 104 строки, плюс еще 24, написанные на обороте. Франсуа Шабас опубликовал свое исследование этого папируса, в которое входят факсимильный текст, его подробный перевод и комментарий к его содержанию. См.: «Le papyrus magique Harris». Chalon-sur-Saone, 1860, vi, 250 p.

В этом можно убедиться, ознакомившись с так называемым собранием Гарриса и с коллекцией Анастази, а также с некоторыми недавно раскопанными папирусами; в одном из них, в частности, содержится пространный список «чудес», произведенных магами перед фараонами Рамзесом II и Рамзесом III. Поистине, прелюбопытнейший документ. Это — папирус XV в. до н.э., составленный в годы правления Рамзеса V — последнего царя XVIII династии — писцом Тутмосом, сообщающим, в связи с выявлением в двенадцатый и тринадцатый день месяца паофи злостных неплательщиков налогов, о некоторых событиях древности. Согласно этому документу в эпоху «чудес» в Египте платили налоги не только живые люди, но даже мумии. Налогами были обложены все и вся; и однажды за их неуплату было наказано ка одной из мумий, которое «жрец-заклинатель лишил свободы действий». Что же такое ка? Да то самое астральное тело или эфирный призрак мертвеца (мумии), который китайцы называют — гуй, а индусы — бхутом.

Прочитав этот папирус сегодня, востоковед наверняка отшвырнет его в сторону, негодуя на глупые предубеждения древних. Поистине феноменальными и необъяснимыми покажутся ему только тупость и доверчивость, временами проявляемые этим во всех прочих отношениях философским и цивилизованным народом, коль скоро он на протяжении многих веков, складывающихся в целые тысячелетия, последовательно придерживался этой системы взаимного надувательства! Системы, в которой жрецы обманывали людей, самих жрецов обманывали фараоны-иерофанты, а последних обманывали духи, которые сами, в свою очередь, были «плодом воображения». Таким образом, вся древность — от Менеса до Клеопатры, от Ману до Викрамадитьи и от Орфея до последнего римского авгура — представляла собою одно сплошное сборище психопатов. Подобный

вывод необходимо следует в том случае, если вся система не основывалась на мошенничестве. Над жизнью и смертью властвовали священные «заклинания», управлявшие ими. Ибо редко можно найти папирус, где не упоминалась бы магия — черная или белая, даже если этот папирус представляет собой обычный договор о купле-продаже и посвящен самым приземленным вещам. Складывается впечатление, будто храмовые писцы с берегов Нила, одержимые пророческим духом расовой ненависти, намеренно реализовывали коварный и неблагодарный (прежде всего для них самих) план: обмануть и запутать своих потомков — будущую белую расу маловеров, к тому времени еще не рожденную! Во всяком случае, папирусы буквально кишат магией, так же как и надписи на стелах. Более того, мы узнаём, что папирус — это не просто гладкая бумага или материал, изготовленный из

древесной субстанции, добываемой из кустарников, полоски которой наслаиваются одна на другую, образуя подобие писчей бумаги (*Des Esprits, etc., Vol. V, p. 81*);

но также и то, что само растение, инструменты, предназначенные для изготовления папируса, и прочее — все без исключения проходит предварительную магическую обработку в соответствии с установлениями богов, обучивших этому искусству (равно как и всем другим) жрецов-иерофантов.

И все же некоторые современные востоковеды, похоже, начинают догадываться об истинной природе вещей, а также об аналогии, существующей между древней магией и современными феноменами. В число этих немногих, несомненно, входит и Шабас, поскольку в своем переводе «Папируса Гарриса» он позволяет себе следующие рассуждения:

Не обращаясь вовсе к внушительным церемониям скипетра Гермеса и к непонятным заклинаниям столь же непонятного мистицизма, современный месмерист посредством нескольких пассов пробуждает

скрытые способности организма своего субъекта, внушает ему знание иностранных языков, переносит его на дальние расстояния, даже в самые недоступные места, заставляет его угадывать мысли отсутствующих людей, читать письма через запечатанные конверты и т.д. Пещера нынешней сивиллы — это небольшая, скромная комната, где треножник пифии заменен маленьким круглым столом, дополнениями к которому служат шляпа, тарелка и кое-что из мебели — как правило, подобранной безо всякого вкуса. Тем не менее современный прорицатель даже превосходит оракула древности (интересно, почему месье Шабас так в этом уверен? — *Прим. Е.П.Б.*), поскольку последний только изрекал¹²⁰, а первый еще и записывает свои ответы. По воле медиума духи усопших нисходят, чтобы заставить мебель скрипеть; писатели и поэты минувших веков приносят свои сочинения, написанные уже по ту сторону могилы. Человеческая доверчивость все так же безгранична, как и на заре исторических времен... Как тератология является неотъемлемой частью общепризнанной ныне физиологии, так и пресловутые оккультные науки занимают в анналах человечества немаловажное место и заслуживают самого серьезного внимания философов и историков. (*Le parurgus magique Harris, p. 186-187*).

Призвав в свидетели обоих Шампольонов, Ленормана, Бунзена, виконта де Руже и некоторых других египтологов, вспомним, что они говорят о египетской магии и колдовстве. Разумеется, они могут, если пожелают, выйти из затруднения, объявив каждое «нелепое верование» или обычай результатом хронического психологического и физиологического расстройства и коллективной истерии; однако факты

¹²⁰ А как же тогда быть со словами «Мене, мене, текел, упарсин», начертанными на стене дворца Валтасара «перстами руки человеческой», хотя обладатель этой руки оставался невидимым? (Дан., V.) Как быть с писаниями Симона-мага, с магическими знаками, появлявшимися на стенах и в самом воздухе храмов посвящений; не говоря уже о каменных скрижалях, на которых перстом Божиим были начертаны заповеди? Между писаниями одного бога и других богов если и существует разница, то только формальная; и если дерево познаётся по плодам его, то предпочтение всегда следует отдавать языческим богам. Это и есть бессмертное «Быть или не быть». Либо все они правы (или, по крайней мере, могут быть правы), либо все они — плод благочестивого мошенничества и чрезмерной доверчивости.

неумолимы: они смотрят нам в глаза с сотен загадочных папирусов, извлеченных на свет спустя четыре, пять и более тысячелетий забвения, изумляя нас своим магическим содержанием, свидетельствующим о существовании допотопной магии.

В Фивах была обнаружена небольшая библиотека, в которой, однако же, собраны образцы самых разнообразных жанров древней литературы. Многие из них снабжены датами, благодаря чему удалось установить, что некоторые тексты принадлежат к традиционно установленному времени жизни Моисея. В этой бесценной коллекции хранились рукописные книги по этике, истории, религии и медицине, календари и описи, романы и поэмы; а еще — древние легенды — традиция давно забытых веков, уже упоминавшаяся нами, как относящаяся к необозримой древности, к эпохе династий Богов и Титанов. Однако большую часть их содержания занимают заклинания против черной магии и погребальные ритуалы: настоящие справочники или *путеводители* для тех, кто странствует в вечности. Эти погребальные тексты записаны, как правило, иератическим письмом. Вверху папируса неизменно следует ряд изображений, на которых усопший запечатлен перед сонмом последовательно встречающих и экзаменующих его божеств. Далее следует изображение суда над душой; а третий акт панорамы посвящен уже погружению этой души в божественный свет. Такие папирусы часто достигают 40 футов в длину. (См.: Guide du visiteur au Musee de Boulaq, 1883; 8-vo., p. 438).

Нижеследующие факты заимствованы из наиболее характерных описаний. Они помогут нам лучше понять, как в наше время трактуют и интерпретируют египетскую (и не только) символику.

Возьмем, для примера, папирус жреца Нево-лу (по-другому, Неволена), хранящийся теперь в Лувре. На первом рисунке изображена лодка, перевозящая гроб — черный ящик с мумией усопшего. Рядом с

покойным — его мать Аменбем-Хеб и его сестра Хиссануб; у изголовья и у ног мертвеца стоят Нефтида и Изида, облаченные в красное; около них — жрец Озириса в леопардовой шкуре, с курительницей в правой руке. Рядом — четыре помощника жреца; они несут внутренности мумии. Далее — бог Анубис (с головой шакала) принимает гроб из рук женщин-плакальщиц. Затем душа усопшего отделяется от мумии и от своего ка (астрального тела) и начинает молиться четырем духам Востока, священным птицам и духу Атмона в образе барана. Но вот умерший уже в «Чертоге Истины» перед своими судьями. Пока душа-скарабей стоит перед Озирисом, ее астральное ка дожидается у двери. Немало позабавили западных ученых и читающую публику молитвы, адресованные различным божествам, отвечающим за отдельные части мумии усопшего, а также живого человеческого тела. Судите сами: в папирусе мумии Петаменофа «анатомия превращается в теогеографию», «астрология используется в физиологии или, точнее, — в анатомии человеческого тела, включая сюда и человеческое сердце». «Волосы умершего принадлежат Нилу; его глаза — Венере (Изиде); его уши принадлежат Македо, стражу тропиков; левый висок — духу, существу на солнце; его нос — Анубису... Какое странное нагромождение нелепейшего абсурда и самых приземленных молитв... где Озирис просят даровать покойному в ином мире гусей, яйца, свинину...»¹²¹

А ведь стоило бы, пожалуй, задержаться и подумать, не таят ли в себе все эти «гуси, яйца и свинина» какой-либо скрытый оккультный смысл? Индийских йогов, коим *экзотерическая* практика также предписывает пить некий опьяняющий напиток до тех пор, пока они не лишатся чувств, тоже считали сектою беспробудных пьяниц до тех пор,

¹²¹ De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V, p. 83-84, 85, откуда мы заимствовали многое из вышесказанного.

пока не выяснилось, что в эзотерическом плане этот *spirit*¹²² представляет собой нечто совершенно иное: не алкоголь, но божественный свет, тождественный амброзии Тайной Мудрости. И кто знает, может, столетия спустя, также будут извлечены из-под земли символы голубя и агнца, ныне изобилующие как в западной, так и в восточной христианских церквях; и не станут ли они тогда предметом для спекуляций относительно нынешних верований? И какой-нибудь «западник» грядущей эпохи расцвета высокой азиатской цивилизации напишет тогда следующие продиктованные кармой строки: «Невежественные и суеверные гностики и агностики, принадлежавшие к “папистской” и “кальвинистской” сектам (культы богов-чудовищ христианского периода), преклонялись перед голубями и овцами!» У каждой эпохи были и будут свои карманные фетиши для удовлетворения и умиления толпы; и боги одной расы всегда будут низводиться следующей до уровня демонов. Циклическое движение время от времени погружает мир в воды Леты; и карма настигнет Европу так же, как она настигла Азию и ее религии.

И все же

этот величественный и высокопарный язык (коим написана «Книга Мертвых»), эти красочные иллюстрации, эта непререкаемая ортодоксальность, указывающая на существование тщательно разработанной доктрины бессмертия души и ее последующего воскресения,

поистине очаровали некоторых востоковедов, что подтверждается примерами де Руже и аббата ван Дриваля. Психостазия (или суд над душой) заключает в себе целую поэму для каждого, кто может правильно понять ее и правильно истолковать фигурирующие в ней образы. На картине изображен Озирис — рогатый, со скипетром, изо-

¹²² * Здесь — игра слов; в английском языке: *spirit* — спирт, алкоголь; и *spirit* — дух.

гнутому на конце в виде крюка, — прообразом епископского пастырского посоха; рядом ждет его решения душа, которую ободряет Тмей — дочь Солнца Справедливости и Богини Милосердия и Правосудия; деяния души взвешивают Гор и Анубис. На одном из папирусов изображена душа, которую сочли виновной в чревоугодии и за это приговорили к возрождению в образе свиньи; из чего сразу же последовал ученый вывод востоковеда: «Это неоспоримо доказывает наличие веры в *метампсихоз*, в переселение души в тела животных», и т.п. Но, возможно, оккультный закон кармы объяснит это несколько иначе. Для наших востоковедов речь здесь идет всего лишь о физиологическом пороке, который зачтется душе во время перевоплощения и навлечет на нее в будущей жизни тысячу и одно бедствие и злоключение.

Сначала — мучения, а затем — метампсихоз *продолжительностью в 3000 лет*, с превращением в ястреба, ангела, цветок лотоса, цаплю, аиста, ласточку, змею и крокодила; малоутешительность подобного прогресса очевидна, —

заявляет де Мирвиль в своей работе о сатанинской природе богов Египта. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V, p. 84). Опять же, самое простое предположение в состоянии пролить море света на эту проблему. Полностью ли уверены наши востоковеды в том, что правильно прочли и перевели фразу: «продолжительностью в 3000 лет»? Оккультная доктрина учит, что карма ждет у порога дэвакхана (у египтян — Аменти) 3000 лет, после чего вечное *Эго* перевоплощается *de novo*, чтобы нести наказание в своей уже новой преходящей личности за грехи, совершённые в предыдущем рождении, поскольку страдания, принятые в той или иной форме, искупают прошлые преступления. А ястреб, цветок лотоса, цапля, змея или птица — словом, все природные объекты — являются символами, имеющими множество разных значений в древней религиозной традиции. Если человек всю свою жизнь

лицемерил, притворяясь порядочным, но на самом деле только и высматривал подобно хищной птице, как бы ему исхитриться напасть на кого-нибудь из своих ближних, чтобы завладеть его имуществом, карма непременно накажет его в будущей жизни за алчность и двуличие. Как это будет выглядеть? Коль скоро все люди должны продвигаться вверх по пути своей эволюции, то наш грешник, скорее всего, родится в своей следующей жизни добрым, искренним и благонамеренным человеком; а его кармический приговор «возродиться в облике ястреба» будет означать только то, что окружающие будут считать его таковым (в метафорическом смысле). Несмотря на все свои положительные качества, он будет несправедливо и незаслуженно подвергаться (возможно, всю свою жизнь) подозрениям и обвинениям в алчности, лицемерии и тайном корыстолюбии, что будет причинять ему невыносимые страдания. Закон воздаяния не может ошибаться; но все же остается только удивляться тому, как много таких безвинных жертв человеческой подозрительности и черной зависти окружают нас в этом мире вечной иллюзии, роковых заблуждений и осознанной подлости! Таких людей мы встречаем чуть ли не каждодневно; и я не сомневаюсь, что каждый из нас мог бы привести множество примеров на сей счет. Какой востоковед может со всей уверенностью заявить, что действительно проник в суть древних религий? Метафорический язык жрецов до сих пор еще не открыл никому из исследователей своего глубинного, сокровенного значения; а иероглифы толком не изучены по сей день¹²³.

¹²³ Известно, что без затруднений не обходится дешифровка даже такого хорошо изученного языка, как санскрит, хотя его алфавит никоим образом нельзя сравнивать с иератическим письмом Египта. Ни для кого не секрет, что санскритологи подчас безнадежно пасуют перед истинным значением некоторых санскритских слов или же допускают их вольное истолкование в своих переводах, зачастую противореча друг другу.

Что же говорит о египетском перерождении и трансмиграции «Разоблаченная Изида», и не противоречит ли ее содержание тому, что мы говорим сейчас?

Следует отметить, что эта философия циклов, которая египетскими иерофантами была превращена в аллегорический «круг необходимости», в то же самое время объясняет аллегорию «грехопадения человека». По арабским описаниям, каждая из семи комнат в пирамидах, в этих величайших космических символах, носила имя одной из планет. Своеобразная архитектура пирамид сама по себе показывает направление метафизической мысли их строителей. Вершина теряется в ясном голубом небе страны фараонов и представляет изначальную точку, затерявшуюся в невидимой вселенной, откуда вышла первая раса духовных прототипов человечества. Каждая мумия, с момента бальзамирования, теряет свою физическую индивидуальность в одном значении; она символизирует человеческую расу. Помещенная так, чтобы наилучшим способом помочь выходу «души», последняя должна была пройти семь планетных комнат, прежде чем совершить свой выход через символическую вершину. Каждая комната символизировала в то же самое время одну из семи сфер и один из семи высших типов физико-духовного человечества, более высокого, чем наше нынешнее. Каждые 3000 лет душа, представительница своей расы, должна была возвращаться к своему первичному исходному пункту, прежде чем начать другую эволюцию в более совершенное духовное и физическое преобразование. Мы должны глубоко погрузиться в труднопонимаемую метафизику восточного мистицизма, прежде чем будем в состоянии полностью понять бесконечность тем, которые были охвачены одним взлетом величественной мысли ее выразителей. (Разоблаченная Изида, Т. I).

Углубившись в детали, легко понять, что все это — самая настоящая магия. В то же время данный процесс связан с эволюцией семи наших коренных рас, каждая из которых имеет своего особого охранителя (или бога) и свою планету. После физической смерти астральное тело каждого посвященного должно повторить в своей погребальной мистерии драму рождения и смерти всех рас — как прошлых, так и

будущих — и пройти через семь «планетарных комнат», каждая из которых, как было сказано выше, символизирует также одну из семи сфер нашей цепи.

Мистическая доктрина восточного оккультизма гласит:

Перед тем как возродиться в новом теле, духовное Эго [но не астральное ка] должно снова посетить все сферы, которые оно посетило в ходе своего последнего развоплощения. Оно должно увидеть и понять, почему именно те или иные следствия стали результатом причин [нидан], созданных его собственными действиями в предыдущей жизни; ибо, увидев и поняв, оно признает справедливость вынесенного ему приговора и будет содействовать закону воздаяния [карме], а не препятствовать ему.

Переводы некоторых египетских папирусов, выполненные виконтом де Руже, как бы несовершенны они ни были, все-таки свидетельствуют об одном очень важном для нас обстоятельстве: они недвусмысленно указывают на существование как белой (божественной) магии, так и черного колдовства; а также на то, что оба эти вида магии практиковались на протяжении всех династий. «Книга Мертвых» — гораздо более древняя, чем «Бытие»¹²⁴ или любая другая книга Ветхого Завета — свидетельствует об этом буквально каждой своею строкой. Она переполнена всевозможными молитвами и заклинаниями против черных искусств. Озирис в ней назван покорителем «эфирных демонов». Молящийся просит у него помощи от Матат, «чей глаз излучает невидимую стрелу». Эта «невидимая стрела», исходящая из глаза колдуна (живого или мертвого) и «распространяющаяся по всему миру», есть не что иное, как дурной глаз — космический в своей основе и земной в своем проявлении на микрокосмическом уровне.

¹²⁴ Бунзен и Шампольон утверждают, и доктор Карпентер повторяет, что «Книга Мертвых», высеченная на древнейших монументах, повторяет «те же самые фразы, какие мы находим в Новом Завете в связи с Судным Днем... хотя она и была создана примерно за 2000 лет до Христа». (Разоблаченная Изида, Т. I).

Если кто-то и назовет подобные верования предрассудками, то только не христиане западного вероисповедания, поскольку их церковь поддерживает в своих приверженцах ту же самую веру и даже предлагает молитву против «стрелы, летящей во тьме».

Наиболее интересным из всех подобных документов является, однако, «Папирус Гарриса», именуемый по-французски «*Le papyrus magique de Chabas*», по имени его первого переводчика. Оригинал папируса написан иератическими знаками. Его перевел, снабдил комментариями и опубликовал в 1860 г. месье Шабас; но приобрел его в Фивах в 1855 г. м-р А.К.Гаррис. Датируется он временем между XXVIII и XXX вв. Приведем несколько фрагментов одного из ныне существующих его переводов:

Календарь счастливых и несчастных дней... Тот, кто работает на быках в 20-й день месяца фармути, непременно умрет; тот, кто в 24-й день того же месяца вслух произнесет имя Сета, с этого самого дня будет видеть несчастья в своем доме... тот, кто в 5-й день пахона покинет свой дом, заболеет и умрет. (*Papyrus magique*, p. 156-157).

Переводчик, чья культурная интуиция восстает против подобного мракобесия, восклицает:

Если бы я не видел этот текст собственными глазами, ни за что не поверил бы, что в эпоху Рамессидов было возможно такое порабощение¹²⁵!

Мы живем в XIX столетии христианской эры, а следовательно — на вершине цивилизации; к тому же мы находимся под благотворным и просветляющим влиянием христианской церкви, а не под властью древних языческих богов. И все-таки каждый из нас лично знает десятки и слышал о сотнях образованных и высокоинтеллектуальных людей,

¹²⁵ De Mirville, *Des Esprits*, etc., Vol. V, p. 88. Подобный же календарь и астрологические предписания существуют сейчас в Индии, равно как и в Китае, и во всех буддийских странах.

которые готовы скорее покончить с собой, чем начать какое-либо серьезное дело в пятницу, или отобедать за столом, где сидят тринадцать человек, или отправиться в долгое путешествие в понедельник. Сам великий Наполеон побледнел, когда увидел на столе три зажженные свечи. Но в одном мы все же готовы согласиться с де Мирвилем (и делаем это с удовольствием); а именно в том, что подобные «суеверия» являются «следствием наблюдений и опыта». Ведь если бы первые никогда не согласовывались с фактами, авторитет календаря, по мнению де Мирвиля, не продержался бы и недели. Вернемся, однако, к нашему папирусу:

Влияние звезд на судьбу новорожденного. Ребенок, рожденный в 5-й день паофи, будет убит быком; рожденный в 27-й день будет убит змеей. Если кто родится в 4-й день месяца атир, то будет подвержен ударам. (Papyrus magique, p. 158).

Здесь речь идет об астрологических прогнозах. И если говорить откровенно, астрология тоже имеет немало сторонников в нашем столетии, а Кеплер даже обосновал ее научную возможность.

Что же касается ка, то они бывают двух видов: оправданные ка — то есть те, которые оправдал Озирис, когда они предстали перед его судом, — им дарована вторая жизнь; и виновные ка — «ка, умершие во второй раз», — они прокляты. Эта вторая смерть не влечет за собою их уничтожение, но заставляет их скитаться по свету и мучить людей. Стадии их существования аналогичны жизни обычного физического человека; между живыми и мертвыми существует настолько тесная связь, что нетрудно догадаться, чем была вызвана необходимость принятия и неукоснительного соблюдения погребальных религиозных ритуалов, сопровождаемых заклинаниями и молитвами (или, скорее, магическими песнопениями). (См.: De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. III, p. 65).

Одна из молитв гласит:

...не позволяйте отраве завладеть его (покойного) членами; чтобы никакой умерший мужчина и никакая умершая женщина не проникли в него и чтобы не вселилась в него (или в нее) тень какого-нибудь духа... (Papirus magique, p. 164).

А месье Шабас добавляет:

...эти ка — существа, в разряд которых люди переходят после смерти. С ними боролись с помощью божественной силы. Бог Хонсу особенно славился как надежный защитник от них. Хотя ка подчиняются велениям бога, они тем не менее не теряют своей замечательной природной способности вселяться по собственному желанию в чужое тело...

Маны... могли входить в тела живых, захватывать и подчинять их себе. Спасались от этих ужасных вторжений заклинаниями, талисманами и в особенности статуями или *божественными изображениями*. (Papirus magique, p. 168-169).

Наиболее часто использовалось следующее весьма поучительное заклинание:

Люди, боги, божьи избранники, мертвые духи, аму, негры, менти-у, не смотрите на душу взглядом, исполненным жестокости. (Des Esprits», etc., Vol. III, p. 66).

Его можно адресовать каждому, кто знаком *с магией*.

«Амулеты и мистические имена». Эта глава названа свертхаинственной и включает в себе обращения к Пенхакахахерхеру, Уарауаакарсанк-Робити и другим таким же «простым» именам. Шабас говорит:

В нашем распоряжении имеется доказательство того, что мистические имена, подобные этим, были распространены в эпоху пребывания в Египте израильтян. (Papirus magique, p. 162).

Мы, со своей стороны, можем добавить, что это — колдовские имена, независимо от того, заимствованы они у египтян или у евреев.

Тот, кто желает подробнее изучить эту тему, может обратиться к работам Элифаса Леви (см.: «Grimoire des Sorciers»). В упомянутых обращениях и заклинаниях Озириса называют другим именем — Мамурам-Кахабу и просят не допустить нападения дважды умершего ка на оправданного ка и его близких, напоминая при этом, что пр'оклятый (астральный призрак)

может принимать по собственному желанию любую форму и проникать по своей воле в любое место или тело. (Papyrus magique, p. 163).

Изучая египетские папирусы, можно прийти к однозначному выводу: подданные фараонов не слишком увлекались спиритизмом (или спиритуализмом, как его называют сейчас), поскольку боялись «блаженных духов» усопших больше, чем последователи римско-католической церкви боятся дьявола!

Опять же, многие папирусы свидетельствуют, насколько нелепо и несправедливо обвинять египетских богов в том, что они сами были этим «дьяволами», и египетских жрецов — в том, что они, опираясь на свои магические способности, призывали на помощь «падших ангелов». Нередко в них встречаются сообщения о смертных приговорах, вынесенных колдунам и напоминающих хорошо знакомый почерк святой христианской инквизиции. Вот только один из случаев, имевший место в правление Рамзеса III (де Мирвиль позаимствовал его у Шабаса).

Начало самой первой из дошедших до нас страниц [Lee I] испорчено; а вторая строка начинается следующими словами: «...оттуда, где я нахожусь, людям моей страны». Поэтому можно предположить, что автор этих строк, написанных от первого лица, был судьей, составлявшим своего рода отчет для своих соотечественников. Он начинается следующей традиционной формулировкой: «...этот хаи — дурной человек — был овечьим надсмотрщиком [а, скорее, пастухом]; он сказал: “Хочу иметь книгу, которая даст мне огромную власть!” И была дана ему эта книга с заклинаниями Рамзеса мери-Амена — великого бога, его царственного

владыки. И обрел он божественную власть, позволяющую ему очаровывать людей. Ему также удалось построить убежище, найти очень *глубокое место*; создать людей Менха [магических гомункулусов?] и заполучить любовные писания — их он похитил из Хена [окультной библиотеки дворца] руками каменщика Атирмы, заставив одного из хранителей отойти в сторону, а других — заморозив с помощью магии... Все ужасы и мерзости, которые вынашивал он в своем сердце, сделал он явью, испробовав их все; и совершил еще многие великие преступления, отвратительные всем богам и богиням. Пусть же свершатся по отношению к нему все предписания *великие* [жестокие?] *смертные*; и пусть будет сделано ему все реченное богами». На этом обвинительный акт не заканчивается, поскольку далее перечисляются сами преступления. В первой строке говорится о руке, парализованной при помощи *людей Менха*, которым достаточно просто сказать: «*Пусть произойдет то-то и то-то*» — и все сказанное действительно происходит. Далее следует перечисление *великих мерзостей*, также заслуживающих смерти... Судьи, допрашивавшие его [обвиняемого], вынесли следующий вердикт: «Пусть он умрет по воле фараона и в соответствии с тем, что написано в строках божественного языка»... (Parurgus magique, p. 169-173).

Месяе Шабас отмечает:

Документов подобного рода — великое множество, но проанализировать их все, опираясь лишь на имеющиеся сейчас в нашем распоряжении весьма ограниченные средства, невозможно¹²⁶. (Parurgus magique, p. 177).

Обратимся теперь к надписи, обнаруженной в фиванском храме Хонсу — бога, имевшего власть над элементариями. Ее текст передал в

¹²⁶ Маймонид в своем «Трактате об идолопоклонстве» пишет о еврейских терафимах следующее: «Они говорили с людьми». Христианские колдуны в Италии и негры-вуду в Новом Орлеане до сих пор промышляют изготовлением восковых фигур, напоминающих предполагаемые жертвы колдовства. Затем, пронзая фигурку иглами, они добиваются *переноса* причиненных увечий (как у терафимов или менхов) на ее живой прообраз, что нередко приводит даже к смерти человека. Загадочные смерти по сей день остаются частым явлением, но преступная рука при этом выявляется далеко не всегда.

дар Парижской Имперской (а теперь — Национальной) библиотеке месье Прис д'Авен, а впервые перевел ее м-р С.Берч. Это настоящий роман о магии. Начало его составления датируется временем правления Рамзеса XII¹²⁷ из XX династии. Подробное истолкование надписи дал месье де Руже; это истолкование заимствовал де Мирвиль; а мы, в свою очередь, переводим фрагмент из книги последнего.

Этот памятник сообщает нам о том, как один из Рамзесов XX династии, собирая в Нахарине¹²⁸ традиционную дань с азиатских племен, влюбился в дочь правителя Бахтена — одного из данников — женился на ней и привез ее с собой в Египет, где возвысил до звания царицы, дав ей царственное имя Ранефру. Вскоре после этого правитель Бахтена отправил своего посланника к Рамзесу, умоляя прислать египетских ученых на помощь его дочери Бент-Рош — младшей сестре царицы, все члены которой поразила болезнь.

Посланник особенно настаивал на том, чтобы вместе с ним поехал какой-нибудь «мудрец» [посвященный — Рех'х'ет]. Царь приказал всем придворным иерограмматикам и хранителям тайных книг библиотеки хена отправиться в путь; а определить причину болезни специально поручил царскому писцу Тот-эм-Хеби — ученому человеку, сведущему в искусстве письма. Прибыв в Бахтен, Тот-эм-Хеби обнаружил, что Бент-Рош одержима каким-то ка (Эм-сех'еру кер х'у), но заявил, что не имеет достаточно сил для борьбы с ним¹²⁹.

Прошло одиннадцать лет, а состояние девушки так и не улучшилось. Тогда правитель Бахтена снова отправил своего посланника; и по его

¹²⁷ Рамзес Лепсиуса, правивший в XIV-XIII вв. до н.э.

¹²⁸ * *Нахарина* — древнеегипетское название государства Митанни, находившегося в северо-западной Месопотамии.

¹²⁹ О том, насколько надежны переводы подобных египетских документов, можно судить хотя бы по тому, что одна и та же фраза переводится тремя египтологами тремя разными способами. Руже пишет: «Он заметил, что она *подпала под власть духов*»; или другой вариант: «ее члены окоченели» (?); а Шабас говорит следующее: «И писец обнаружил ка — слишком злобного». (*Rapport magique*, p. 167). Согласитесь, между одержимостью злобным ка и «окоченевшими членами» существует разница.

официальному прошению в Бахтен был послан Хонс-пе-ири-сехер-эм-зам — одна из божественных форм Хонсу — Бога-Сына в фиванской Троице...

Бог [воплощенный] поприветствовал (*беза*) больную, и она немедленно начала выздоравливать; а вселившийся в нее ка изъявил готовность внимать повелениям бога. «О великий бог, заставляющий призраки исчезать, — сказал ка, — я твой раб и готов вернуться туда, откуда пришел!» (Parurus magique, p. 167-168).

Очевидно, этот Хонс-пе-ири-сехер-эм-зам был подлинным иерофантом, относившимся к категории, именуемой «сыновьями богов»; на это указывает тот факт, что в тексте его именуют одной из форм бога Хонсу. А это значит, что либо его считали воплощением (аватарой) упомянутого бога, либо он был высшим Посвященным. Тот же текст указывает, что храм, к которому он принадлежал, располагал собственной школой магии. В нем был свой хен — то есть та часть храма, куда имел доступ только верховный жрец — библиотека или хранилище священных книг, изучение и хранение которых было привилегией специально назначенных для этого жрецов (к которым все фараоны обращались за советом в особо важных случаях). Хен также служил для общения жрецов с богами, которые так же могли выступать в роли советчиков. Разве не говорит своим читателям Лукиан, описывая Иерапольский храм, о «богах, проявляющих себя по собственному желанию»?¹³⁰ И далее — о том, как ему довелось однажды путешествовать в компании с мемфисским жрецом, который — по его собственным словам — провел двадцать три года в подземных кельях своего храма, получая наставления по магии от самой богини Изиды. Опять же, мы читаем, что великого Сесостриса (Рамзеса II) обучал священным наукам не кто иной, как сам Меркурий. Яблонский заметил на это, что, пожалуй, именно здесь кроется ответ на вопрос, почему Амур

¹³⁰ Некоторым переводчикам очень хотелось бы, чтобы Лукиан говорил об обитателях города, но подтвердить эту точку зрения они не могут ничем.

(Аммон) — от имени которого, — как он считает, — произошло наше «Аминь» — всегда был действенным воззванием к свету. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V, p. 257).

В седьмом абзаце папируса Анастази, изобилующего различными заклинаниями для обращения к богам и противодействия как и элементариям, ясно указана разница между истинными богами и планетарными ангелами, с одной стороны, и, с другой стороны, теми оболочками умерших, которые остаются в камалоке как будто специально для того, чтобы искушать человечество и еще больше сбивать его с толку, когда оно начинает искать истину вне оккультных наук и без проникновения за завесу посвящения. Об обращении к богам (или теомантических консультациях о будущем) в этом седьмом стихе говорится следующее:

Взывать к этому великому божественному имени¹³¹ следует только в самых крайних случаях и только тогда, когда чувствуешь себя абсолютно чистым и безупречным.

¹³¹ Как может де Мирвиль видеть Сатану в египетском боге — обладателе великого божественного имени, если он сам признает, что не было ничего выше имени оракула Додоны, поскольку то было имя бога иудеев — **Iao** или Иегова? Этот оракул привезли в Додону пеласги* более чем за четырнадцать столетий до н.э. и оставили его затем предкам эллинов. Его история хорошо известна, ее излагает Геродот. Юпитер, влюбленный в прекрасную нимфу океана Додону, приказал пеласгу распространить свой культ на Фессалию. Поэтому имя бога у оракула в храме Додоны было Zeus Pelasgicos, Zeuspater (Бог-Отец) или, как объясняет де Мирвиль: «То было имя *par excellence*, имя, которое у евреев означало Невыразимый и Неизъяснимый, то есть — **Jaoh-pater** или “*тот, кто был, кто есть и кто будет*”, следовательно — **вечный**». Автор также признает правоту А.Морэ, который «разглядел в имени ведического Индры библейского Иегову», и даже не пытается отрицать этимологическую связь между этими двумя именами, в основе которых лежит «великое, но утраченное имя, связанное с солнцем и громами». Удивительное признание, и еще более удивительные противоречия.

* *Пеласги* — согласно античным преданиям догреческое население Древней Греции.

Иначе обстоит дело с заклинаниями черной магии. Рювенс¹³², говоря о двух магических ритуалах из собрания Анастаси, отмечает, что они

...несомненно представляют собой наиболее поучительный комментарий к египетским мистериям, известным благодаря Ямвлиху, и самое полезное дополнение к сему классическому источнику, позволяющий лучше понять суть магии философских сект — нехристианских, полухристианских, гностических и независимых — первых веков нашей эры, поскольку их магия основана на древней египетской мифологии... Согласно Ямвлиху, теургия практиковалась при помощи второстепенных духов — δαίμονες, в силу самой своей природы призванных служить богам и исполнять их волю: τὸ δαίμονιον διακονικόν, ὑπηρετικόν (De mysteriis, I, 20; II, 7).¹³³

Рювенс завершает свое изложение замечанием в высшей степени поучительным и очень полезным для оккультистов, отстаивающих древность и подлинность своих документов. Вот, что он говорит:

Все, что он (Ямвлих) преподносит как теологию, уже содержится в виде истории в наших папирусах.

Но какое, в таком случае, мы имеем право сомневаться в подлинности, надежности и, самое главное, достоверности сообщений тех классических авторов, которые неизменно писали о магии и ее мистериях с глубочайшим благоговением — в духе безграничного почтения и даже восторга? Прислушаемся хотя бы к Пиндару, восклицаящему:

¹³² * Рювенс Каспар Якоб Кристиан (1793—1837) — голландский филолог и знаток античности, юрист. В 1825 г. начал раскопки древнего Форума Адриана в окрестностях Гааги.

¹³³ Reuven, Letter to Letronne on the 75th number of the Papyri Anastasi. (See: De Mirville, Des Esprits, etc., Vol.V, p. 258).

Счастлив тот, кто сходит в могилу, пройдя при жизни чрез это Посвящение, ибо ему ведомы конец его жизни и царство¹³⁴, дарованное Юпитером¹³⁵. (Fragments, ix).

Или к Цицерону:

Посвящение не только учит нас быть счастливыми в этой жизни, но и позволяет умереть с надеждой¹³⁶. (De Legibus, II, xiv, 36).

Платон, Павсаний, Страбон, Диодор и десятки других авторов свидетельствуют о великой пользе посвящения; энтузиазм Цицерона разделяют все великие, равно как и частично посвященные Адепты.

Разве воспоминания о приобретенном во время посвящения опыте не утешают Плутарха после смерти его жены? Разве не обрел он уверенность благодаря вакхическим мистериям в том, что «душа (дух) остается нетленной и что потусторонний мир действительно существует»?..¹³⁷ Аристофан изъясняется еще более открыто: «Все, кто участвовал в мистериях, — говорит он, — ведут безгрешную, спокойную и святую жизнь и умирают, зная, что их ждет свет Елисейских Полей (дэвакхан); тогда как другим нечего ждать, кроме вечной тьмы (невежества?)»¹³⁸.

¹³⁴ Елисейские Поля.

¹³⁵ * См.: De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V, p. 278. Однако цитата не совсем точна. Перевод ее звучит так: «Блажен тот, кто увидит все это до того, как спустится под землю; ибо ему будут ведомы конец смертной жизни и начало (новой жизни), данное Богом». Известно, что погребальная песнь, в которую входит этот стих, была написана в память об Афинянине, прошедшем Посвящение в Элевсинских Мистериях.

¹³⁶ * Полностью перевод этого фрагмента звучит так: «...Ведь из множества замечательных и поистине божественных установлений, которые вы, афиняне, создали, и которыми обогатили человеческую жизнь, самым лучшим, по моему мнению, являются эти мистерии. Ибо с их помощью мы смогли оставить свой варварский и дикий образ жизни и возвыситься до просвещенного и утонченного уровня цивилизации; и не случайно предписываемые ими ритуалы называются “посвящениями”, ведь с их помощью мы смогли познать начала жизни и научились не только жить счастливо, но и умирать с надеждой...»

¹³⁷ Consolatio ad Apollonium. («Moral Essays»).

¹³⁸ «Ranae».

...Достаточно обратить внимание на то, какое большое значение все эти авторы придают в своих трактатах чистоте принципов и правильному исполнению мистерий, чтобы заметить, сколь важное место занимали эти мистерии в их мыслях — от первой до последней.

Они, безусловно, занимали ведущее место в их общественной (да и личной) жизни, что было вполне естественно, ибо, если верить Деллингеру, «Элевсинские мистерии считались вершиной всей греческой религии как средоточие всех ее концепций, представленных в наиболее чистом виде». (*Judaisme et Paganisme*, I, p. 184).

Туда не допускали не только злонамеренных заговорщиков, но даже тех, кто относился к ним с осуждением; равным образом доступ к мистериям был закрыт для изменников, клятвопреступников, развратников («*Fragments of Styg*») ... так что Порфирий с полным правом мог сказать, что «наши души в момент смерти должны быть такими же, как и во время мистерий, то есть свободными от страстей, зависти, ненависти и злобы». (*De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V*, p. 279).

Воистину,

магия считалась божественной наукой, позволяющей обрести качества самого божества.

Геродот, Фалес, Парменид, Эмпедокл, Орфей, Пифагор — все они в разное время постигали мудрость великих иерофантов Египта, надеясь с ее помощью раскрыть тайны вселенной.

Филон говорит:

Считалось, что мистерии раскрывают механизм работы природы и позволяют созерцать божественные силы. («*De Specialibus Legibus*»).

Чудеса, производимые жрецами теургической магии, настолько достоверно описаны, и свидетельств о них (если человеческое свидетельство вообще чего-нибудь да стоит) оставлено так много, что сэр Дэвид Брюстер готов скорее ханжески предположить, что языческие маги превосходили христианских ученых в области физики и прочих дисциплин естественной философии, только бы не признавать, что

первые просто обошли последних по части чудес. Но тем самым он ставит науку в весьма неприятное положение...

«Магия, — говорит Пселл, — сформировала последний раздел жреческой науки. Она изучала характер, силу и качество всего сущего под Луной; химические элементы и их состав, животных, различные виды растений и их плоды, камни и лекарственные травы. Короче говоря, она исследовала квинтэссенцию и мощь всего. Поэтому она и производит свои воздействия. Она соорудила *изваяния* [намагниченные], которые приносят здоровье, создала фигуры и вещи [талисманы], которые в одинаковой мере могут приносить болезнь или здоровье. Часто проявляется также божественный огонь и тогда изваяния смеются и лампы внезапно загораются». (Разоблаченная Изида, Т. I).

Это утверждение Пселла о том, что магия «соорудила *изваяния*, которые приносят здоровье», ныне считается доказанным и общепризнанным фактом; и никому более не приходит в голову называть его пустой похвалой галлюцинирующего мага. Как говорит Рювенс, оно уже стало «историей». Ибо оно повторяется в «Магическом папирусе» Гарриса и на упомянутой ранее обетованной стеле. И Шабас, и Руже в один голос заявляют:

В восемнадцатой строке этого сильно поврежденного документа приводится заклинание, призывающее благосклонность бога (Хонсу), который выражает свое согласие, заставляя свою статую двигаться. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V, p. 248).

Дело дошло до спора между двумя востоковедами. Месье де Руже решил перевести слово «хан» как «милость» или «благодетель», тогда как месье Шабас настаивал на том, что «хан» означает «движение» или «знак», подаваемый статуей.

Злоупотребления силой и знанием и эгоистичные амбиции часто подталкивали своекорыстных и беспринципных посвященных к черной магии (точно те же причины впоследствии приводили ко все той же черной магии христианских пап и кардиналов). Именно черная магия в

конце концов привела к ликвидации мистерий, а не христианство, как ошибочно полагают многие. Прочтите «римскую историю» (Т. I) Момзена, и вы увидите, что сами язычники решили положить конец осквернению божественной науки. Еще в 560 г. до н.э. римляне обнаружили некое оккультное сообщество — школу черной магии самого отвратительного свойства; это сообщество практиковало мистерии, привнесенные из Этрурии; и вскоре моральная чума захлестнула всю Италию.

Более семи тысяч посвященных подверглись преследованию, и большинство их были казнены...

Позже Тит Ливий расскажет нам еще о трех тысячах посвященных, коих осудили в течение одного года по обвинению в отравлении¹³⁹. (De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. V, p. 280-281).

И все-таки черную магию до сих пор отвергают и высмеивают!

Очень может быть, что Потье несколько увлекся, когда заявил, что Индия представляется ему «...великим и древним сердцем человеческой мысли... растворившимся впоследствии во всем древнем мире...», но сама идея абсолютно верна. Эта древняя, изначальная мысль породила оккультное знание, проявляющееся в нашей пятой расе с первых дней египетских фараонов и до нашего, нынешнего времени. Пожалуй, нет ни одного иератического папируса, найденного вместе с туго спеленатой

¹³⁹ * Заявление о «семи тысячах посвященных» снабжено ссылкой на «Историю» Тита Ливия (Книга XXXIX, xvii, 6). В последней сообщается только о том, что «к заговору, как говорили, было причастно более семи тысяч мужчин и женщин». Речь в данном случае идет о широко распространившейся скверне, вызванной черной магией некоей пагубной разновидности вакханалии, привнесенной из Этрурии греком, имя которого неизвестно, и подрывавшей моральные устои населения. Римские власти положили этому конец, приняв самые решительные меры. Из собственных слов Тита Ливия можно заключить, что под термином «посвященные» подразумеваются в данном случае только те, кто примкнул к вышеупомянутому культу и принимал участие в его оргиях. Случилось это в 186 г. до н. э. Второе заявление — об отравлении — никакими конкретными ссылками не снабжено.

мумией царя или верховного жреца, в котором не содержалась бы интересная и полезная информация для современных исследователей оккультизма.

И все это, конечно же, та самая осмеянная магия — следствие первоначального знания и откровения, использовавшегося отнюдь не по-божески атлантическими колдунами, что создало необходимость возведения в последующей расе плотной завесы, ограждающей людей от практики создания так называемых магических эффектов на психическом и физическом уровнях. В нашем столетии вряд ли кто-то поверит вышесказанному, за исключением разве что католиков, да и те припишут всем магическим проявлениям сатанинское происхождение. И все же магия настолько тесно переплетена с мировой историей, что если последняя и будет когда-либо исчерпывающе и всесторонне описана, то только на основе достижений археологии и египтологии, с использованием иератических текстов и надписей. А если ученые по-прежнему будут настаивать на том, что историю необходимо освободить от всех «вековых предрассудков», они никогда не увидят света.

Нетрудно представить, в какой щекотливой ситуации оказались ныне серьезные египтологи и ассириологи, академики и профессора, вынужденные переводить и интерпретировать древние папирусы и надписи на стелах и вавилонских цилиндрах, заполненные от начала и до конца неудобоваримой (а для них самих и вовсе отвратительной) магией с ее заклинаниями и прочей атрибутикой. Им приходится иметь дело с серьезными и глубокомысленными текстами ученых писцов, составленными под непосредственным руководством халдейских или египетских иерофантов — наиболее образованных философов древности. Эти тексты составлялись в торжественные часы смерти или погребения фараонов, верховных жрецов и других великих людей

страны Хеми; их целью было сопровождение новорожденной, уподобившейся Озирису души к грозному престолу «Великого Судии» в царстве Аменти, где ложь, по утверждению древних, оказывалась тяжелее самых тяжких преступлений.

Неужели писцы и иерофанты, фараоны и цари-жрецы — все как один — были дураками либо обманщиками, верившими либо заставлявшими других верить во все эти «небылицы», повторяющиеся даже в самых респектабельных папирусах? И если бы только это. Ведь и Платон, и Геродот, и Манефон, и Синцелл — словом, все величайшие и безусловно заслуживающие доверия писатели и философы, обращавшиеся к данной теме, подтверждали достоверность содержания папирусов, в которых просто и буднично, как любая другая история или факт, настолько хорошо известный и общепризнанный, что всякие дополнительные комментарии к нему совершенно излишни, перечисляются царские династии манов — то есть теней и призраков (астральных тел) — и такие магические чудеса и оккультные феномены, что даже самый доверчивый оккультист наших дней наверняка усомнился бы в их подлинности.

Но востоковеды все-таки нашли для себя спасительную соломинку, позволившую им публиковать свои переводы папирусов, не опасаясь критики со стороны литературных саддукеев: они просто объявляют их «романами эпохи фараона Такого-то». Гениальная идея, пусть даже и не совсем искренняя.

Статья впервые опубликована в подготовленном после смерти Е.П.Блаватской сборнике «Тайная Доктрина», том III (Blavatsky H.P. Secret Doctrine, Vol. III. — 1897, p. 241—257); на русском языке — *Блаватская Е.П. Эликсир жизни.* — М., Сфера, 1998. С. 193—219. Пер. Ю.А.Хатунцева.

ТЕОРИИ ДУХОВ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

В первое десятилетие существования Теософского Общества сложный вопрос о перерождении, или перевоплощении, был самой злободневной темой, периодически вызывавшей к себе повышенный интерес. И главная сложность состояла в том, что *prima facie* свидетельства указывали на явное противоречие между тем, что сказано на сей счет в "Разоблаченной Изиде" (т. I, гл. X), и последующими учениями, вышедшими из-под пера того же автора, вдохновляемого все тем же Учителем¹⁴⁰.

В "Разоблаченной Изиде", как принято считать, перевоплощение отрицается. Возвращаться на землю иногда разрешается только так называемым "развращенным духам". "Исключения из этого и без того редко применяющегося и достаточно сомнительного правила согласно "Разоблаченной Изиде"... делаются только в трех случаях: при выкидыше, ранней смерти или сумасшествии, также влекущими за собою перерождение на земле". ("Ч.К.М." в журнале "Light", 8 июля 1882 г.)

Ответ на обвинение последовал незамедлительно, в чем может убедиться каждый, кто соблаговолит просмотреть "Theosophist" за август 1882 года. И все-таки ответ либо не удовлетворил некоторых читателей, либо остался незамеченным ими. Если не принимать в расчет довольно странное утверждение, что *перевоплощение*, то есть цепь периодических перерождений каждой индивидуальной *монады* от

¹⁴⁰ * См. обвинение и ответ, опубликованные в «Theosophist», Vol. III, August, 1882, pp. 288-289: статья Е.П.Блаватской «“Разоблаченная Изида” и “Theosophist” о перевоплощении» (Е.П.Блаватская. Смерть и бессмертие. — М.: Сфера, 1998. — С. 73-79).

одной пралайи до другой¹⁴¹, отрицается несмотря на то, что вся доктрина является неотъемлемой частью индуизма и буддизма и воспроизводит их основные догматы, то суть обвинения фактически сводится к следующему: автор "Разоблаченной Изиды", по ее же собственным словам, изучающая индусскую философию и преклоняющаяся перед нею, а также исповедовавшая буддизм задолго до того, как "Разоблаченная Изида" была написана, отвергает перевоплощение и, стало быть, отрицает вместе с ним саму **карму**! Ибо последняя является краеугольным камнем эзотерической философии и восточных религий, главным и фактически единственным столпом, *на котором зиждется вся философия перерождений*; и коль скоро эта философия отрицается, то и вся доктрина кармы становится всего лишь пустым звуком. И потому оппоненты, не переставая рассуждать об очевидном противоречии между обвинением и известными фактами, продолжают настаивать на том, что давняя и убежденная буддистка отвергает перевоплощение и вместе с ним карму. Тогда, не желая вступать в перепалку с тем, кто был некогда другом, и вдаваться в хорошо известные обеим сторонам подробности, что было бы пустой тратой времени, автор ограничил свой ответ несколькими скупыми фразами. Но теперь настало время подробно рассмотреть учение о перевоплощении, поскольку за него уже взялись некоторые критики и, неправильно истолковав ряд фрагментов из "Разоблаченной Изиды", пришли ко все тем же прискорбным выводам.

Для того чтобы положить конец бесполезным спорам, необходимо изложить упомянутое учение более детально.

¹⁴¹ Цикл существования, именуемый манвантарой, – период, до начала и по окончании которого каждая монада оказывается поглощенной единой душой, *Анима Мунди*.

Уже после написания "Разоблаченной Изиды" было опубликовано столько подробных изложений различных фрагментов эзотерической доктрины, что содержащийся в "Разоблаченной Изиде", этой энциклопедии оккультной науки, где большинство вопросов рассмотрены лишь *в самых общих чертах*, материал вполне можно было бы назвать несущественным и устаревшим; но как раз поэтому я хочу сразу же заявить, что настаиваю на правильности всего того, что было написано на данную тему в моих прежних сочинениях. Думаю, что уместным было бы начать с публикации в "Theosophist" за август 1882 г., хотя цитируемые фрагменты могут показаться и наверняка покажутся читателю "несовершенными, сумбурными, запутанными и неуклюжими, равно как и многие другие пассажи из этого сочинения, ставшего первым литературным опытом иностранки, которая до сих пор не может похвастать своими познаниями в английском языке". Но все содержащиеся в них косвенные упоминания учения о перевоплощении абсолютно верны.

Приводя ниже раскритикованные выдержки из "Разоблаченной Изиды", заключающие в себе *"фрагменты загадочного учения о перевоплощении, отличного от метампсихоза"*, постараюсь разъяснить значение каждой из них. Фразы, нуждающиеся, на мой взгляд, в пояснении, выделены курсивом.

Реинкарнация, то есть появление той же личности *или, вернее, ее астральной монады дважды на той же планете*, не есть правило природы; это – исключение, подобное тератологическому феномену рождения ребенка с двумя головами. Ему предшествует *нарушение законов гармонии природы*, и происходит оно только тогда, когда последняя, *стремясь восстановить нарушенное равновесие, насильно бросает обратно в земную жизнь астральную монаду, которая была*

вышвырнута из круга необходимости преступлением или несчастным случаем.

Так, в случаях аборт, в случаях детских смертей до определенного возраста и в случаях прирощенного и неизлечимого идиотизма начальный замысел природы – создать совершенного человека был нарушен. Поэтому в то время как грубая материя каждого из перечисленных существ обречена на рассеивание при смерти, на рассеивание по обширному царству сущего, *бессмертный дух и астральная монада личности* (назначение *астральной монады* – оживлять тело; а назначение *бессмертного духа* – осенять божественным светом телесную организацию) *должны стараться второй раз осуществить цель создания творческой личности* (т. I, с. 335).

Здесь идет речь об астральной монаде (или теле) умершего человека, скажем, Джона или Томаса. В учениях эзотерической философии индуизма это называется *бхутом*; в греческой философии – *тенью*, или *умбра*; и во всех заслуживающих внимания философиях, как и в двух вышеназванных, говорится, что эта астральная тень исчезает после своего более или менее продолжительного пребывания в *камалоке*, которую католики называют Лимбом, а греки – *Гадесом*¹⁴². Разумеется, *это* – "нарушение законов гармонии в природе", когда астральная монада, или тень человека – Джона или Томаса, вместо того чтобы естественным образом прекратить свое физическое существование в положенный срок: а) безжалостно выбрасывается из телесной оболочки преждевременной смертью вследствие трагического случая или каких-то иных причин или б) так и не исполнив своего предназначения, снова оказывается (*то есть то же самое астральное тело, связанное с той же самой бессмертной монадой*) на земле, чтобы

¹⁴² Понятие *Гадес* никогда не было тождественно *преисподней*. Он всегда рассматривался как обитель скорбящих *теней*, или астральных тел умерших людей. Напомню западному читателю, что *камалока* – это отнюдь не *кармалока*, поскольку *кама* значит *желание*, а *карма* – нечто совершенно иное.

завершить начатое. Однако происходит это в полном соответствии с законами кармы: человек "должен предпринять вторую попытку исполнить то, что предназначено ему творческим разумом" или *законом*.

Если разум настолько развился, что может стать действенным и распознающим, то никакого *[немедленного]*¹⁴³ *перевоплощения* на этой земле не будет, так как три части триединого человека соединились вместе и он способен совершать свой путь. Но когда новое существо не продвинулось дальше состояния монады или в таком случае, как у идиота, когда триединство не состоялось [на земле и, следовательно, не может быть достигнуто после смерти], бессмертной искре, которая осеняет его, пришлось снова входить в земной план, так как ей помешали в первой попытке. Иначе смертная, или астральная, и бессмертная, или божественная, души *не могут в унисон продвигаться вперед к высшей сфере [дэвакхану]*¹⁴⁴.

Дух следует по линии, параллельной линии материи; и духовная эволюция совершается рука об руку с физической эволюцией. (Т. I, с. 335–336).

Оккультная доктрина учит, что:

1. Монада не может *немедленно* переродиться на земле после физической смерти, вопреки тому, что говорят на сей счет спиритуалисты, исповедующие доктрину перевоплощения; кроме того, нет и не может быть никакого второго рождения для "*личностного*", или *ложного*, Эго – *perisprit*, иначе как в вышеназванных исключительных случаях. Но в то же время: а) перерождается (или периодически воплощается) бессмертное Эго (Эго, проходящее через весь цикл перерождений, и *не-Эго* в состоянии нирваны, или мокши, где оно

¹⁴³ Если бы это слово "немедленной" было включено в текст "Разоблаченной Изиды" с самого начала, споров и противоречий вокруг перевоплощения было бы гораздо меньше.

¹⁴⁴ Разумеется, под "вышестоящей сферой" здесь имеется в виду дэвакхан.

становится *безличным и абсолютным*); ибо это Эго есть корень каждого нового воплощения, нить, на которую нанизываются одна за другой ложные личности, или иллюзорные тела, именуемые людьми, – Эго-монада периодически входит в них, подчиняясь циклу перерождений; к тому же, б) эти перевоплощения случаются не ранее чем через 1 500, 2 000 или даже 3 000 лет жизни в дэвакхане.

2. *Манас* –местилище *дживы*, той искры, что движется вместе с монадой в цикле рождений и перерождений от начала и до конца манвантары, и есть то самое реальное *Эго*. И далее: а) *джива* следует за божественной монадой, дарующей ему духовную жизнь и бессмертие, в дэвакхан, и потому не может ни переродиться до определенного ему срока, ни объявиться на земле – *зримо* или *незримо* – в промежуточный период; б) пока духовный аромат Манаса, то есть все самые возвышенные устремления, а также духовные качества и атрибуты, составляющие высшее Я человека, не достигнет своей монады и не соединится с нею, последняя остается как бы несуществующей; коль скоро она является *in esse* безличной и *per se* безличностной и приобретает свою духовную окраску или оттенок эгоизма только под воздействием *Манаса* в период его воплощения и затем во время развоплощенного существования последнего после физической смерти, когда он отделен от всех своих низших принципов.

Эти оставшиеся четыре принципа или, скорее, 2,5, поскольку в их число входят приземленная часть *Манаса*, его носитель *камарупа* и *лингашарира* – мгновенно распадающееся тело, а также сопутствующая им *прана*, или жизненный принцип, – так вот, эти принципы относятся к *ложной* личности и потому не могут войти в дэвакхан. Последний является состоянием блаженства, вознаграждением за все перенесенные

в жизни незаслуженные страдания¹⁴⁵; и потому все, что толкало человека к греху (а именно его земная, одержимая страстями природа), должно остаться за пределами дэвакхана.

Таким образом, не подлежащие перевоплощению принципы (ложная личность) остаются в *камалоке*, сперва в виде материального остатка, а затем – как отражение в зеркале астрального света. Наделенные способностью создавать *иллюзию* вплоть до момента своего полного исчезновения, наступающего в результате постепенного "растворения", с чем еще они могут отождествляться, как не с *эйдолоном* древних греков или теми же *тенями* греческих и латинских поэтов и классиков?

Какая же награда или наказание могут быть в сфере развоплощенных человеческих существ *для утробного плода* или человеческого эмбриона, когда у него даже не было времени, чтобы хоть раз вздохнуть на земле, а еще менее он имел возможность применить свои духовные способности? Или для безответственного ребенка, бесчувственная монада которого остается спящей внутри астральной и физической оболочек и не может поэтому предохранить его от того, чтобы он сам не обжегся до смерти или сжег кого-то другого? Или для

¹⁴⁵ Читателю следует помнить, что согласно эзотерическому учению большинство человечества не несет никакого наказания за свои грехи после смерти; исключения составляют только те случаи, когда человек достигает вершин зла исключительно вследствие своей собственной испорченности и его земные, человеческие грехи приобретают поистине универсальный *сатанинский* характер, как это часто бывает с колдунами. Закон воздаяния, известный как *карма*, как правило, поджидает человека у порога его нового воплощения. Человек является в лучшем случае слепым орудием зла, беспрестанно создающим всё новые причины и обстоятельства. Поэтому в полной мере ответственным за свои деяния его можно назвать далеко не всегда (или даже вовсе никогда). Отсюда и необходимость в периоде блаженного отдыха в дэвакхане, сопровождающемся временным, но полным забвением всех страданий и горестей жизни. *Авичи* – состояние наибольшей *духовной* деградации – грозит только тем, кто *сознательно* посвятил свою жизнь причинению вреда другим людям и вследствие этого немало преуспел в приобщении к духовности зла.

родившегося идиотом, у которого по сравнению с нормальными людьми количество мозговых извилин достигает только двадцати или тридцати процентов и который поэтому не несет ответственности ни за свои наклонности, ни за деяния, ни за несовершенство своего шаткого полуразвитого ума? ("Разоблаченная Изида", т. I).

Таковы "исключения", о которых говорится в "Разоблаченной Изиде"; но с тех пор учение о перевоплощении ни на йоту не изменилось. Более того, речь здесь может идти отнюдь не о "противоречиях", но только о *незавершенности* изложения, которая как раз и послужила причиной неправильного истолкования, скорректированного последующими учениями. Опять же, в тексте "Разоблаченной Изиды" действительно было допущено несколько серьезных ошибок, которые не были своевременно исправлены и попали в последующие издания после *стереотипирования* гранок.

Одна из таких ошибок, к примеру, оказалась на 329-й странице первого тома и повлекла за собой другую – на странице 330.

Противоречие между началом и окончанием фразы явно указывает на то, что в текст закралась ошибка. Она (фраза) адресована спиритистам, исповедующим перевоплощение, которые трактуют более чем туманный текст Апулея как подтверждение своей собственной теории "духов" и перевоплощения. Однако пусть читатель судит сам¹⁴⁶,

¹⁴⁶ Апулей говорит: "Душа рождается в этом мире после того, как покинула другой мир (*Анима Мунди*), в котором она предсуществовала до своего появления (на земле). Поэтому боги, которые учитывают ее деяния во всех фазах различных жизней в целом, иногда наказывают ее за грехи, совершенные в *течение предыдущей* жизни. Она умирает, когда отделяется от тела, в котором она переплывала эту жизнь, как в хрупкой лодке. И если я не ошибаюсь, то именно в этом заключается сокровенное значение надгробной надписи, такой ясной для посвященного: "Богам человеческим, которые жили". Но этого рода смерть не уничтожает души, она только преобразует (часть) ее в *лемура*. Лемуры суть *маны*, или духи, которых мы знаем под названием *лары*. Когда они не проявляются и оказывают нам *благодетельное покровительство*, мы чтим их как покровительствующих божеств домашнего очага.

чью точку зрения на самом деле подтверждают слова Апулея – их или нашу. Нас обвиняют в отрицании перевоплощения; но вот что говорит нам все та же "Разоблаченная Изида"!

Эта философия учит, что природа никогда не оставляет свою работу незавершенной; если ей помешают при первых попытках, она начинает сначала. Когда она зачинает человеческий зародыш, в ее намерения входит, чтобы этот человек совершенствовался физически, умственно и духовно. Его тело должно вырасти, достичь зрелости, износиться и умереть, его ум должен раскрываться, созреть и быть гармонично уравновешенным; его божественный дух должен светить и легко сливаться с *внутренним* человеком. И никакое человеческое существо не завершит своего великого цикла, или "круга необходимости", до тех пор, пока все это не будет выполнено.

Так же, как на конных состязаниях в беге, когда менее резвые кони отстают уже в первой четверти круга и мимо них проносится конь-победитель, стремящийся к цели, – точно так же в человеческих бегах к бессмертию некоторые души опережают других и достигают цели, в то время как мириады остальных состязающихся трудятся под грузом материи недалеко от того места, где начали свое восхождение. Некоторые несчастные совсем выпадают и бывают устранены из бегов; некоторым приходится возвращаться и начинать сначала. ("Разоблаченная Изида", т. I).

Здесь, как видите, все изложено с предельной ясностью. Природа, потерпев поражение, *предпринимает следующую попытку*. Никто не может покинуть этот мир (нашу землю), не став совершенным "*физически, морально и духовно*". Но достичь подобного совершенства можно только при наличии *серии перерождений*, поскольку одной человеческой жизни ни за что не хватит для того, чтобы стать

Но если их преступления обрекли их на блуждания, то мы называем их *лярвами*. Они становятся бичом порочных людей и источником напрасного страха для добрых". (Du Dieu de Socrate, p. 143-145.)

совершенным абсолютно во всех областях и благополучно завершить "круг необходимости". И все-таки непосредственно за этой фразой в тексте идет следующая вставка:

Это есть то, чего индусы боятся больше всего, – *трансмиграция и реинкарнация*; только на других и низших планетах – никогда на этой!!!

Именно это последнее предложение и стало той роковой ошибкой, относительно которой, впрочем, автор со всей искренностью свидетельствует – "*невиновна*", ибо в ней скорее повинны те читатели, которые, будучи абсолютно незнакомы с индусской философией, оказались в полном недоумении, прочитав на следующей странице это злополучное слово "планета", напечатанное вместо *цикла*. Автор "Разоблаченной Изиды" практически не заглядывала в эту книгу после ее публикации, поскольку на нее тут же свалилось множество другой важной работы; ибо в противном случае необходимые извинения последовали бы незамедлительно и в *списке опечаток* было бы указано, что данную фразу следовало сформулировать несколько иначе: "Индусы боятся трансмиграции в иные, *более примитивные* формы жизни на этой планете".

В такой форме фраза полностью согласовывается с предшествующим текстом и достаточно прозрачно указывает на тот факт, что если *эзотерические* религиозные воззрения позволяют индусу верить и бояться возможности непосредственного перевоплощения человека в животное или даже растение – и *vice versa*, то *эзотерическая* философия учит его тому, что природа никогда не поворачивает вспять в своем эволюционном продвижении и если человек наконец-то стал человеком, пройдя через все нижестоящие формы, то есть через минеральное, растительное и животное царство, он уже не сможет теперь стать животным иначе как в моральном (то есть

метафорическом) смысле. Человеческое воплощение есть циклическая необходимость и закон; и никакой индус, конечно же, не боится его, как бы он ни сетовал при этом на его неотвратимость. И закономерность этого периодического возвращения человека показана на той же самой странице, и даже более – в том самом абзаце, поскольку заканчивается он следующими словами:

Но есть способ избежать этого; и Будда учил этому способу в своих доктринах о бедности, обуздании чувств, полном безразличии к целям этой долины слез, свободе от страстей и частом общении с Атмой – созерцании духа. *Причиной перевоплощения является незнание наших чувств и идея, что в этом мире есть что-то реальное, что-то за исключением абстрактного существования*¹⁴⁷. От органов чувств происходит та "иллюзия", которую мы называем контактом; от контакта возникает желание; от желания – чувства (которые тоже суть обман нашего тела); от чувств – привязанность к существующим телам; от этой привязанности – рождение; а от рождения – болезни, увядание, смерть.

Пожалуй, этого уже вполне достаточно, чтобы объявить вопрос решенным, коль скоро во всем оказалась виноватой самым прискорбным образом пропущенная ошибка; но, если кому-то этого покажется мало, мы можем привести дополнительные доказательства, ибо далее [в тексте] следует:

Итак, подобно вращению колеса, *существует регулярная последовательность смертей и рождений*, моральной причиной которых является привязанность к существующим материальным объектам, тогда как орудием причины является карма (сила, управляющая вселенной, побуждающая ее к деятельности), заслуга и антязлуга. "Поэтому велико желание всех существ, которые хотели бы освободиться *от горестей последовательных рождений и смертей*, добиться уничтожения в себе этой моральной причины, этой привязанности к материальным вещам

¹⁴⁷ "Причина перевоплощения – в невежестве", следовательно, "перевоплощение" все же существует, коль скоро автор называет его причину.

или злых желаний". Те, в ком злые желания окончательно уничтожены, именуются *архатами*. Освобождение от злых желаний обеспечивает обладание *чудодейственной* силой. После своей смерти архат больше не перевоплощается; он неизменно достигает нирваны.

Кстати, слово "нирвана" ложно истолковано христианскими учеными и скептическими комментаторами. Нирвана есть мир *причин*, в котором все обманчивые следствия и обманы наших чувств исчезают. Нирвана – высочайшая из достигаемых сфер. *Питри* (доадамовы духи) считаются буддийской философией *воплощенными*, хотя в степени, далеко превосходящей земного человека. Разве они не умирают, в свою очередь? Разве их астральные тела не страдают, и не радуются, и не чувствуют того же бремени иллюзорных чувств, какое испытывали в физическом теле? ("Разоблаченная Изида", т. I).

И тут будет как нельзя более уместно снова вспомнить Будду и его доктрину о "заслугах и антизаслугах", или карме:

Но эта *предыдущая жизнь*, в которую верили буддисты, не была жизнью на *этой планете*, ибо более, чем кто-либо другой, буддийский философ высоко ценил великую доктрину циклов.

Исправьте "жизнью на этой планете" на "*жизнью в том же самом цикле*", и вы получите действительно правильное прочтение: ибо какая могла бы быть связь между уважением к "великой доктрине циклов" и философией Будды, если бы сей великий мудрец верил только в одну короткую жизнь на этой Земле, и только в одном цикле? Но вернемся к подлинной теории перевоплощения, изложенной в эзотерическом учении, и к ее неуклюжему воспроизведению в "Разоблаченной Изиде".

Что на самом деле подразумевалось в этой книге, так это то, что принцип, который *не перевоплощается* (за исключением нескольких перечисленных случаев), есть *ложная личность*, иллюзорная человеческая сущность, получившая определенную форму и индивидуализированная определенным именем для одной короткой

человеческой жизни; но то, что *может* перерождаться и *nolens volens* вынуждено делать это, повинаясь неумолимому и беспристрастному закону кармы, есть наше истинное **Эго**. Именно эта путаница между истинным, бессмертным Эго человека и его ложными и эфемерными *личностями*, которые Эго периодически меняет в ходе своей манвантарной эволюции, лежит в основе всего возникшего непонимания. Что же представляет собою первое и что – второе? Первая группа включает в себя:

1. Бессмертный Дух – бесполой, бесформенный (арупа) – эманация Единого вселенского **дыхания**.

2. Его носитель – *божественная Душа*, именуемая "бессмертным Эго", "Божественной монадой" и т. д. и т. п., которая благодаря расширению *Манаса*, в коем горит вечно сияющая *джива*, добавляет к себе в конце каждого воплощения самые возвышенные приобретения *бывшей личности*, самый нежный аромат сорванного цветка, срок жизни которого уже истек.

Что же представляет собою *ложная личность*? Это и есть та самая мешанина из желаний, чаяний, привязанностей и антипатий, то есть *действий*, которую каждый человек проявляет на этой земле в течение одного воплощения или на протяжении существования одной личности¹⁴⁸. И конечно же не все *то*, что рассматривается нами,

¹⁴⁸ Подтверждением того, насколько глубоко укоренились в сознании всех слоев общества и даже в английской литературе наши теософские учения, может служить статья м-ра Нормана Пирсона "До рождения" в журнале "Nineteenth Century" за сентябрь 1886 г. В ней чисто теософские идеи и учения рассматриваются без каких-либо ссылок на теософию. А в том ее фрагменте, где автор излагает свою теорию *Эго*, читаем, в частности, следующее: "Так какая же часть *индивидуальной личности* попадает на небеса или в преисподнюю? Неужели весь наш ментальный багаж: все хорошее и плохое, все благородные качества и нечестивые страсти – следует за душою в потусторонний мир? Разумеется, нет. А если нет, значит, что-то необходимо убрать; и как же в таком случае и где следует провести

обманутыми материей и материально мыслящими людьми, как реальный м-р Такой-то или подлинная миссис Кто-то-Еще, обретает бессмертие и включается в цикл перерождений.

Весь этот *эгоистический* набор, составляющий иллюзорное и мимолетное *Я*, исчезает после смерти. Точно так же актер сбрасывает со своего тела театральный костюм после того, как отыграет роль и отправится домой, чтобы спокойно лечь спать. Тогда он снова становится самим собой – все тем же Джоном Смитом или Грэем, каким и был от рождения. Он больше не Отелло и не Гамлет, в которого он воплощался на несколько часов. И ничто из его прежнего "набора" не уйдет вместе с ним в следующее воплощение, за исключением разве что *семени будущей кармы*, которую *Манас* присовокупил к бессмертной группе и которой предстоит вместе с развоплощенной *высшей сущностью* проследовать в дэвакхан. Что же касается четырех низших принципов, то их дальнейшая судьба описана у многих классических

разграничительную линию? Если же, с другой стороны, душа есть нечто отдельное от всего нашего ментального багажа, за исключением разве что осознания собственной индивидуальности, то не окажемся ли мы в таком случае перед абсурдным понятием личности, полностью лишенной каких-либо качеств?"

На этот вопрос автор отвечает как заправский теософ: "... Вся сложность этой проблемы в действительности проистекает из неверного представления об истинной природе этих качеств. Составляющие нашего ментального багажа: инстинктивные потребности, антипатии, ощущения, вкусы – словом, все естественные атрибуты личности имеют на самом деле не абсолютное, но относительное существование... Голод и жажда, к примеру, являются состояниями сознания, возникающими в ответ на стимулирующее воздействие физической необходимости... Они отнюдь не являются неотъемлемыми и необходимыми элементами души... и поэтому им предстоит либо *исчезнуть* вовсе, либо радикально измениться..." Таким образом, автор явно придерживается теософской доктрины. Атма и Буддхи, вобрав в себя нектар *Манаса* отжившей личности, или *человеческой души*, переходят в дэвакхан; тогда как низшие принципы – астральный *призрак*, или ложная личность, лишенные своей божественной монады или духа, остаются в *камалоке* – "призрачной стране".

авторов, к которым мы намерены наконец обратиться за аргументами в поддержку собственной позиции. Учение о *периспри́те*, "ложной личности", или астральных останках умершего, постепенно растворяющихся и с течением времени исчезающих полностью, особенно ненавистно спиритуалистам, упорствующим в своем отождествлении преходящего и бессмертного Эго.

К несчастью для них и к счастью для нас, это учение было сформулировано отнюдь не современными оккультистами. Они только отстаивают его. И доказывают то, что ни одна "*личность*" не может "перевоплощаться на той же самой планете" (*нашей земле* – на сей раз без ошибки), если не считать трех перечисленных выше исключительных случаев. А то, что будет сказано ниже, и те доказательства, *которые мы намерены процитировать*, добавят к этому еще и четвертый случай – *сознательные и осмысленные действия Адепта*; а также удостоят тот факт, что упомянутое *астральное* тело не принадлежит ни *физическому телу*, ни *душе*, и в еще меньшей степени – бессмертному духу человека.

Прежде чем выдвигать на основании неоспоримых проявлений какие-либо теории *относительно* их природы и характера и утверждать, исходя из *prima facie* свидетельств, что нас посещают время от времени не кто иные, как *духи* усопших смертных, неплохо было бы сначала поинтересоваться, а что же говорили по этому поводу древние. Ведь призраки и видения, материальные и полуматериальные "*духи*" берут свое начало не от Алана Кардека и даже не из Рочестера. И если существа, коим нравится выдавать себя за *души* и призраки усопших, сделали это для себя постоянным промыслом и весьма преуспели в нем, то только потому, что предусмотрительная философия прежних времен уступила ныне место самонадеянности и бездоказательным

предположениям *a priori*. Первый вопрос, на который следует ответить: "Обладают ли духи какой-либо материей, в которую они могли бы облачаться?" *Ответ:* "То, что сейчас во Франции называют словом *перисприт*, а в Англии и Америке – "материализованной формой", в прежние времена именовалось *пери-псюхе* и *пери-ноус*, поскольку древним грекам это явление было хорошо знакомо. Но есть ли у них хоть какое-нибудь *тело*: газообразное, текучее, эфирное, материальное или хотя бы полуматериальное? Нет; мы утверждаем это, ссылаясь на авторитет оккультных учений всего мира. Ибо у индусов *атма*, или *дух*, есть *ару-на* (бестелесный), и точно так же считали греки.

Даже в римско-католической церкви ангелы Света (равно как и ангелы Тьмы) *абсолютно бестелесны*: "*meri spiritus, omnes corporis expertes*"; а по выражению "**Тайной Доктрины**", они – *изначальны*. Эманации недифференцированного Принципа – Дхиан Коганы **единой** (первой) категории, или чистая духовная субстанция, состоят из *однородного (одноэлементного) Духа*; вторая категория представляет собой вторую эманацию души элементов; третья уже имеет "*тело разума*", которому эти существа, однако, не подчинены, но, напротив, сами могут создавать себе тело, послушное их воле и обретающее ту форму и субстанцию, которую *они сами* пожелают ему придать. Начиная с этой (третьей) категории, они (духи, ангелы, Дэвы или Дхиан Коганы) уже имеют тела, первая группа *рупа* которых состоит из одного элемента: *эфира*; вторая – из двух: эфира и огня; третья – из трех: эфира, огня и воды; четвертая – из четырех: эфира, воздуха, огня и воды.

Далее идет стадия человека, у которого, помимо этих четырех элементов, есть еще пятый, доминирующий в нем: земля, заставляющая

его страдать. Об ангелах Святой Августин и Петр Ломбардский¹⁴⁹ говорят, что их тела приспособлены для того, чтобы *действовать*, а не для того, чтобы страдать. Именно земля и вода – *humor et humus* – определяют склонность человека к страданию и пассивности, *ad patientiam*, тогда как *эфир* и *огонь* побуждают его действовать. Таким образом, духи, или человеческие *монады*, принадлежащие к первой категории, или недифференцированной субстанции, – бестелесны; однако третий их принцип (или пятый человеческий – *Манас*) может в соединении со своим носителем создавать *камаруну* и *майявируну* – тело желания, или "иллюзорное тело". После смерти лучшие, благороднейшие и чистейшие качества *Манаса*, или *человеческой души*, восходят вместе с божественной монадой в дэвакхан, откуда им уже нельзя выйти или вернуться вплоть до следующего воплощения; так что же в таком случае является нам под двойной личиною духовного *Эго* или души умершего человека? *Да все тот же элемент камаруны, которому помогают в этом элементалы.* Ибо нас учат, что теми духовными существами, которые способны принимать по своей воле некую форму и являться людям (то есть становиться объективными и даже осязаемыми), могут быть только ангелы (Дхиан Коганы) и *нирманакая*¹⁵⁰ Адептов, чьи духи облечены в тонкую материю.

¹⁴⁹ * *Петр Ломбардский* (нач. XII в. - 1164) — знаменитый итальянский теолог-схоластик. Он был первым автором, который свел теологические учения в единую, законченную систему, тем самым заложив основы схоластической теологии.

¹⁵⁰ *Нирманакая* – название астральных форм (*во всей их полноте*) Адептов, настолько далеко продвинувшихся по пути познания и абсолютной истины, что для них уже стало доступным вхождение в дэвакхан. Эти Адепты добровольно отказываются от нирваны, чтобы помогать человечеству, незримо наставляя и направляя по тому же самому пути прогресса его избранных представителей. Эти *астралы* уже не являются пустыми оболочками, но представляют собой полноценные монады, состоящие из 3, 4, 5, 6 и 7-го принципов. Это *нирманакая* более высокого порядка, подробное описание которого будет включено в текст "Тайной Доктрины".

Появляющиеся иногда астральные тела – *останки* и *остатки* развоплотившихся смертных существ – являются вовсе не теми людьми, за которых они себя выдают, но только их подобиями. Эта вера господствовала во все времена – от Гомера до Сведенборга, с *третьей* расы и до наших дней.

Убежденные спиритуалисты часто и во множестве цитируют слова Павла как подтверждение своей веры в то, что духи действительно могут проявляться и проявляются. "Есть тело душевное, есть тело и духовное", и т. д. и т. п. (I Кор., XV, 44); но достаточно внимательно прочесть стихи, предшествующие этому и следующие за ним, чтобы убедиться в том, что святой Павел имел здесь в виду нечто совершенно иное, нежели то, о чем ведут речь спиритуалисты. Разумеется, *духовное* тело существует, но оно ни в коей мере не тождественно *астральной* форме, заключенной в "естественном" человеке. Ибо "духовная" составляющая человека заключает в себе только нашу индивидуальность, *теряющую* свои оболочки и *преображающуюся* после смерти. Сам апостол объясняет это в стихах 51-53: "*Sed non omnes immutabimur*". "Говорю вам *тайну*: не все мы умрем, но все изменимся... Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие".

Но это доказательство имеет авторитет только для христиан. Посмотрим же, что говорили на сей счет древние египтяне и неоплатоники, и те и другие – "*маги*" *par excellence*, они подразделяли человека на три группы принципов, подобных нашим: чистый бессмертный дух; "призрачная душа" (*светящийся призрак*) и грубое материальное тело. За исключением последнего, рассматривавшегося как земная оболочка, этих принципов было шесть: 1) *кха*, "жизненное тело"; 2) *кхаба*, "астральная форма", или тень; 3) *ка*, "животная душа"; 4)

акх, "земной разум"; 5) *са*, "божественная душа" (*буддхи*) и 6) *сах*, или мумия, начинавшая действовать после смерти. Высшим несотворенным духом считался *Озирис*, имя которого было в каком-то смысле видовым, поскольку каждый человек после преобразования становился *озирисоподобным*, то есть влившимся в *Солнце-Озирис*, или блаженное божественное состояние. Остававшиеся в астральном свете нашей атмосферы *ка* с низшими элементами *акха* (или *камарупы*) и дополняющими их остатками *Манаса* вместе составляли то, что индусы называют ужасными и злобными *бхутами*, а мы – элементариями.

Это можно заключить из перевода так называемого "Магического папируса Гарриса" ("*Papyrus magique Harris*", переведенного Шабасом), где они называются *ку*, или *ка*, а также поясняется, что в иероглифической записи *ка* иногда именовались "ожившими мертвецами" и "восставшими тенями"¹⁵¹.

Когда о человеке говорили, что в него "*вошло ка*", это означало, что он одержим "духом". Были известны два вида *ка* – оправданные, исчезающие после непродолжительной *второй жизни* (*нам онх*), и осужденные блуждать, не зная покоя, во тьме *после того, как умрут во второй раз* (*мут, эм, нам*). Этих последних называли *ху метре* ("дважды умершие"), что, впрочем, не мешало им жить "чужой" жизнью на манер вампиров. О том, какой страх они вызывали, говорится в наших Приложениях о "Египетской магии" и "Китайских духах"¹⁵² ("Тайная

¹⁵¹ Если провести параллель между указанным делением и терминологией эзотерического учения, нетрудно заметить, что: 1) *озирис* – это атма; 2) *са* – буддхи; 3) *акх* – манас; 4) *ка* – камарупа, вместилище земных желаний; 5) *кхаба* – лингашарира; 6) *кха* – пранатма (жизненный принцип); 7) *сах* – мумия или тело.

¹⁵² * Эта ссылка представляется весьма интересной, если вспомнить, что Е. П. Блаватская в данном случае говорит не о законченной книге, которая была издана под названием "Тайная Доктрина" только в 1888 г., но лишь о первом черновике, фрагмент которого она отправила в 1885 г. в Адъяр, чтобы Т.Субба Роу

Доктрина"). Египетские жрецы изгоняли их так же, как римско-католический *кюре* изгоняет злого духа; точно так же обстоит дело и с китайскими *гуй*, идентичными *ка* и элементариям, и с античными *ларами* или *лярвами* (слово, образованное от предыдущего грамматиком *Фестом*, пояснявшим, что это – "тени умерших, которые не дают покоя в доме, где поселятся, ни хозяевам, ни слугам"). Эти создания, будучи вызванными во время магических, и в особенности *некромантических*, обрядов, не считались и до сих пор не считаются в Китае ни духами, ни душами, ни какой бы то ни было еще частью умершего человека, именем которого они себя называют, но только отражением последнего – его *подобием*.

"Человеческая душа", говорит Апулей, есть "*бессмертный Бог*" [Буддхи], у которого тем не менее есть свое начало. Когда смерть освобождает ее [душу] от бренного земного организма, она становится *лемуром*. Многие лемуры настроены к людям вполне благожелательно; в этом случае они становятся семейными богами, или демонами, то есть домашними божествами. Римляне называли их *ларами*. Но их проклинали и называли *лярвами* в тех случаях, когда судьбою они были обречены скитаться, сея вокруг себя зло и несчастья (*Inane terriculamentum bonis hominibus, ceterum noxium malis*). Когда же истинная природа развоплощенных душ была неясна, их называли просто *маны* (Apuleius, Du Dieu de Socrate, p. 142-143). Послушайте, что говорят на сей счет Ямвлих, Прокл, Порфирий, Пселл, равно как и десятки других авторов.

Халдейские маги верили и учили, что *небесная, или божественная, душа* должна вкушать блаженства вечного света, в то время как

отредактировал и прокомментировал его. Однако оба упомянутых ею Приложения, очевидно, так и не вошли в окончательный текст "Тайной Доктрины".

животная, или *чувственная*, душа, если она была добродетельна, быстро растворится и исчезнет, а если была грешна – будет блуждать в сфере Земли. В последнем случае "она [душа] временами может принимать призрачные формы различных людей или даже животных". То же самое греки говорили об *эйдолоне*, а раввины – о *нефеш* (см.: Histoire et Traite des Sciences Occultes, Count de Resie, Vol. II, p. 598). Все *иллюминаты* Средневековья в один голос говорят о нашей *астральной душе* – отражении умершего, или его *призраке*. Во время "смерти рождения" (рождения в физическом мире) чистый дух остается связанным с *промежуточным* и *светящимся* телом; но как только его низшая форма (физическое тело) умирает, дух устремляется вверх, к небесам, а покинутая им светящаяся оболочка опускается в нижние миры, или *камалоку*.

Гомер описывает тело Патрокла – подлинный образ земного тела, убитого Гектором, восстающее в своей духовной форме; а Лукреций говорит о старом Эннии, который видел самого Гомера, проливающего горькие слезы в окружении *теней* и *человеческих призраков* на берегах Ахерузии, "*где не живут ни тела наши, ни души, но только наши образы*".

*Etsi praeterea tamen esse Acherusia templa
Ennius aeternis exponit versibus edens,
quo neque permaneant animae neque corpora nostra,
sed quaedam simulacra modis pallentia miris;
unde sibi exortam semper florentis Homeri
commemorat speciem lacrimas effundere salsas
coepisse et rerum naturam expandere dictis¹⁵³.*

¹⁵³ * "И все-таки Энний говорит, что существуют царства Ахерузии, и описывает их в своих бессмертных стихах; там не живут ни души наши, ни тела, но только странные призрачные образы (подобия людей). Из этих царств явился к нему призрак вечно живого Гомера и, обливаясь горькими слезами, стал рассказывать о природе вещей".

(*De Rerum Natura, Book 1, 120-126*)

Вергилий называет их *imago* ("образы"); а в "Одиссее" (книга XI) автор говорит о них как о формах и образах и в то же время как о точных копиях тела, поскольку Телемах, не желая поначалу признавать Улисса, пытается выставить его прочь со словами: "Нет, ты не мой отец; ты – демон, что пытается прельстить меня!" (Одиссея, кн. XVI, 194–195.) "У римлян нет недостатка в выразительных названиях для различных видов этих демонов: они именуют их, соответственно, *ларами*, *лемурами*, *гениями* и *манами*". Цицерон, переводя платоновского "Тимея", передает слово "*daimones*" термином "лары"; а Фест-грамматик поясняет, что низшие, или младшие, боги суть не что иное, как *души людей*, и указывает, как и Гомер, на различие между двумя типами богов, между *anima bruta* и *anima divina* (животной и божественной душами). Плутарх говорит, что лары селятся в (заброшенных) домах, где становятся полновластными хозяевами, и называет их жестокими, придирчивыми, назойливыми и т. д. и т. п. Фест считает, что среди ларов встречаются как хорошие, так и плохие. Иногда он называет их *praestites*, потому что они могут охранять домашние вещи и даже приносить их (*direct apports*), а иногда – *hostileos*¹⁵⁴. "Как бы то ни было, – говорит своим причудливым старофранцузским языком ле Луаер, – они ничуть не лучше наших демонов, которые если даже и помогают иногда людям и даже делают им подарки, то только для того, чтобы тем вернее навредить им впоследствии. *Лемуры* – это те же демоны, как и *лярвы*, ибо являются по ночам в обличье какого-нибудь человека или

¹⁵⁴ Потому что они прогоняют врагов.

животного, но чаще всего – в образе, который **они** заимствуют у *какого-нибудь умершего*". (Livres des Spectres, I, гл. II, p. 15-16).¹⁵⁵

Воздав эту небольшую дань своим христианским предрассудкам, когда человеку "благочестивому" везде видится Сатана, ле Луаер говорит далее как настоящий и весьма эрудированный оккультист:

Нет сомнений в том, что именно *гении*, и никто другой, покровительствуют каждому новорожденному человеку и что *гениями* их называли, как говорит Цензорин, потому, что они опекают всю нашу расу; они, таким образом, *отвечают* не только за каждого смертного в отдельности, но и за целые племена и поколения, будучи также *гениями народов*¹⁵⁶.

Идея ангелов-хранителей отдельных людей, рас, местностей, городов и наций была заимствована римско-католической церковью у дохристианских оккультистов и язычников. Симмах¹⁵⁷ (Epistol., lib. X) пишет:

¹⁵⁵ * "*Livres des Spectres*". – Е. П. Блаватская цитирует очень редкую книгу: Pierre Le Loyer, IIII Livres des Spectres ou Apparitions et Visions d'Esprits, Anges et Demons fe monftrants fenfiblement aux hommes. Angers, 1586. 4to.

¹⁵⁶ * Ле Луаер ссылается на сочинение Цензорина "De die natali", III, где этот римский автор III в. н. э. говорит: "*Что есть гений, и откуда взялось это слово!*" Гений – это бог, под защитой которого каждый из нас находится с самого рождения. Этот бог – либо потому, что он руководит нашим появлением на свет, либо рождается одновременно с нами, или же потому, что он присоединяется к нам и берет под свою опеку в момент нашего рождения – называется гением, словом, образованным от глагола *genere*, что значит *рождаться*. Гений и лар, согласно многим древним авторам, суть одно и то же божество. Говорят, что гений имеет над нами огромную и, возможно, даже абсолютную власть... Далее Цензорин добавляет: "Гений служит каждому из нас настолько преданным и неусыпным стражем, что не оставляет нас ни на миг; он присоединяется к нам, как только мы покидаем лоно своих матерей, и сопровождает нас до самого последнего дня нашего существования".

¹⁵⁷ * Симмах, Квинт Аврелий – римский ученый, государственный деятель и оратор IV-го столетия.

Как всем людям при рождении дается душа, так и *гении* распределены между народами. У каждого города был свой гений-охранитель, которому люди приносили жертвы.

Известно немало посвячительных надписей, гласящих: *Genio civitatis* – "Гению города".

Правда, древние профаны точно так же, как и современные, слабо разбирались, является ли им *эйдолон* родственника или же гений здешних мест. Эней, отмечая годовщину смерти своего отца Анхиза, увидел змею, ползущую по его гробнице, и не мог понять, был ли это *гений* его отца или же гений этого места (Virgil, Aeneid, V, 84-96). *Маны*¹⁵⁸ были разделены на добрых и злых; тех, которые были *злыми*, Вергилий называет *numina larva* – их ублажали жертвами, чтобы они не создавали неприятностей, не насылали плохих снов на тех, кто их презирает, и т. п.

Тибулл говорит [об этом] в следующей строке:

ne tibi neglecti mittant mala somnia manes¹⁵⁹. (Elegiae, II, VI, 37).

Язычники полагали, что низшие души превращались после смерти в демонических эфирных духов. (Le Loyer, Livres des Spectres, etc., Angers, 1586. 4to., p. 22).

Если разложить греческий термин *eteroprosopos* на составляющие его лексические компоненты, получается целая фраза – "другой в моем обличье".

Именно этим земным принципам – *эйдолону*, *лярве*, *бхуту* (называйте их, как хотите) – "Разоблаченная Изида" отказывает в

¹⁵⁸ От слова "manus" – "добрый" – *antiphrasis*, поясняет Фест.

¹⁵⁹ * Полностью этот фрагмент стихотворения Тибулла звучит так: "Именем ее заклинаю тебя, не будь холодна со мною, иначе даже самый слабый дух будет насылаять тебе дурные сны, в коих твоя скорбящая сестра стоит у твоей постели – такая, как тогда, когда из высокого окна она упала наземь и отошла, забрызганная кровью, к озерам, что лежат внизу".

перевоплощении¹⁶⁰. Доктрины теософии являются не чем иным, как отголосками учений древности. Человек представляет собою *единство* лишь в начале и в конце своего существования.

Все духи, все души, боги и демоны суть эманации **души вселенной**, которая остается их коренным принципом, говорит Порфирий ("De Sacrifice"), Нет ни одного сколько-нибудь скандально известного философа, который не верил бы: 1) в перевоплощение (метампсихоз), 2) во множественность составляющих человека принципов или хотя бы в то, что человек имеет *две* души, отдельные друг от друга и имеющие разную природу (одна – смертная *астральная душа*, а другая – нетленная и вечная) и 3) в то, что первую не следует рассматривать как собственно человека, ею обладающего, – "ни как его дух, ни как тело, но в лучшем случае просто его *отражение*".

Этому учили брахманы, буддисты, евреи, греки, египтяне и халдеи, равно как и слепопотопные наследники допотопной мудрости – Пифагор и Сократ, Климент Александрийский, Синезий и Ориген, древнейшие греческие поэты, а также гностики, о которых Гиббон отзывается как о наиболее утонченных, образованных и просветленных людях всех эпох (См.: The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, chap. XV).

Но толпа остается неизменной в любом столетии: суеверной, самоуверенной, готовой материализовать любую, даже самую духовную и возвышенную идеалистическую концепцию, низвести ее до своего собственного уровня. И самое главное – толпа неизменно ненавидит философию.

¹⁶⁰ На первых страницах 1-го тома "Разоблаченной Изиды" вера в перевоплощение утверждается с самого начала как одно из неотъемлемых универсальных верований. Метампсихоз (или переселение душ) и перевоплощение суть фактически одно и то же.

Но все это отнюдь не противоречит тому факту, что человек нашей пятой Расы, эзотерически изображаемый как семеричное существо, всегда *экзотерически* рассматривался как существо мирское или околomorphic, земное и физическое. Или, как наглядно описал его Овидий:

Bis duo sunt hominis; manes, caso, spiritus, umbra

Quotatuor ista loca bis duo suscipiunt.

Terra tegit carnem, tumulum circumvolat umbra,

*Orcus habet manes, spiritus astra petit.*¹⁶¹

Статья впервые опубликована в журнале "Path", New York, Vol.1, №8, November, 1886, p. 232-245; на русском языке – Блаватская Е. П. Эликсир жизни. – М., Сфера, 1998. С. 220-245. Пер. Ю. А. Хатунцева.

КИТАЙСКИЕ ДУХИ

Нижеследующие заметки были составлены отчасти на основании одного старого сочинения некоего французского миссионера¹⁶², жившего в Китае более сорока лет тому назад; отчасти благодаря прелюбопытнейшей неопубликованной рукописи, любезно предоставленной мне одним американским джентльменом — ее автором. Была использована также информация, переданная аббатом

¹⁶¹ * Эти стихи Е. П. Блаватская неоднократно цитирует в своих очерках и в "Разоблаченной Изиде", и где они приписываются и Лукрецию, и Овидию. Несмотря на проведённый поиск, эти стихи обнаружить не удалось.

¹⁶² * См.: Amiot Joseph-Maria, Memoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, etc. des Chinois, par les Missionnaires de Pekin. Paris, 1776—1789, 15 vols. (Описывая представления китайцев о человеческой душе, Е.П.Блаватская суммировала содержание нескольких фрагментов указанного сочинения).

Хуком шевалье де Мюссо и маркизу де Мирвилю (таким образом, ответственность за ее достоверность ложится на этих двух джентльменов). Но большая часть изложенных здесь фактов была поведена мне неким китайским джентльменом, несколько лет прожившим в Европе.

В соответствии с воззрениями этого китайца, человек состоит из четырех коренных субстанций и трех благоприобретенных «видимостей». Такова магическая и универсальная оккультная традиция, идущая из глубокой древности, из непроглядной тьмы тысячелетий. Латинский поэт свидетельствует, что и в его стране мудрецы черпали свои знания из того же самого источника. Вот, что он говорит:

Bis duo sunt hominis: manes, caro, spiritus, umbra;
Quatuor ista loca bis duo suscipiunt.
Terra tegit carnem, tumulum circumvolat umbra,
Orcus habet manes, spiritus astra petit.

Призраки, известные и описанные в Небесной Империи, с точки зрения оккультных наук, вполне ортодоксальны, хотя в Китае существуют несколько собственных теорий на сей счет.

Человеческая душа, говорится в главном (храмовом) учении, помогает человеку стать рационально мыслящим, разумным существом, но по структуре своей она не является ни простой (однородной), ни духовной, поскольку представляет собою смесь всех тонких элементов материи. Эта «душа» делится по своей природе и характеру деятельности на две основные составляющие: **линг** и **гуй**. *Линг* лучше приспособлена для духовных и интеллектуальных операций и имеет в своем составе «высшую» *линг* или возвышенную, божественную душу. Более того, единство низшей *линг* и *гуй* порождает существующее на

протяжении человеческой жизни третье, смешанное образование, подходящее как для интеллектуальной, так и для физической деятельности — доброй и дурной (тогда как сама по себе *гуй* может быть только злой). Таким образом, эти две «субстанции» формируют целых четыре принципа, в которых мы без труда можем узнать знакомые нам Буддхи (божественная «высшая» *линг*) и Манас (низшая *линг*, чей напарник — *гуй* — это, несомненно, — камарупа — тело страсти, желания и зла). Следовательно, то «смешанное образование», которое получается в результате соединения *линг* и *гуй*, есть ни что иное, как «майявирупа»¹⁶³, астральное тело.

Далее идет определение третьей коренной субстанции. Она присоединяется к телу только на время жизни последнего; само же тело представляет собою четвертую субстанцию, чисто материальную. После смерти тела эта третья субстанция отделяется от трупа и постепенно (но не раньше, чем последний полностью разложится) растворяется в воздухе, подобно тени, параллельно с порождавшими ее частицами. Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о пране — жизненном принципе или жизненной форме. Когда же человек умирает, происходит следующее: высшая *линг* восходит к небесам — в нирвану или рай Ами табхи, или какую-либо другую блаженную сферу в соответствии с представлениями той или иной китайской секты (ее уносит туда *Дух Дракона Мудрости* — седьмой принцип); тело и его принцип постепенно растворяются и исчезают; остаются только *линг-гуй* и «смешанное образование». Если человек был хорошим, это «смешанное образование» тоже исчезает через некоторое время; но если он был плохим и всецело подчинялся власти *гуй* — абсолютно злого принципа, этот последний превращает свое «смешанное существо» в ку-

¹⁶³ * *Майявирупа* (санскр.) — «иллюзорная форма»; «двойник» в эзотерической философии.

и, соответствующую представлениям католиков о проклятой душе¹⁶⁴. Эта *ку-и* придает *гуй* ужасающую силу и невероятную жизнеспособность и становится ее *alter ego* и послушным исполнителем во всех ее черных делах. Объединенные *гуй* и *ку-и* образуют призрачное, но очень сильное существо; но могут и отделяться друг от друга по собственной воле и тогда действовать одновременно в двух разных местах, причиняя неисчислимое зло.

Добрые миссионеры утверждают, что *ку-и* есть *anima damnata*, и тем самым превращают миллиарды умерших «некрещеными» китайцев в полчище дьяволов, которые, учитывая их материальную природу, уже должны заполнить все пространство от Земли до Луны и чувствовать себя так же уютно, как сельди в банке. В «Записках» сказано:

Ку-и, будучи от природы развращенными, творят зло по мере своих сил и возможностей. Они представляют собой нечто среднее между человеком и животным и потому обладают способностями и тех, и других, то есть всеми человеческими пороками и агрессивными инстинктами животных... Неспособные подняться выше нашей земной атмосферы, они собираются вокруг могил и в окрестностях шахт, болот, сточных канав и скотобоен — везде, где присутствуют гниение и разложение, поскольку источаемые при этом миазмы служат им излюбленной пищей; именно элементы и атомы источаемых трупами испарений становятся тем материалом, из которого они строят свои *видимые фантастические тела*, призванные пугать людей и вводить их в заблуждение... Эти злосчастные духи с обманчивыми телами непрестанно ищут способа лишить людей спасения [читай — крещения] ...и сделать их проклятыми — так же, как

¹⁶⁴ Духовная часть *линг* преобразуется в *чен* (святую и божественную), а после смерти (полностью соединившись с «Драконом Мудрости») — в *хиен* — абсолютно святую (нирвани).

они сами. (Memoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, etc., par les Missionnaires de Pekin, 1791, p. 221-222)¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Согласно древнейшим учениям о магии насильственная смерть и оставление тела без погребения (незакопанным и несожженным) причиняют боль и неудобства *астральному двойнику* (лингашарира), умирающему лишь после того, как распадется последний сгусток материи, некогда составлявшей тело. Отсюда и утверждение, что колдуны и черные маги всегда использовали это знание в своих нечестивых некромантических целях. «Колдуны предлагают мятущимся душам разлагающиеся останки животных, чтобы заставить их явиться» (см.: Porphyry, de Sacrifice). Святой Афанасий был обвинен в черной магии за то, что сохранил для магического действия руку епископа Арсения. «Patet quod animae illae quae, post mortem, adhuc, relictæ corpora diligunt, quemadmodum animae sepultura carentium, et adhuc in turbido illo humidoque spiritu [духовное или текучее тело — *гуй*] circa cadavera sua oberrant, tanquam circa cognatum aliquod eos alliciens...» (См.: Cornelius Agrippa, De Occulta Philosophia, p. 354-355; Le Fantome Humain de Mousseaux)*. Гомер и Гораций нередко описывают подобную практику вызова теней. В Индии она до сих пор применяется некоторыми *тантриками*. Таким образом, учения и методы, используемые в современном колдовстве, равно как и белой магии, оккультизме и спиритуализме, а также их ответвлениях — месмеризме, гипнозе и т.д., демонстрируют очевидную связь с глубокой древностью, поскольку те же самые идеи, верования и практические рекомендации обнаруживаются теперь в древней Арьяварте, Египте и Китае, Греции и Риме. Прочтите трактат П.Тирейского «Loca Infesta»** [*ссылка на очень редкую работу Петра Тирейского (1546—1601) — «Loca Infesta, hoc est, de infestis ob molestantus daemoniorum et defunctorum hominum spiritus locis»] — скрупулезный и правдивый по части фактов, хотя и ошибочный в том, что касается собственных заключений автора, и вы убедитесь в том, что вызывать духов действительно лучше всего там, где когда-то произошло убийство, а также на кладбищах, пустырях и т.п.

* В англоязычном издании этого сочинения, напечатанном в Лондоне в 1650 г. под заголовком «Три книги об оккультной философии» вышеприведенный фрагмент выглядит следующим образом:

«В свете вышесказанного становится очевидным, что после смерти душа все еще продолжает любить тело, которое только что покинула. Этой закономерности подчинены также и те души, чьи тела нуждаются в надлежащем погребении, и те, которые были исторгнуты из тел насильственной смертью. Они продолжают витать над своими телесными останками — беспокойные и растерянные, как будто ощущение некоего родства все еще удерживает их. И если знать, что именно привязывает души к их телам при жизни, то можно без труда вызывать и притягивать их (души) с помощью соответствующих жидкостей, воскурений и ароматов, особого рода светильников, песнопений, звуков и т.д., способных влиять на воображение и духовную гармонию души...» (с. 488—489).

Вот, как наш старый друг аббат Хук — лазарист, лишенный сана за то, что разглядел тибетские и китайские корни некоторых римско-католических ритуалов, — описывает *гуй*:

Что такое *гуй*? На этот вопрос трудно дать точный ответ... Это, если хотите, нечто аморфное, что-то среднее между *духом, гением и жизненной энергией* (см.: Нус, Voyage a la Chine, Vol. II, p. 394).

Похоже, что он считает *гуй* орудием будущего воскрешения, которому надлежит восстановить в день Страшного суда человеческое тело путем притягивания и утилизации соответствующих атомов. Это точка зрения вполне согласуется с христианской идеей о наличии у каждого человека только *одного* тела, которому и надлежит быть восстановленным в момент воскресения. Ибо если бы на Страшном суде *гуй* пришлось восстанавливать из атомов все тела, через которые прошла и в которых когда-либо обитала монада, то, боюсь, даже эта «необычайно хитрая тварь» спасовала бы перед столь грандиозной задачей.

Вполне очевидно, однако, что, если *линг* погружается в блаженство, а ее *экс-гуй* остается, чтобы скитаться и мучиться, то мы со всей убежденностью можем отождествить эту последнюю (*гуй*) с элементарием. Неоспоримо также и то, что если бы развоплощенный человек был способен в одно и то же время находиться в дэвакхане и в камалоке, откуда он может иногда являться нам в ходе спиритических сеансов или где-нибудь еще, то он — как видно на примере *линг* и *гуй* — должен был *одновременно* испытывать два *совершенно отличных* друг от друга и противоположных чувства: *блаженство и страдание*.

Что касается «Le Fantome Humain», то это, скорее всего, только подзаголовок для последующих глав сочинения де Мюссо «Les mediateurs et les moyens de la magie», а не отдельная его работа.

Сочинение Порфирия «De sacrificio et magia» — средневековое изложение его «De abstinencia carnis».

Древние хорошо понимали абсурдность подобной теории, зная, что никакое абсолютное блаженство невозможно, пока к нему примешивается хотя бы малая толика страдания. И потому, нисколько не сомневаясь в том, что высшее Эго Гомера пребывает в Элизиуме, они тем не менее изображали его рыдающим на берегах Ахерузии, зная, что в последнем случае речь идет всего лишь о подобии великого поэта, его пустом, иллюзорном образе, который мы называем «оболочкой *ложной личности*»¹⁶⁶.

У каждого человека может быть только *одно* реальное Эго, которое пребывает либо в одном месте, либо в другом — либо в скорбях, либо в блаженстве¹⁶⁷.

Уже известные нам *гуй* считаются в Китае настоящим бедствием: китайцы говорят, что «эти жуткие призраки» беспокоят живых, *проникают* в дома и другие закрытые помещения, *вселяются* в людей — точно так же, как и «духи» в Европе и Америке; причем *гуй* детей, как

¹⁶⁶ См.: Lucretius, De Rerum Natura, I, 123, где он также называет эту оболочку *подобием*.

¹⁶⁷ Хотя в древности (как и в эзотерической философии) душу было принято разделять на божественную и животную — *anima divina* и *anima bruta* — называвшиеся соответственно *ноус* и *френ*, все-таки они рассматривались как два аспекта единого целого. Диоген Лаэртский (De clarorum philosophorum vitis, Bk. VIII, 30) говорит о распространенном в его время веровании, согласно которому животная душа, *френ* — φρήν, обычно переводится как диафрагма — находится в желудке; Диоген называет эту *anima bruta* θυμός. Пифагор и Платон тоже говорят о разделении души, называя ее божественную, или разумную, часть λόγος, а неразумную ἄλογος. Эмпедокл наделяет двойственной душой как людей, так и животных, но не говорит о двух душах, как это принято считать. Теософы и оккультисты делят человека на семь принципов и говорят о божественной и животной душе; но добавляют, что дух — един и неделим, а все эти души и принципы суть только его аспекты. Только дух бессмертен, бесконечен и единственно реален; все остальное мимолетно и скоротечно, иллюзорно и обманчиво. Де Мюссо гневается на покойного барона Дюпота за то, что последний помещает разумный дух во все наши органы, только потому, что он не смог понять мысль барона до конца.

правило, бывают гораздо более злобными, нежели *гуй* взрослых. Эта вера настолько сильна в Китае, что, желая избавиться от ребенка, они уносят его далеко от дома, надеясь тем самым запутать *гуй*, чтобы он не смог найти дорогу домой.

Поскольку *гуй* является текучим или газообразным подобием тела умершего, местные специалисты по судебной медицине используют их для установления истины в расследовании предполагаемых убийств. Заклинания, призывающие *гуй* человека, скончавшегося при неясных обстоятельствах, признаны там официально и используются довольно часто, если верить Хуку, который сообщил де Мюссо (см.: *Les Mediateurs et les Moyens de la Magie*, p. 310), что исполняющее эту процедуру должностное лицо, прочитав положенные закливания над трупом, использует уксус, смешанный с некоторыми загадочными ингредиентами, — как самый настоящий некромант. Когда *гуй* появляется, он всегда принимает облик жертвы, *каким она выглядела* в момент своей смерти. Даже если тело было *сожжено* до начала следствия, *гуй* воспроизводит на своем теле все раны и повреждения, нанесенные убитому; таким образом преступление считается доказанным, и правосудие принимает это к сведению. В священных храмовых книгах записаны полные тексты заклинаний, позволяющих вызвать *гуй*; причем некоторые из них позволяют даже выудить у растроганной *гуй* имя убийцы. И в этом от китайцев не отстают, как ни странно, христианские народы. В средние века подозреваемого в убийстве судьи ставили перед лицом жертвы, и если в этот момент из открытых ран убитого начинала сочиться кровь, это считалось доказательством виновности обвиняемого. Эта вера до сих пор жива во Франции, Германии, России и во всех славянских странах. «Раны убитого вновь открываются при приближении убийцы», — сказано в трактате по юриспруденции (Binsfeld, *De Conf. Malef.*, p. 137).

Гуй невозможно ни похоронить, ни утопить; они странствуют *над* землей, но предпочитают оставаться в домах.

В провинции Ху-нань учение выглядит несколько иначе. Делаплас — епископ Китая¹⁶⁸ — рассказывает о «язычниках-китайцах» поистине дикий истории, касающиеся упомянутых призраков.

Каждый человек, по их словам, заключает в себе три *гуй*. По смерти одна из них воплощается в тело, которое сама для себя выбирает; другая — остается в семье, где становится *ларом*; а третья — охраняет гробницу, в которой захоронено ее тело. В честь последней жгут воскурения и бумажные деньги, что рассматривается как жертвоприношение для *ман*; домашний *гуй* занимает свое место на семейных скрижалях с выгравированными иероглифами, и ему тоже предлагаются жертвы — в ее честь возжигаются *хианг* (благовонные палочки) и устраиваются поминальные трапезы. При соблюдении этих условий обе *гуй* успокаиваются

— но если *только это гуй взрослого человека, nota bene*¹⁶⁹.

Далее следует целая серия кошмарных историй. Если мы проштудировав всю литературу о магии, начиная с Гомера, и заканчивая Дюпоти, мы повсюду найдем то же самое утверждение: человек по своей природе *троичен*, а в эзотерическом плане — *семеричен*, так как включает в себя разум, интеллект и эйдолон, слитые воедино, пока человек жив.

¹⁶⁸ Annales de la propagation de la foi, t. XXIV, № 143, July, 1852.

¹⁶⁹ Автор приводит здесь несколько вольный перевод фрагмента из французского письма, подписанного — Монси-де-Фу от 25 сентября 1851 г., и озаглавленного «Missions de la Chine. Lettre de M. Delaplace, Missionnaire Lazariste, a un Pretre du diocese de Sens». «Annales» (Лион, Франция), в которых оно было опубликовано, представляют собой периодическое издание, в котором публикуются письма епископов и миссионеров из различных миссий Старого и Нового Света, а также документы, касающиеся миссий и распространения ими христианской веры.

Я называю *идолом* души ту силу, которая оживляет тела и управляет ими, откуда исходят чувства, и благодаря которой душа являет силу этих чувств... и **питает тело, заключенное в другом теле**¹⁷⁰.

«Triplex unicuique homini daemon, bonus est proprius custos»¹⁷¹, — сообщает Корнелий Агриппа, у которого Дюпотте позаимствовал идею «*идола души*». Ибо Корнелий говорит:

Anima humana constat mente, ratione et *idolo*. Mens illuminat rationem; ratio fluit in idolum; ...idolum autem animae est, supra naturam, quae *corporis et animae* quodammodo *nodus est*... Dico autem animae idolum, *potentiam* illam **vivificativam** et *rectricem corporis*, sensuum originem, per quam... alit in torpore corpus¹⁷²¹⁷³...

¹⁷⁰ Dupotet, La Magie devoilee, p. 250.

¹⁷¹ Эта фраза заимствована из главы XXII издания «Оккультная философия». Глава называется «О триедином охранителе в человеке и о происхождении каждого из них». Полностью цитируемая фраза звучит так: «У каждого человека есть триединый добрый демон — настоящий страж или хранитель, один из которых свят, другой определяется рождением, а третий — образом жизни...» (с. 410).

¹⁷² De Occulta Philosophia, Vol. III, p. 357, 358.

¹⁷³ В цитируемом фрагменте можно заметить некоторые неточности, к тому же значительная часть текста пропущена, на что указывают многоточия. Он заимствован из главы XLIII: «Душа человеческая состоит из разума, интеллекта и воображения; разум просветляет интеллект, интеллект проникает в воображение: и все они — одна душа. Пока интеллект не просветлен светом разума, он подвержен заблуждениям: но разум не может поделиться светом с интеллектом, пока сам не получит свет от Бога, то есть — первоначальный свет. Этот первоначальный свет, свет Бога, превосходит всякое понимание: и поэтому его нельзя назвать постижимым; но когда он проникает в разум, становится интеллектуальным и постижимым: следовательно, как только он передается разумом интеллекту, он уже становится разумным светом и может быть не только воспринят, но и изучен... Но чувствительность души определяется фатумом, она — выше природы, которая в каком-то смысле является узлом, связующим тело и душу; она — ниже фатума, но выше тела; и, следовательно, изменяется под влиянием небесных тел и в то же время разделяет свойства природных и телесных вещей: я называю чувствительность души, оживляющей и очищающей телесные силы, началом всех чувств; таким образом, душа проявляет в физическом теле свою силу восприятия и воспринимает с его помощью материальную природу, заставляет тело двигаться на местности, управляет им в пространстве и телесно питает его...»

Именно таковы китайские *гуй*, если освободить их от плевел распространенных выдумок и предрассудков. И все же замечание, сделанное Брахманом в рецензии к «Падшему идолу» (Theosophist, Vol. VII, September, 1886, p. 793) — уж не знаю, в шутку или всерьез — на тот счет, что «если не соблюдать с максимальной скрупулезностью всех правил [математических мер и пропорций], то в идола может вселиться какой-нибудь могущественный злой дух», — вполне соответствует истине. Точно так же, в соответствии с моральным законом природы (являющимся двойником математического), если при жизни в мире причин и следствий человек пренебрегал правилами гармонии, после смерти его *внутренний* идол может превратиться в злобного демона (*бхута*) и оказаться во власти других злых духов, коих мы называем элементариями, хотя некоторые сентиментальные невежды воспринимают их чуть ли не как богов.

Между этими воззрениями и убеждениями тех, кто подобно де Мюссо и де Мирвилю пишет целые тома (да что там — целые библиотеки!) для того, чтобы доказать, что, за исключением редких описанных в Библии случаев да еще посмертных явлений некоторых христианских святых и добрых католиков, все прочие привидения, призраки, духи или «божества», проявляющиеся в физическом мире, суть не что иное, как *ferouer*, *обманщики* и *узурпаторы*, словом — Сатана, скрытый под той или иной своей личиной, — огромная дистанция и обширное поле деятельности для тех, кто пожелает изучать оккультные законы и эзотерическую философию.

«Бог, который ест, пьет и принимает жертвы и почести, может быть только злым духом», — утверждает де Мирвиль. «Тела злых духов, бывших ранее ангелами, деградировали вследствие их *падения* и приобщения к более плотной атмосфере [эфиру?] и ее свойствам», —

учит де Мюссо (*Le Monde Magique*¹⁷⁴, р. 287). «Этим объясняется их превосходный аппетит, когда они поглощают поминальную трапезу, приготовляемую китайцами для их вящего успокоения; они — демоны».

Но стоит нам обратиться к общепризнанным истокам иудаизма и народа Израиля, и мы увидим *ангелов* света, делающих то же самое (если «хороший аппетит» действительно является признаком сатанинской натуры). И все тот же де Мюссо, сам того не ведая, подкладывает свинью и самому себе, и своей религии. «Смотрите, — говорит он, — ангелы Божьи нисходят под сень зеленых деревьев подле Авраамова шатра. И с *аппетитом* едят хлеб и мясо, молоко и масло, предложенные им патриархом» (Быт., XVIII, 2 и далее). Авраам преподнес им целого «теленка нежного и хорошего», «и они ели» (стихи 7 и 8); и велел испечь хлеба, к которым добавил еще молоко и масло. И можем ли мы сказать, что их «аппетит» имел более *божественную* природу, нежели аппетит Джона Кинга, который пьет чай с ромом и кушает тосты в комнате какого-нибудь английского медиума? И чем же от них отличается аппетит китайских *гуй*?

Но церковь, как нам говорят, способна отличать истинную божественность от ложной и отчетливо видит разницу между этими тремя примерами, так как судит о духах по их телам. Что ж, посмотрим. «Эти [библейские] духи — реальные и настоящие!» Ангелы, вне всякого сомнения (*certes*), как утверждает де Мюссо:

Очевидно, что их тела вследствие необычайной тонкости составляющей их субстанции при расширении приобретают прозрачность, начинают таять, теряют свой цвет, становятся едва различимыми и, в конце концов, полностью исчезают, выходя за пределы нашего зрительного восприятия. (р. 388).

¹⁷⁴ Скорее всего, не отдельная работа де Мюссо, но заголовок, проставленный вверху страниц его книги «*Les mediateurs et les moyens de la magie*».

Но ведь, насколько мы знаем, это может проделывать и Джон Кинг, и пекинские *гуй*. Но кто или что может научить нас видеть разницу между ними, если мы пренебрегаем давно и хорошо известными свидетельствами классиков и магов и обходим своим вниманием оккультные науки?

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», Vol. IX, №, 51, November, 1891, p. 182—187; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 246—256. Пер. Ю.А.Хатунцева.

В статье «Теории духов и перевоплощения» Е.П.Блаватская упоминает эту статью наряду с другим очерком — «Египетская магия» как будущие приложения к «Тайной Доктрине». Очевидно, что в данном случае речь шла всего лишь о черновых набросках этих работ, поскольку статья о «Китайских духах» не вошла в окончательный текст упомянутого труда, опубликованного в 1888 г. Настоящий очерк был написан где-то в 1885-86 гг.

ОЖИВШИЕ ИЗВАЯНИЯ

Уж не знаю почему (да это и не важно), но слово *фетиш* трактуется в словарях всегда в очень узком, ограниченном значении: как «объект, временно избранный для поклонения», «маленький идол, используемый африканскими *дикарями*», и т.д.

Дюлор в своей книге (*Des Cultes qui ont precede et amene l'idolatrie*) определяет фетишизм как «поклонение объекту, признаваемому людьми невежественными и слабоумными за вместилище или место пребывания бога или гения».

Все это, конечно же, очень здраво, глубокомысленно и разумно; но вот одна беда: не имеет ничего общего ни с истиной, ни с действительностью. Фетиш, разумеется, может быть *идолом* у негров Африки, как говорит Вэбстер; и слабоумных, невежественных людей среди тех, кто поклоняется этому фетишу, тоже, должно быть, немало; однако история свидетельствует, что теория, согласно которой некоторые объекты (как, например, статуи, изображения, амулеты) могут служить временным или даже постоянным пристанищем для «бога», «гения» или просто *духа*, признавалась и разделялась многими даже самыми просвещенными людьми. Ее создали отнюдь *не* невежды и слабоумные, коль скоро большинство мудрецов и философов древнего мира — от *легковерного* Пифагора, до скептика Лукиана — верили в ее истинность так же, как в наше цивилизованное, культурное и просвещенное время продолжают верить сотни миллионов христиан, невзирая на вышеуказанные ученые вердикты и совершенно независимо от того определения, которое мы попытаемся дать фетишизму сейчас.

Отправление причастия, таинство пресуществления «с *предполагаемым* обращением хлеба и вина во время евхаристии в тело и кровь Христову» однозначно превращают и хлеб, и вино, а заодно с ними и чашу причастия в *фетиши* — такие же, как дерево, или камень, или тряпочка для дикаря африканца. Каждый чудотворный образ, гробница или статуя святого, Девы Марии или самого Христа в римско-католической и греческой церквях должны, таким образом, рассматриваться как *фетиши*, поскольку чудеса, предположительно совершаемые Богом или ангелом, Христом или святыми, часто связываются в этих конфессиях с какими-либо статуями или иконами, которые (в случае если чудо признается *подлинным*) при этом на более или менее продолжительный срок необходимо *превращаются* во

«вместилище или место пребывания» либо самого Бога, либо «ангела Господня».

Только «Словарь религий» (статья — «Фетишизм»)¹⁷⁵ дает достаточно точное определение:

Слово *фетиш* образовано от португальского *feitico* — «заколдованный», «очарованный», «заклятый»; отсюда — *fatum* (судьба), *fatua* (фея)...

Более того, слово «фетиш» было и остается идентичным понятию «идол»; и, как говорит автор «Терафима идолопоклонников»¹⁷⁶:

Фетишизм есть преклонение перед каким-либо объектом — неорганическим или живым, большим или миниатюрным, в котором (или в связи с которым) некий «дух» [добрый или злой — словом, невидимая разумная сила] проявляет свое присутствие.

Собрав для своей «Тайной Доктрины» кое-какой материал на данную тему, я хотела бы поделиться некоторой его толикой прямо сейчас в связи с вышедшим недавно *теософическим* романом «Падший идол»¹⁷⁷, дабы засвидетельствовать, что это художественное произведение несомненно базируется на некоторых в высшей степени оккультных истинах эзотерической философии.

Образы всех богов древности — от самых древних, арийских, и до позднейших, семитских (еврейских), — представляли собою идола и фетиши, как бы они ни назывались: *терафим*, *урим* и *туммим*, *кабейри* или *херувимами*, или богами-*ларами*. И если, говоря о *терафимах*

¹⁷⁵ * «Словарь религий» (статья — «Фетишизм»). — См.: Dictionnaire Universel historique et comparatif de toutes les religions du monde, etc., составленном аббатом Франсуа Мари Бертраном (Париж, 1848—1850).

¹⁷⁶ * Возможно, что ссылка здесь приводится на главу (Les teraphims idolatriques) из книги де Мирвиля (Des Esprits, etc., Vol. III).

¹⁷⁷ * «Падший идол» — F.Anstey (Thomas Anstey Guthrie), A Fallen Idol. New York: J.W.Lovell Co., 1886.

(слово, которое Гроций переводит как «ангелы», что этимологически подтверждено Корнелием, добавляющим к тому же, что они «служили символами присутствия *ангелов*»), христиане позволяют себе называть их «посредниками, через которых *проявляется божественное присутствие*», то почему мы не можем сказать то же самое об идолах язычников?

Я прекрасно осознаю тот факт, что современный ученый, равно как и среднестатистический скептик, верят в «живые» образы римской церкви ничуть не больше, чем в «живой» фетиш дикаря. Но речь в данном случае идет вовсе не о вере или неверии. Я просто привожу свидетельство древности, охватывающей период в несколько тысячелетий, против скептицизма нашего XIX столетия — века спиритуализма и спиритизма, Шарко и его гипнотизма, психической «суггестии» и свирепствующей повсюду, хотя и не признанной, **черной магии**.

Нам, европейцам, следует прежде всего научиться уважать религию своих праотцов, изучая ее верования и их происхождение, а уж потом привлекать на ее защиту языческую древность с ее великой философией. Где мы встречаем в так называемой священной литературе Запада первое упоминание идолов и фетишей? В главе XXXI (и далее) книги «Бытие» — в Месопотамии, в Уре Халдейском, где предки Авраамовы — Серух и Терах — поклонялись маленьким глиняным идолам, которых называли своими *богами*; а еще — в Харане, где Рахиль похитила идолов (*терафим*) своего отца Лавана. Иаков, может, и запретил поклоняться этим богам, но мы видим, что спустя 325 лет после этого запрещения, Моисеевы евреи снова служат «богам аморреев» (И. Нав., XXIV, 14-15). Лавановы боги-терафимы по сей день существуют у некоторых мусульманских племен на территории Персии.

Это маленькие статуэтки духов-охранителей или богов, с которыми советуются по любому поводу. Раввины поясняют, что Рахиль, похищая богов своего отца, могла преследовать лишь одну-единственную цель: не допустить, чтобы они подсказали Лавану, в каком направлении ушли она и ее муж Иаков, дабы отец не смог еще раз воспрепятствовать их уходу из своего дома. Таким образом, ее двигало отнюдь не благочестие и не страх перед Господом Богом Израилевым, но лишь боязнь того, что отец может призвать своих богов к себе на помощь. Более того, ее мандрагора была не чем иным, как еще одной разновидностью колдовского и магического инвентаря.

Но что же думали об этих *идолах*, коих Гермес Трисмегист называет «статуями, предвидящими будущее» («Асклепий»)¹⁷⁸, различные классические и даже священные авторы?

Филон из Библа свидетельствует, что евреи советовались с демонами подобно аморитам, и что делалось это чаще всего с помощью маленьких статуй из золота, коим придавалось обличье нимф. К ним можно было обращаться в любое время, и они сообщали вопрошающему, что ему следует делать и чего остерегаться («Antiquities»)¹⁷⁹. В «Moreh

¹⁷⁸ * «Асклепий». — Речь идет об одном из сохранившихся до наших дней герметических фрагментов.

Это диалог между Асклепием и Гермесом Трисмегистом, греческий оригинал которого, к сожалению, утерян, но сохранился его латинский перевод, иногда приписываемый Апулею. (См.: *Hermetica. The Ancient Greek and Latin Writing which contain religious and philosophical teachings ascribed to Hermes Trismegistus. Edited and transl. by Walter Scott. 3 vols. Oxford: Clarendon Press, 1924-26*).

Гермес говорит здесь о «...статуях, живых и разумных, наполненных духом и творящих многие великие дела; статуях, предвидящих будущее и предсказывающих события бросанием жребия, через пророческое вдохновение, вещие сны и многими другими способами; статуях, насылающих болезни и исцеляющих их, несущих людям горе или радость сообразно их заслугам».

¹⁷⁹ * Подобное же утверждение имеется у де Мирвиля (*Des Esprits, etc., Vol III, p. 251*), где снабжено ссылкой на «Antiquities». Можно не сомневаться в том, что источником для него послужило сочинение под названием — «Philonis Judaei

Nebhuchim» (кн. III) сказано, что *переносные* охранные боги язычников (*dii portatiles vel Averrunci*) более всего походили именно на этих еврейских богов-охранителей. Это были настоящие обереги или *живые* талисманы — *simulacra spirantia* у Апулея (книга XI); их *ответы, данные* в храме сирийской богини, *слышал* и записал сам Лукиан. Кирхер (иезуитский падре) свидетельствует также, что *терафимы* выглядели весьма причудливо и походили на языческих египетских *сераписов*; и Кедрен косвенно подтверждает это заявление Кирхера (в своем «Oedipus Aegyptiacus», Vol. III, pp. 474-75), говоря, что звуки «т» и «с» (подобно санскритскому «с» и зендскому «х») носили взаимозаменяемый характер, и потому *серафим* (или *серапис*) и *терафим* этимологически представляют собой почти одно и то же.

Что касается практического использования этих идолов, то, согласно Маймониду (Moreh Nebhuchim, lib. III, chap. XXIX), эти боги или образы считались наделенными пророческим даром и могли предрекать своим владельцам «все, что было для них полезным и благотворным».

Все эти образы, как нам говорят, имели форму младенца или маленького ребенка; лишь некоторые имели гораздо более крупные

Antiquitatum Biblicarum liber», опубликованное в Базеле в 1527 году под редакцией Иоганна Зихарта. Раньше эта латинская версия утерянного греческого (а возможно даже — еврейского) оригинала приписывалась Филону Иудею, известному также как Филон Александрийский, но последующие исследования убедительно доказали, что это едва ли возможно в силу несходства языка изложения и литературного стиля. Латинский текст этого труда о библейских древностях часто издавался вместе с переводом сочинений, действительно принадлежащих Филону Александрийскому, чем, скорее всего, и вызвано распространившееся с тех пор убеждение, что его автором является именно Филон. Эта книга излагает версию библейского предания от Адама до Саула и подпадает под категорию апокрифов. В одном из ее фрагментов говорится о семи золотых идолах, украшенных драгоценными камнями, найденных племенем ашер. Они принадлежали аморитам и были названы ими святыми нимфами. Когда к ним обращались за помощью, нимфы объясняли людям — час за часом — последовательность действий, которые тем необходимо было предпринять.

размеры. Это были обычные изваяния или идолы, которым была придана человеческая внешность. Халдеи обращали их к свету той или иной планеты, чтобы последняя наделила их своей силой и добродетелью. Эти идолы использовались в астромagических целях; прочие же, обычные *терафимы* — для некромантии и, в большинстве случаев, колдовства. С помощью магического искусства к ним «привязывали» души умерших (элементарии) и использовали их затем в качестве помощников в различных темных делах.

Уголино¹⁸⁰ вкладывает в уста мудреца Гамалиила — учителя (или гуру) Святого Павла — следующие слова, заимствованные, как он сам говорит, из его «Capito» (гл. XXXVI):

Они [владельцы некромантических *терафимов*] умертвили новорожденного младенца, отрезали ему голову и поместили ей под язык посоленную и политую маслом маленькую золотую пластинку, на которой было выгравировано имя *злого* духа; а затем, повесив голову на стене своей комнаты, зажгли перед нею светильники, и распростерлись на полу, и разговаривали с ней.

Маркиз де Мирвиль убежден, что именно эти экс-человеческие *фетиши* имел в виду Филострат, когда перечислял известные ему примеры подобного же рода.

Известно, что голова Орфея, — сообщает он, — говорила с Киром; голова одного жреца-жертвователя из храма Юпитера Гоплосмия в Кари, будучи отделенной от тела, назвала, по свидетельству Аристотеля, имя своего убийцы, некоего Кевкида; а голова Публия Капитана, по Траллиану, в час победы римского консула Ацилия Глабриона над Антиохом, царем Азии, предсказала римлянам великие бедствия, ожидающие их в скором времени... (Pneumatologie. Des Esprits, etc., Vol. III, p. 252).

¹⁸⁰ Blasius Ugolino, Thesaurus Antiquitatum Sacrarum, etc., Vol. XXIII, col. CCCCLXXV.

Диодор поведал миру о том, как эти идолы изготавливались для магических целей в глубокой древности. Семела — дочь Кадма — вследствие сильного испуга преждевременно родила семимесячного ребенка; и Кадм, следуя *обычаю своей страны*, решил дать ему (ребенку) *сверхъестественное рождение, которое позволило бы ему жить после смерти*. Кадм поместил тело ребенка внутрь золотой статуи и сделал ее идолом, для поклонения которому были учреждены особый культ и ритуалы (*Diodorus Siculus. Historical Library, lib. I, 23, 4-5*).

Комментируя вышеуказанный фрагмент в своей статье (*Memoires de l'Academie des Inscriptions, Vol. XXIII, p. 247*) Фрере подчеркивает:

Единственное, что заслуживает еще более пристального внимания, — тот факт, что описанное *освящение* Кадмом ребенка Семелы, произведенное, по утверждению *орфики*, в соответствии с обычаями предков Кадма, *в точности повторяет церемонию, описанную раввинами* и изложенную Сельденом применительно к *терафимам* или домашним богам сирийцев и финикийцев. Маловероятно, однако, что евреи и орфики были близко знакомы друг с другом.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что многочисленные рисунки в «Oedipus» отца Кирхера, изображающие фигурки и головы с торчащими из-под языков, свесившихся из открытых ртов, металлическими пластинками, и есть настоящие и подлинные терафимы, как их описывает маркиз де Мирвиль. Опять же, ле Блан (*Religions, Vol. III, p. 277*) говоря о финикийских *терафимах*, сравнивает их с греко-фригийским *палладиумом*, содержащим человеческие останки.

«Все мистерии обожествления, оргии, жертвоприношения и магия посвящались этим головам. Убивали ребенка — достаточно маленького для того, чтобы его невинная душа все еще оставалась соединенной с *Анима Мунди* — земной душой, — говорит он, — его голову

бальзамировали и удерживали в ней его душу с помощью магии и заклинаний, что подтверждено убедительными свидетельствами»¹⁸¹.

А далее следовал обычный процесс — золотая пластинка и т.д., и т.п.

Это и есть та самая жуткая **черная магия**, говорим мы, и практиковали ее не кто иные, как *дугна* прошлых эпох, отвратительные колдуны древности. О средних веках известно лишь то, что к черной магии иногда прибегали некоторые римско-католические священники; в их числе — один доминиканский священник-отступник, состоявший на службе у королевы Екатерины Медичи — этой верной дочери римской церкви и одной из организаторов Варфоломеевской ночи. Эту историю рассказал Бодин в своем знаменитом сочинении о колдовстве (см.: *De la Demonomanie des Sorciers*, Paris, 1587); к тому же мы цитируем ее во втором томе «Разоблаченной Изиды». Папа Сильвестр II был публично обвинен кардиналом Бенно в колдовстве из-за своей «пророчествующей бронзовой головы». Эти головы и другие *говорящие* статуи — трофеи магического искусства монахов и епископов — были точными копиями *живых* богов древних храмов. Папы Бенедикт IX, Иоанн XX и Григорий VI и Григорий VII вошли в историю как колдуны и маги. Но несмотря на все это обилие фактов, доказывающих, что латинская церковь украла у древних евреев все, включая их познания в *черной магии*, один из нынешних поборников древнего еврейства, а именно маркиз де Мирвиль, без стеснения публикует самые жуткие и грязные обвинения против евреев современных!

В своей беспощадной полемике с французскими символистами, пытающимися дать философское объяснение древним библейским обычаям и ритуалам, он заявляет:

¹⁸¹ * Th.-Prosper le Blanc d'Ambonne, *Les religions et leur interpretation chretienne*. Paris: J. Leroux et Jouly, 1852-55. 3 vols. 8vo.

Мы не говорим о тех символических значениях, которые изыскиваются для объяснения всех подобных традиций [*человеческие терафимы и отрезанные головы младенцев*] евреев-идолопоклонников, поскольку не доверяем этим объяснениям ни в малейшей степени. В то же время мы уверены, что «голова», с которой советовался в затруднительных случаях скандинавский Один, была *терафимом*, принадлежавшим к той же самой [магической] категории. Но *еще больше мы уверены* в том, что все загадочные исчезновения и похищения маленьких [*христианских*] детей, практиковавшиеся евреями во все времена и даже в наши дни, являются *прямым следствием этого древнего и варварского некромантического ритуала*... Пусть читатель вспомнит случай с Демасом и отцом Томасом (Pneumatologie. Des Esprits, etc., Vol. III, p. 254).

Как все ясно и бесспорно. Несчастных обворованных израильтян открыто обвиняют в похищении и последующем обезглавливании христианских детей ради создания *пророчествующих* голов, которые служили бы их колдовским целям! Интересно, где еще фанатизм и нетерпимость постараются свить гнездо для своей *odium theologicum*?

На самом деле все обстоит с точностью до наоборот, поскольку совершенно очевидно то, что именно по причине столь вопиющего злоупотребления оккультизмом Моисей — равно как и праотцы еврейского народа — строго-настрого запрещал использовать какие-либо резные образы, статуи и прочие подобию, изображавшие как «богов», так и живых людей. Те же самые соображения лежат и в основе аналогичного запрета, введенного Мухаммедом и одобренного всеми мусульманскими пророками. Ибо *подобие человека*, в какую бы конкретную форму оно ни облакалось, и из какого материала ни создавалось бы, *может стать в руках опытного колдуна, практикующего черную магию, смертельной угрозой для своего прототипа*. Светские власти в средние века и даже каких-нибудь 200 лет тому назад знали, что делали, когда приговаривали к смерти тех, у

кого находили маленькие восковые фигурки их врагов, ибо присутствие оных могло означать только одно — *намерение совершить убийство*.

«Не должен ты рисовать *живой дух* врага своего или создавать *подобие* какого-нибудь человека», ибо «это — отвратительное преступление против природы». И еще: «Любой предмет, в который *заклучили дух*, — опасен, и потому не должно оставлять его в руках человека несведущего... Следует пригласить человека ученого (в области магии), чтобы он очистил его». (Pract. Laws of Occult Science, Book V, Coptic copy). В своеобразном «руководстве» по основам оккультизма сказано: «Чтобы сделать заколдованную вещь (*фетиш*) безвредной, ее следует распылить на атомы (разрушить) и захоронить оставшиеся от нее обломки в сырой земле» (далее приводятся конкретные наставления, не имеющие отношения к настоящему изданию)¹⁸².

То, что здесь называется «живым духом», на самом деле является астральным телом. «Души — как соединенные со своими телами, так и оторванные от них — *обладают некоей вещественной субстанцией, ибо такова их собственная природа*», — говорит Святой Иларий (St. Hilarius, Commentarius in Matthaeum, cap. V, 8)¹⁸³. Следовательно, астральное тело живого человека, несведущего в оккультных науках, можно заставить

¹⁸² Автор «Падшего идола» (благодаря своей природной интуиции или же знанию оккультных законов — ему самому виднее) демонстрирует знание данного факта, вкладывая в уста Небельсена слова о том, что *дух*, или тиртханкара, был парализован и погружен в оцепенение на все то время, пока ее идол был похоронен в Индии. При этом эйдолон, или элементарий, не мог сделать абсолютно ничего (с. 295).

¹⁸³ * *Святой Иларий* — хотя в рукописи Е.П.Блаватской сказано — «Святой Иларион», речь идет, безусловно, о Святом Иларии Пиктавийском, или Святом Иларии из Пуатье (ок. 315-366), епископе Пуатье (Франция). Самое важное его сочинение — «De Trinitate libri XII» — было написано в 360 году. Иларий был самым ревностным поборником «чистой» веры из всех латинских отцов IV столетия; о его молодых годах ничего не известно; его усилия были направлены главным образом на пресечение арианства; Илария считают первым христианским латинским автором церковных гимнов.

(если хорошо разбираться в магии) оживить какой-либо объект: войти в него и *оставаться там* постоянно, особенно если этому объекту придано сходство с самим человеком, то есть если это портрет, статуя, маленькая восковая фигурка и т.п. И если любой вред или увечье, нанесенное астральному двойнику, автоматически переносится на физическое тело, то нетрудно догадаться, что, пронзив куклу в каком-нибудь жизненно важном участке тела, скажем — в сердце, можно тем самым вызвать смерть ее прообраза, причем подлинная причина смерти так и останется неизвестной.

Египтяне, делившие человека (*экзотерически*) на три части или группы: «тело разума» (чистый дух — наши 7 и 6-й принципы), призрачную душу (5, 4 и 3-й принципы) и грубое тело (*прана и стхулашарира*), призывали в своих магических обрядах и заклинаниях (как для божественных целей белой магии, так и для черных магических козней) именно «призрачную душу», или астральное тело, как мы его называем.

Заклинаниями призывалась не сама душа, но лишь ее подобие, которое греки называли *эйдолон* и которое представляло собой промежуточный принцип между душою и телом. Это учение пришло с Востока — колыбели всякого знания. Халдейские маги, равно как и последователи Зороастра, верили, что не только *божественная* душа (дух) получает возможность приобщиться к славе божественного, небесного света, но также и *чувственная* душа. (Psellus, in Scholiis, in Orac).¹⁸⁴

Будучи переведенными в нашу теософскую терминологию, эти две души будут называться соответственно — Атма и Буддхи (носитель духа). Неоплатоники и даже Ориген «называют астральное тело — *авгоэйд* и *астроэйд*, то есть сияющее подобно звездам» (Histoire et Traite des Sciences Occultes, by Count de Resie, Vol. II, p. 598).

¹⁸⁴ * Речь идет о «Штудиях» Пселла, посвященных оракулам Зороастра.

Словом, господствующее ныне незнание природы человеческого призрака и жизненного принципа, равно как и функций различных человеческих принципов, поистине прискорбно. В то время как наука отвергает их целиком и полностью (самый легкий способ разрубить гордиев узел существующей проблемы), церковь выдумывает фантастическую догму об одном-единственном принципе — душе; и ни та, ни другая, похоже, не собираются отступаться от своих предубеждений, несмотря на обилие древних свидетельств, в том числе и оставленных наиболее учеными древними авторами. А потому, прежде чем изучать этот вопрос, сохраняя хоть какую-то надежду немного прояснить его, нашим теософам (по крайней мере, тем из них, у кого данная проблема вызывает интерес) необходимо узнать и уяснить следующее:

1. Какова разница между физиологической галлюцинацией и психическим или духовным ясновидением или яснослышанием?

2. Духи или невидимые существа определенного рода — будь то *призраки* некогда живших людей, ангелы, духи или элементалы — имеют ли от природы какое-нибудь эфирное и потому невидимое для нас тело? Если да, то связаны ли они с ним неразрывно или же могут притягивать к себе некоторые текущие субстанции, чтобы становиться видимыми для людей?

3. Обладают ли они способностью настолько эффективно смешиваться с атомами какого-либо объекта, будь то статуя (идол), рисунок или амулет, чтобы передать ему свои силы и способности или даже *оживить* его?

4. Могут ли Адепты, йоги или Посвященные *привязывать* эти существа с помощью *белой* или *черной* магии к определенным объектам?

5. В каких состояниях, помимо нирваны и авичи, могут пребывать добродетельные и дурные люди после смерти? И т.д., и т.п.

Обо всем этом можно прочесть в сочинениях древних классиков, в особенности — арийской литературы. Кроме того, я сама попыталась изложить и истолковать коллективное и индивидуальные мнения на сей счет крупнейших философов в своей «Тайной Доктрине»¹⁸⁵. Надеюсь, эта книга в скором времени выйдет в свет. Но для того чтобы хоть как-то нейтрализовать эффект, производимый на людей недальновидных такими юмористическими произведениями, как «Падший идол», я сочла необходимым привести в этой статье некоторые факты из прошлых эпох, свидетельствующие о том, что *посмертные* шалости, подобные тем, которые позволял себе псевдоаскет м-ра Энсти, умерший внезапной смертью, случаются в природе не так уж редко.

Начнем, пожалуй, с того, что напомним читателю, что если астральное тело человека — не *предрассудок*, в основе которого лежат обычные галлюцинации, но реально существующий в природе объект, то, следуя законам логики, можно предположить, что этот *эйдолон*, чья индивидуальность полностью сосредотачивается после смерти в *личностном Эго*, будет притягиваться к собственным останкам, некогда бывшим его живым телом¹⁸⁶; а если последнее будет кремировано, а пепел — захоронен, вполне естественно, что астральный человек будет искать ему замену, чтобы продлить свое существование; и находит он

¹⁸⁵ * Учитывая дату написания этого очерка, не приходится сомневаться в том, что Е.П.Блаватская говорит здесь лишь о самом первом черновике «Тайной Доктрины», фрагменты которого были отправлены в Адьяр в сентябре 1886 г. Вполне вероятно, что Е.П.Блаватская намеревалась поначалу включить его в один из томов «Тайной Доктрины», опубликованных в 1888 г., но затем по каким-то причинам не сделала этого. Правда, она все же включила в свою книгу некоторые очень краткие его фрагменты (см.: «Тайная Доктрина», т. I, с. 394, 395, и т. II, с. 453).

¹⁸⁶ Даже кремация не дает гарантии, что эйдолон будет полностью обезврежен, поскольку он может использовать также и пепел. Только земля способна отнять у него силу.

ее, как правило, в чужом живом теле, в которое ему удастся проникнуть (в теле медиума), или в своей собственной статуе, или портрете, или в какой-нибудь хорошо знакомой вещи в доме, где он некогда жил, либо в его окрестностях. Вряд ли возможно также списать целиком на счет предрассудков теорию «вампиров». По всей Европе — в Германии, Штирии, Молдавии, Сербии, Франции и России — над мертвыми телами тех, кого считали *вампирами*, совершались *специальные очистительные обряды*, варьирующиеся лишь в соответствии с установлениями местных церквей. Но и греческая, и латинская религии одинаково считают, что тело такого мертвеца целесообразно выкопать и пригвоздить к земле осиновым колом.

Однако, чем бы на самом деле ни был этот призрак — реальностью или суеверием, неоспоримо одно: древние философы и поэты, классики и просто сочинители верили в то, что в человеке заключен его астральный двойник, который может появляться отдельно от своего плотного тела как при жизни, так и после смерти последнего; и эта вера, пережив несколько тысячелетий мировой истории, сохранилась до наших дней (по крайней мере мы ее полностью разделяем). При жизни «призрачная душа» является носителем божественной души и чистого духа. Но лишь только физическую оболочку *поглощает пламя*, духовная душа, отделяясь от *подобия* человека, восходит к своей новой обители абсолютного блаженства (дэвакхан или сварга), а призрачный эйдолон *нисходит* в область Аида (*лимб, чистилище, камалока*). «Я завершила свое земное существование, — восклицает Дидона, — мой сияющий призрак [астральное тело], **образ** моего существа спустится теперь в земное лоно»¹⁸⁷.

Vixi, et quem dederet cursum fortuna, peregi;

¹⁸⁷ Что вовсе не означает спуск *под* земную поверхность или *в преисподнюю*, как учат теологи-антигеологи, поскольку речь здесь идет о космической матрице этой области — об астральном свете нашей атмосферы.

Et nunc magna mei sub terras ibit imago.

(Virgil, Aeneid, lib. IV, 653-654).

Сабин и Сервий Гонорат Мавр — ученый комментатор Virгилия, живший в VI столетии — утверждали, по свидетельству демонолога Дельрио (кн. II, гл. XX и XXV, с. 116)¹⁸⁸, что человек состоит, *помимо души*, из тела и тени (*умбра*). Душа восходит к небесам, *тело* распыляется, а *тень* погружается в *Гадес*. «...Призрак, — говорят они, — *umbra seu simulacrum* — не является *настоящим* телом: это всего лишь *образ* тела, к которому невозможно прикоснуться рукой, ибо он неуловим, подобно дыханию». Гомер описывает такую тень на примере призрака Патрокла, который, хотя и погиб, сраженный рукою Гектора, все-таки: «Здесь — *его лицо*, и голос, и кровь, что все еще из ран его сочится» (см.: Iliad, XXIII, 65-68; также Odyssey, XI, 468). Древние греки и римляне разделяли душу на две части: *anima bruta* и *anima divina*, первая из которых названа у Гомера животной душой, образом и жизнью тела, а вторая — бессмертной и божественной.

Что же касается нашей *камалоки*, то Энний, по словам Лукреция, «увидел образ священных сфер в Ахерузии, где не живут *ни наши тела*, *ни наши души*, но только наши подобия, чья мертвенная бледность наводит страх!» Именно в окружении этих *теней* к нему явился божественный Гомер, обливаясь горькими слезами, *как будто боги сотворили этого великого человека едино лишь для вечного страданья*. Именно из глубин этого мира (*камалоки*), *вечно алчущего сближения с нашим*, оставшаяся в нем *третья часть* великого поэта — его *призрак* — вещала Эннию о тайнах природы...

Пифагор и Платон тоже подразделяли душу на две характерные части, независимые друг от друга: одна — разумная душа, или *λόγος*, и

¹⁸⁸ * См.: Martin Anton Delrio, Disquisitionum magicarum libri sex. 3 tom. Lovanii, 1599. 4to.

другая — *неразумная*, ἄλογον. Последняя, в свою очередь, тоже делилась на две части, или аспекта: θυμὸν и ἐπιθυμὸν; так что если добавить ко всему этому еще божественную душу, и ее дух, и тело, то получатся как раз те самые *семь* принципов теософии. То, что Virgilius называет *imago* («образ»), Lucretius именуется словом *simulacrum* («подобие») (см.: De Rerum Natura, Bk. I, 123), но и то, и другое суть варианты названия одного и того же — *астрального тела*.

Таким образом, мы находим у древних сразу два однозначных подтверждения истинности нашей эзотерической философии: а) астральный или материализованный образ умершего на самом деле не является ни *душой*, ни *духом*, ни *телом* оно, но только его *тенью*, что полностью согласуется с нашим собственным определением этого образа — «оболочка»; и б) если только оболочку или какую-то вещь одушевляет не сам *бессмертный Бог* (ангел), она никак не может быть *духом*, то есть **душой** или истинным, духовным Эго некогда жившего человека, ибо дух возносится, а астральное тело (если только это не тело живого человека) не может подняться выше земного, *привязанного к земле* Эго, или *неразумной* оболочки. Следовательно, Гомер был прав, когда заставил Телемаха, увидевшего Улисса, представшего перед своим сыном после долгого отсутствия, воскликнуть с недоверием:

Нет, ты не мой отец; ты — демон,
дух, что пытается прельстить меня!

(Одиссея, XVI, 194-95)

Эти-то иллюзорные тени, не принадлежащие ни земле, ни небесам, и призывают к себе на помощь колдуны и прочие адепты черной магии, чтобы преследовать свои жертвы, заставляя галлюцинировать умы порою даже самых честных и добропорядочных людей, которые становятся, таким образом, жертвами намеренно инспирированных ментальных эпидемий; а еще — чтобы препятствовать всеми

возможными способами благому делу просветителей и охранителей человечества, будь то божественные создания или простые смертные.

Полагаю, этого вполне достаточно для того, чтобы доказать: вся древность свидетельствует в поддержку теософов, подтверждая подлинность их доктрин.

Статья впервые опубликована в журнале «Theosophist», Vol. VIII, № 86, November, 1886, p. 65—73; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 257—272. Пер. Ю.А.Хатунцева.

Здесь Е.П.Блаватская опирается на материал, изложенный маркизом Эдом де Мирвилем в его работе под названием «Pneumatologie. Des Esprits et de leurs manifestations divers».

ИДОЛЫ И ТЕРАФИМЫ

[Несложно понять значение «сказки», рассказанной халдеем Ку-тами¹⁸⁹]. Его *modus operandi* с «идолом Луны» такой же, каким он был у всех семитов еще до того, как Терах, отец Авраама, сделал образы, названные в его честь терафимами, и тем более до того, как «избранный народ» Израиля перестал пророчествовать с их помощью. Эти терафимы были такими же идолами, как и все прочие языческие фигурки и статуи¹⁹⁰. Предписание «не должен ты поклоняться образам резным»,

¹⁸⁹ * Ку-тами (халд.) — имя мистика, получающего откровения от богини Луны, в древнехалдейском труде, переведенном на арабский язык, а затем на немецкий под названием «Nabathean Agriculture».

¹⁹⁰ На то, что терафим был именно статуей, а не какой-либо иной миниатюрной вещицей, указывается в «Первой книге Царств», где Мелхола взяла терафим (в переводе он так и назван — «статуя») и положила его на постель вместо Давида, своего мужа, который в это время спасался от Саула (см. гл. XIX, стих 13 и далее). Таким образом, и по форме, и по размерам терафим напоминал человеческую фигуру, то есть был настоящей статуей, или *идолом*.

следовательно, должно быть гораздо более поздней вставкой или же на него долгое время не обращали внимания, поскольку поклонение терафимам и предвидение грядущего с их помощью оказались настолько ортодоксальной и общераспространенной традицией, что сам «Господь» счел возможным пригрозить израильтянам через Осию отобрать у них все терафимы:

Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя... и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима. (Ос., III, 4).

Мацева, или статуя, или столп — именно это имеется в виду в вышеприведенном библейском тексте под «ефодом и терафимом».

Отец Кирхер активно поддерживает идею о том, что статуя египетского Сераписа была во всем идентична статуям серафимов или терафимам в храме Соломона. Луи де Дье говорит:

Возможно, это были образы ангелов или статуи, посвященные ангелам. Присутствие одного из этих духов, привязанного к терафиму, позволяло получать ответы на задаваемые ему вопросы; и если эта гипотеза верна, то слово «терафим» следует рассматривать как эквивалент «серафима», где «т» перешло в «с» на сирийский манер¹⁹¹.

Что же говорит об этом «Септуагинта»? Понятие «терафим» последовательно переводится в нем, как εἰδωλα — формы, уподобленные кому-либо; эйдолон — «астральное тело»; γλυπτά — изваянные; κενотάφια — скульптуры, скрывающие в себе нечто, служащие вместилищем чего-либо; θήλους — проявления; ἀληθείας — истина или реальность; μορφώματα или φωτισμούς — светящееся, сияющее подобие. Последнее наиболее ясно указывает на то, чем на самом деле были терафимы. «Вульгата» переводит это понятие как «annuntiantes» — «вещие посланцы», что также говорит о том, что

¹⁹¹ Louis de Dieu, Genesis, xxxi, 10. См.: De Mirville, Des Esprits, etc., Vol. II, p. 257.

терафимы действительно служили оракулами. То были оживленные статуи; боги, являвшие себя массам через посвященных жрецов и адептов египетских, халдейских, греческих и прочих храмов.

Что касается способа гадания или прорицания судьбы и получения наставлений от терафимов¹⁹², то он был подробно и ясно изложен Маймонидом и Сельденом. Первый из них пишет:

Почитатели терафимов утверждали, что свет главных звезд [планет], проникая в изваянные статуи и пропитывая их насквозь, наделяет их ангельскими добродетелями [регентов или оживляющих принципов этих планет], в том числе знанием многих полезных наук и искусств. (Maimonides, *Moreh Nebhuchim*, III, xxix).

Сельден, в свою очередь, приводит то же самое объяснение и добавляет, что терафимы¹⁹³ создавались и устанавливались соответственно положению планет, коим они посвящались, поскольку каждый терафим был посвящен своему особому «звездному ангелу». Этих ангелов греки называли «стойхейя» и связывали с небесными фигурами, именуемыми «богами-охранителями»:

¹⁹² «Терафимы Авраамова отца, *Тераха*, “изготовителя изображений”, были кабирийскими богами, и мы видим, что им поклонялся Михей Данитов и др. (Суд., XVII, XVIII.) Терафимы были тождественны серафимам, а последние были изображениями змеев, происхождение которых заключено в санскритском “*сарпа*” (змеи), — это символ, посвященный всем богам в качестве символа бессмертия. *Киян*, или бог Киван, которому евреи поклонялись в пустыне, есть Шива индусов (зендское *H* есть *S* в Индии. Поэтому Хапта есть Сапта; *Хинду* есть *Синдхайя*. (А.Уайлдер). “...*S* постоянно смягчается на *H* от Греции от Калькутты, от Кавказа до Египта”, — говорит Данлэп. Поэтому буквы *K*, *X* и *S* взаимозаменяемы.), так же, как и Сатурн (Guignant, *Les religions de l'antiquite*. Vol. I, p. 167.)

История Греции свидетельствует, что Дардан, аркадиец, получив их в качестве приданого, увез в Самофракию, а оттуда в Трою. А им поклонялись задолго до дней славы и процветания Тира или Сидона, хотя первый был построен за 2760 лет до Р.Х. Откуда они пришли к Дардану?» (Разоблаченная Изида, т. I).

¹⁹³ Те, что были посвящены Солнцу, делались из золота; посвященные Луне — из серебра.

Тех, кто мог замечать στοιχεῖα, называли στοιχειωματοί или прорицателями, призывающими на помощь планеты и στοιχεῖα¹⁹⁴.

Аммиан Марцеллин утверждает¹⁹⁵, что древние гадания всегда осуществлялись при помощи духов стихий (*spiritus elementorum*), или, как они назывались по-гречески, — πνεύματα τῶν στοιχείων. То есть здесь фигурируют уже не «духи» звезд (планет) и даже не божественные существа, но просто создания, населяющие различные стихии. Каббалисты называют их стихийными духами; теософы — элементалами¹⁹⁶. Отец Кирхер, иезуит, сообщает читателю:

¹⁹⁴ * De Diis Syriis, Syntagmata I, cap. ii, De Teraphim Labanis, etc. (ссылка на редкую работу Джона Селдена (1584—1654) «Сирийские божества».)

Перевод цитируемого фрагмента выглядит следующим образом:

«Сабее и халдеи — древнейшие народы Востока — делали изображения из золота и серебра. Золотые — посвящались Солнцу, а серебряные — Луне. Моисей Египетский говорит: “Они строили дворцы, ставили там этих истуканов и говорили, что свет самых могущественных звезд проникает в них, позволяя им говорить с людьми и указывать им их выгоду”. Это вполне согласуется с представлениями тех, кто считает, основываясь на астрологических предписаниях, что все эти идолы создавались точно так же, как и терафимы, соотносясь с расположением звезд на небосводе; и так же, как это делали греки, называвшие их словом “стойхейя” или образами, призванными изгонять зло, связанными к тому же с некими фигурами, которые якобы пребывают на небе и могут изгонять злые силы, как будто они — боги. Потому, с точки зрения все той же астрологии, различие между греческими стойхейями и еврейскими терафимами не так уж и велико и заключается главным образом в том, что первые призваны прежде всего изгонять все дурное, а вторые — предсказывать будущие события».

¹⁹⁵ * Речь идет об «Истории» Аммиана Марцеллина (Книга XXI, гл. I, 8). Перевод цитируемого фрагмента выглядит следующим образом:

«8. Дух, который присутствует во всех стихиях, поскольку видит в них вечные тела, всегда и везде обладает могучей силой предвидения; и мы, изучая различные науки и приобретая знания, тоже приобщаемся к этому дару прорицания. Умиловив стихийные силы с помощью различных обрядов, смертные получают от них слова откровения, как будто из неиссякаемого источника».

¹⁹⁶ Те, кого каббалисты именуют *стихийными* духами, суть сильфы, гномы, ундины и саламандры; словом — духи природы. Духи ангелов составляли иной, особый класс.

У каждого бога был свой канал передачи предсказаний. И у каждого — своя сфера деятельности. Серапис наставлял людей в сельском хозяйстве; Анубис обучал наукам; Гор давал рекомендации в психической и духовной области; Изида извещала о разливах Нила, и т.д. (Oedipus Aegyptiacus, Vol. II, Pars Altera, Cl. XI, cap. iii, p. 444).

Этот исторический факт, изложенный одним из самых способных и эрудированных представителей Ордена иезуитов, увы, не делает чести «Господу Богу Израилеву», поскольку отвергает все его претензии на приоритет и на звание *единственного* живого Бога. Иегова, по свидетельству самого Ветхого Завета, общался со своим избранным народом точно таким же способом, что ставит его в один ряд со всеми остальными языческими богами, причем, возможно, даже не самыми высшими из них. В «Книге Судей Израилевых» мы читаем о Михе, который сделал себе ефод и терафим и посвятил их Иегове (см. «Септуагинту» и «Вульгату»); плавильщик изготовил их из двухсот сиклей серебра, переданных ему матерью Михи. Правда, «Священная Библия» короля Якова оправдывает этот случай идолопоклонства следующим обстоятельством: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым». (Суд., XVII, 6).

Однако тот факт, что Миха, наняв для своих ефода и терафима жреца-предсказателя, заявляет: «Теперь я знаю, что Господь будет мне благоворить», указывает на широкую распространенность этого действия. И если действия Михи, который создал у себя «дом Божий. И сделал он ефод и терафим, и посвятил одного из сыновей своих» (Суд., XVII, 5), чтобы служить им, а также «литому кумиру», посвященному «Господу» его матерью, кажутся теперь суеверием, то в те дни единой религии и единого слова они таковыми вовсе не казались. И как может латинская церковь осуждать эти действия, если один из лучших ее авторов — Кирхер — называет терафимы «священными орудиями

первоисходных откровений», основываясь на тексте книги «Бытие», где Ревекка «пошла спросить Господа» (Быт., XXV, 22 и далее), и Господь ответил ей (разумеется, через терафима) своими пророчествами? А если этого покажется недостаточно, то есть еще Саул, огорченный молчанием ефода¹⁹⁷, и Давид, вопрошающий туммим и получающий изустный совет Господа, как ему лучше расправиться со своими врагами.

Туммим и урим — предмет, вызывающий в наши дни немало версий и предположений, — не были, надо сказать, изобретением евреев и даже не были связаны исключительно с этим народом, несмотря на то, что Иегова дал Моисею подробнейшие указания на их счет. Ибо жрецы-иерофанты египетских храмов тоже носили нагрудник из драгоценных камней, во всем похожий на тот, который стал впоследствии элементом одеяния израильских первосвященников.

Верховные жрецы Египта носили, повесив на шею, образы из сапфира, которые назывались *Истиной*, поскольку истина проявлялась в них.

Сельден не единственный христианский автор, который указывал на тождество между еврейскими и языческими терафимами и был убежден в том, что первые имеют египетское происхождение. Более того, Деллингер — прежде всего римско-католический сочинитель — сообщает:

Терафимы хранились и использовались во многих еврейских семьях вплоть до времени Иосии. (Paganisme et Judaisme, Vol. IV, p. 197).

Что касается личного мнения паписта Деллингера и протестанта Сельдена, возводящих Иегову к еврейскому терафиму, а «злых духов» — к терафимам язычников, то это — обычное одностороннее суждение,

¹⁹⁷ Словом «ефод» называли полотняную одежду первосвященника. Но поскольку к нему крепился туммим, то весь инвентарь для гадания часто назывался просто «ефод». См.: I Цар., XXVIII, 6, и XXX, 7, 8.

продиктованное духом сектантства и *odium theologicum*. Но Сельден прав, когда утверждает, что в древности эти контакты с потусторонними силами предпринимались исключительно для общения с божеством и ангелами. И все же:

Святой Дух (или, вернее, духи) говорил (не только) с детьми Израиля
через урим и туммим, пока стояла скиния, —

в чем нас стремится уверить доктор А.Круден.

К тому же не только евреям для подобной «теофании, или божественного общения» нужна была «скиния», ибо ни одна Бат-Коль (или «Дочь божественного Голоса»), именуемая «туммим», не была слышна ни евреям, ни язычникам, ни христианам без надлежащей скинии. Скиния, таким образом, служила чем-то вроде древнего телефона, существовавшего в эпоху магии, когда оккультные силы приобретались через посвящение, как и в наши дни. XIX век создал электрический телефон, заменивший скинию из особых металлов, дерева и специальных приспособлений, а на смену верховным жрецам и иерофантам привел природных медиумов. Так стоит ли удивляться тому, что вместо планетарных духов и богов нынешние верующие достигают лишь существ гораздо более низкого порядка, таких как элементалы и одушевленные оболочки, коих Порфирий именует демонами? О том, кем на самом деле являются эти существа, он откровенно поведал нам в своем сочинении «О добрых и злых демонах»:

Это те, кто хотел бы, чтобы их считали богами, и чей предводитель требует, чтобы его признали Верховным Божеством. (De abstinentia, II, 41, 42).

Можно не сомневаться (и ни один теософ наверняка не сомневается) в том, что во все эпохи существовали как добрые, так и злые духи; боги — как благодетельные, так и вредоносные. И

единственная проблема состояла и состоит в том, чтобы отличить одних от других. Христианская церковь, утверждаем мы, разбирается в этом вопросе ничуть не лучше, чем ее непросвещенная паства. И если сие утверждение нуждается в доказательствах, то для этого достаточно будет просто вспомнить о том бесчисленном множестве теологических ошибок, которые были допущены именно в силу неопытности в данном вопросе. Вряд ли разумно избирать себе богов из числа языческих демонов и затем с раболепным обожанием копировать их символы, проводя различие между добрым и злым лишь на основании легковесного аргумента, что первые являются христианскими, а вторые — языческими.

Планеты — элементы Зодиака — изображались в виде двенадцати камней, именуемых «тайнами элементов» (*elementorum arcana*), не только в Гелиополе. Согласно многим ортодоксальным христианским авторам, тот же самый символ присутствовал и в храме Соломона и вплоть до наших дней сохраняется во многих итальянских церквях и даже в Соборе Парижской Богоматери.

Прочтя нижеследующее предостережение Климента, многие наверняка сочтут его излишним, хотя и считается, что в данном случае Климент повторяет слова Святого Петра:

Не поклоняйтесь Богу так, как это делают евреи, считающие, что только им одним ведомо Божество, и не замечающие, что вместо Бога они поклоняются ангелам, архангелам, Луне и месяцам. (*Stromata*, lib. VI, cap. v).

Но кто, прочитав все вышесказанное, не удивится тому, что, несмотря на столь очевидное осознание заблуждения евреев, христиане все равно не перестают поклоняться еврейскому Иегове — духу, который говорил с людьми через терафима! А то, что это так и что

Иегова действительно был всего лишь гением-охранителем или духом народа Израиля, только одним из *pneumata ton stoicheion* (или «великих духов элементов»), то есть даже не «Планетарным Духом», со всей очевидностью свидетельствуют Святой Павел и Климент Александрийский, если, конечно, их слова хоть что-нибудь да значат. У последнего, например, слово *στοιχεῖα* означает не только элементы (стихии), но также и

порождающие космологические принципы, в особенности — знаки [или созвездия] Зодиака, месяцы, дни, Солнце и Луну. (Discourse to the Gentiles, p. 146).

Аристотель вкладывал в этот термин то же самое значение. Он говорит — *τῶν ἁστρῶν στοιχείω*¹⁹⁸, в то время как Диоген Лаэртский упоминает *δώδεκα στοιχεῖα*, двенадцать знаков Зодиака¹⁹⁹. А если добавить к этому еще и недвусмысленное свидетельство Аммиана Марцеллина, который говорит, что древнее гадание всегда производилось с помощью духов элементов (History, Book XXI, chap. i, 8) или тех же самых *πνεύματα τῶν στοιχείων*, и вспомнить многочисленные фрагменты из Библии, где говорится, что: а) израильтяне, включая Саула и Давида, прибегали к тому же способу гадания, используя те же самые средства; и б) говорил с ними при этом их собственный «Господь» — Иегова; то кем же еще мы можем считать этого Иегову, как не одним из «*spiritus elementorum*»?

Таким образом, вряд ли можно узреть существенную разницу между «идолом луны» (халдейским терафимом, устами которого говорил

¹⁹⁸ «De generatione animalium», lib. II, iii.

Речь идет об утверждении Аристотеля, касающемся некоей особой субстанции, которую содержит в себе *pneuma*, сама, в свою очередь, содержащаяся в семени человека. Он говорит, что «эта субстанция аналогична элементу, присутствующему в звездах».

¹⁹⁹ Ссылка заимствована из книги де Мирвиля, см.: Des Esprits, etc., Vol. IV, p. 77.

Сатурн) и идолом «урим и туммим» (инструментом Иеговы). Окультиные ритуалы — научные в своей основе и составлявшие наиболее возвышенную и священную из наук — деградировали вместе с человечеством и выродились в колдовство, называемое ныне «суеверием». Как поясняет в своей «Исторической библиотеке» Диодор Сицилийский:

Калдхи, долгое время наблюдавшие за планетами и лучше всех понимающие значение их *движений* и их *влияния*, научились предсказывать людям будущее. Самым важным они считают свое учение о *пяти* великих светилах, которые они называют *истолкователями*, а мы — планетами. И хотя они говорят, что большинство предсказаний о будущих великих событиях они получают от Солнца, все же с гораздо большим тщанием поклоняются Сатурну... Некоторые такие предсказания, сделанные разным царям, таким как Александр, Антигон, Селевк Никатор и др., ...исполнялись настолько точно, что люди замирали в благоговейном восторге. (Hist. Libr., Book II, xxix-xxxi).

[Из всего вышесказанного можно заключить, что заявление халдейского адепта Ку-тами о том, что в своем сочинении он намерен передать непосвященному читателю лишь то, о чем Сатурн рассказал Луне, та поведала идолу, а этот идол или терафим — ему самому — писцу Ку-тами, напоминает об

идолопоклонстве не в большей степени, нежели та же самая практика в исполнении царя Давида. И следовательно, это утверждение нельзя рассматривать ни как апокриф, ни как «сказку».] Вышеназванный халдейский посвященный жил задолго до того времени, когда, как принято считать, на свет появился Моисей; но и при жизни последнего храмовая священная наука все еще процветала; она начала клониться к упадку лишь тогда, когда к ней стали допускать насмешников вроде Лукиана и слишком часто стали метать перлы

окультистской науки перед голодными псами, одержимыми духом воинствующего невежества и критиканства.

Статья впервые опубликована (как Гл. XXVI) в подготовленном после смерти Е.П.Блаватской сборнике «Тайная Доктрина», том III (Blavatsky H.P. Secret Doctrine, Vol. III. — 1897, р. 234—240); на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 273—283. Пер. Ю.А.Хатунцева.

«ТЕОСОФСКИЕ МАХАТМЫ»

С чувством искреннего и глубочайшего сожаления — но никак не удивления, ибо я уже не первый год с волнением ожидаю появления в печати подобных деклараций, — прочла я в рочестерском «Occult Word», издаваемом миссис Дж. Кейблс — искренней теософисткой и президентом тамошнего Теософского Общества, ее редакционную статью, написанную в соавторстве с м-ром У.Т.Брауном. Эта резкая перемена настроений, вероятно, вполне естественна для женщины, тем более что ей никогда не предоставлялись такие возможности, как, скажем, м-ру Брауну; и ее чувства, подвигнувшие ее написать, что после «огромного желания... установить контакт с теософскими Махатмами... мы [они] в конце концов пришли к выводу, что напрягать свое психическое зрение, глядя в сторону Гималаев, — занятие абсолютно безнадежное», наверняка разделяют немало теософов. Насколько оправданы эти жалобы, и кто более виновен в этом — «Махатмы» или сами теософы, — в этом еще предстоит разобраться. На протяжении

нескольких лет этот вопрос оставался открытым, но теперь настало время заняться им всерьез. Оба жалобщика заявляют: «Вряд ли нам стоит гоняться за восточными мистиками, *которые отрицают свою способность помочь нам*». Последняя часть фразы, выделенная курсивом, требует самого серьезного анализа. И я прошу читателя даровать мне привилегию высказать несколько замечаний на сей счет.

Начну с того, что сам тон статьи напоминает настоящий манифест. Сжатая и избавленная от обычного изобилия библейских выражений, она подводит нас, наконец, к следующему заявлению: «Мы стучали, но нам никто не отворил; мы просили хлеба, но нам в ответ не дали даже камня». Это очень серьезное обвинение; и потому я намерена доказать, что оно не является ни справедливым, ни обоснованным.

Коль скоро я была первой, кто сделал существование Учителей достоянием гласности в Соединенных Штатах, и первая же назвала святые имена двух представителей этого Братства, доселе никому неизвестные в Европе и Америке (за исключением нескольких мистиков и Посвященных, которые были и будут в каждом столетии), но священные и почитаемые на Востоке, особенно — в Индии, чем вызвала волну нелепых измышлений и чрезмерного любопытства, захлестнувшую эти благословенные имена и в конце концов вызвавшую публичные упреки в их адрес, то теперь я считаю себя соучастницей творящейся несправедливости и потому вижу свой долг в том, чтобы доказать несостоятельность обвинений, выдвигаемых против Учителей, и по мере возможности прояснить ситуацию.

Пусть никто не думает, однако, что я решила взять на себя роль защитницы тех, кто совершенно не нуждается ни в чьей защите. Я лишь намереваюсь изложить *факты*, и пусть потом каждый сам судит — что, на его взгляд, справедливо, а что нет. На конкретное заявление наших

братьев и сестер о том, что им приходилось «питаться одними плеведами», пока они «гонялись за странными богами», но так и не были допущены к ним, я хочу задать столь же конкретный вопрос: «А вы уверены, что стучались в нужную дверь? Уверены ли вы, что не сбились с пути, то и дело *останавливаясь возле странных дверей, попадающихся вам на пути, за которыми, возможно, таятся злейшие враги тех, кого вы ищите?*» Наши **Учителя** — вовсе не «ревнивые боги»; они просто святые смертные, которые, однако же, выше, чем кто бы то ни было из обычных людей, — морально, интеллектуально и духовно. Но какими бы святыми они ни были и как бы хорошо ни разбирались в науке мистерий, они все равно люди, и к тому же члены Братства, всегда подающие пример почтительного отношения к его освященным временем законам и правилам. И одно из самых главных его правил гласит, что каждый, кто отправился в путь на *Восток*, желая быть замеченным и поддержанным стражами этих мистерий, должен следовать прямым путем, не сворачивая на разные тропинки и не прибегая к помощи других «учителей», среди которых нередко встречаются последователи науки левой руки; претендент не должен терять уверенности и терпения; и это еще далеко не все обязательные условия. И если они изначально не выполняются, то какое право имеет человек — мужчина или женщина — жаловаться на нежелание Учителей помогать ему?

Поистине, «“Страж Порога” ждет внутри»!

Если теософ хочет стать претендентом на звание *чела* или получать помощь от Учителей, он должен помнить о взаимных обязательствах, которые негласно или даже официально берут на себя обе стороны, и не забывать, что это соглашение священо.

Прежде всего оно предполагает *семилетний* испытательный срок. Если на протяжении этого времени, невзирая на многочисленные

человеческие промахи и недостатки (кроме двух, о которых вряд ли стоит упоминать в печати) и несмотря ни на какие искушения, претендент остается *верным избранному Учителю* или Учителям (если речь идет о *мирском* ученике), а также преданным Обществу, основанному по желанию и велению Учителей, то тогда теософ будет посвящен в ..., и впредь ему будет позволено общаться непосредственно со своим *гуру*. Все его промахи (за исключением одного), коль скоро они принадлежат к его будущей *карме*, могут быть временно оставлены без внимания, если это сочтет допустимым и возможным его Учитель. Только он вправе судить, целесообразно ли на протяжении этих семи лет испытательного срока позволять будущему *чела*, несмотря на все его грехи и ошибки, время от времени получать сообщения непосредственно от своего гуру, поскольку Учитель доподлинно осведомлен обо всех, даже скрытых причинах и мотивах, толкающих претендента на прегрешения — вольные и невольные. Только Учитель может решать, кому из претендентов можно и должно оказать поддержку, поскольку Махатмы также подчинены неумолимому закону кармы, непреложному для всех — от дикаря зулуса до высочайшего архангела, и, следовательно, на них ложится вся полнота ответственности за создаваемые ими самими причины.

Таким образом, главным и неперенным условием, которое должен выполнять претендент или *чела*, проходящий испытание, является непоколебимая преданность избранному Учителю и его учению. Это условие *sine qua non*; и, как я уже сказала, вовсе не потому, что этого требуют чьи-то амбиции, но просто потому, что *восстанавливать нарушенную магнетическую связь между людьми с каждым разом становится вдвое труднее*. И к тому же, разве разумно и справедливо будет требовать, чтобы Учителя растрачивали свои силы на тех, кто все равно рано или поздно дезертирует, а такие вещи они безошибочно

предвидят заранее? И все-таки очень многие из тех, кто, так сказать, заранее «настроен на аплодисменты», единожды разочаровавшись, вместо того чтобы смиренно повторять *теа culpa*, начинают обвинять Учителей в эгоизме и несправедливости. Они сознательно рвут связующую их с Учителями нить по десять раз в год, но каждый раз хотят, чтобы им снова вернули их прежний статус! Я знаю одного теософа (не стану называть его имени, но надеюсь, что он сам себя узнает) — спокойного и интеллигентного молодого джентльмена, мистика по натуре, — который в своем опрометчивом энтузиазме и нетерпении сменил около полудюжины *Учителей* (меняя по ходу также и свои убеждения) менее чем за три года. Сначала он предложил себя в качестве чела, был принят на испытание и дал соответствующий обет; примерно год спустя он вдруг решил жениться, несмотря на то, что ему несколько раз была предоставлена возможность убедиться в реальном присутствии Учителя и дарованы различные привилегии. Но планы женитьбы рухнули, и он начал искать «учителей» в иных сферах и вскоре стал убежденным розенкрейцером. Впоследствии он вернулся в теософию уже христианским мистиком, затем снова надумал подхлестнуть свой аскетизм женитьбой, но снова оставил эту идею и стал спиритуалистом. А теперь, заново обратившись с просьбой «быть восстановленным в звании чела» (у меня есть его письмо) и не получив никакого ответа от Учителя, он полностью отрекся от него, пользуясь при этом выражениями из вышеупомянутого манифеста, чтобы найти своего старого «ессейского Учителя и испытать крепость своего духа во имя его».

Талантливый и достопочтенный редактор «Occult Word» и ее секретарь абсолютно правы и избрали единственно правильный путь, на котором, при наличии лишь самой малой толики слепой веры, им можно не бояться ни обмана, ни разочарований. «Некоторым из нас, —

говорят они, — доставляет подлинное удовольствие подчиняться заповедям Христовым, потому что Он никогда не отвернется от нас из-за того, что мы недостойны или не накопили еще достаточно личностных добродетелей». Почему они уверены в этом? Если они не восприняли пагубную и циничную догму протестантской церкви, согласно которой может быть прощено любое, даже самое черное преступление — в том случае, если преступник *искренне уверует*, что кровь «Искупителя» спасет его в последний час; то чем еще можно объяснить их убежденность, как не *слепой* и совсем не философской верой? Повышенная эмоциональность — это еще *не* философия; и Будда посвятил свою долгую самоотверженную жизнь как раз тому, чтобы отвратить людей от этого вредного предрассудка. Так почему бы нам не говорить о Будде в том же самом ключе? Постулат о спасении через *собственные* добродетели и *самопожертвование* является краеугольным камнем учения Господа Будды. Вполне возможно, и мы ничуть не сомневаемся в том, что оба автора действительно «гонялись за странными богами», но это *были не наши Учителя*. Они «трижды отреклись от Него», а теперь намереваются «с кровоточащими стопами и истерзанным духом... молить, чтобы Он [Иисус] снова принял нас [их] под свое крыло», и т.д. Разумеется, «Учитель из Назарета» окажет им эту любезность. Но все же им придется по-прежнему «питаться *плевелами*» и *руководствоваться* «слепой верою». Однако тут они сами себе судьи, и никто не может вмешиваться в их собственные убеждения в рамках нашего Общества; и да уберегут их небеса от нового разочарования, дабы они не стали в один прекрасный день нашими злейшими врагами.

Я говорю всем теософам, недовольным Обществом вообще: никто и не давал вам никогда никаких скоропалительных обещаний; и менее всего наше Общество и его основатели склонны предлагать своих Учителей в качестве *премии* для самых послушных. Годами каждому

вновьвступившему объясняют, что *здесь ему никто и ничего не обещает*, он может рассчитывать только на продвижение, сообразное собственным заслугам. Ну а если кто-то недоволен, что ж — *alia tentanda via est*²⁰⁰ — нет ничего страшного в том, что он попытается найти себя в чем-то другом, если, конечно, он пока не решил со всею ответственностью посвятить жизнь поиску благосклонности Учителей и не объявил об этом официально. Прежде всего именно к *такovým* я хочу обратиться с вопросом: а исполнили ли вы все ваши обязанности и обязательства? Убеждены ли вы — с легкостью перекладывающие всю ответственность на Общество и Учителей, каждый из которых является воплощением милосердия, терпимости, справедливости и вселенской любви, — уверены ли вы в том, что ваш *образ жизни* был безупречен и что вы выполняли все условия, предъявляемые к тем, кто желал бы называть себя претендентами?

И пусть только те, кто искренне верит и сердцем, и разумом, что никогда серьезно не грешил, никогда не сомневался в мудрости своих Учителей и никогда не стремился, побуждаемый желанием как можно скорее стать могущественным оккультистом, найти себе другого Учителя или Учителей; никогда не пренебрегал своими теософскими обязанностями ни на практике, ни даже в мыслях, — пусть только они, говорю я вам, изъявят, если пожелают, свой *протест*. Они могут делать это абсолютно безбоязненно, ибо никакого наказания за это не предусмотрено; они не услышат даже упрека в свой адрес, не говоря уже о том, чтобы быть исключенными из Общества — самого универсального и самого либерального в своих взглядах, самого

²⁰⁰ * Часто (но неточно) цитируемая фраза Виргилия (Georgics, lib. III, 8—9):

«Я должен проторить дорогу,
ступая по которой, и я тоже
Смогу подняться над землей
и воспарить победоносно над молвою».

терпимого из всех известных и неизвестных Обществ. Но, боюсь, что мой призыв останется без ответа. За одиннадцать лет существования Теософского Общества я знаю только *трех* из семидесяти двух официально *утвержденных* на испытание чела и сотен мирских претендентов, кто до сих пор не провалил начатое дело, и *только один* из них достиг полного успеха. Никто никого не принуждает становиться чела; и никто никому ничего не обещает; есть только взаимные обязательства Учителя и предполагаемого чела. Истинно, истинно, много званых, но мало избранных — или, вернее, тех, кто смог претерпеть до конца (понимая под словом «претерпеть» всего лишь настойчивость и целеустремленность). А что можно сказать об Обществе за пределами Индии? Кто из многих тысяч его членов может похвастать, что *живет подлинной жизнью*? Кто станет утверждать, что является теософом *созвучно сердцу Учителей* только потому, что придерживается строго вегетарианской диеты (не то же ли делают слоны и коровы?), или дал обет безбрачия (после того как прошла его бурная и отнюдь не целомудренная молодость), или потому, что изучает «Бхагавадгиту» и «Философию Йоги» (с горем пополам)? Не ряса делает человека монахом; и точно так же не длинные волосы и не поэтическая складка над бровью являются основным критерием, отличающим преданного последователя *божественной* Мудрости. Оглянитесь, и вы увидите, во что превратилось наше так называемое Всемирное **Братство**! Что стало с Обществом, основанным для исправления вопиющих огрехов христианства, преодоления фанатизма, нетерпимости, ханжества и предрассудков, для пропаганды истинной вселенской любви, распространяющейся даже на тварей бессловесных; что стало с ним в Европе и Америке за этот одиннадцатилетний испытательный срок? Пожалуй, только в одном мы превзошли наших христианских братьев, которые, следуя меткому выражению Лоренса

Олифанта, «убивают друг друга во имя Братства и сражаются, как черти, за любовь Господню», а именно — в том, что мы смогли избавиться от *всякого рода догм* и теперь мудро и взвешенно стараемся изжить последние признаки даже номинального авторитета. Но во всех прочих отношениях мы так же несовершенны, как и они; нам свойственны злословие, клевета, жестокость, критиканство, непрестанные призывы к войне и такие взаимные упреки, что христианский ад может по праву гордиться нами! И во всем этом, надо полагать, виноваты Учителя? Но неужели **Они** стали бы помогать тем, кто сам поддерживает других на пути к спасению и освобождению от эгоизма исключительно пинками и скандалами? Поистине, *мы* — пример для всего мира и достойная компания для святых аскетов, живущих в снежных горах!

И еще несколько слов перед тем, как закончить свое повествование. Меня наверняка спросят: «А ты кто такая, чтобы указывать нам на наши недостатки? Ты утверждаешь, что можешь общаться с Учителями, что Они чуть ли не каждодневно осыпают тебя своими милостями; но значит ли это, что ты сама — абсолютно святая, безупречная и самая достойная?» На это я отвечаю: **увы, нет**. Природа моя — слаба и несовершенна, у меня много явных и тайных недостатков, и потому карма моя намного тяжелей, чем у любого другого теософа. Да, *это так*, и не могло быть иначе, коль скоро я уже много лет стою пригвожденная к позорному столбу в качестве мишени для моих врагов и некоторых друзей.

И все же я с радостью переношу это *испытание*. Почему? Да потому, что знаю — несмотря на все мои недостатки, Учитель неизменно защищает меня. И если это действительно так, то только потому, что на протяжении тридцати пяти и даже более лет (с 1851 года, когда я

впервые увидела своего Учителя *во плоти*) я ни разу не отвергла Его и не усомнилась в Нем даже в мыслях.

Как бы туго мне ни приходилось, с уст моих ни разу не слетело ни одного слова упрека, никто не слышал от меня недовольного ропота, и ничто не могло заронить сомнение в мои мысли. С самого начала я знала, чего мне следует ожидать, ибо мне было сказано то, что я с тех пор не устаю повторять другим: как только человек вступает на Путь, ведущий к *Ашраму* благословенных Учителей — последних и единственных хранителей изначальной Мудрости и Истины, — его карма, вместо того чтобы равномерно рассредоточиться по всей его продолжительной жизни, обрушивается на него сразу всей своей массой. И только тот, кто искренне верит в то, что исповедует, и не сомневается в своем Учителе, сможет выдержать это испытание и выйти из него победителем; а тот, *кто сомневается*, — трус, который боится принять все то, что сам заслужил, и стремится избежать справедливого жребия, — неотвратимо **терпит поражение**. Ему все равно рано или поздно придется столкнуться со своей кармой, а теряет он все то, ради чего отважился навлечь на себя ее преждевременный, сконцентрированный удар.

Вот почему я смогла вынести все безжалостные удары моей кармы, использующей моих недругов в качестве своего невольного орудия. Я уверена, что Учитель не допустит моей гибели, что он непременно появится *в последний момент*, как это всегда и бывало. Трижды Он спасал меня от смерти: в последний раз — чуть ли не против моей воли, когда я вернулась в этот холодный и жестокий мир лишь из любви к Нему — научившему меня всему, что я знаю, и сделавшему меня той, кто я есть сейчас. Следовательно, я делаю Его дело и исполняю Его волю, что придает мне силы льва и позволяет выдерживать такие потрясения —

физические и душевные, — которые наверняка убили бы любого теософа, сомневающегося в реальности существования столь могучей защиты. Непоколебимая преданность Тому, кто воплощает избранный мною долг и веру в Мудрость — коллективную, но вполне реальную — великого и таинственного Братства святых подвижников, является, таким образом, моим единственным достоинством и главной причиной моих успехов в оккультной философии.

И потому теперь, повторяя вслед за Парамагуру — **Учителем** моего Учителя — Его слова, произнесенные в послании к тем, кто хотел превратить Общество в «клуб чудес», вместо того чтобы создавать на его основе Братство Мира, Любви и взаимопомощи: «...уж лучше уничтожить Теософское Общество вместе с обоими незадачливыми его основателями»²⁰¹; и добавляю от себя лично: пусть лучше пропадет весь их двенадцатилетний труд и сами их жизни, чем видеть то, что я вижу сейчас, — теософов, сражающихся на политической арене ради

²⁰¹ * Данная фраза фигурирует в «кратком изложении» взглядов Маха Когана, «для которого будущее — все равно что открытая книга», согласно утверждению Учителя Кут Хуми в его письме полковнику Олькотту, полученном в Лахоре 20 ноября 1883 г.). К сожалению, оригинал этого важного письма не сохранился; а его текст, перепечатанный с хранившейся у Ч.У.Ледбитера копии, был опубликован в «Письмах Мастеров Мудрости» (см.: *Письма Мастеров Мудрости*. — М., Сфера, 1997). Сама Е.П.Блаватская приводит довольно пространные цитаты из этого письма в своей статье «Теософское Общество: его миссия и будущее» («Lucifer», Vol. II, August, 1888, p. 421—433), допуская в нескольких случаях незначительные изменения в лексике. Весь фрагмент, из которого заимствована цитата, выглядит так:

«...уж лучше уничтожить Теософское Общество вместе с обоими его незадачливыми основателями, чем позволить ему превратиться в какую-то академию магии, храм оккультизма. И чтобы мы — преданные последователи воплощенного духа абсолютного самопожертвования, человеколюбия, божественной доброты и всех прочих наивысших добродетелей, которые могут быть обретены на этой многострадальной земле, последователи самого человеческого человека, Гаутамы Будды, — смогли когда-либо позволить, чтобы Теософское Общество превратилось в воплощение себялюбия, в прибежище для немногих, которые даже не помышляют о благе большинства, право же, братья мои, — это довольно странная идея...»

умножения собственной славы и авторитета; теософов, клеветующих друг на друга и бранящихся, подобно теологам, представляющим две соперничающие христианские секты; и наконец, теософов, отказывающихся *жить подлинной жизнью* и потому критикующих и поливающих грязью величайших и благороднейших из людей только за то, что они связаны своими мудрыми законами — убеленными вековыми сединами и основанными на опыте, накопленном человечеством за многие тысячелетия — и не желают вмешиваться в действие кармы ради сомнительной роли второй скрипки при каждом теософе, возжелавшем обратиться к Ним, даже не задумываясь над тем, достоин он этого или нет.

Если в самое ближайшее время в наших американских и европейских Обществах не будут проведены радикальные реформы, то, боюсь, что уже очень скоро во всем мире останется только один центр всех Теософских обществ и теософии вообще, а именно — Индия; и на эту страну я призываю все благословение моего сердца. Вся моя любовь и самые светлые устремления обращены к моим возлюбленным братьям, детям древней Арьяварты — родины моего **Учителя**.

Статья впервые опубликована в журнале «Path», New York, Vol. I, № 9, December, 1886, p. 257—263; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 283—294. Пер. Ю.А.Хатунцева.

ПОЛИТЕИЗМ

Политеизм вовсе не исчерпывается своей внешней стороной. По существу, он как бы разделен завесой, скрывающей за собой единую Истину, подобно покрывалу саисской богини. Эта Истина открыта лишь немногим, для большинства же она недоступна.

Для благочестивого профана эта завеса скрывает за собой некий небесный мир, заполненный всякими божествами — карликами и великанами, добрыми и злыми силами, напоминающими в лучшем случае гротескные карикатуры на человека. На самом же деле (если говорить об истинном состоянии человеческого разума) эта завеса остается для большинства людей абсолютно непроницаемой; и только те, кто обладает «третьим глазом» (глазом Шивы), могут различать в непроглядной тьме и хаосе свет, в ослепительном сиянии которого исчезают все формы, порожденные человеческим восприятием, и остается лишь всепроникающее божественное **присутствие**, которое можно чувствовать, но нельзя увидеть; можно *воспринимать*, но нельзя передать словами.

Эту мысль замечательно иллюстрирует нижеследующая восхитительная аллегория, заимствованная и переведенная из древней санскритской рукописи.

В конце пралайи (промежуточного периода между двумя «творениями» или эволюциями нашей феноменальной вселенной) великое **Оно** — Единственное, что покоится в вечности и бесконечности, — отделило свое отражение, распространив его на весь безграничный Космос, и пожелало сделаться познаваемым для существ, возникающих из этой тени. Отражение приняло форму махараджи (великого царя). Желая продемонстрировать людям свое существование, махараджа воздвиг, используя присущие ему качества, дворец, в котором спрятался

от людей, полагая, что им достаточно будет созерцать внешнюю форму его жилища. Но когда маленькие люди смотрели в сторону дворца, стена которого простиралась вправо и влево, уходя в бесконечность, они *ничего не видели*. Дворец был слишком большим для того, чтобы они могли его заметить; и потому, глядя на него, люди видели перед собой пустоту. Тогда махараджа придумал другое средство. Он решил явить себя маленьким людям, которых жалел, *не полностью, но отчасти*. Он разобрал свой дворец, воздвигнутый благодаря способности к проявлению, по кирпичикам и начал бросать кирпичи на землю один за другим. На земле каждый кирпич превращался в идола: красные кирпичи стали богами, серые — богинями; в них вошли и одухотворили их Дэваты и Дэвати — свойства и качества Невидимого.

Эта аллегория показывает политеизм в его истинном свете, как производное Изначального Единства (что можно сказать и обо всем остальном). Между *Dii majores* и *Dii minores*²⁰² нет, по сути дела, никакой разницы. Просто первые являются прямыми, а вторые — отраженными или преломленными лучами одного и того же светила. Что представляют собою Брахма, Вишну и Шива как не триединый луч, исходящий непосредственно из Мирового Света? Три Бога со своими Богинями составляют три двойственных отображения Пуруши (духа) и Пракрити (материи); всех шестерых синтезирует Сваямбху — самосущее, непроявленное Божество. Они — только символы, персонифицирующие Незримое Присутствие в каждом феномене природы.

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», Vol. XVIII, № 108, August, 1896, p. 449—455; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 295—297. Пер. Ю.А.Хатунцева.

²⁰² * *Dii minores* (лат.) — низшая или «отраженная» группа «двенадцати богов», или *Dii majores*, описанных Цицероном.

Эта и последующие три заметки, опубликованные в «Lucifer» под общим заголовком «Фрагменты», судя по всему, были написаны Е.П.Блаватской задолго до времени их публикации. Некоторые из них практически в точности присутствуют в тексте «Разоблаченной Изиды», а материал о Бунзене дословно приводится в первом черновике «Тайной Доктрины». Весьма вероятно, что эти заметки были написаны в 1885-86, и потому помещены в настоящем томе этой хронологической серии.

АВАТАРЫ

«Семь [сфер]²⁰³ Бхуми связаны золотыми нитями [или лучами] с духовным центральным Солнцем [или «Богом»]. Выше всех — стражи каждой из них [сфер]. Суры нисходят по ним [лучам]; пересекают шесть сфер и достигают седьмой [нашей Земли]. Они являются хранителями [или стражами] нашей матери-земли [Бхуми]. Восьмой страж наблюдает за [семью] стражами».

Суры — ведические божества или существа, связанные с Солнцем; в оккультном смысле это семь главных стражей или хранителей нашей планетной системы. Они явно идентичны Семи Звездным Духам. В практическом оккультизме Суры связываются с семью йогическими силами. Одна из них — Лагхима(н), или «способность становиться легким», — описывается в пуранах как нисходящая и восходящая по солнечному лучу к сфере Солнца и его тайнам; как, например, Кхатванга в «Вишну-пуране» (кн. IV, гл. iv). «Равным образом, Адепту не составляет труда путешествовать вниз по лучу», — замечает Ф.Холл²⁰⁴. И если

²⁰³ Во всех древних космографиях Вселенная и Земля делятся на семь частей или сфер.

²⁰⁴ * Ссылка на перевод пуран, выполненный Г.Г.Уилсоном, под редакцией Ф.Холла.

правильно представлять себе суть данного процесса, то можно согласиться, что ничего невозможного в этом нет.

Также часто упоминаются восемь великих Богов, соответствующих восьми сторонам света — четырем основным и четырем промежуточным, за которые могут отвечать и нижестоящие Локапалы или «двойники» великих Богов. Однако во многих случаях, когда упоминается число «восемь», это только своего рода экзотерическая оболочка. Тем не менее каждая планета подразделяется на семь сфер, так как $7 \times 7 = 49$ — мистическое число *par excellence*.

Проще говоря: в каждой из семи коренных рас и каждой из семи сфер, на которые оккультное учение подразделяет нашу планету, на заре человечества появляется «страж», выполняющий свою миссию на протяжении всего эона. Сначала он появляется в своей собственной «форме», а затем — каждый раз в виде какого-нибудь Аватары.

Статья впервые опубликована в журнале
«Lucifer», Vol. XVIII, № 108, August, 1896, pp. 449-455.

ПОСВЯЩЕНИЯ

В тайной книге, посвященной мистериям и ритуалам посвящения и снабженной довольно грубыми, но точными изображениями священных поз и предписываемых каждому кандидату испытаний, обнаруживаем следующие подробности:

Неофит — в образе Солнца — «сахасра-кирана» («тысяча лучей») — стоит на коленях перед иерофантом. Последний срезает с головы

неофита *семь локонов* его длинных волос²⁰⁵; а на следующей — 2) иллюстрации мы видим, что сияющий венец из золотых лучей, некогда украшавший голову кандидата, отброшен прочь и его заменил венок из острых и длинных шипов, символизирующий потерю²⁰⁶. Этот ритуал совершался в Индии. Но и в трансгималайских областях он выглядел точно так же.

Для того чтобы стать «совершенным», *сакрадагамин* (дословно — «желающий обрести новое рождение») должен, помимо всех прочих испытаний, спуститься в Паталу — «нижний мир». Только после этого он может надеяться, что ему удастся стать *анагамином* — «тем, кто не будет более перерождаться». Прошедшему полное посвящение

²⁰⁵ См. «Книгу Судей Израилевых», XVI, где Самсон — символическая персонификация Солнца, еврейский Геркулес — говорит о своих *семи* косах, отрезав которые, можно лишить его (физической) силы, *то есть* убить материального человека и оставить только духовного. Но Библия не объясняет или, скорее, намеренно скрывает эзотерическую истину, гласящую, что семь кос символизируют семеричного физического (или земного) человека и потому их отрезание обозначает отделение физического человека от духовного. По сей день верховные ламы срезают на церемонии публичного посвящения клочок волос с головы претендента на религиозную жизнь, произнося при этом заклинание, смысл которого сводится к тому, что остальные шесть локонов последуют за первым только тогда, когда упасака **будет готов**. Выстриженный пучок волос или тонзура римско-католических священников представляет собою пережиток этой же самой мистической идеи.

²⁰⁵ Нет нужды объяснять, что Санджна — чистое духовное сознание — есть внутреннее восприятие неофита (или чела) и посвященного; а его сожжение палящими лучами Солнца символизирует воздействие земных страстей. Таким образом, семь локонов символизируют еще и семь основных грехов; что же касается семи главных добродетелей, которые должен приобрести *сакрадагамин* (претендент «на новое рождение»), то достичь их можно, лишь пройдя через страдание и суровые испытания.

²⁰⁶ Нет нужды объяснять, что Санджна — чистое духовное сознание — есть внутреннее восприятие неофита (или чела) и посвященного; а его сожжение палящими лучами Солнца символизирует воздействие земных страстей. Таким образом, семь локонов символизируют еще и семь основных грехов; что же касается семи главных добродетелей, которые должен приобрести *сакрадагамин* (претендент «на новое рождение»), то достичь их можно, лишь пройдя через страдание и суровые испытания.

предоставляется выбор: либо сразу же пройти этот второй Путь, вернувшись в мир людей в образе человека; либо отдохнуть сперва в мире богов (дэвакхан посвященных), а уже затем снова родиться на нашей Земле. Таким образом, следующая стадия изображает кандидата в момент подготовки к этому путешествию.

3) Его будут подстерегать на этом пути разного рода искушения, перечислять и описывать которые мы не вправе. И если он сумеет их преодолеть, его ждет новое посвящение, еще более высокого порядка; но если он поддастся им, очередное посвящение откладывается или даже вовсе становится для него недостижимым.

Эти ритуалы совершаются на протяжении семи дней.

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», Vol. XVIII, № 108, August, 1896, p. 449—455; на русском языке — Блаватская Е.П. Эликсир жизни. — М., Сфера, 1998. С. 300—302. Пер. Ю.А.Хатунцева.

О ЦИКЛАХ И НЫНЕШНИХ ЗАБЛУЖДЕНИЯХ

Астрономия и геология признали истинность герметической аксиомы. Наука более не сомневается в том, что миллиарды небесных объектов: солнца, звезды, планеты, системы как в составе Млечного Пути, так и за его пределами — имеют общее происхождение; и наша Земля не является исключением из этого правила. Но невзирая на это обстоятельство во Вселенной продолжается непрерывный и повсеместный эволюционный процесс.

...Космические объекты возникли в разные эпохи, и скорость протекающих в них изменений тоже различна. Некоторые возникли чуть ли не в начале мира или же эволюционировали так быстро, что теперь их уже можно назвать умирающими. Некоторые же, наоборот, лишь начинают свое существование. Вполне вероятно поэтому, что процесс появления и угасания миров идет постоянно. Следовательно, космические объекты, подобно царствам органической жизни, являют собой одновременную панораму всего цикла бытия. Таксономическая классификация различных ступеней животного существования являет нам эволюционную последовательность форм, повторяющихся на эмбриональной стадии каждого индивида. Та же последовательность наблюдается и в смене геологических типов; и, следовательно, небесная таксономия тоже может рассматриваться одновременно и как космическая эмбриология, и как космическая палеонтология. (Alexander Winchell, *World Life: or, Comparative Geology*, p. 538—539).

Вот что говорит о циклах современная ортодоксальная наука. Сейчас это знание научно доказано и общедоступно, но в древности оно было оккультным и являлось достоянием только лишь Посвященных, уже тогда пытавшихся систематизировать различные циклы. Великая система манвантары делилась на несколько больших циклов; которые, в свою очередь, подразделялись на меньшие циклы — естественные колесики времени, складывающиеся в вечность. Но распространение этих знаний за священные пределы не допускалось — никто из посторонних не мог завладеть ключами к правильному истолкованию языка циклов; поэтому даже древние классики в вопросе о циклах нередко противоречат друг другу. Так, сообщают, что Орфей определял продолжительность «великого» цикла в 120 000 лет; а Кассандр, по сведениям Цензорина (*De Die Natali, Chron. and Astron. Fragments*), — в 136 000 лет. Аналогия — это закон и самый надежный путеводитель в мире оккультных наук, который не мешало бы использовать также и в области натурфилософии.

Вероятно, только тщеславие не позволяет современной науке принять и признать те огромной продолжительности временн'ые периоды, коими древние датировали время существования первых цивилизаций. Тот до крайности малый фрагмент, который был вырван из книги всеобщей истории человечества и гордо именуется теперь «нашей историей», вынуждает историков до предела сокращать продолжительность каждой исторической эпохи, дабы загнать ее в узкие рамки, изначально предписанные теологией. В силу этого даже самые либеральные из их числа не решаются воспринять цифры, предлагаемые древними историками. Бунзен, знаменитый египтолог, отвергает называемую Диогеном Лаэртским датировку хроник египетских жрецов — 48 863 года до Александра; но, судя по всему, еще большее изумление вызывают у него 10 000 астрономических наблюдений.

«Если эти наблюдения подлинные, то они *должны были* проводиться на протяжении более чем десяти тысячелетнего периода», — отмечает он. «Из их собственных древних хроник, — добавляет он также, — мы узнаем... что подлинная египетская традиция, что касается мифологического периода, охватывает *мириады лет*». (Egypt's Place in Universal History, Vol. I, p. 14—15).

Попытаемся объяснить некоторые из этих великих и малых циклов, в том числе и их символическое значение. Начнем с цикла Маха-юги, олицетворением которого является Шеша, огромный змий, называемый еще «ложем Вишну». Этот Бог есть Время и Пространство, персонифицированные самым философским и зачастую весьма поэтичным образом.

Говорят, что Вишну появляется верхом на Шеше в начале каждой манвантары как «Господь Творения». Шеша есть великий циклический (свернувшийся в круг) змий, который изображается глотающим свой

собственный хвост. Это изображение с древних времен является символом Времени в Вечности. Время, как говорит Лок (An Essay Concerning Human Understanding), есть «протяженность, разграниченная мерными отрезками»; и Шеша разграничивает эволюцию, символизируя ее периодические стадии. В периоды отдыха между «творениями» (*пралайи*) на нем спит Вишну; синий Бог (синий потому, что символизирует пространство и глубину бесконечности) пробуждается только тогда, когда Шеша склоняет всю тысячу своих голов, готовясь принять на них груз новой вселенной, покоящейся, как говорят, именно на головах великого змия. «Вишну-пурана» описывает его следующим образом:

Под семью мирами Патала есть форма Вишну, порожденная свойствами тьмы, именуемой Шеша, все свойства которой не могут (полностью) перечислить ни Дайтьи, ни Данавы. Небесные духи (сиддха) [йогическая мудрость, сыны дхармы, или истинной религии] называют это существо Анантой [бесконечным], мудрецы и боги поклоняются ему. У него тысяча голов, украшенных чистым и зримым мистическим знаком [свастикой]; тысяча бриллиантов, венчающих его головы (*пхана*), излучают свет во все сферы... В одной руке он держит плуг²⁰⁷, в другой — пест... В конце каждой кальпы из его ртов вырывается ядовитое пламя, олицетворяемое Рудрой [Шивой-«разрушителем»]... в нем сгорают три мира. (H.N.Wilson, Vishnu-Purana. Ed. by Fitzedward Hall; Book II, chap. v, p. 211).

Следовательно, Шеша представляет собою цикл великой манвантары, а также дух жизненной силы и в то же время разрушения; тогда как Вишну, поддерживающая и охранительная сила, и Шива, потенциальный разрушитель, оба являются аспектами Брахмы. Говорят, что Шеша обучил мудреца Гаргу — одного из древнейших астрономов

²⁰⁷ Символ пахоты и засеивания обновленной земли (в ее новом Круге) новыми семенами жизни.

Индии, хотя Бентли почему-то помещает его в истории только под 548 г. до н.э., тайным наукам, секретам небесных светил, астрологии, астрономии и различным знамениям. Шеша настолько велик и могуч, что вполне закономерным будет предположить, что когда-нибудь, в будущих столетиях, он окажет ту же самую услугу и нашим астрономам, коль скоро ни время, ни циклические изменения не в силах излечить скептиков от их слепоты.

Но оккультным истинам приходится противостоять и еще более слепому и непримиримому врагу, чем когда-либо была, есть или будет ортодоксальная наука, а именно христианским теологам и фанатикам. Они, не краснея, утверждают, что им доподлинно известна продолжительность жизни их патриархов, живших примерно 4000 лет тому назад; и что им удалось расшифровать «символические предсказания писаний» и «проследить историческое исполнение двух наиболее важных из них». К библейской хронологии они относятся с таким почтением, как будто это действительно нечто абсолютно уникальное, а не просто переложение древних халдейских хроник и циклических символов, скрывающих истинный смысл за экзотерическими баснями! Они говорят об «истории, разворачивающейся перед нашими глазами в виде панорамы продолжительностью более чем в 6000 лет» с момента творения, и утверждают, что «пророческие периоды, чье исполнение не было бы зафиксировано в той или иной части писаний, — явление крайне редкое». (The Approaching End of the Age).

Более того, для подтверждения истинности своих выводов они пользуются двумя методиками и двумя хронологиями — римско-католической и протестантской. Первая опирается на вычисления Кеплера и доктора Зеппа; вторая — на Клинтона, датирующего

Рождество 4138 г. от сотворения мира (тогда как первые придерживаются старых расчетов — 4320 г. по лунному и 4004 г. по солнечному календарю).

Статья впервые опубликована в журнале «Lucifer», Vol. XVIII, № 108, August, 1896, p. 449—455; на русском языке — *Блаватская Е.П. Эликсир жизни.* — М., Сфера, 1998. С. 302—306. Пер. Ю.А.Хатунцева.

КЛАССИФИКАЦИЯ "ПРИНЦИПОВ"

В своей замечательной лекции, посвященной "Бхагавадгите" и опубликованной в февральском номере "Theosophist", Т. Субба Роу мимоходом, как мне показалось, упоминает проблему семеричности принципов, составляющих космос и человека. Это деление часто подвергается критике, а в теософских доктринах до сих пор признавалось и пропагандировалось объединение нескольких принципов в одну группу, что сокращало их число до *четырех*.

Эта критика уже создала некоторое непонимание и даже позволила кое-кому утверждать, что все учение оказывается теперь поставленным под сомнение. И в самом деле, это *кажущееся* несовпадение со взглядами того, чье мнение по оккультным вопросам всегда (и по праву) считалось в нашем Обществе чуть ли не решающим, является слишком опасным оружием, чтобы вкладывать его в руки наших оппонентов, которые постоянно на чеку и никогда не упускают возможности "обнаружить" и предать гласности какие-либо противоречия и несоответствия в нашей философии.

В связи с этим я считаю своим долгом доказать, что на самом деле никаких противоречий между представлениями м-ра Субба Роу о семеричном делении и нашими собственными *не было и нет*, а также продемонстрировать, что: а) лектор был прекрасно осведомлен о семеричном делении еще до того, как примкнул к Теософскому Обществу; б) он знал, что еще древние арийские "философы связывали семь *окультурных* сил с семью принципами" Макрокосма и микрокосма²⁰⁸ (см. окончание данной статьи); и в) с самого начала и до конца он возражал не против классификации, как таковой, но только против формы ее изложения. Поэтому сейчас, когда он называет вышеупомянутое деление "ненаучным и сбивающим с толку", добавляя к тому же, что "эта семеричная классификация определенно отсутствует во многих [не *всех*?] наших индуcских книгах" и т. д., и говорит, что разумнее было бы придерживаться освященной веками классификации, состоящей из четырех принципов, м-р Субба Роу подразумевает лишь некоторые ортодоксальные книги, иначе он явно противоречил бы самому себе.

Таким образом, несколько слов пояснения будут в данной ситуации отнюдь не лишними. К "определенному отсутствию" семеричной классификации в индуcских книгах можно добавить еще и столь же определенное ее отсутствие в книгах буддистов; и причина этого вполне очевидна: данное учение всегда считалось эзотерическим и потому скорее подразумевалось, нежели преподавалось открыто. То, что оно "сбивает с толку", не вызывает никаких сомнений, ибо великий идол наших дней – материализм – внес такую путаницу в умы западных теософов, что многие из них теперь думают, что семь принципов – это семь различных, самостоятельных *существ*, хотя на самом деле это –

²⁰⁸ * *Макрокосм и микрокосм* (греч.) — Макрокосм — Вселенная, универсум, весь мир в целом, в отличие от микрокосма — человека.

*упадки*²⁰⁹ и связанные с ними состояния: три *упадхи* (основные группы) и четыре принципа. Что же касается его определения как "ненаучного", это можно отнести исключительно на счет *lapsus linguae*, в подтверждение чему позволю себе процитировать написанное самим м-ром Субба Роу, за год *до того как он примкнул* к Теософскому Обществу, в одной из наиболее талантливых своих статей "Брахманизм о семеричном принципе в человеке", ставшей лучшим из изложений "Фрагментов оккультной истины" со времени написания "Эзотерического буддизма". Вот что пишет автор:

Самым тщательным образом рассмотрев его [учение], я убедился в том, что выводы, к которым оно (буддийское учение) приводит нас, мало чем отличаются от заключений нашей арийской философии, хотя наша манера изложения своих доводов несколько отлична по своей форме.

Перечислив далее "три основные причины", вызывающие человеческое существование, а именно: Парабрахман, Шакти²¹⁰ и Пракрити²¹¹, м-р Субба Роу поясняет:

Согласно учениям Адептов древней Арьяварты, из этих трех первичных сущностей развились семь принципов. Алгебра учит нас, что количество комбинаций из n предметов, взятых по одному, по два, по три и так далее равно $2^n - 1$.

Применяя эту формулу для данного случая, получим, что число сущностей, развившихся из различных комбинаций этих трех первопричин, составит: $2^3 - 1 = 8 - 1 = 7$.

Отсюда можно вывести общее правило: всякий раз, когда в древних оккультных науках Индии речь идет о семи сущностях, мы должны иметь в виду, что эти семь сущностей развились из трех первичных сущностей и

²⁰⁹ * *Упадхи* (санскр.) — основа; проводник, передатчик или носитель чего-то менее материального, чем он сам: как тело человека есть упадхи его духа; шаблон; определяющая или ограничивающая субстанция.

²¹⁰ * *Шакти* (санскр.) — активная женская энергия богов; в оккультизме — венец астрального света. Синтез Силы и шести сил природы. Вселенская энергия.

²¹¹ * *Пракрити* (санскр.) — природа вообще, в противоположность Пуруше — духовной природе, или духу. Они вместе являются «двумя первичными аспектами Единого Непознаваемого Божества».

что эти три первичные сущности развились, в свою очередь, из единой сущности, или **монады**. (См.: "Five Years of Theosophy", p. 160).²¹²

Это суждение абсолютно верно как с оккультной, так и с каббалистической точки зрения. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить *семь* и *десять* сефирот, а также *семь* и *десять* Риши, Ману и т. д. А это значит, что в конечном счете никаких фундаментальных разногласий между эзотерической философией транс- и цис-гималайских Адептов нет и быть не может.

Мы также можем предложить читателю обратиться к предыдущим страницам упомянутой выше статьи, где сказано, что:

...знание *оккультных сил природы*, которым обладали жители исчезнувшей Атлантиды, было воспринято древними Адептами Индии и присовокуплено к эзотерической доктрине, которую проповедовали обитатели священного острова (ныне – пустыня Гоби)²¹³. Однако тибетские Адепты [их предшественники в Центральной Азии] так и не внесли это дополнение в свои знания...

Но семеричное деление вовсе не входит в число расхождений между двумя учениями, ибо оно универсально с тех пор, как было сформулировано атлантами, которые, как четвертая раса, были конечно же древнее пятой расы – арийцев.

Таким образом, с чисто метафизической точки зрения замечания, высказанные по поводу семеричного деления в лекции о "Бхагавадгите", невзирая на их кажущуюся противоречивость сегодня так же верны, как и пять или шесть лет тому назад, когда они были изложены в статье "Брахманизм и семеричный принцип в человеке". А в плане чисто

²¹² * См. «Five Years of Theosophy». — Приводимый Блаватской очерк Т.Субба Роу «Эзотерические доктрины ариев-архатов о семеричном принципе в человеке» первоначально был опубликован в «Theosophist» (Vol. III, January, 1882, p. 93-99) с дополнительными примечаниями и сносками, сделанными самой Е.П.Блаватской.

²¹³ См.: "Разоблаченная Изида", т. I, а также комментарии к цитируемой статье в сборнике "Five Years of Theosophy".

теоретического эзотеризма они так же полезны для буддийской, как и для брахманической философии.

Следовательно, когда в своей лекции о главном сочинении веданты м-р Субба Роу предлагает придерживаться "освященной веками классификации, состоящей из четырех принципов" – ведантийской классификации, но в то же время сам разделяет человека на "*пять коша*" (оболочек) и *Атму* (*номинально* – шестую составляющую)²¹⁴, этим самым он просто демонстрирует свое стремление остаться в теоретических и метафизических рамках ортодоксальной ведантийской канвы. Во всяком случае, так мне это представляется. Ибо классификация тарака раджа-йоги²¹⁵ тоже включает в себя три упадхи и Атму как четвертый принцип, без упадхи, разумеется, поскольку она (Атма) едина с Парабрахмом. На это опять-таки указывает сам автор в статье под названием "Семеричный принцип в различных индийских системах". (Five Years of Theosophy, pp. 185-186).

Почему бы тогда и так называемому буддийскому эзотеризму не воспринять то же самое деление? Возможно, оно и "сбивает с толку" – это можно признать, но уж "ненаучным" его никак не назовешь. Позволю себе даже назвать это заявление необдуманым, тем более что абсолютную "научность" семеричной классификации демонстрирует сам м-р Субба Роу, математически подтверждая ее истинность с помощью вышеприведенной алгебраической формулы. Я бы даже сказала, что это деление предписано самой природой, указующей на необходимость наличия одного как в Космосе, так и в человеке; ибо число "семь" есть "несомненная духовная сила", так как представляет собой

²¹⁴ Такого деления, предложенного нам м-ром Субба Роу. См. "Five Years of Theosophy", p. 185-86, статья за подписью "T.S."

²¹⁵ * *Тарака раджа-йога* (санскр.) — одна из браминских систем йоги для развития чисто духовных сил и знания, ведущих к нирване.

комбинацию *тройки* и *четверки* – треугольника и четырехугольника. Разумеется, гораздо удобнее было бы придерживаться четверичной классификации в метафизическом и синтетическом смысле, так же как я придерживалась тройственного деления – тело, душа и дух – в "Разоблаченной Изиде"; ведь если бы я попыталась сразу же перейти к семеричному делению (что мне и пришлось сделать впоследствии для более углубленного анализа), никто ничего не понял бы. Умножая число принципов, вместо того чтобы постараться для начала хотя бы в общих чертах осветить изучаемую проблему, я лишь внесла бы в головы читателей невероятную путаницу. Но теперь условия изменились и настало время для более углубленного изучения вопроса. *К сожалению* (ибо это было сделано все же преждевременно), мы уже пробили брешь в Великой китайской стене эзотеризма и теперь не можем заделать ее снова, даже если бы мы этого хотели. Я сама одна из первых дорогой ценой заплатила за эту опрометчивость, но не намерена прятаться от последствий своих же собственных действий.

Я утверждаю также, что, даже перейдя от чисто субъективных рассуждений об эзотерических материях на уровень практической демонстрации оккультизма, где каждый принцип и признак требует анализа и тщательного определения его роли в явлениях повседневной и, самое главное, *посмертной* жизни, мы столь же уверенно можем опираться на семеричную классификацию. Ибо это простое и удобное деление никоим образом не противоречит другой, тройственной, классификации (делению на *три* группы), которую м-р Субба Роу именует "четырьмя принципами, связанными с четырьмя *упадхи*,

которые, в свою очередь, связаны с четырьмя различными состояниями сознания"²¹⁶.

Похоже, что это – классификация, предлагаемая "Бхагавадгитой"; но это не классификация веданты, и не та, которой следовали раджа-йоги из школ, существовавших до Арьясанги²¹⁷, и не та, которой придерживалась система Махаяны²¹⁸ и до сих пор придерживаются по ту сторону Гималаев (а тамошняя система практически идентична тарака раджа-йоге – различие между последней и ведантийской классификацией сформулировал для нас все тот же м-р Субба Роу в своей небольшой статье "Семеричное деление в различных индийских системах"). Тарака раджа-йоги признают только три упадхи, в которых может действовать Атма. Если не ошибаюсь, в Индии их называют: *джаграта*, или бодрствующее состояние сознания (соответствующее *стхулопадхи*); *свапна*, состояние сна (для *сушумнопадхи*); и *сушупти*, или причинное состояние, вызываемое и существующее благодаря *Каранопадхи*, или тому, что мы называем *Буддхи*. Но далее, в трансцендентальных состояниях *самадхи* тело и его *лингашарира* – носитель жизненного принципа – уже не рассматриваются: три состояния сознания соотносятся только с тремя (четвертым является

²¹⁶ Самое убедительное подтверждение того факта, что классификация принципов носит произвольный характер и варьируется в зависимости от школы, которой она принадлежит, заключено в одной из фраз статьи самого Субба Роу "Личный и безличный Бог"*. Эта фраза звучит так: "...существуют шесть состояний сознания – объективных или субъективных... и состояние абсолютной бессознательности...". ("Five Years of Theosophy", p. 200-201). Разумеется, тем, кто не придерживается старой школы Адептов-ариев и Архатов, необязательно признавать это семеричное деление.

* См.: «Theosophist», Vol. IV, February and March, 1883, pp. 104-105 and 183-189.

²¹⁷ * *Арьясанга* (санскр.) — основатель первой школы йогачарья. Архат, непосредственный ученик Гаутамы Будды.

²¹⁸ * *Махаяна* (пали) — буддийская школа; буквально, «большая колесница». Мистическая система, основанная Нагарджуной. Ее книги были написаны во II в. до н.э.

Атма) принципами, остающимися после смерти. В этом и кроется подлинный ключ к семеричному строению человека: три принципа прибавляются к нему только на время физической жизни.

То, что справедливо для Макрокосма, в равной мере применимо и к микрокосму; закон аналогий действует во всей природе. И следовательно, Вселенная, наша Солнечная система, наша Земля и сам человек имеют аналогичное семеричное строение – *четыре* сверхъестественных, или сверхчеловеческих (если можно так сказать), принципа и *три* объективно-астральных. Если же рассматривать конкретно человека, то тут возможны два подхода. Человек *во плоти* состоит, разумеется, из семи принципов (если можно так назвать семь состояний его материальной, астральной и духовной структуры, принадлежащих к различным уровням). Но если мы будем классифицировать принципы в соответствии с четырьмя степенями сознания, эти *упадхи* могут быть скомпонованы в четыре группы²¹⁹.

Таким образом, человеческое сознание, которое никогда не концентрировалось ни во втором, ни в третьем принципах (так как оба они формируются из материи, или скорее "субстанции", различных состояний и различных уровней, каждый из которых соответствует одному из уровней и принципов Космоса), необходимо для того, чтобы связывать между собою первый, четвертый и пятый принципы и

²¹⁹ Довод м-ра Субба Роу, заключающийся в том что если мы признаем тройственную структуру тела, то "это деление с равным успехом может быть продолжено и далее... [то] можно включить в число принципов также и нервную энергию, кровь и кости", не кажется мне убедительным. Нервная энергия, конечно же, важная составляющая, но она едина с жизненным принципом, так как является его порождением; а кровь, кости и прочее суть объективные материальные компоненты – они едины с человеческим телом и неотделимы от него. В то же время остальные шесть принципов чисто *субъективны* по отношению к *седьмому – человеческому телу* – и потому отрицаются материалистической наукой, которая попросту игнорирует их.

содействовать осуществлению определенных физических и психических феноменов. Но последние могут быть соотнесены из соображений удобства с физическим телом и сброшены со счетов при изучении посмертного состояния и состояния транса (*самадхи*), оставляя нам лишь традиционную экзотерическую и метафизическую *четверку*. И этот незамысловатый факт может быть нами предъявлен в ответ на любое обвинение, связанное с кажущимися разногласиями в подсчете принципов. Классификация принципов – семеричная или четверичная – зависит исключительно от того, с какой точки зрения их рассматривать. И каждый волен сам решать, какой именно классификации ему придерживаться. Но, строго говоря, для *окульти* (равно как и мирской) физики более подходит семеричное деление²²⁰.

В природе также существуют шесть сил: это признают и буддизм, и брахманизм, как экзотерические, так и эзотерические. И есть еще седьмая – *верховная*, или абсолютная, сила – синтез всех остальных. В своей созидательной деятельности Природа использует это разделение в определенной последовательности. Как гласит третий афоризм

²²⁰ В своей замечательной статье "Личный и безличный Бог", вызвавшей огромный интерес в западных теософских кругах, м-р Субба Роу пишет: "Как человек состоит из семи принципов, так и дифференцированная материя солнечной системы существует в семи различных состояниях. Не все эти состояния материи доступны нашему нынешнему объективному сознанию. Но их может объективно воспринимать духовное Эго человека... Опять же *праджна*, или способность к восприятию, существует в семи различных аспектах, соответствующих семи состояниям материи. Строго говоря, всего состояний материи шесть; так называемое седьмое состояние является аспектом космической материи в ее первоначальном, недифференцированном состоянии. Соответственно этому есть шесть состояний дифференцированной праджны, а седьмое ее состояние уже представляет собою абсолютную бессознательность. Под дифференцированной праджой я подразумеваю состояние, в котором праджна разделена между различными уровнями сознания. Таким образом, существуют шесть состояний сознания..." ("Five Years of Theosophy", p. 200). Это в чистом виде наша трансгималайская доктрина.

"Санкхья-карики"²²¹ о *Пракрити* – "основе и субстанции всех вещей", она (*Пракрити*, или Природа) не является ничьим созданием, но сама *создает семь* вещей, "которые, будучи созданы ею, все в свою очередь становятся создателями". Так, все жидкости в природе, когда отделяются от основной своей массы, сначала принимают форму сфероида (капли); когда же капля отделяется и падает, получаемый ею импульс практически всегда преобразует ее (при ударе о землю) в равносторонний треугольник (число "три"), а затем – в *шестиугольник*, после чего по краям последнего начинают образовываться квадраты или кубы (как плоскостные фигуры). Понаблюдайте за *естественной*, так сказать, деятельностью природы, за процессом создания ею новых форм; пусть наука из чистого любопытства заглянет в ее оккультную мастерскую. Посмотрите на радужные кольца на стенках мыльного пузыря или на игру поляризованного света – и вы увидите, что и в ньютоновском мыльном пузыре, и в кристалле поляризатора неизменно появляются шесть или семь колец – черное пятно, окруженное шестью кольцами, или же круг с плоским кубом внутри, также окруженный шестью кольцами (сам круг является, таким образом, по счету *седьмым*). "Норремберговский" поляризующий аппарат, по сути дела, объективизирует чуть ли не все наши оккультные геометрические символы; но физики отнюдь не становятся от этого мудрее (см. эксперименты Ньютона и Тиндаля)²²².

Число "семь" есть основа оккультной космогонии и антропогонии. Ни один символ, отображающий эволюцию от ее начала до завершения, не мог бы существовать без этого числа. Ибо круг создает точку, точка

²²¹ * «Санкхья-карика» (санскр.) — труд Капилы (великого мудреца, создателя философии санкхья), содержащий его афоризмы.

²²² Достаточно раскрыть Вебстеровский словарь на слове "снег" и рассмотреть изображения снежинок и кристаллов, чтобы понять, как работает природа. "Бог геометризует", – говорил Платон.

расширяется до треугольника, когда, описав два угла, возвращается в самое себя, а затем создает мистический *Тетрактис* – плоский куб; когда же эти *трое* переходят в проявленный мир следствий и дифференцированной природы, геометрически и арифметически они дают нам $3+4=7$. Лучшие из числа каббалистов веками демонстрировали эту истину, начиная с Пифагора и заканчивая современными математиками и символистами, одному из которых удалось навсегда погнуть *один из семи* оккультных ключей, подтвердив свою несомненную победу огромным рядом цифр.

Пусть наши теософы, которых интересует данная проблема, прочтут замечательную работу под названием "Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер"²²³; и те из них, кто разбирается в математике, будут поражены изложенными в ней откровениями. Ибо в ней показан тот оккультный источник мер, на основе которого созданы Космос и человек, и затем последним воздвигнуты Великая пирамида Египта, башни, курганы, обелиски, пещерные храмы Индии, пирамиды Перу и Мексики и вообще все древние монументы, а также каменные символы Халдеи, обеих Америк и даже острова Пасхи – живые и единственные сохранившиеся напоминания об утонувшем доисторическом континенте посреди Тихого океана. В ней говорится о том, что во всем мире в эзотерической символике использовались одни и те же цифры и меры; что каббала, следуя выражению самого автора, есть "полный перечень разработок, произведенных с использованием геометрических элементов, выраженных в числовых значениях и основанных на интегральном значении круга" (один из семи ключей, известных до сих пор только Посвященным), открытым Петером

²²³ * «Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер» — J.Ralston Skinner, Key to the Hebrew-Egyptian Mystery in the Source of Measures. Cincinnati: R.Clarke & Co., 1875.

Метиусом в XVI столетии и затем заново открытым покойным Джоном А.Паркером²²⁴. Более того, автор утверждает, что система, на основе которой были произведены все эти разработки, "считалась в древности порождением самой *Природы* (или Бога), установленным как *основа*, или *закон*, для практического творческого проектирования"; и что эта же система мер использовалась при возведении библейских сооружений, ибо прослеживается в пропорциях, указанных для храма Соломона, Ковчега Завета, Ноева ковчега и т. д., и т. п. – словом, во всех символических мифах Библии.

*Распятие в Пространстве*²²⁵

Edward Moor, "The Hindoo Pantheon", Plate 98, First ed., London, 1810.

²²⁴ Из Ньюарка, в его работе "Квадратура круга" – "задача о трех обращающихся телах" (The Quadrature of the Circle. New York: John Wiley and Son, 1851).

²²⁵ * «Распятие в пространстве» — Факсимильное воспроизведение приводимого рисунка, заимствованной из замечательной книги Э.Мура (The Hindoo Pantheon), впервые изданной в Лондоне в 1810 году. Возвращаясь еще раз к этой сцене распятия, Е.П.Блаватская рекомендует читателю обратиться к с. 174 (рис. 72)

В какой системе мер священный локоть имеет своим началом эзотерическую квадратуру, которую, как знает каждый посвященный, заключал в себе *Тетрактис* Пифагора? Известно, что это – изначальный универсальный символ. Эта система измерений содержится в *крукс ансата* Египта и (я утверждаю это) в индийской *свастике* – "священном знаке", украшающем тысячу голов *Шеши*²²⁶ – змееподобного цикла вечности, на котором возлежит Вишну – божество Бесконечности. Ее также можно обнаружить в тройственном (*трета*) огне Пурураваса²²⁷ – первом из сорока девяти (7х7) мистических огней нынешней

книги Д.Ланди «Монументальное христианство», где помещено ее факсимиле. Доктор Ланди говорит (с. 173): «Не рискну дать ей никакого иного названия, кроме *распятия в пространстве*. Во многих отношениях картина напоминает христианское распятие, но у нее есть и специфические черты. Сам сюжет, персонаж и следы гвоздей на руках и ногах указывают на ее христианское происхождение; но парфянский венец с семью зубцами, отсутствие креста и традиционной надписи, а также лучи Славы наверху говорят о некоем нехристианском влиянии. Может быть, это Жертвенный Человек или Священник и Жертва в одном лице, пожертвовавший собою перед созданием миров, из индийской мифологии? Или это платоновский второй Бог, запечатлевший себя во вселенной в форме креста? Или же это его божественный человек, которому надлежало быть закованным, подвергнутым пыткам, а затем, после всевозможных мучений, *распятим*? (Республика, II)».

Эдвард Мур говорит на этот счет следующее: «Человек, который часто приносил мне изображения индусских божеств, рисунки и прочее, однажды принес мне две в точности повторяющих друг друга картины, одна из которых воспроизведена в таблице 98. Достаточно одного мимолетного взгляда для того, чтобы безошибочно определить ее сюжет. Стараясь выглядеть равнодушным, я спросил ученого пандита, что за Дэва здесь изображен. Тот внимательно посмотрел на картину, повертел ее в руках, но затем вернул ее мне, признав свою неосведомленность относительно того, какой именно Аватара здесь представлен. Однако он предположил, что, судя по пробитым ногам, это может быть Виттоба...». Сам Мур приписывает этой картине христианское происхождение, но Годфри Хиггинс (*Anacalypsis*, I, pp. 145-146) считает, что это — подлинный Виттоба.

²²⁶ * *Шеша* (санскр.) — Ананта, Великий Змий Вечности, ложе Вишну; символ бесконечного Времени в Пространстве. В эзотерических верованиях Шеша представлен в виде тысячеголовой и семиголоной кобры.

²²⁷ * *Пуруравас* (санскр.) — сын Буддхи, сына Сомы (Луны) и Илы; известен как первый сотворивший огонь трением двух кусочков дерева и сделавший его (огонь) тройственным. Оккультный персонаж.

манвантары. Упоминания о данных фактах могут отсутствовать во многих индийских книгах, но "Вишну-пурана" и другие пураны просто изобилуют указанной символикой, представленной во всех возможных формах, что я намереваюсь доказать в своей "**Тайной Доктрине**".

Автор книги "Ключ к еврейско-египетским мистериям в источнике мер" сам не представляет, что вполне естественно, истинных масштабов своего открытия. Он применяет свой ключ только для расшифровки эзотерического языка и символики Библии, и в особенности – книг Моисея. Огромной ошибкой этого несомненно талантливого автора является, на мой взгляд, то, что он, применяя открытый им ключ преимущественно к постатлантическим и квазиисторическим фаллическим элементам мировых религий, интуитивно улавливает в них более благородное, возвышенное и трансцендентальное значение только применительно к Библии, тогда как во всех прочих религиях рассматривает их просто как сексуальный культ. Между прочим, этот фаллический элемент связывался в древних языческих культах с физиологической эволюцией человеческих рас, что не получило отражения в Библии, поскольку Пятикнижие является наиболее поздним из всех древних Писаний. Но даже несмотря на этот недочет, то, что удалось обнаружить и математически доказать автору этой книги, уже достойно восхищения и со всей очевидностью подтверждает истинность нашего утверждения: именно фигуры и числа $3+4=7$ лежат в основе и являются душой космогонии и эволюции человечества.

Для тех же, кто желает проследить этот процесс с помощью символа, автор, говоря о *крукс ансата*, египетском *тау* и кресте христиан, дает следующие пояснения:

...изображение *развернутого куба, соединенное с кругом, размеры которого соответствуют сторонам куба*. (Развернутый куб принимает в плоскостном изображении форму *креста* или форму *tau*; добавив к этой последней круг, получаем *крукс ансата* египтян, ясно указывающий на источник мер)²²⁸. А в силу того, что эта мера соотносилась с представлением об источнике человеческой жизни, ей была дополнительно придана форма половых органов гермафродитов. И действительно, изображение этого символа скрывает соответствующие органы человека в индусской традиции.

Это "гермафродитическая Индрансе Индра – богиня природы; *Исса* у евреев и *Изида* у египтян", как поясняет автор в другой части текста.

Несложно заметить, что, хотя у куба всего шесть граней, в изображении креста, получаемого из развернутого куба, одна из граней оказывается общей для обеих его ветвей – вертикальной и горизонтальной, и потому можно сказать, что она принадлежит одновременно к обеим ветвям креста. Тогда, подсчитав в отдельности число граней на каждой ветви, получаем 4 по вертикали и 3 по горизонтали, что в сумме составляет 7. Снова все те же знаменитые 4, 3 и 7. Заметим, что именно четверка и тройка являются коэффициентами-множителями в задаче Паркера [о квадратуре и "трех обращающихся телах"]...

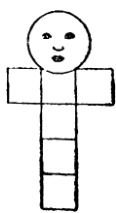
Они также являются коэффициентами-множителями при строительстве Вселенной и **человека**. Виттоба – аспект Кришны и Вишну – может, следовательно, рассматриваться как "человек, распятый в пространстве", или, как мы уже говорили, "развернутый куб" (см. Edward Moor, The Hindoo Pantheon).

Это древнейший символ Индии, ныне почти утраченный, так же как было утрачено подлинное значение терминов *Вишвакарман*²²⁹ и

²²⁸ А если добавить к правильному кресту символ четырех стран света и в то же время бесконечности, получим , ветви которого указывают вверх, вниз, вправо и влево, составляя шесть в круге. Это древний знак йома – свастика, "священный знак", используемый Орденом масонов-исмаилитов, которые называют его Универсальным Герметическим Крестом, но не понимают всей его мудрости и ничего не знают о его происхождении.

²²⁹ * *Вишвакарман* (санскр.) — «Всесоздатель». Ведическое божество, олицетворение творящей Силы, описан как Единый «всевидящий Бог... породитель,

*Викартмана*²³⁰ ("Солнце с отрубленными лучами"). Это и есть египетский *крукс ансата* (и *vice versa*); и был он (и даже *систрум*²³¹ с его поперечной перекладиной) не чем иным, как *символом Божества как человека*, и лишь впоследствии, после исчезновения Атлантиды, приобрел свое фаллическое значение. Разумеется, египетский *крукс ансата* – это, как показал профессор Сейффарт, все те же шесть с добавленной к ним (в виде седьмого элемента) головой. Сейффарт пишет:

Теперь мне понятно, что он изображает череп –местилище мозга и души – с нервными окончаниями (спинным мозгом); к нему добавляются также глаза или уши. Танисский камень, например, все время расшифровывает его как *anthropos* (человек), и само это слово в алфавитной (египетской) записи читается как *анк*. Отсюда мы имеем коптский *анк* (*vita*, по сути дела. – *anima*),

соответствующий еврейскому אָנוּשׁ (*анош*). Этот אָנוּשׁ есть первоначальное אָנוּשׁ для אָנוּשׁ (личное местоимение "я"). Египетское *anki* означает – *моя душа*. ("Source of Measures", p. 53).

А в совокупности своей этот символ означает все те же *семь принципов* – приобретаемые впоследствии атрибуты. *Крукс ансата*, подобный изображенному выше, был обнаружен на тыльной стороне одной из гигантских статуй острова Пасхи (посреди Тихого океана) – осколка затонувшего континента, по описанию, "щедро усеянного циклопическими статуями, напоминаниями о цивилизации многочисленного и высококультурного народа". И коль скоро м-р Субба Роу сообщает нам, что нашел в старых индусских книгах информацию о том, что древние Адепты Индии переняли оккультные навыки у

распорядитель, который... пребывает вне пределов понимания (непосвященных) смертных».

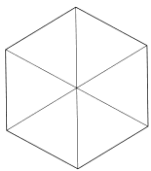
²³⁰ * *Викартмана* (санскр.) — буквально, «лишенный своих лохмотьев»; имя Солнца и символ посвященного неопита.

²³¹ * *Систрум* (греч.) — священный храмовый инструмент, обычно делавшийся из бронзы, использовавшийся для произведения, с помощью сочетания его металлов, магнетических токов и звуков.

атлантов (см. выше), то вывод напрашивается сам собой: именно у атлантов они и переняли семеричное деление, так же как наши Адепты – у обитателей "Священного Острова". Думается, что это объяснение звучит вполне убедительно.

Крест *тау* всегда *семеричен*, какую бы форму он ни принимал, а у него есть много форм, хотя суть его всегда одна и та же. Что представляют собою египетские *уза* (глаза) – амулеты, известные как

"мистический глаз", – как не символ того же самого? *Четыре* глаза расположены в верхнем ряду, и *три*, меньшего размера, – в нижнем. Или опять же, *уза с семью лучами*, свисающими вниз, "соединенное звучание которых, как говорят иероглифы, *создает человека*". Или тот же

шестиугольник, составленный из шести треугольников, имеющих одну общую вершину: *символ Сотворения Мира*, который, по утверждению Кеннета Маккензи, "носили как перстень владетельные принцы царственной тайны", кстати, сами не знавшие ее. *Если бы* число *семь* не играло никакой роли в таинствах вселенной и человека, то все архаические Писания – от Вед до Библии, включая сюда и Пураны, и Авесту, и все прочие дошедшие до наших дней фрагменты, не имели бы никакого *эзотерического* значения и их действительно следовало бы признать тем, чем их считают востоковеды, – сборниками детских сказок.

Нельзя не согласиться с тем, что *три упадхи* тарака раджа-йоги являются "лучшими и простейшими", как пишет в своем кратком очерке "Семеричное деление в различных индийских системах" м-р Субба Роу, но это утверждение справедливо лишь для чисто созерцательной йоги. Сам же м-р Субба Роу добавляет:

...Хотя человек и состоит из семи принципов, он подразделяется на три отдельных упадхи (основы), в каждой из которых его *Атма* может действовать независимо от остальных. Адепт может отделить друг от

друга эти три упадхи и при этом не умереть. Но он не может разделить друг от друга все семь принципов, не разрушив целостность своей структуры. ("Five Years of Theosophy", p. 186).

Конечно же не может. Но это опять-таки справедливо лишь в отношении трех низших принципов – тела и неотделимых от него (при жизни) *праны* и *лингашариры*. Все остальное – вполне отделимо, поскольку являет собою не *жизненные*, но скорее ментальные и духовные составляющие. Что же касается приводимого в той же самой статье возражения против включения четвертого принципа "в третью *коша* (оболочку), поскольку указанный принцип является только носителем силы воли, а последняя – это только энергия разума", то на него я могу ответить: все правильно. Но когда высшие элементы пятого принципа (*Манаса*) присоединяются к первоначальной *триаде*, а *земные* энергии – чувства и желания – остаются в *камалоке*, что является носителем, *астральной* формой, превращающей эти последние в *бхута*, способного существовать иногда веками, прежде чем раствориться окончательно? Может ли "ложная" личность, или *пишача*, чье эго состоит как раз из всех этих земных чувств и страстей, оставаться в *камалоке* и даже являться по временам живым людям, не имея никакого вещественного носителя, сколь бы то ни было эфирного? Или же нам следует вовсе отказаться от деления на семь принципов и от веры в существование таких объектов, как *астральное тело* и *бхуты* (или призраки)?

Разумеется, нет. Ведь и сам г-н Субба Роу еще раз объясняет, как с точки зрения индусов *низшие* элементы пятого принципа (*манаса*) могут проявляться после смерти, отмечая при этом (и вполне справедливо), что "называть это *развоплощенным духом* – просто абсурдно". Вот его собственные слова:

...Это просто энергия, или сила, сохраняющая направленность мыслей и идей человеческой личности, *в структуру которой она некогда входила* [курсив Е.П.Б.]. Иногда она призывает к себе на помощь силы *камару-ны* и создает для себя особую эфирную форму (не обязательно человекообразную). ("Five Years of Theosophy", p. 174).

Добавлю только, что та "сила", которая "иногда призывает на помощь" *камаруну*, на самом деле представляет собою два принципа, или две "силы" – назовите это, как пожелаете. А ведь есть еще и *Атма*, и ее носитель *Буддхи*, что увеличивает число принципов уже до *четырех*. И если добавить к ним еще три оставшиеся на земле и обреченные на исчезновение, то получим как раз *семь* – не больше и не меньше. Удивительно, как вообще можно говорить о современном спиритуализме, о его материализациях и прочих феноменах, игнорируя такой факт, как семеричное деление?

В заключение хотелось бы еще раз (последний) процитировать нашего почтенного брата, ибо он говорит:

...наши [арийские] философы связывали семь *оккультных* сил с семью принципами [в человеке и в космосе] или сущностями, о которых говорилось выше. Эти семь оккультных сил в микрокосме соответствуют двойникам оккультных сил в Макрокосме или, вернее, являются ими... ("Five Years of Theosophy", p. 167).

Истинно эзотерическое высказывание. И даже немного жаль, что слова, произнесенные в ходе импровизированной (хотя и весьма талантливой) лекции, публикуются без всякого редактирования.

Статья впервые опубликована в журнале "Theosophist", Vol. VIII, № 91, April, 1887, p. 448-456; на русском языке – Блаватская Е. П. Эликсир жизни. – М., Сфера, 1998. С. 307-325. Пер. Ю. А. Хатунцева.

"СОЕДИНЁННЫЕ"

Уже несколько месяцев прошло со времени публикации этого замечательного сочинения – замечательного не только своими несомненными литературными достоинствами, но и своей психической глубиной; и все это время мы ждали реакции, которую эта книга вызовет в филистерской²³² прессе. За прошедшие несколько лет мы уже не раз имели возможность познакомиться с той манерой, в которой эта пресса обычно приветствует появление теософских сочинений, часто забывая при этом, что "истинная критика заключается в умении находить прекрасное, а не выискивать недостатки". В английской метрополии немало критиков, придерживающихся диаметрально противоположной манеры рецензирования, столь строго осуждаемой Маккаллохом; и особенно отличаются на этом поприще литературные критики из "Saturday Review". А ведь Маккаллох предупреждал: "Восторженное выпячивание недостатков и пристрастие к их выискиванию в естественной красоте отнюдь не подтверждают наличие вкуса, но скорее свидетельствуют о его отсутствии". И добавлял при этом: "Но еще хуже, когда в выявлении недостатков, реальных или воображаемых, критик находит настоящее удовольствие, ибо это – порок". А если обнаружить в непопулярном сочинении сколько-нибудь серьезные огрехи им так и не удастся, пресса просто бойкотирует его, обходя пренебрежительным молчанием.

Нынешний случай не стал исключением. Филистерам так и не удалось разорвать этот мистический роман в клочья: обнаружить в нем погрешности стиля или даже раскритиковать его тематику, ибо автор благоразумно приписал свой роман к привилегированному жанру

²³² * *Филистер* (нем.) – человек с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением.

фантастики; и потому они просто проигнорировали его. Появилось только несколько коротких заметок в крупных газетах, содержание которых, за редкими исключениями, сводится к не всегда остроумному подшучиванию, после чего пресса замолчала вовсе. Этот роман – глубоко мистическое произведение; к тому же приводимые в нем описания различных стадий психических феноменов выполнены с натуры, ведь его автор – известный и преданный теософ. Уже одного этого было вполне достаточно для того, чтобы включить книгу в *Index Expurgatorius*. Только "Graphic" поместила на одной из своих страниц несколько одобрительных строк.

Коль скоро настоящая заметка не ставит себе целью рассмотрение литературных достоинств романа "Соединенные", но посвящена исключительно духовной его стороне, нелишним будет предварительно напомнить читателю о том, что писала об этом романе одна из ведущих лондонских газет.

Новый вклад м-ра Синнетта в литературу по трансцендентальной психологии – роман "Соединенные" – представляет собою нечто большее, нежели просто продолжение романа "Карма". Адепты и последователи, без сомнения, обратятся к нему, так же как к его предшественнику, за новыми подсказками, проливающими свет на учение, которое он иллюстрирует и пропагандирует. Но автор не обошел своим вниманием и всех остальных, не связанных с теософией читателей; и нам представляется правильным оценивать эту книгу именно с их позиций. Даже без учета его специфической тематики "Соединенные" – очень интересный роман. Хорошо скомпонованный и ясно изложенный сюжет призван донести даже до самых скептических или равнодушных умов очарование эзотерической теософии. Более того, хотя м-р Синнетт даже не пытается в чем-либо убеждать читателя (да это и не представляется возможным), роман отнюдь не теряет от этого своей привлекательности; а несомненная искренность автора не может не вызывать к нему столь же

искреннего уважения. Основная канва сюжета, слегка приправленная побочными эпизодами, состоит в том, что некий человек отдает все свои силы спасению жизни девушки, и это самопожертвование не только спасает ее, но и возносит на более высокую ступень бытия, предоставляя ей право продолжить жизнь в более высоких сферах. Все сочинение насквозь пронизано мистицизмом, но даже этому мистицизму придано замечательное сходство с реальностью, что говорит о таланте автора; ибо придание художественному вымыслу реального звучания – это действительно высокое искусство, доступное далеко не каждому. Несомненно, вера, в самом полном смысле этого слова, отчасти объясняет то широкое признание, которое получили литературные и общественные заслуги м-ра Синнетта на столь нелегком поприще. (Graphic, July 24, 1886, London.)

Вышеприведенная рецензия хотя и скупа на слова, но вполне честна и беспристрастна в своей оценке. К тому же более пространных отзывов о романе "Соединенные" пока что не было даже в наших теософских публикациях. Мы можем привести в оправдание этому множество причин, но не станем этого делать, поскольку ни одна из них не будет достаточно убедительной, за исключением, пожалуй, одной: коллектив "Theosophist" подвела инстинктивная боязнь сказать или слишком много, или слишком мало. Но теперь настало время подвергнуть этот замечательный роман самому подробному анализу, дабы, выявив содержащиеся в нем эзотерические истины, привлечь к ним внимание, по крайней мере читателей-теософов. К сожалению, до сих пор в исполнительных структурах нашего Общества господствовала тенденция приносить дух в жертву форме и уделять слишком много внимания отдельным случаям проявления психических сил, вместо того чтобы пропагандировать их как **закон человеческой природы**.

Эти силы сокрыты в **человеке**, и не только в отдельных представителях рода человеческого, но в каждом мужчине, женщине

или ребенку; только в 99 случаях из 100 эта двойственность природы так и остается непознанной. И это незнание проистекает из самого нашего западного образа жизни.

Богатые или бедные, образованные или безграмотные – все мы, цивилизованные народы, рождаемся, живем и умираем "при *искусственном* освещении", в ложном свете, который, искажая наш реальный облик, подобно покрытому густой сетью трещин зеркалу, меняет наши лица, заставляя нас видеть друг друга не такими, как мы есть, а как подсказывают нам религиозные предубеждения и социальные предрассудки. Иначе такие люди, как Эдит и Марстон, появлялись бы во всех сословиях нашего общества гораздо чаще, нежели это происходит сейчас.

Ибо кто из нас знает или имеет возможность познавать *себя*, оставаясь в губительной атмосфере светского общества или пролетариата? И если с самого детства нас учат, что мы зачаты в грехе и беспомощны перед миром, как тростинки на ветру, и что единственная надежная защита для нас – наш "Господь", то кому из нас придет в голову развивать свои собственные скрытые возможности (тем более, что сам факт существования оных известен далеко не всем)? Между вечной борьбой за власть, деньги и почести в высшем обществе и "борьбой за существование" – за кусок хлеба насущного и *жизнь* – среди низших классов не остается ни места, ни времени для проявлений нашего "внутреннего человека". И потому от рождения до самой смерти *Эго* дремлет, парализованное внешним человеком, лишь изредка заявляя о себе во сне, случайных видениях и странных "совпадениях" – непрошенных и в большинстве случаев незаметных. *Духовная*, или, как она названа в романе "Соединенные", **высшая, сущность** должна сначала полностью освободиться от усыпляющего влияния *личностной*

сущности; только тогда она сможет открыто заявить о своем существовании и действительном присутствии в человеке. Но если это условие будет выполнено, то поистине, как сказал Мильтон: "Кто властвует над собой и управляет своими страстями, желаниями и страхами, тот больше, чем король". *Собственно, это и есть Адепт*; ведь только *оболочка* отделяет внутреннего человека от мира объективных и субъективных проявлений, и, если ее сопротивление преодолено и она может оказывать лишь пассивное противодействие, высшая сущность становится такой же свободной, как и в тот день, когда она сбрасывает свою оболочку навсегда. Но встречаются и редкие исключения, когда, повинаясь каким-то неисповедимым путям кармы, человек от рождения приобретает способность контролировать свою оболочку – его **внутренняя сущность** оказывается настолько сильной, что без труда сводит на нет всякое сопротивление своего личностного, или временного, тела. К таким случаям "раннего расцвета" принадлежит и Эдит – героиня романа м-ра Синнетта, которая предстает перед читателем сначала ребенком, а затем – молодой девушкой.

Публикацией упомянутого романа его автор увеличил число своих заслуг перед теософией и возложил на мыслящий мир еще большую ответственность, разумеется, вовсе не тем, что придал в романе "мистицизму... замечательное сходство с реальностью" (как полагает рецензент из "Graphic"), но тем, что облек **реальность** – подлинный психический феномен, который в условиях *псевдобеспристрастного* изучения и чересчур научного подхода к нему так и не смог пока подняться в глазах широкой публики выше малопонятного "телепатического воздействия", в столь привлекательные и в то же время естественные одежды и изложил ее в столь занимательной форме. Для того огромного числа читающей публики, коему неинтересны абстрактные метафизические рассуждения, подобное

вплетение *подлинно* оккультных доктрин в сюжет увлекательного романа является абсолютной необходимостью. Сейчас появляется все больше развлекательной литературы, в которой присутствует элемент мистики, что можно объяснить главным образом стремительным ростом духовности, ставшим очевидным в последние несколько лет. И хотя находить доступное рядовому читателю объяснение актуальных ныне доктрин тайного учения – задача не из легких, это не значит, что мы не должны изыскивать всё новые пути ее решения. Роман "Соединенные" включает в себе немало метафизических рассуждений, но они изложены в общедоступной форме и к тому же искусно переплетены с картинами привычной, повседневной жизни общества.

Роман начинается описанием детства главной героини Эдит Кинсейл, жившей со своим овдовевшим отцом и доброй, скромной гувернанткой в уединенном загородном доме. Ее отец – вечно занятой ученый, страстный филолог, ведущий свою собственную внутреннюю жизнь, целиком посвященную науке. Он настолько увлечен своей работой, что "впервые заметил ее [жены] серьезную болезнь" только тогда, когда миссис Кинсейл "тихо и незаметно сошла в могилу". Первые же строки романа знакомят читателя с характером отца героини, дабы пояснить, как окружающие обстоятельства благоприятствовали развитию *аномальных* способностей девочки. Она была единственным ребенком в семье этого не слишком богатого провинциального джентльмена. Скромное состояние ее отца и его замкнутый образ жизни книжного червя предопределили ограниченность круга общения девочки с самого ее рождения, что поневоле побуждало ее обращаться к собственному ментальному, внутреннему миру. Ее гувернантка мисс Баркли – "высокая и тощая старая дева, с непропорционально большими зубами, мягким характером и богатым жизненным опытом", который, впрочем, так и не отучил ее бояться привидений, скорее способствовала,

нежели препятствовала ранней и бесконтрольной любви девочки ко всему мистическому и "сверхъестественному", что, в свою очередь, пробуждало в ней детскую агрессивность и страх. Уже в шестилетнем возрасте Эдит проявляла нездоровый интерес к оккультизму. Она перерыла все книги в библиотеке своего отца в поисках информации о привидениях вообще и о "семейных" призраках в частности. Ее гувернантка часто видела, как Эдит, взобравшись на ворота в конце ведущей к дому аллеи, задумчиво ожидает появления "семейного" видения – старого рыцаря верхом на коне, не раз наводившего ужас на некоторых "избранных" поселян.

Сама нехитрая история юной мечтательной души, эволюционировавшей, так сказать, *от внешнего к внутреннему*, с каждым днем все больше приближавшейся к *внутреннему* миру и отдалявшейся от внешнего, руководствуясь при этом только лишь *собственными* инстинктами, на удивление прекрасна. До шести лет, когда умерла ее мать, девочка была фактически предоставлена самой себе. И только когда овдовевший отец оказался перед выбором: отправить свою дочь в школу или же нанять для нее гувернантку – он смог поближе познакомиться с собственным ребенком и был удивлен и даже ошеломлен тем, что шестилетняя девочка *может иметь* собственное мнение в выборе своей будущей судьбы. Когда Феррон Кинсейл попытался убедить ее, что школа предпочтительнее гувернантки, она воскликнула скорее огорченно, нежели рассерженно: "Ах, папа! Разве ты не видишь, что отсылаешь меня от себя *против моей воли!*" – и залилась слезами.

Непреклонность и слезы девочки возымели желаемый эффект. Мисс Эдит осталась дома; и время продолжало идти для нее монотонно, но совсем не скучно: во внешнем мире она находилась в обществе своего

добротного отца и такой же доброй гувернантки; но у нее был еще и свой бескрайний внутренний мир, который она неустанно изучала до наступления семнадцатилетнего возраста. Она превратилась в очаровательную молодую особу, но по-прежнему любому обществу она предпочитала уединение своего дома:

Ее любовь к тишине Комптонского леса была вызвана отнюдь не пугливой застенчивостью и уж конечно не мрачной неприязнью к человеческому роду. Яркая жизнерадостность ее характера, казалось, озаряла весь дом, наполняя его весельем, без которого она не мыслила себе свое существование...

Пожалуй, единственным местом, ради которого Эдит соглашалась оставить свой дом, была старая усадьба, принадлежавшая каким-то дальним ее родственникам. Туда девушку влекла так называемая "комната графини". Это было отнюдь не "экзотическое пристанище" для нервных людей, поскольку старая "графиня" при жизни занималась "черной магией", и после смерти ее призрак иногда был виден в "лунном свете" в этих самых окнах. Но это лишь еще больше манило Эдит, к большому сожалению ее гувернантки, хотя Эдит никогда не была "нервной". В этой просторной комнате заброшенного дома Эдит проводила целые часы перед наступлением сумерек, в то время как мисс Баркли делилась своими страхами с женой смотрителя усадьбы, миссис Сквайре. Во время одного из таких визитов, когда Эдит находилась в "комнате графини", гувернантка познакомилась с двумя молодыми джентльменами, Джорджем Феррарсом и Марстоном. После взаимных представлений выясняется, что м-р Ферраре находится здесь по просьбе своей сестры миссис Малькольм, которая интересуется оккультизмом и к тому же обладает даром ясновидения. Недавно она получила загадочное пророчество: ей надлежало познакомиться с молодой девушкой, связанной со старым поместьем под названием Кинсейл-

Корт. Спутник Феррарса Марстон – главный герой сего оккультного повествования – также оказывается впоследствии сильным гипнотизером-месмеристом, хорошо разбирающимся в психических науках.

Присутствие двух молодых людей придает мисс Баркли мужества, и она отправляется вместе с ними на поиски Эдит, "не переставая восторгаться столь удачным стечением обстоятельств". Однако Эдит не откликается на ее зов. В ужасе гувернантка бросается вперед, в сумрак комнат заброшенного дома, и наконец находит свою воспитанницу.

Эдит лежала на полу, подогнув колени; ее кремовое платье отливало в лунных лучах серебристым светом; пальцы рук крепко сжаты, а лицо обращено куда-то вверх, в сторону... комнаты графини...

"Зачем вы нас потревожили? – произнесла она, как будто сквозь сон... – Я была будто на небесах, а теперь *она* ушла... Здесь был прекрасный ангел, как раз на этом месте, где я сейчас стою. Мы говорили – не знаю, как долго; это был такой восторг, что я не в силах описать его... Я словно взлетела сама над собою; так не хочется возвращаться назад..."

Эдит никак не хотела покидать то место, где ей впервые удалось пережить *переход в свою высшую сущность*, покинув свое бренное тело. Вернуть ее к жизни помог Марстон, который принес ей стакан воды и доверительным тоном сообщил: "Это чистая вода с очень небольшой примесью магии... которая никак не повредит вашему видению".

И с этого момента судьбы новоявленной пророчицы и опытного адепта-месмериста оказываются соединенными навсегда.

Не следует думать, однако, что эти двое сразу же влюбились друг в друга (хотя рядовой романист наверняка заставил бы их сделать это). Более того, Эдит поначалу даже не проявляла к Марстону сколько бы то ни было заметной симпатии или интереса. Она лишь начала ощущать

его влияние, особенно в те моменты, когда возвышалась до сверхчувственного существования, то есть когда она отделялась от своего тела и жила в своей высшей сущности. Таким образом, эта первая встреча и еще несколько последующих не произвели на девушку сколько-нибудь значительного впечатления; хотя судьба Марстона с самого момента их знакомства была решена навсегда. Он становится ее преданным почитателем; но та любовь, которую он к ней испытывал, была скорее мистической и не имела ничего общего с обычной земною привязанностью.

Эдит и Мариан Малькольм (сестра Феррарса) вскоре стали близкими подругами и нежно привязались друг к другу. Их сближало еще и то, что их обеих посещала время от времени одна и та же, как они считали, "духовная королева", хотя последняя была лишь сияющей духовной **сущностью** невинной девушки по имени Эдит, которая и сама, по странному недоразумению, принимала свою высшую сущность за некое отдельное от себя существо. Марстон – адепт оккультного месмеризма – наконец выводит юную провидицу из заблуждения и открывает ей истину. И, сделав это, предопределяет тем самым свое будущее.

Марстон вынужден всю жизнь хранить один страшный секрет, известный помимо него только его старому и преданному другу Феррарсу и его сестре. Эта роковая тайна заставляет его вести жизнь Каина, хотя он сам и не совершал никакого преступления. Но преступление, за которое его отец был отправлен на виселицу, словно пропасть, отделяет его от девушки, которую он любит. Благодаря своим месмерическим способностям он мог бы привязать ее к себе навсегда, но не желает прибегать к подобному способу. "Разве это не было бы подлостью?" – спрашивает он. Сама же Эдит, возвращаясь к своей

нормальной земной жизни, не помнит ничего из того, что и кого она видела, будучи погруженной в транс гипнотическим воздействием Марстона; поэтому она ничего не знает о безмерной любви юноши. Казалось, никакая земная скверна не может коснуться ее, она вся погружена в свою призрачную, неземную жизнь. Она даже обручилась с одним состоятельным полковником, который был от нее без ума. Но, как писала она сама: "С полковником Денби меня соединили моя судьба и мои друзья".

Однажды, будучи в состоянии транса, она поведала Марстону и миссис Малькольм, что у нее поражено одно из легких и долго она не проживет; хотя по возвращении в нормальное состояние даже не догадывалась о грозящей ей опасности, поскольку боль еще не дала о себе знать и она по-прежнему чувствовала себя здоровой и сильной. Когда же недуг обнаружили врачи, эта новость, казалось, не произвела на нее никакого впечатления. Она оставалась все такой же – задумчивой, но в то же время веселой, беззаботной девушкой.

На примере Эдит автор романа прекрасно развил и описал эту характерную оккультную черту – постоянное, хотя и неосознанное стремление каждого истинного психиста освободиться от всех земных пут и от всех привязанностей, коему не может воспрепятствовать даже веселая и счастливая юность. *Двойственная* природа Эдит с трудом уживалась в одном человеке, так как приведение в гармоничное состояние ее контрастирующих начал требовало немалого труда. И это обстоятельство тоже мастерски описано автором. Его героиня как раз и являет собою пример такой гармонии. Приближаясь к постижению тайны своей собственной природы, Эдит стремится к абсолютному блаженству в "состоянии высшей сущности"; но, вернувшись обратно на землю, она не надевает маску мистической меланхолии и не выказывает

презрения к окружающей жизни, но снова становится такою же, как была, – молодой и веселой дочерью земли.

"Никто не пожелал бы жить в теле, если бы познал, что это такое – жить в мире духа, – заявляет она, будучи в состоянии транса; но тут же добавляет: – Не следует, однако, торопить эту перемену". Но даже ее внешняя, физическая жизнь, как кажется, исподволь подталкивает ее к этой великой "перемене", ибо "все остальное кажется таким жалким и незначительным в сравнении со славой и радостью" развоплощенного, но вполне осознанного существования. Итак, мы видим в романе параллельные линии жизни иллюзорной, внешней Эдит и ее **высшей сущности**, а также ее верного стража Марстона; и, хотя эти линии никогда не пересекутся, они все-таки создают ощущение неразрывного целого, единой духовной индивидуальности. Это напоминает драматическую встречу Занони со своим сияющим в славе *Авгоэйдом*²³³; отражение бессмертия в смертных существах.

В романе "Соединенные" читатель найдет немало мистических сцен, содержащих в себе детали оккультных истин, скрытых под маской романтического вымысла. Поэтому те, кто изучает эзотерику или же обладает развитой интуицией, могут попытаться выявить в тексте книги подлинные фрагменты учения, изложенные в несколько упрощенной форме, чтобы быть понятными даже неподготовленному читателю. Самопожертвование Сиднея Марстона – наиболее драматическая часть романа – также отражает поразительную и загадочную, но вполне *реальную* возможность оккультной передачи сил и даже самой **жизни** в ходе месмерических феноменов. В своей безграничной и вечной любви к ней – "королеве своей души", которая

²³³ * *Авгоэйд* (греч.) — светящееся божественное излучение Эго, которое, будучи воплощенным, является лишь своей тенью — все-таки столь же чистой.

никогда не будет принадлежать ему на этой земле, Марстон решается спасти ее жизнь. Он даже соглашается с тем, что она станет женою другого человека, ибо понимает, что с ним – Марстоном – она не может быть счастлива. Ради ее спасения он готов пойти на самый отчаянный шаг: вдохнуть в ее кровь и стремительно разрушающиеся легкие дыхание жизни своего собственного тела и умереть, чтобы, покинув этот мир, всегда быть рядом с нею в ее невидимой жизни души. И он делает это, несмотря на ее протесты, на сей раз подчинив ее волю своей могучей психической силе.

"Будьте милостивы и великодушны, – умолял он, – и не отвергайте моего дара. Эдит, дорогая, я говорю вам: жребий уже брошен, и мосты сожжены. Теперь я уже не смог бы остановить это, если бы даже захотел... *Сегодня я весь день был занят... делом, которому уже невозможно дать обратный ход...* Если бы я даже умирал от какой-нибудь болезни... я вряд ли смог бы говорить с вами более свободно, нежели говорю сейчас. Пройдет эта ночь, и я уже больше никогда не увижу вас, любовь моя... Я хочу подарить вам жизнь, свою собственную жизнь. И этот *подарок станет ее венцом...* Я уже говорил вам: моя жизнь просто перельется в вас; и мое сердце, которое и так билось только для вас, замрет от счастья и гордости, потому что его последние удары будут посвящены вам в самом прямом смысле этого слова. Вы будете счастливы в этой жизни, моя сияющая королева, и в этой жизни, и в следующей; и ваше счастье не будут омрачать воспоминания об этом вечере; горечь отступит, и вы снова обретете покой... Любовь моя, мы не могли быть счастливы на этой земле вдвоем, и я решил уйти в сторону, чтобы не стоять у вас на дороге. Так уж получилось: моя смерть может принести вам пользу, тогда как жизнь моя была бы для вас абсолютно бесполезной".

Ее захлестнула волна эмоций, которым она сама не смогла бы дать должного определения; более того, она почувствовала, что не может произнести ни слова, не говоря уже о том, чтобы выразить сколько-нибудь аргументированный протест. Тяжело дыша, почти без чувств, она упала на руки Марстона, лицо ее горело, кровь бешено пульсировала... Мысли Марстона

тоже перепутались; правда, причина его смущения была несколько иной. "Однако я слишком задержался, – только и смог пробормотать он, – мне пора. Прощайте, прощайте".

Он поднялся и, шатаясь, как пьяный, натыкаясь на стулья, побрел к двери... Не успел он открыть дверцу коляски и усесться за спиной у извозчика, как Эдит пулей пронеслась через гостиную и прихожую и выскочила во двор.

— Не позволяй ему уехать! – закричала она. – Мариан, он очень болен. Остановитесь! Я приказываю вам остановиться. Без вас я не буду жить.

— Поздно! Слишком поздно! – ответил он, скорее удовлетворенно, нежели с сожалением, и властно скомандовал извозчику: — Трогай!..

— Он умер из-за меня, – сказала Эдит с чувством, – больше мы не увидим его живым.

Так и случилось. И, как объясняла впоследствии сама Эдит:

"Все эти вещи кажутся вам странными, но для нас с ним они были ужасною реальностью. Он всегда придавал мне сил: поддерживал своим магнетизмом всякий раз, когда мне было плохо, и чувствовал при этом слабость и усталость, потому что отдавал свои силы мне. Это был как бы перенос жизненной энергии. Он мог отдавать ее, а я могла ее принимать. Но все это были мелочи в сравнении с его последним открытием. Он узнал, как можно перелить всю жизнь, без остатка, из себя в другого человека, чтобы безнадежно больной смог снова стать здоровым и сильным; но сам он заплатил за это дорогой ценой, и теперь извозчик везет в Лондон его мертвое тело!.."

Что это – выдумка или реальная возможность, существующая в природе? Когда то, что доктор Ричардсон называет "эфирной нервной энергией", или жизненный принцип, будет лучше изучено и понято, тогда, возможно, многие кажущиеся невероятными феномены получат всеобщее признание. И если животный магнетизм действительно существует как сила или энергия (назовите его, как хотите), обладает текучестью [и] может исцелять болезни, переливаясь в виде жизненной энергии от донора к пациенту, то вполне логичным было бы

предположить, что *перелить его полностью, весь без остатка, из одного тела в другое также возможно*. Реальность зачастую превосходит даже самое богатое воображение, но не перестает от этого быть реальностью, действительно имеющей место в природе.

Однако жертва Марстона оказалась напрасной. Вместо того чтобы исцелить физический организм Эдит, его жизненная энергия приобрела благодаря неисчерпаемой духовности Эдит иное направление и еще больше ослабила связь между ее астральной высшей сущностью и физическим телом. И Эдит решает уйти в высший мир навсегда.

"Дорогая, – говорит она в утешение Мариан, – разве ты не видишь, что именно так и должно было случиться? Зная то, что я знаю сейчас, и видя так ясно перед собою иную жизнь, как я могу оставаться в этом мире?"

Далее в романе описывается потрясающая сцена ясновидения в старой усадьбе, в которой участвуют обе подруги – Мариан и Эдит. Это было за день или два до окончательного развоплощения последней, все в том же заброшенном поместье, рядом с "комнатой графини".

И наконец, последняя сцена (это случилось уже после того, как Эдит подготовила своего отца, даже не подозревавшего о грозящей ему потере, к скорому расставанию со своим единственным ребенком): однажды ночью миссис Малькольм

несмотря на полудрему, вдруг *ощутила* рядом с собою присутствие Эдит – ее сияющего духа... А когда наступило утро, миссис Малькольм показалось, что прошли уже годы и что живая, телесная Эдит всего лишь прекрасное воспоминание, а не реальность вчерашнего дня...

А потом Эдит пришла, чтобы попрощаться с нею. И последние слова удаляющегося духа как нельзя более красноречиво раскрывают секрет ее стремления к преждевременной и окончательной "перемене":

"Для меня это – вовсе не прощание, ведь в моей высшей сущности ты по-прежнему останешься со мной – каждая твоя частица. *Я останусь и с тобою, и с тем, кто, вне всяких сомнений, заслужил право соединить свою жизнь с моей.*

Марстон и Эдит **соединились** в дэвакхане, "откуда не возвращается ни один странник". Сияющая высшая сущность, с которой мы соединены при жизни, собирает вокруг себя в дэвакхане высшие сущности всех тех, кого она любила на земле бессмертной духовной любовью. Следовательно, дух Эдит был абсолютно прав, когда говорил Мариан, что сохранит "каждую частицу" ее **высшей сущности**, ибо она – бессмертна.

Статья, представляющая собой рецензию на роман А. П. Синнетта (A. P. Sinnett, United, London: George Redway, 1886, 2 vol.) впервые опубликована в журнале "Theosophist", Vol. VIII, № 92, May, 1887, p. 514-520; на русском языке – *Блаватская Е. П. Эликсир жизни.* – М., Сфера, 1998. С. 326-342. Пер. Ю. А. Хатунцева.

В письме А.П.Синнетту от 10.01.1887. Е.П.Блаватская утверждает, что две страницы для этого отзыва были продиктованы ей Учителем (см.: Е.П.Блаватская. Письма А.П.Синнетту. — М.: Сфера, 1997. — С. 455).

Приложение 1

ОБ АВТОРЕ «ЭЛИКСИРА ЖИЗНИ»

[H.P.Blavatsky. Collected Writings. Vol. VI, 1954, pp. 241-244].

Эту замечательную статью написал Мирза Мурад Али Бек. Таков был псевдоним Годолфина Митфорда, потомка старого хэмпширского рода Митфордов. Его отец служил в Ост-Индской компании. Родился Годолфин Митфорд в Мадрасе и был очень эксцентричной и

своеобразной личностью. Он по-любительски, с эгоистическими целями занимался черной магией, чем спровоцировал определенных элементарных существ, которые произвели в его сознании хаос. В то время когда он пришел к Е.П.Блаватской и полковнику Олькотту в их резиденцию в Бомбее, 20-го января 1881 года, он был магометанином. Его жизнь была полна бурных приключений. Полковник Г.С.Олькотт пишет о нем следующее (H.S.Olcott. Old Diary Leaves, Vol. II, publ. by the Theos. Society (Adyar), 1900, p. 289-291):

Когда мы встретились, он был на военной службе у махараджи Бхавнагара в качестве старшего кавалерийского офицера — практически синекура. Он вел бурную, рискованную жизнь, полную скорее страданий, нежели чего-то еще. Кроме всего прочего, он слегка занимался черной магией и говорил мне, что все страдания, через которые он прошел в течение нескольких предшествующих лет, непосредственно связаны с пагубными преследованиями неких злых сил, которые он вызывал для того, чтобы они помогли ему повлиять на одну достойную даму, которой он помогался... Он сам оказался во власти злых духов, не имея моральной силы сдерживать их после того, как принял их принудительную услугу. Несомненно, он был очень тяжелым человеком в общении. Нервный, возбужденный, ни на чем не сосредоточенный, раб своих капризов, знающий о высших возможностях человеческой природы и все же не способный достичь их, он пришел к нам как к прибежищу и вскоре после этого на несколько недель поселился в нашем доме. Для англичанина он выглядел весьма странно. Его одежда была целиком мусульманской, а светло-коричневые волосы сзади были связаны в греческий узел, как у женщины. Он был бледнолиц, со светло-голубыми глазами. В своем «Дневнике» я говорю, что он больше походил на актера, загримированного для роли. «Эликсир жизни» был написан несколько позже, но я могу рассказать, почему он занимает меня.

С тех пор как он пришел к нам, он казался вовлеченным в сильный умственный и нравственный конфликт с самим собою. Он жаловался, что его раздирают добрые и дурные влияния. У него был утонченный ум, он

был весьма начитан, хотел присоединиться к нашему Обществу, но поскольку я не был уверен в его нравственной стойкости, то отказал ему. Однако, поскольку Е.П.Блаватскаяц выразила готовность взять за него ответственность, то я смягчился и позволил ей принять его. Несколько месяцев спустя он трогательно отблагодарил ее, сорвав меч с сипая на станции Водван и пытаясь убить ее, крича, что все ее Махатмы — демоны. Короче говоря, он сошел с ума. Но вернемся к делу. В течение того времени когда он был с нами, он написал несколько статей, которые были напечатаны в «Theosophist», а однажды вечером, после беседы, с огромным энтузиазмом сел писать о долгожительстве. Е.П.Блаватская и я остались в комнате, и когда он начал писать, она подошла и встала позади него — точно так, как в Нью-Йорке, когда Харисс делал эскиз портрета одного из Учителей — с ее мысленного внушения. После публикации в «Theosophist» статья Мирзы Сахиба привлекла к себе заслуженное внимание и с тех пор занимает достойное место как один из самых ценных памфлетов в нашей теософской литературе, заставляющих думать. Дела его шли неплохо, и у него был хороший шанс восстановить многое из своей утраченной духовности, если бы только он остался с нами; но после того как он дал это обещание, он поддался непреодолимому импульсу и устремился обратно в Водван, к разрушению. Его разум так и не обрел равновесия; он стал римским католиком, затем снова отрекся от этого в пользу ислама и, наконец, умер и был похоронен в Джунагаде, где я видел его скромную могилу. Его случай всегда представлялся мне ужасным примером той опасности, которой подвергается человек, поверхностно занимаясь оккультной наукой, когда в нем свирепствуют животные страсти.

В «Тайной Доктрине» Е.П.Блаватской есть два отрывка, касающиеся этой экстраординарной личности:

...англичанин, чей беспорядочный гений убил его. Сын протестантского священника, он стал магометанином, затем яростным атеистом, после встречи с Учителем, Гуру, сделался мистиком, затем неуверенным теософом, отчаялся, бросил белую магию ради черной, стал душевнобольным и присоединился к римской церкви. Затем снова

отвернулся, предал ее анафеме, снова впал в атеизм и умер, проклиная человечество, знание и Бога, в которого он перестал верить. Обладая всеми эзотерическими сведениями для написания своей «Войны в небесах», он сделал из нее полуполитическую статью, смешав Мальтуса с Сатаной, а Дарвина — с астральным светом. Мир его оболочке. Он является предостережением для чела-отступников. Его забытую могилу теперь можно увидеть на мусульманском кладбище в Джунагаде, в Индии.

...он был самым незаурядным мистиком, великой учености и замечательного ума. Но он покинул Правый Путь и немедленно подпал под кармическое возмездие...

Тем не менее Е.П.Блаватская не раз рекомендует своим читателям его эссе «Война в небесах» (War in Heaven // The Theosophist, V. III, №№ 1, 2, 3; pp. 24-25, 36-38, 67-70) и цитирует его в «Тайной Доктрине».

Б.М.Цырков

Приложение 2

СОЗЕРЦАНИЕ

[«Five Years of Theosophy», London, 1885, pp. 40-49]

Похоже, что превратное мнение о сем предмете довольно распространено. Некто на время уединяется в комнате и, сидя недвижно, взирает на свой нос, точку на стене или, возможно, на кристалл, полагая, что это и есть истинная форма созерцания, предписываемая раджа-йогой. Многие даже не понимают, что согласно истинному оккультизму физическое, ментальное, нравственное и духовное развитие должно идти параллельно, и калечат себя физически и духовно, практикуя то, что они ложно принимают за Дхьяну. Здесь стоит привести несколько примеров в качестве предупреждения чересчур ретивым ученикам.

Пишущий эти строки повстречал в Барейли члена Теософского Общества из Фаррукхабада, который поведал ему о своих экспериментах и проливал горючие слезы, раскаиваясь в своих прежних безумствах — как он их окрестил. Из его рассказа явствует, что лет пятнадцать или двадцать тому назад, прочитав о созерцании в «Бхагавадгите», он начал практиковать его без должного понимания эзотерического значения одного и продолжал эту практику в течение ряда лет. Поначалу он испытывал наслаждение, но вместе с тем понимал, что мало-помалу теряет над собой контроль; пока спустя несколько лет он не обнаружил, к своему глубочайшему недоумению и сожалению, что он уже больше не принадлежит самому себе. Он почувствовал, что сердце его точно отяжелело, будто на него взвалили груз. Он уже не контролировал свои чувства; связь между мозгом и сердцем словно прервалась. И поскольку обстоятельства все более и более усугублялись, он отвратился от своего «созерцания». Случилось это семь лет тому назад; и хотя с той поры хуже ему не стало, тем не менее он так никогда и не смог обрести первоначального здоровья духа и тела.

Другой случай привлек внимание автора сих строк в Джабалпуре. Некий джентльмен, прочитав Патанджали и несколько подобных работ, усиленно занялся «созерцанием».

Немного погодя он начал лицезреть анормальные видения и слышать музыкальный звон, но ни эти феномены, ни свои собственные чувства не был он в состоянии контролировать. Он не мог ни вызывать сии следствия по желанию, ни прекращать их, когда они имели место. Множество подобных примеров можно привести. Перед пишущим эти строки лежат на столе два письма — одно из Морадабада, другое из Тричинополи — и все на ту же тему. Словом сказать, все эти беды проистекают из-за неправильного понимания значения созерцания,

каковое предписывается ученикам всех школ оккультной философии. Статья «Эликсир жизни» и была написана как раз для того, чтобы могли мы узреть хоть проблеск реальности сквозь толщу покрова, что окутывает тайны сей науки наук. К несчастью, в большинстве случаев семя упало на бесплодную почву. Некоторые из читавших ее слепо полагаются на следующую фразу в этой статье:

Размышляя от известного к неизвестному, необходимо практиковать и поощрять медитацию.

Но, увы! из-за своих предубеждений они так и не сумели понять, что же подразумевается под медитацией. Они забывают, что медитация, о коей идет речь, «есть неизреченное, страстное желание внутреннего человека “устремитесь в беспредельность”, что в стародавние времена являло собой истинный смысл поклонения» — как явствует из следующего предложения. Этот вопрос прояснился бы много больше, если бы читатель обратился к предыдущей части этой статьи и внимательно прочел бы следующие параграфы:

Итак, мы достигли той точки, где решились — буквально, не метафорически — разбить внешнюю оболочку, известную как бrenная плоть или тело и выскользнуть из нее, облачившись в нашу следующую. Эта «следующая» не есть духовная, но лишь более эфирная форма. Приспособив ее к существованию в этой атмосфере в результате длительной тренировки и подготовки, во время которых мы постепенно умерщвляли внешнюю оболочку посредством определенного процесса,... мы должны подготовиться к этой физиологической трансформации.

Но как же сделать это? Прежде всего, мы должны заняться настоящим, видимым, материальным телом — человеком, так сказать, хотя фактически лишь его внешней оболочкой. Не будем забывать, чему нас учит наука: что почти каждые семь лет мы меняем кожу, и столь же эффективно, как и любая змея; и сие происходит так постепенно и незаметно, что, не убеди нас в этом наука после долгих лет неустанных

изысканий и наблюдений, то никто бы не питал и тени подозрений на сей счет... Следовательно, если человек с частично содранной заживо кожей может подчас выжить и обрасти новой кожей, то и наше астральное, витальное тело... может адаптировать свои частицы к атмосферным изменениям. Весь секрет кроется в том, чтобы суметь его выделить и отделить от видимого; и пока его обычно незримые атомы продолжают уплотняться, превращаясь в твердую массу, — постепенно избавиться от старых частиц нашего видимого каркаса, чтобы они могли исчезнуть прежде, чем новая группа успеет развиться и заменить их... Мы не можем сказать больше.

Правильное понимание вышеизложенного научного процесса даст ключ к эзотерическому значению медитации, или созерцания. Наука учит нас: физическое тело человека изменяется постоянно и изменение это столь постепенно, что почти незаметно. Почему же тогда с внутренним человеком должно происходить нечто обратное? Атомы последнего также развиваются и изменяются ежеминутно. И притяжение этих новых групп атомов зависит от закона сродства, поскольку желания человека притягивают к его брэнной обители только такие частицы, которые необходимы для их выражения.

Ибо наука доказывает, что мысль динамична, и сила мысли, развитая нервной деятельностью, распространяясь наружу, должна влиять на молекулярную взаимосвязь в физическом человеке. Внутренние люди, каким бы сублимированным не был их организм, все еще состоят из реальных, а не гипотетических частиц и также подвержен закону, по которому «действие» имеет тенденцию к повторению — тенденцию возобновлять аналогичное действие в более плотной оболочке, с коей они связаны и в коей сокрыты.

Разве не стремится взыскующий йога-видьи обрести Мукти, постепенно перемещаясь из более плотного тела в следующее, менее плотное, доколе не спадут, один за другим, покровы майи и Атма его не сольется с Параматмой? Полагает ли он, что сего грандиозного

результата можно достичь посредством двухчасового или четырехчасового созерцания? А в те оставшиеся двадцать или двадцать четыре часа, когда благочестивый человек не удаляется в свою комнату для медитации, приостанавливается ли процесс высвобождения атомов и их замены на другие? Если нет, как тогда намеревается он привлекать к себе все это время только те атомы, что соответствуют его цели?

Из вышеприведенных высказываний ясно, что как физическое тело требует непрестанного внимания, чтобы предотвратить болезнь, так и внутренний человек требует неослабной бдительности, дабы ни одна сознательная или бессознательная мысль не привлекла атомы, непригодные для его развития. Вот в этом и заключается истинный смысл созерцания. Самым существенным в направлении мысли является воля.

Без этого, все остальное бесполезно. И, дабы служить действенным средством для избранной цели, она не должна быть только мимолетной, сиюминутной решимостью, единственным огненным, скоротечным желанием, но *неизменным, постоянным напряжением — в той мере, в какой его можно поддерживать и в какой на нем можно сосредоточиться, не ослабевая его ни на миг.*

Ученик поступит разумно, если обратит внимание на выделенное курсивом предложение в вышеприведенной цитате. Он также должен неизгладимо запечатлеть в своей памяти, что

Бесполезно поститься, пока есть потребность в пище... Избавиться от внутреннего желания есть самое главное, а подражать реальному поступку, не сделав этого, суть неприкрытое лицемерие и лишние пути.

Не сознавая значения этого наиважнейшего факта, любой, кто находит малейший повод для ссоры со своими близкими, чье самолюбие оскорблено, кто в припадке сентиментальности или из своекорыстного желания использовать Божественную силу в грязных целях сразу

погружается в созерцание, — тот тотчас же вдребезги разбивается о скалу, что отделяет известное от неизвестного. Погрязнув в болоте экзотеризма, он и не ведает, что значит жить в миру и все же быть не от мира сего; иными словами, оградить себя от себя есть почти непостижимая аксиома для профана. Индус мог бы знать больше, даже из жизни Джанаки, который, хоть он и был царствующим монархом, величался Раджарши и который, говорят, достиг нирваны.

Прослышав о его громкой славе, несколько сектантов-фанатиков отправились ко двору царя, дабы испытать его йогические силы. Как только вступили они во дворцовую залу, царь, прочитав их мысли, — сила, обретаемая каждым чела на определенном этапе, — втайне велел своим сановникам расставить по обеим сторонам некой городской улицы танцовщиц, распевающих самые сладострастные песни. Затем он приказал наполнить до краев водой несколько горшков так, чтобы содержимое их могло пролиться от малейшей встряски. Горе-мудрецам повелели водрузить горшки на голову и пройти вдоль сей улицы, окруженной ратниками с обнаженными мечами, кои должны были вонзиться в них, если расплескается хоть одна капля воды. Когда бедняги, успешно пройдя испытание, возвратились во дворец, царь-адепт спросил их, что же встретилось им на улице, по которой их заставили пройти. С огромным возмущением они ответствовали, что угроза быть разрезанными на кусочки столь поглощала все их внимание, что они думали лишь о воде на своей голове и сила их сосредоточенности не позволила им заметить, что же происходило вокруг них. Тогда Джанака сказал им, что теперь они легко поймут, почему он, хотя внешне и занимался управлением дел государства, мог в то же время оставаться оккультистом. Он также, находясь в миру, был не от мира сего. Иными словами, его внутренние устремления непрестанно вели его к цели, в коей сосредоточилось все его внутреннее «Я».

Раджа-йога не поощряет никакого притворства, не требует никаких физических поз. Она имеет дело с внутренним человеком, чья сфера лежит в мире мысли. Избрать высочайший идеал и непрестанно стремиться подняться до него суть единственная истинная концентрация, признаваемая эзотерической философией, которая рассматривает внутренний мир ноуменов, а не внешнюю оболочку феноменов.

Непременным условием для этого является совершенная чистота сердца. Ученик оккультизма вправе возгласить вместе с Зороастром, что чистота мысли, чистота слова и чистота дела — такова сущность того, кто возвысится над средним уровнем и станет одним из «богов». Воспитание чувства бескорыстной филантропии есть тропа, которою надо пройти ради этой цели. Ибо лишь она единственная приведет к космической любви, претворение которой приближает к освобождению от цепей, скованных майей (иллюзией) вокруг Эго. Ни единому ученику не достигнуть этого сразу, но, как говорит наш досточтимый Махатма в «Оккультном мире»:

Чем ближе к освобождению, тем реже это происходит, и так до тех пор, пока наконец человеческие и чисто личные чувства, кровные узы и дружба, патриотизм и расовое предпочтение не сольются в одно космическое чувство, единственное истинное и святое, единственное бескорыстное и вечное — Любовь, Безграничную Любовь к человечеству в целом.

Словом, индивидуальное сливается воедино со **всем**. Конечно, созерцание, в его обычном понимании — не без своих малых преимуществ. Оно развивает одну группу физических способностей, как гимнастика — мускулы. Для целей физического месмеризма оно вполне подходит, но отнюдь не способствует развитию психологических способностей, как может заметить вдумчивый читатель. В то же время

подобную практику никогда нельзя достаточно надежно обезопасить, даже для обычных целей. Если же, как полагают некоторые, они должны быть совершенно пассивны и раствориться в предмете, что перед ними, им следует помнить, что, поощряя таким образом пассивность, они, по сути дела, допускают развитие у себя медиумических способностей. Как неоднократно утверждалось — адепт и медиум суть два полюса: тогда как первый весьма активен и потому может контролировать элементарные силы, последний весьма пассивен и потому рискует пасть жертвой прихоти и коварства злобных эмбрионов человеческих существ и элементариев.

Из вышеизложенного станет ясно, что истинная медитация состоит в «размышлении от известного к неизвестному». «Известное» есть феноменальный мир, познаваемый нашими пятью чувствами. И все, что мы видим в этом проявленном мире, суть следствия, причины коих следует искать в ноуменальном, непроявленном, «неизвестном мире», что достигается медитацией, то есть постоянной сосредоточенностью на предмете. Оккультизм не обусловлен лишь одним методом, но применяет оба — и дедуктивный, и индуктивный. Ученик должен сперва выучить общие аксиомы, которые достаточно полно изложены в статье «Эликсир жизни» и других оккультных трудах. Но то, что ученик должен сделать в первую очередь, так это понять сии аксиомы и, применяя дедуктивный метод, двигаться от общего к частному. Затем ему следует размышлять от «известного к неизвестному» и убедиться, подтверждает ли эти аксиомы индуктивный метод, исходящий от частного к общему. Процесс этот образует начальную стадию истинного созерцания. Ученик должен сначала охватить сей предмет умом, прежде чем он сможет надеяться воплотить свои устремления. Когда это достигнуто, тогда наступает следующая стадия медитации, которая есть

«неизреченное, страстное желание внутреннего человека “устремиться в беспредельность”».

Но прежде чем это страстное желание может быть должным образом направлено, необходимо определить цель. Высшая стадия, по сути дела, состоит в практической реализации всего, что было усвоено на первых ступенях. Словом, созерцание, в его подлинном смысле, есть признание истинности изречения Элифаса Леви:

Веровать, не зная, есть слабость; веровать, потому что знаешь, есть сила.

Статья «Эликсир жизни» не только описывает предварительные ступени лестницы созерцания, но также указывает читателю, как реализовать высшие стадии. Она прослеживает посредством процесса созерцания, так сказать, отношение человека, «известного», проявленного, феномена, к «неизвестному», непроявленному, ноумену. Она показывает ученику, какой идеал созерцать и как возвыситься до него. Она являет ему природу внутренних способностей человека и показывает, как развить их. Возможно, поверхностному читателю это покажется верхом эгоизма. Но размышление докажет обратное. Ибо оно научает ученика, что, дабы понять ноуменальное, он должен отождествить себя с природой. Вместо того чтобы взирать на себя как на существо изолированное, он должен научиться смотреть на себя как на часть единого целого. Ибо в непроявленном мире ясно осознаёшь, что все управляется «законом сродства» — взаимопритяжением. И все есть Безграничная Любовь, понятая в ее истинном смысле.

Сейчас уместно суммировать уже сказанное. Первое, что надобно сделать, — это изучить аксиомы оккультизма и упорно работать над ними посредством дедуктивного и индуктивного методов, что и есть

истинное созерцание. Дабы обратить это на пользу, все, что понято теоретически, должно быть реализовано на практике.

Дамодар К. Маваланкар

Приложение 3

ТЕОСОФСКАЯ СКАЗКА

[«Theosophist», Vol. VII, № 78, March, 1886, pp. 390-391]

Как-то раз в одной далекой стране на берегу Индийского океана жили люди, которым нравилось слушать и изучать музыку сфер. Они называли свое общество — «Гармония», но гармонии в их среде было не так уж много. Напротив, они часто ссорились друг с другом, потому что в их общество входили люди разных национальностей, с разными характерами и взглядами на жизнь. Но этот недостаток отчасти восполнялся одним обстоятельством: у них был музыкальный инструмент, из которого, если его должным образом настроить, можно было извлекать музыку сфер. Правда, инструмент этот почти всегда оставался расстроенным, и только ветры с четырех сторон света пролетали через него, заставляя издавать резкие и фальшивые звуки. А наладить его мог только великий Гений, которому надлежало для этого спуститься из высших сфер и настроить инструмент на их музыку.

Однако это был действительно необычный инструмент, и самым удивительным его свойством было, пожалуй, то, во что вряд ли сможет поверить *здравомыслящий* человек, — при приближении к нему того, чей разум пребывал в дисгармонии, он начинал издавать безобразный шум и скрежет.

Хранение инструмента было поручено главе общества, который так гордился его чудесными свойствами, что готов был показывать его каждому, предлагая при этом прислушаться к гармонии сфер.

А по другую сторону океана лежала еще одна страна, где было другое общество, в которое входили люди не музыкальные, но ученые. И вот однажды глава «Гармонии» отправился к ним, чтобы рассказать о своем таинственном инструменте. Но ему не поверили, заявив, что никакой музыки сфер и вовсе не существует. Однако он решительно принялся доказывать свою правоту и пообещал, что если они пришлют к нему своего доверенного человека, то он сам не только покажет ему инструмент, но и объяснит его устройство, а еще попросит великого Гения высших сфер прийти и самолично сыграть на этом инструменте в назидание и наставление ученым.

И вот ученые мужи из западной страны собрались на совет и избрали одного хитреца, чтобы он пересек океан и встретился с великим Гением, а потом поведал о своих наблюдениях тем, чьи головы поседели за изучением научных теорий.

Посланец немедля отправился в путь и действительно увидел таинственный инструмент; но сколько он ни пытался извлечь из него музыку сфер, тот издавал лишь шум и скрежет, потому что в душе хитреца не было гармонии; и чем больше он старался, тем хуже был результат. Тогда хозяин взял свою магическую книгу и начал читать заклинание за заклинанием, дабы заставить Гения из высших сфер явиться к ним и сыграть специально для гостя, но Гений так и не пришел.

Собрал тогда посланец свой дорожный саквояж, и вернулся домой, где сказал своим ученым отцам, что так и не увидел никакого великого Гения и не услышал музыки сфер. А ученые мужи снова собрались на

совет и решили, что хитрец действительно мудр, а руководитель «Гармонии» заблуждается.

Когда же членам «Гармонии» сообщили о принятом учеными решении, они очень огорчились, а затем пошли и сломали волшебный инструмент, потому что — сказали они — раз уж нет у них такого инструмента, который мог бы исполнять музыку сфер в любое удобное для них время, то они обойдутся вообще безо всякой музыки.

В результате общество распалось, а его бывшие члены разбрелись кто куда. Некоторые из них сами стали учиться настраивать свои души в унисон с музыкой сфер; прочие же уверились в том, что великого Гения нет вовсе; а хранитель инструмента сел и горько заплакал.

Франц Гартман

Комментарий

[«Theosophist», May, 1962. Публикуется в сокращении]

«...Хранитель инструмента сел и горько заплакал...» И вместе с ним наверняка заплакал бы и сам «инструмент», если бы не был поврежден столь серьезно, что уже не мог издать ни единого звука...

В сказке скрыт глубокий потаенный смысл, связывающий ее с реальностью. Она была написана как нельзя более кстати, что позволяет нам говорить о *вдохновении*, которое, вероятнее всего, снизошло на ее автора через посредство все того же сломаного «инструмента», хотя сейчас в *его* чудодейственную силу уже мало кто верит. «Теософскую сказку» непременно следует опубликовать в «Theosophist»; и если этого не произойдет, то у нас будет, по крайней мере, еще один повод говорить о безрассудном упрямстве бывшего «хранителя инструмента» и о его упорном нежелании публично покаяться в своем великом грехе,

заклучавшемся в наивном ожидании справедливости, благожелательности, объективности и джентльменского отношения со стороны «Общества людей не музыкальных, но ученых». Желательно, чтобы эту «сказку» прочел каждый теософ, каждый член «Гармонического Общества», которое *никогда* не было «гармоничным», — прочел и поразмыслил бы над ней.

Поскольку помимо индивидуальной кармы каждого из членов и коллективной кармы всего «Гармонического Общества», чья практическая деятельность часто не соответствовала его собственным целям и уставам, здесь имел место еще один великий грех — грех его ведущих представителей и руководителей. Они *осквернили* имя (или имена) «Гения из высших сфер», и Гении перестали нисходить к нам. Маха Коган Гениев предсказывал это еще четыре года назад. С самого начала президента неоднократно предупреждал об этом голос его волшебного «музыкального инструмента»; но все протесты последнего пропали втуне, и в конце концов ему самому поневоле пришлось присоединить свое звучание к хору всеобщего энтузиазма, к публичному разглашению тайнств, к метанию бисера перед свиньями и бросанию святынь псам. И вот теперь свиньи попрали брошенные им перлы ногами, а псы рвут на части своих дарителей. Свет, воссиявший в темноте, которая была неспособна его разглядеть, рано или поздно должен был погаснуть; и вот темнота скрыла его под своей тяжелой десницей.

Этого никогда не случилось бы, останься Свет на своей родине — в Индии, где его берегли как величайшую святыню. Но почтительное отношение сыновей этой страны к Свету подверглось осмеянию: его окрестили «культом героев», опошлили и в конце концов превратили в благообразное прикрытие, за которым скрывались далеко не святые

деяния. Имена Гениев сделали достоянием гласности; и теперь они открыто фигурируют в «Отчете»²³⁴. Ни один *президент* не пожелал прислушаться к советам мудрецов держать свое знакомство с Гениями в секрете; и вот результат — их имена теперь на устах у каждого зубоскала. **Карма.**

И если мы до сих пор хотим сохранить жизнь «Гармоническому» Обществу, нам остается только одно.

Пусть его президент поступит так же, как *поступил* его бывший ответственный секретарь: пусть он сам уйдет в отставку, пока его не сместили (ибо в этом случае Общество не проживет и недели). И пусть Общество — ныне осмеянное и опозоренное (прежде всего потому, что в нем никогда не было настоящей гармонии, но неизменно господствовал дух эгоизма и индивидуализма) — постарается наконец обрести единство, что позволит ему дожидаться пришествия *Утешителя*, который может быть ему ниспослан еще до окончания этого цикла (1897). Разумеется, ожидание потребует терпения, но это ни в коей мере не означает бездеятельность, исключаящую *активный* труд.

Наш нынешний «музыкальный инструмент» ни за что не смогли бы разрушить люди из «ученого» Общества. Это *неучи* в вопросах оккультизма и духовности из числа членов Гармонического Общества сами сломали его и до сих пор перемалывают, желая окончательно обратить в прах; те самые люди, для которых старый добрый инструмент звучал всю свою жизнь, пробуждая в них интерес к музыке сфер, и раскрывая для нее их несовершенный слух (пусть даже его собственное исполнение небесных мелодий тоже не всегда можно было назвать совершенным). И вот теперь он лежит разбитый на множество

²³⁴ * «Отчет». — Имеется в виду «Отчет Британского Общества Психических Исследований о феноменах в Адьяре».

осколков, с каждым днем разрушаясь все больше, ибо его непрестанно попирают ногами те, ради кого он некогда самозабвенно пел и трудился...

Но «Гений из вышних сфер» непременно соберет все осколки и склеит их так, *как может только Он один*. Лучше всего играет именно та скрипка, которая сломалась, но была затем отреставрирована; из такой скрипки можно извлечь самые нежные и самые чистые звуки. Паганини для сломанной скрипки *Страдивари* еще жив, и рано или поздно снова сыграет на ней, но лишь для тех немногих, кто действительно сможет «настроить свои души на музыку сфер». Тогда инструмент будет принадлежать им всем, не имея никакого особого «хранителя». Но много ли найдется тогда таких благодарных слушателей? Время покажет, и произойдет это очень скоро.

Е.П.Блаватская

Словарь иностранных слов и выражений

Ad patientiam (лат.) — к выносливости.

Alter ego (лат.) — второе «я».

Amendes honorables (фр.) — публичные извинения.

Anima bruta (лат.) — душа неразумная.

Anima damnata (лат.) — душа осужденная.

Anima divina (лат.) — душа божественная.

A priori (лат.) — «из предыдущего», на основании ранее известного.

Certes (лат.) — наверно.

Creatura (лат.) — творение, тварь.

De facto (лат.) — фактически, на деле.

De novo (лат.) — с обновлением.

Direct apport (фр.) — прямые вклады.

Ecce signum! (лат.) — «Вот знак!»

En masse (фр.) — целиком, все вместе.

En rapport (фр.) — в связи.

Genio civitatis (лат.) — гений города.

Genus canis (лат.) — семейство собачьих.

In abscondito (лат.) — в отсутствие.

Index Expurgatorius (лат.) — список запрещенных католической церковью книг.

Lapsus linguae (лат.) — обмолвка, оговорка.

Mea culpa (лат.) — моя вина.

Modus operandi (лат.) — способ действий, методы кого-либо или механизм действия чего-либо.

Mouchards (фр.) — шпики, доносчики.

Nolens volens (лат.) — волей-неволей, хочешь-не хочешь.

Nota bene (лат.) — «заметь хорошо». Пометка, служащая для того, чтобы обратить внимание на какую-либо особо примечательную часть текста.

Odium theologicum (лат.) — религиозная нетерпимость.

Par excellence (фр.) — преимущественно, главным образом.

Per se (лат.) — сам по себе; как таковой.

Primum mobile (лат.) — главный двигатель, основная движущая сила.

Prima facie (лат.) — по первому виду, с первого взгляда.

Rapport (фр.) — соотношение.

Reductio ad absurdum (лат.) — сведение к абсурду.

Savant (фр.) — крупный ученый.

Sic (лат.) — так. Заключение обычно в скобки, это слово указывает на желание автора привлечь особое внимание к данному месту, чтобы подчеркнуть, что употреблено именно отмечаемое слово.

Sine qua non (лат.) — «без чего нет».

Status quo (лат.) — существующее положение.

Vice versa (лат.) — букв. *наоборот, обратно*.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

